

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
им. А. ТАХО-ГОДИ

ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА

*Материалы
XVII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

26–29 сентября 2024 года
Махачкала

В двух частях
Часть 2

Москва
2024

УДК 396
ББК 60+63
С 30

Публикуется по решению Ученого совета Института этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Подготовлено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ
(№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328)

Рецензенты

д-р ист. наук, проф. О.Е. Казьмина (МГУ им. М.В. Ломоносова)
д-р социол. наук, проф. Е.Р. Ярская-Смирнова (НИУ ВШЭ)

С 30 «Женское наследие в культурах народов России и мира». Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. проф. Н.Л. Пушкарева; ред. проф. О.С. Мутиева, проф. Н.Н. Гарунова; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2024. Ч. 2. 448 с.

ISBN 978-5-4211-0329-5

Издание включает в себя материалы XVII научной конференции «Российской ассоциации исследователей женской истории», объединяющей несколько сотен исследователей в разных городах страны и сотрудничающей с Центром гендерных исследований ИЭА РАН. Площадку для проведения конференции в 2024 г. предоставили научные и культурно-образовательные учреждения Республики Дагестан – Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Дагестанский государственный университет, Дагестанский государственный университет народного хозяйства и Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи. Осмысление феномена женского вклада в отечественную историю и культуру, обсуждение особенностей женской профессиональной и домашней, семейной повседневности в прошлом и настоящем – задачи очередной научной встречи единомышленниц. В опубликованных докладах читатель найдет междисциплинарные обзоры исследований историков, этнологов, антропологов, социологов, лингвистов, политологов, фольклористов, демографов, социальных работников, деятелей культуры.

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-4211-0329-5

© Институт этнологии и антропологии
РАН, 2024

© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 8

ЖЕНСКОЕ VS МУЖСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ, ЛИТЕРАТУРНОМ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ НАСЛЕДИИ

<i>Пермиловская А.Б.</i> Женское пространство в русской традиционной архитектуре	12
<i>Балашова И.А.</i> Традиционные женские качества в наследии русских классиков (на примере песни девушек и образа Татьяны Лариной в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)	16
<i>Воронцова Т.А., Воронцова А.В.</i> «Незнакомка из Уайлдфеллхолла» Энн Бронте: первый пример в мировой литературе абьюзивных отношений женщины с партнером и конструктивного выхода из этих отношений	19
<i>Коваль К.С., Базоян Д.А.</i> Карьера и семейный быт русской художницы второй половины XIX – начала XX в.	23
<i>Михайлова М.В., Ван Люян.</i> Рецепция и развенчание идей Вячеслава Иванова в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал	27
<i>Щербич Л.И.</i> Наследие Веры Игнатьевны Мухиной: особенности образов и современность	32
<i>Сидорчук И.В., Ульянова С.Б.</i> «Целесообразность взгляда на женщин, носящих костюм физкультурников»: спортивная одежда в женской культуре в раннесоветский период (1920-е годы)	35
<i>Титова И.В.</i> Женские образы русского мифологического наследия в трудах отечественных гендерологов	39
<i>Самоделова Е.А.</i> Мастерница гончарного промысла дагестанского селения Балхар – продолжательница многовековой народной традиции	42
<i>Черняева Н.А.</i> Между этнизацией и универсализацией: образы женщин Северного Кавказа в популярной этнографии 1920-х годов	45
<i>Казурова Н.В., Трушкина Е.Ю.</i> Образ «новой женщины» в азербайджанском кинематографе 1920-х–1930-х годов	49
<i>Фишьева А.А.</i> Героизация образа спортсменки в СССР в 1930-е годы	53

<i>Годовова Е.В.</i> Коллекция костюмов сакмарских казачек Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея – женское наследие оренбургского и уральского казачества	56
<i>Нагиева М.К.</i> Женский вклад в музыкальную культуру Дагестана в годы Великой Отечественной войны	59
<i>Джанатлиева Х.М.</i> Дагестанский театр в лицах – Барият Мурадова	65
<i>Гаджалова Ф.А.</i> Роль женщин в брендинге традиционной вышивки Дагестана (на примере Кубачи и Кайтага)	68
<i>Гафурова З.Р.</i> Работы художницы Таус Махачевой как арт-диалог с национальным искусством Дагестана	72
<i>Манапова В.Э.</i> Женские образы в произведениях дагестанских писателей XX в.	74
<i>Ядгарова Н.А.</i> Женское наследие в изобразительном искусстве Узбекистана XX в. на примере творчества З. Ковалевской и Н. Кашиной	76
<i>Любичанковский С.В.</i> Оперная певица Людмила Павловна Филатова	81
<i>Милова О.Л.</i> Вологодская душа Джанны Тутунджан – художницы, влюбленной в Русский север	84
<i>Гуцын Л.С., Зельницкая Р.Ш.</i> Красота в движении: способы визуализации женской мобильности в музейном пространстве	86
<i>Мильто А.В.</i> Трансформация гендерных ролей в постколониальных комиксах	90
<i>Мухина З.З.</i> Н.Н.Никишина и ее деятельность в возрождении народных промыслов Оскольского края	94
<i>Тимошенко Е.В.</i> Наивное искусство уральских художниц (на примере Нины Варфоломеевой, Александры Уткиной и Анны Трофимовой)	97
<i>Самарина Т.Н.</i> Женский след в истории танцевальной культуры: по материалам русского журнала о восточном танце «Ориенталь» (2005–2014 гг.)	101
<i>Татарников О.В.</i> Женский вклад в становление оренбургского телевидения	105
<i>Ташлыкова Н.Ю.</i> Женские образы в творчестве Екатерины Щербаченко и Анны Нечаевой	108

<i>Тернопол Т.В.</i> Личность и наследие дизайнерки вышивок Луизы Песел в романе Т. Шевалье «Тонкая нить»	111
<i>Син В.</i> Вдохновительницы и музы в жизни гения (пьеса Елены Исаевой «Женщины Есенина»)	115
<i>Ягафова Е.А.</i> Женский образ в репрезентации этничности чувашей в киберпространстве	118
<i>Смирнова А.А.</i> Роль культа богини Янжимы в распространении буддизма в Бурятии	121
<i>Жидкова Е.М.</i> Женская эмансипация на примере биографий художников русского зарубежья Владимира, Зинаиды, Елены и Генриетты Боберман	123

РАЗДЕЛ 9 ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ XIX–XXI вв. ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО ТРУДА

<i>Хасбулатова З.И.</i> Гендерный аспект хозяйственной деятельности мужчин и женщин в традиционном чеченском обществе	128
<i>Главацкая Е.М., Боровик Ю.В.</i> Екатеринбургские купчихи – главы семей и бизнеса в середине XIX в.: опыт демографического анализа	135
<i>Юкина И.И.</i> «Женщина-врач» – становление профессии	136
<i>Исмаилова А.М.</i> Женский труд на предприятиях легкой промышленности Южного Кавказа во второй XIX половине – начале XX в.	140
<i>Газиева А.А.</i> Культурные ограничения женского труда как фактор благосостояния казачьих общин на кавказском фронтире в XIX в.	144
<i>Гущина Е.Г.</i> Становление и развитие текстильных художественных промыслов в Казанской губернии: роль и опыт помещиц Донауровых и Боратынских	148
<i>Салмина М.О.</i> Благотворительные начинания женщин-предпринимательниц XIX в. как прообраз современного социально ответственного бизнеса (на примере Е.М. Ольденбургской)	151
<i>Соза Л.Н.</i> Женское предпринимательство в уездном городе Центральной России в пореформенное время (по материалам г. Коломны Московской губернии)	154

<i>Лобова В.В.</i> Первые женщины-предприниматели в Российской империи (на примере деятельности Марии Матвеевой)	157
<i>Латышева В.А.</i> Профессиональная жизнь женщин, оказывавших психиатрическую помощь в губернном Витебске: 1914–1918 гг.	162
<i>Кривошеева Ю.А.</i> Опыт трудовой эмансипации жительниц Ярославской губернии как «спутник» супружеских конфликтов (вторая половина XIX – начало XX в.)	165
<i>Шамедько А.А.</i> Факторный анализ деятельности принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в имении «Рамонь» Воронежской губернии	169
<i>Меньшикова Е.Н.</i> Предпринимательство купчих Центрального Черноземья в сфере промышленности строительных материалов во второй половине XIX – начале XX в.	170
<i>Долгова А.В.</i> Проблема женской самореализации в Российской империи в начале XX в. на страницах журнала «Женский вестник»	173
<i>Стрекалова Н.В., Щербаков С.В.</i> Женщины на службе в учреждениях связи Тамбовской губернии в начале XX в.	176
<i>Лебедева Л.В.</i> Женский труд в период восстановления крестьянского хозяйства в 1920-е годы (на примере Пензенской губернии)	180
<i>Старкова А.М., Васильев П.А.</i> Деятельность М.И. Покровской в 1920-е годы: работа санитарного инспектора по обследованию бытовых условий жизни рабочих	184
<i>Трошина Т.И.</i> Женский труд на лесопромышленных концессионных предприятиях в 1920-е годы	188
<i>Шендерюк М.Г.</i> Великая княгиня Мария Павловна во французском модельном бизнесе 1920-х годов	192
<i>Короткова М.С.</i> Социальный статус и трудовые подвиги советских студенток (1917–1930-е годы)	195
<i>Бекишиев А.А.</i> Феномен женского предпринимательства в России в XIX–XXI вв.	200
<i>Волкова Е.Ю.</i> Динамика женского труда в экстремальных условиях Великой Отечественной войны	203
<i>Щеглова Т.К., Ахметова Д.М.</i> Женское наследие фабричных работниц Семималатинска: история трудовых подвигов и совладения с бытовыми трудностями (1941–1945)	206

<i>Солодникова Н.В., Солодникова И.В.</i> Женское лицо прекариата как наследие 1990-х годов	213
<i>Евстифеева Г.Г.</i> Традиции гендерного распределения домашнего труда и их трансформации в современной российской семье	217
<i>Петрушихина Е.Б.</i> Традиционные модели самореализации в карьерных ориентациях женщин, занятых в современной индустрии кино	220
<i>Русанова Н.Е.</i> Женщины в российских программах активного долголетия: досуг, здоровье или новая профессия?	224
<i>Сушкова Ю.Н.</i> Юридино-антропологические аспекты образа женщины-судьи	228
<i>Сергеева Е.В.</i> Женский труд в традиционных промыслах Дагестана	231
<i>Шалыгина Н.В.</i> Трудоустройство русскоязычных женщин в США (постсоветский период)	233

РАЗДЕЛ 10

ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ, ГРАЖДАНСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВАХ

<i>Кудрявцева Е.П.</i> Женщины в политике: Дарья Христофоровна Ливен	239
<i>Шестова Т.Ю.</i> Женское лицо царевны (к биографии Геси Мировны Гельфман)	242
<i>Ивонина Л.И.</i> Два образа Марысенки Собеской в польской политической полемике	245
<i>Климова С.М.</i> Лев Толстой и Мария Цебрикова: письма Александру III	248
<i>Чубукчиева Л.З.</i> Участие мусульманок России в социально-политической жизни общества в начале XX в.	254
<i>Савосина Ю.В.</i> Идеал Новой женщины: специфика британского суфражистского движения в первой четверти XX в.	257
<i>Мищенко В.В.</i> Женщина в секте: воззрения на проблему хлыстовства православных миссионеров рубежа XIX–XX вв.	260
<i>Бадмацыренова Е.Л.</i> Красные юрты и кочевые организаторы: формирование советской повседневности женщин Бурят-Монголии в 1920-е годы	264

<i>Безгин В.Б.</i> Женщины в Тамбовском восстании 1920–1921 гг.	269
<i>Жбанкова Е.В.</i> «Женский вклад» в формирование государственной политики в области театра в первые годы советской власти	272
<i>Нагоева С.Р.</i> Некоторые обстоятельства советизации адыгейки в ААО в первое десятилетие советской власти	276
<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> Социально-политические взгляды Р. Дунаевской	278
<i>Шенкао М.Б.</i> Участие женщин ЧАО в патриотических акциях в помощь фронту в годы Великой Отечественной войны	282
<i>Шаяхметова И.З.</i> Женщины в органах городского самоуправления Южного Урала в 1917–1991 гг.	285
<i>Онуфриенко Э.А.</i> Женский опыт создания казачьих организаций в Краснодарском крае: воспитание самобытности	289
<i>Коляскина Е.А.</i> Достояние советского прошлого: деятельность женщин-агитаторов в селах Алтайского края 1960-х годов (по региональным изданиям)	290
<i>Птицына Н.А.</i> «Общественная работа – это дополнительная возможность помогать людям»: на материале анализа женских интервью о работе в комсомоле в 1970–1990 гг.	293
<i>Орешин С.А.</i> Участие женщин в политических процессах в Чечне в конце 1980-х – начале 1990-х годов	297
<i>Милованова М.Ю.</i> Женская память как основа интегративной гражданской инициативы	301
<i>Чубукова Д.Г.</i> Герои(ни) и антигерои(ни) в крымской истории: гендерный аспект (по материалам экспедиции 2023–2024 гг.)	305
<i>Снежкова И.А.</i> Трансформация традиционного в социальном поведении жен и подруг участников СВО	309
<i>Турыгин А.А.</i> «Частное как политическое» в колониальном дискурсе: травелогги Фриды фон Бюлов (1857–1909)	314
<i>Нижник Н.С., Сивкова Н.В.</i> Служба в полиции – женское дело (об опыте обеспечения кадрами полиции Испании)	318
<i>Нижник Н.С.</i> Вопреки стеклянным потолкам (об опыте обеспечения гендерного равенства в полиции Мексики)	324

РАЗДЕЛ 11
ЖЕНСКОЕ ЛИЦО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И
МЕЦЕНАТСТВА В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ

<i>Ольховская Ю.А.</i> Из истории русской женской благотворительности (XVIII–XX вв.)	329
<i>Брежнева С.Н.</i> «Первые леди» туркестанских областей и их роль попечительниц детских приютов на рубеже XIX–XX вв.	332
<i>Зайцева С.В.</i> Вклад женщин в организацию детских заведений Санкт-Петербургского общества «Ясли» в конце XIX – начале XX в.	335
<i>Буланова М.Б.</i> Благотворительница графиня Варвара Николаевна Бобринская	339
<i>Колбакина Е.Ю.</i> Женщины в благотворительности Архангельска в XIX – начале XX в.	343
<i>Коблова Н.А.</i> Женское лицо пензенской благотворительности: формы духовно-нравственного служения во второй половине XIX – первой четверти XX в.	347
<i>Подобедова А.А.</i> Женская благотворительная деятельность в диаспорах в конце XIX – начале XX в.	350
<i>Федотова А.Ю.</i> Благотворительность как способ женской профессиональной реализации во второй половине XIX – начале XX в.	353
<i>Сухова О.А., Паришина В.Н.</i> Женское начало имперской модерности: благотворительность и социальное волонтерство в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Пензенской губернии)	357
<i>Помалейко О.Л.</i> Женские имена в истории благотворительности и меценатства в Минской губернии Российской империи на рубеже XIX–XX вв.	361
<i>Журавлёв А.А.</i> Благотворительность женщин в деле развития Петербургского Женского медицинского института в начале XX в.	365
<i>Титова Т.А., Кураמיшина К.Р.</i> Татарские женщины-благотворительницы и их вклад в развитие общественной жизни в первой половине XX в.	369

<i>Поршнева О.С, Кайдышева Н.Н.</i> Крестьянки как акторы благотворительной деятельности в условиях Первой мировой войны (на материалах Пермской губернии)	373
<i>Чередникова А.Ю.</i> Волонтерское наследие великой княжны Татьяны Николаевны Романовой в годы Первой мировой войны	377
<i>Зарецкая О.В.</i> Трансформация взглядов на материнство в Советской России и деятельность А.М. Коллонтай на посту наркома общественного призрения	384
<i>Гаджиева З.Н.</i> Айшат Магомедова и ее гуманитарный проект благотворительной больницы как феномен постсоветского Дагестана	387

РАЗДЕЛ 12 ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ГОЛОСА, СУДЬБЫ, ПРОБЛЕМЫ

<i>Бабкина С.В.</i> Женские ритуалы в истории про встречу Ципоры с Богом (Исх. 4:24–26) и их роль в формировании традиции обряда обрезания	392
<i>Дерябкина Л.В.</i> «Феминистка ли?..» Дневник Джудит Монтефиоре как методологическая дилемма включения подобных нарративов в феминистскую историческую литературу	394
<i>Минкина О.Ю.</i> Эго-нарративы еврейских женщин в российском уголовном судопроизводстве первой половины XIX в.	397
<i>Хлебникова Л.Р.</i> Наследие Эммы Гольдман ее собственными словами: голос неповиновения	400
<i>Элиасберг Г.А.</i> Клара Юнг – легенда еврейской музыкальной комедии и оперетты первой половины XX в.: творческий путь актрисы в отражении мемуарных источников, театральной прессы и архивных документов	403
<i>Агабабян А.Г.</i> Роль горско-еврейских активисток в движении по спасению «родного» языка	407
<i>Будман Ю.Д., Маккавеева Ю.А.</i> Техила Хакими: писатель, поэт, инженер	411
<i>Кондракова Ю.Н., Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т.</i> Женщина-Мессия в сакральных иудейских текстах и в романе Дины Рубиной «Вот идет Мессия»	415

<i>Амосова С.Н., Фоменко Е.С.</i> Женские устные биографические нарративы как примеры репрезентации горских евреек	418
<i>Кузнецова Р.Ш.</i> Бухарские еврейки Нью-Йорка (просветительская роль женщин в процессе адаптации мигрантов)	422
<i>Носенко-Штейн Е.Э.</i> М.М. Рожанская: наследие, идентичность, память	425

РАЗДЕЛ 13

НАСЛЕДИЕ ЖЕНЩИН С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: СУДЬБЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, ИНИЦИАТИВЫ

<i>Шляхтина Н.В.</i> Судьба матушки Макарии Смоленской: наследие молитвенницы и подвижницы	429
<i>Фролова А.В.</i> Наследие сказительниц с ограниченными возможностями здоровья в устной народной традиции Русского Севера	431
<i>Косякова В.А., Гафурова З.Р.</i> Театральное наследие актрисы и режиссера А.В. Азарх-Грановской: творческая жизнь после ДТП	435
<i>Носенко-Штейн Е.Э.</i> Женщины с ограниченными возможностями здоровья: наследие и перспективы	437
<i>Савин И.С.</i> «Мне есть, что оставить детям»: формирование социального капитала женщин с инвалидностью в Южном Казахстане	440
<i>Торлопова-Пластинина Л.А., Савин И.С.</i> Влияние исторического и культурного наследия на современный опыт женщин с инвалидностью в Центральной Азии (Кыргызстан, Казахстан): их судьбы, воспоминания, социальный активизм	442
<i>Шатула Т.Г.</i> Саморепрезентация женщины с инвалидностью по слуху, ее вклад в общеобразовательный процесс человека с ОВЗ	446

РАЗДЕЛ 8

ЖЕНСКОЕ VS МУЖСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ, ЛИТЕРАТУРНОМ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ НАСЛЕДИИ

А.Б. Пермиловская

*Архангельск, Федеральный исследовательский
центр комплексного изучения Арктики
им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН*

Женское пространство в русской традиционной архитектуре

В основе исследования: эмпирический материал 36 архитектурно-этнографических экспедиций, где было обследовано более 370 деревень, многолетний опыт работы по формированию экспозиции музея «Малые Корелы». Другая значительная часть материала собрана в архивах и музеях Архангельской, Вологодских областей, Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, НАО. А также изучение скансенов России и Западной Европы. Русское деревянное зодчество, как по масштабу распространения, так и по многообразию архитектурных форм не имеет аналогов. Уникальная деревянная цивилизация, развивавшаяся в течение многих столетий, выступает своеобразной визитной карточкой культуры страны и региона – Русский Север, где более всего она сохранилась и представлена.

В традиционной архитектуре дом – один из наиболее сложных символических элементов, это не только артефакт, но и знак. Это первое организованное пространство, в которое человек погружается почти с момента своего рождения. В мифических представлениях дом сравнивался с матерью, которая кормит и охраняет дитя, а также с материнским чревом, с наседкой, защищающей цыплят. Закрытое, обжитое пространство, где главенствовали такие атрибуты, как постель, печь, издавна осмыслялось как женское, в отличие от неуютного и «холодного» внешнего мира, в котором главную роль играл мужчина (землепроходец, строитель, завоеватель). В крестьянском доме обычно жила большая семья из нескольких поколений. Во главе женщин стояла «большуха», как правило, это мать семейства, но ею могла быть и другая женщина. Она пекла хлеб, распределяла на работы

дочерей и снох. Из имущества в ее распоряжении было только собственное приданое, деньги от продажи грибов, ягод, яиц, творога, масла. Большак и *большуха* обычно выполняли свои обязанности пожизненно. В семье хорошо просматриваются основы крестьянской педагогики. Девочки с 7 лет начинают прясть и шить. Летом в страдную пору они нянчатся с малышами дома или поступают в няньки к соседям. С 12 лет уже начинают работать серьезно: грести сено, косить, жать. С 14 лет девочки садятся за ткацкий стан. На Русском Севере существовал обычай дарить маленькой девочке прялочку как первую игрушку [4, с. 197].

В русском деревянном доме, семиотическое пространство имело женские и мужские зоны. Но не только дом имел деление на женское/мужское, но и в пределах деревни мужчины и женщины собирались на свои места для проведения свободного времени. Мужчины осенью и зимой арендовали избу на окраине (хозяину полагалось в качестве платы угощение и отопление); весной и летом устраивались на улице около этой избы. Частым местом сбора был трактир. Женщины в осенне-зимний период практически не покидали дома, в весенне-летний – собирались у ворот дома или на завалинке.

Женское пространство в избе, включавшее место около печи, подполье, хлев, поветь, чердак, ворота (внешний мир), реализовывало мифологическое представление о связи женского начала с «внутренним», «низом» и «хаосом» (крыша и ворота – как его границы). Поведение полов было ритуализировано сакральной причастностью к светлому и темному, рождению и смерти, детству и старости [1, с. 132]. Женщины и дети бодрствовали в «женской» части – около печи, в прилубе, их гости сидели у порога, на собственно женскую половину заходили только по особому приглашению. «Бабий кут» («бабий угол», «шомноша», «задоски», «запечь») – это чисто женская часть избы располагалась около печи. Это название на Русском Севере также распространялась и на место за печью, где проходила большая часть повседневной жизни крестьянки. Она стряпала, готовила для многочисленной семьи, поэтому здесь сосредоточено основное количество крестьянской утвари, посуды, хранились ручные жернова, не случайно другое название этого места – «жернов угол». Часто женская половина отгораживалась от

остального пространства избы и имела свой вход, о чем говорит название «задоски».

Представители противоположного пола (даже в своей семье) не заходили без надобности на «чужую» половину; женщине сесть на «коника» (мужскую лавку) считалось неприличным. Появление постороннего человека на женской половине было вообще недопустимым; например, в Вологодской губ. приход мужчины на женскую половину воспринимался как оскорбление всей деревне. Даже поза во сне была разной для мужчины и женщины. Мужу полагалось спать навзничь, бабе – ничком либо на левом боку, чтобы можно было перекреститься, девушке спать навзничь считалось грехом [2, с. 207]. В дворовой части жилища находились как мужские, так и женские помещения. Каждая женщина могла иметь здесь свою клеть и хранила приданное, одежду, холсты отдельно от других. Соответственно они назывались: «снохины, свекровка, девичья, общая» клеть.

Примером женского пространства в северном доме являлось праздничное помещение – горенка, светелка. Обычно она располагалась на втором этаже дома и отличалась особой чистотой, ухоженностью. Интерьер горенки, где жили в основном девушки-невесты на выданье, служил в определенном смысле отражением женского семантического статуса «рукодельности» невест этого дома. В ней находились предметы женского рукоделия, приданое. Часто в горенке стояли сундуки. Причем, число, как правило, соответствовало числу девиц на выданье. Здесь отмечались семейные торжества, принимали гостей, горенка играла заметную роль в свадебном и похоронном обрядах. В чердачном помещении дома устраивалась «вышка», служившая летней горенкой. В ней часто помещалась взрослая хозяйская дочь со своими нарядами («скруткой») или парень с гармоникой [4].

Архитектура как вид искусства имеет своеобразный профессиональный язык, она «говорит» на языке форм, отражающих мировоззрение человека и его духовное устройство. Не только интерьер был наполнен женским «содержанием», но и статус женщины-северянки, особенно поморки, был довольно высок. Поморки выходили на промысел, в отсутствие мужчин возглавляли семью, хорошо одевались. Для этой цели ездили с мужьями в «Норвегу», где приобретали наряды. Предметом женского ста-

туса был элемент костюма – кокошник, расшитый речным жемчугом (его добывали в реках, впадающих в Белое море). Изготовление кокошника часто отдавали мастерицам. Для их производства использовались покупные ткани (парча, бархат, галун, золотые нити, кружево), все это делало его дорогим. Поэтому кокошники передавали по наследству, из поколения в поколение.

Жемчужный кокошник молодая надевала на свадьбу после венчания, носила его до появления первого ребенка, а затем – только по праздникам и особо торжественным случаям. Небогатым семьям приходилось заказывать кокошник бисерный, но появиться в таком, скажем, в день свадьбы считалось зазорным и приходилось на время торжества занимать у соседней «жемчужный». Кокошник считались большой семейной ценностью, его стоимость составляла от 50 до 300 руб. и это был в семье дополнительный капитал [3, с. 39].

Антропоморфными аналогиями полна и терминология культовой архитектуры. Верх православного храма составляла глава и шея. Декоративно-конструктивный элемент церковной кровли: трапезной и алтаря украшался резным кокошником по аналогии с женским головным убором.

Многообразие символических образов в домовой росписи северного дома представлено росписями народных живописцев Поважья. Здесь встречается такое уникальное явление, как изображение портретов хозяина и хозяйки на главном фасаде и в интерьере дома (Вельский р.). Это с одной стороны было отражением репрезентативного статуса владельцев, а с другой – свидетельствует о гендерном положении женщин в традиционной культуре Русского Севера.

* Исследование выполнено в рамках научной темы № 122011300471-0 «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».

Список литературы

1. Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – нач. XX в.) // Этнические стереотипы поведения. Л.: Кунсткамера РАН, 1985. С. 120 – 153.

2. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 277 с.
3. *Кислуха Л.Ф.* Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX века в собрании Госуд. музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М.: Северный паломник, 2006. 272 с.
4. *Пермиловская А.Б.* Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.

И.А. Балашова

Ростов-на-Дону, независимый исследователь

Традиционные женские качества в наследии русских классиков (на примере песни девушек и образа Татьяны Лариной в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)

Героине романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» «пора пришла» влюбиться, и в произведении появился свадебный контекст. Он обогащен песней девушек, созданной поэтом в подражание фольклору.

В русских обрядовых песнях подружки невесты участвуют в ряде сюжетов. Цель одного из них – оберечь героиню от «чужа чуженька». В записях Пушкина приведены игровые песни, осмеивающие жениха для того, чтобы невеста одумалась.

В сюжете пушкинского романа, где главной героине дано народное имя, песня девушек о заманиваемом и прогоняемом ими молодце, обнаруживает присутствие в этой игре Татьяны: написав и отослав письмо, она участвует в сюжете предсвадебного сговора. Показав убежавшую в сад Татьяну, испуганно ожидающую встречи с Евгением, чуткую к окружающим звукам, Пушкин с помощью близкой фольклору песни создал образную аналогию вечернего девичника народного обряда. В романе это предсвадебный девичник, где подружками Татьяны стали девушки-крестьянки.

Значимый вставной эпизод романа был осмыслен исследователями. Н.Л. Бродский видел в нем проявление свойственных «Михайловским» главам простонародности и национального колорита. Ю.М. Лотман отметил в песне следование «образцам

свадебной лирики», бытовую ситуацию сбора ягод крепостными девушками в помещичьем саду и связь песни с переживаниями главной героини. Вл. Набоков назвал песню «изящной пушкинской вещицей», «очаровательным пастишем», стилизацией фольклора. Исследовавший поэтику произведения В.Н. Турбин доказывал ориентированность Пушкина на традицию присутствия античного хора и считал песню девушек предварением того свидания Онегина и Татьяны, которое окончится «изгнанием главного героя романа из покоев его героини». Наблюдение Турбина о композиционной значимости песни, хотя и растворившееся в его убеждении о том, что хор у Пушкина играет особую роль как восходящий к античной традиции, справедливо. Но оно сопровождается выводом об эпическом содержании чувства героини и о трагической судьбе главного героя.

На наш взгляд, «песня девушек» наделена особой образно-композиционной ролью. В отличие от страдательных интонаций первоначально вставленной поэтом песни, сообщающей о тяжелой женской доле, новая имеет игровой характер и принадлежит вполне определенному сюжету свадебного обряда. В ней внимание с переживаний героини и готовившегося введения песни о Дуне предсказания судьбы, отданной Татьяной «в руки модного тирана», перенесено на самого этого «модного тирана» и на то свободное общение с «молодцем», которое отличается от свойственного главной героине восприятия героя. Девушки смеются над заманиваемым в их круг молодым и прогоняют его. Такова их веселая, беззаботная игра. Татьяна в окончательном тексте слушает их «с небреженьем», она погружена в свои переживания, но она их слышит. И этого достаточно, чтобы ей, воспитанной в сельском окружении, приоткрылись другие чувства, отличные от испытываемых ею, и иные отношения девушек и молодых. Конечно, она присутствовала на крестьянских свадьбах и осознавала, какому обряду принадлежит эта песня и каков ее образный мир. Веселый, оптимистичный, игровой характер песни девушек контрастен настроению героини. Оно оказалось погружено в иной, принадлежащий игровому обрядовому сюжету мотивный и звуковой ряд.

С песней соотносима и последняя сцена романа, эмоционально ей не вторящая: для Татьяны ее отповедь гораздо более

трудна и в сравнении с чувствами, которые она испытывала, слушая отповедь Онегина. Для героини отказ – не игра, как не игра для нее и отношения с Евгением двумя годами ранее. Но услышанная ею песня, распеваемая девушками, предшествовала итоговому поведению героини и той насмешке над Онегиным, какую приготовила ему судьба: «И здесь героя моего, / В минуту злую для него, / Читатель, мы теперь оставим...»

В связи с выверенностью характеров, отношений и судеб главных героев романа фольклорными произведениями и их эстетическими свойствами, причем, в гораздо большей степени, нежели свойствами античных творений, образы Татьяны и Онегина не могут восприниматься абстрактно, первая – как героиня с «эпически несомненной» любовью, обусловленной «природой», второй – как отвергнутый, изгнанный (Турбин). В контексте романтического историзма, актуального для Пушкина мироощущения и принципа творческого мышления, строки «Стоит Евгений, / Как будто громом поражен...» повествуют не о его умалении, некоей мизерабельности после выслушивания им отповеди Татьяны. Эти строки выявляют прочувствование и осознание героем того, чего он лишился в ушедшие дни, когда «счастье было так возможно, / Так близко», в дни, когда он отверг Татьяну, по-прежнему влюбленную в него, но недоступную, недостижимую, великолепную. Представительница русского нобилитета, которая «с послом испанским говорит», которая поняла назначение супруги заслуженного военного («твердо в роль свою вошла»), она, как и ее муж, боевой генерал, обласкана двором, – такой явилась Онегину Татьяна с ее титулом княгини и статусом замужней дамы, с ее новым обликом блистательной «богини роскошной, царственной Невы», с ее свободным поведением, независимым от нахлынувших чувств, с ее душой идеальной русской женщины. Онегин обрел в Татьяне живое воплощение идеала. Это его обретение, с которым ему предстоит жить, терзаясь угрызениями совести по поводу того, как он был прежде безупречен, несовершенен, как он прежде был слеп. Ему предстоит понять и то, что отвергнутый идеальной Татьяной, он со смехом изгнан и из предсвадебной игры, поскольку не изменился в своем отношении к этой игре, не из-

менил своей роли в ней – таковы дополнения автора романа, творчески воспринявшего поэтику русского свадебного обряда.

Следовательно, вставная песня девушек – это не просто соотнесение фольклорной песни подружек невесты с сюжетной ситуацией романа, когда Татьяна, признавшись в любви Онегину, ожидает его ответа, что отметил Лотман, и это не хоровое резюме по поводу того, как в будущем завершится любовная линия, обозначив некое эпическое наполнение чувств героини и трагедийную судьбу героя, о чем писал Турбин. Оказавшись «неведомым известьем» о судьбах Татьяны Лариной и Евгения Онегина, игровая песня с ее веселым сюжетом определила и особую содержательность характера Татьяны, смело объявившей свое решение, и то уточнение переживаний Онегина, которое делает итог романа в стихах трагикомическим, что свойственно Пушкину как автору лиро-эпических, эпических и драматургических произведений. Поэт оставляет своего героя «в минуту, злую для него», перед появлением мужа героини – таков анекдотический, эпиграмматический поворот сюжета. Для Онегина исход свидания с Татьяной не абсолютно трагичен: «он жив и не женат», но, главное, герою, потрясенному также новым наполнением его существования, явлен жизненный (в контексте сюжета) облик идеальной, прекрасной, совершенной, любящей его и любимой им женщины.

Т.А. Воронцова, А.В. Воронцова

*Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, школа № 60 имени пятого
гвардейского Донского казачьего кавалерийского
Краснознаменного Будапештского корпуса*

**«Незнакомка из Уайлдфелл-холла» Энн Бронте:
первый пример в мировой литературе абьюзивных
отношений женщины с партнером и конструктивного
выхода из этих отношений**

На рубеже XX и XXI в. ученые-психологи обратились к изучению и поиску преодоления так называемых «абьюзивных отношений», которые означают присутствие в отношениях психо-

логического насилия, жестокого обращения. По этой проблеме появляется много новаторских статей и исследований [2, 5, 6]. Абьюз определяется [2] как изощренное психологическое насилие, систематическое негативное воздействие на человека, замаскированное под заботу, любовь и искренность, проявляющееся в форме критики, ограничений и злоупотреблений. Это насилие приводит к дезориентации, неуверенности и психологической травме жертвы абьюза. При этом еще в 1848 г. в Англии был напечатан роман Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла», который современные критики [3, 4] считают первым феминистским романом в истории литературы. На наш взгляд, он является первым литературным произведением, где автором показаны абьюзивные отношения героев от момента их возникновения до кульминации (выхода жертвы из этих отношений).

Целью настоящего исследования выступил психологический анализ абьюзивных отношений между мужчиной и женщиной в классической литературе на примере романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла».

С помощью контент-анализа содержания текста возможно выделить группы предложений / блоков текста, которые позволят провести психологический анализ абьюзивных отношений героев.

В результате проведенной работы нами были проанализированы 47 эпизодов романа, в которых были обнаружены следующие психологические характеристики абьюзивных отношений: 1) отсутствие внимания абьюзера к потребностям жертвы и обесценивание ее личности; 2) социальная изоляция жертвы; 3) перекладывание абьюзером на нее ответственности за себя и свое поведение, а жертвой абьюза – принятие на себя ответственности за другого человека и развитие взаимоотношений в паре; 4) цикличность отношений абьюзера и его жертвы; 5) двойные стандарты, которыми руководствуется абьюзер; 6) приемы манипуляций, которыми пользуется главный герой, чтобы вызвать у жертвы чувство вины.

Также нами зафиксированы эпизоды, в которых автор раскрывает механизм формирования абьюзивных отношений и способы конструктивного выхода из них. В качестве таких спо-

собов в романе представлены: 1) осознание абьюзером своего поведения и изменение его (на примере второстепенного героя Хеттерсли), что, по мнению известного специалиста в области работы с жертвами абьюза П. Эванс [6], является достаточно редким явлением; 2) жертва должна понять, что она не виновата в том, что происходит и прервать эти отношения.

В качестве примера проанализируем эпизод романа № 26 [1, с. 223]:

« – Ну, послушай, Хелен, неужели ты меня не простишь? – спросил он нежно, беря меня за руку и улыбаясь шаловливой улыбкой.

– Я прощу, а ты опять...

– Клянусь тебе...»

В этом эпизоде показана четвертая из выделенных нами характеристик абьюзивных отношений – их цикличность: обидел, вызвал бурю негативных эмоций, в том числе чувство вины, извинился, демонстрируя совершенно другое поведение, жертва прощает, продолжая испытывать теплые чувства к абьюзеру, у которого в результате возникает чувство вседозволенности.

На наш взгляд, история взаимоотношений главной героини романа со своим мужем является революционным для литературы XIX в., для романа, предназначавшегося для «женского чтения», т.к. он дает совершенно иные ориентиры для читателей, чем традиционные женские романы. Одной из основных функций литературы является воспитательная функция, а именно способность менять человека, направлять его к высоким идеалам общественной и личной жизни. В этом удивительная сила этого романа, который сегодня издается большими тиражами.

Автор романа, на наш взгляд, создал первое «пособие» по психологическому анализу абьюзивных отношений: от момента их возникновения до кульминации (выхода жертвы из этих отношений), а также возврата жертвы в отношения. Автор отдает дань гендерным стереотипам и ожиданиям как факторам формирования абьюзивных отношений, и показывает, как трудно и невозможно героине им противостоять до конца.

Подводя итог проведенной работе, необходимо подчеркнуть, что проведенное нами исследование является междисциплинар-

ным (проведенным на стыке психологии и филологии), потребовавшим привлечения не только научных работ в области психологии, но и литературных источников, рецензий, что позволило впервые обозначить данный роман как авторское исследование истории зарождения абьюзивных отношений. Данный аспект литературно-психологического анализа этого произведения ранее не был зафиксирован в литературной критике. Это позволяет нам рассматривать данный роман как возможный элемент целостной работы над профилактикой и коррекцией абьюзивных отношений, как элемент библиотерапии (психотерапии чтением художественных произведений).

Список литературы

1. *Бронте Э.* «Незнакомка из Уайлдфелл-холла». СПб.: Азбука, 2022. 480 с.
2. *Мананникова А.С., Дикая Л.А.* Клинический анализ абьюза в трудовых и личных отношениях // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2019. Т. 5. № 2. С. 406–410.
3. *Повзун Е.В.* Проблемно-тематическое своеобразие романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» (1848) // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2007. № 3. С. 8–12.
4. *Рябов М.Н.* Гендерные стереотипы и общественное сознание в романе Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» // Текст в культурно-историческом контексте. сборник научных трудов. Серия «Вопросы романо-германской филологии» Уральский государственный университет им. А.М. Горького / под ред. О.Г. Сидоровой, А.В. Маркина. Екатеринбург, 2005. С. 114–120.
5. *Семенов И.А., Савельева П.А.* Домашние насилие над женщинами. Некоторые особенности абьюза // Женская активность: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021. С. 129–132.
6. *Эванс П.* Не бьет, просто обижает. Как распознать абьюзера, остановить вербальную агрессию и выбраться из токсичных отношений. М.: Эксмо, 2020. 336 с.

К.С. Коваль

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Д.А. Базоян

Москва, школа Francais Populaire

Карьера и семейный быт русской художницы второй половины XIX – начала XX в.

На сегодняшний день наблюдается нарастающий интерес общества к творчеству женщин-художниц XIX – начала XX в. Если еще на рубеже веков их вклад в искусство считался не столь значительным, как мужской, то переосмысление их деятельности проявляется сегодня в участии их работ в выставках, в том числе и персональных выставках художниц.

Художницы трудились в разных стилях, влияли на их развитие. Это не только русский авангард, но и зарождающийся символизм, национально-романтическое направление русского модерна. Деятельность Е.Д. Поленовой и М. Якунчиковой-Вебер повлияли на зарождение и формирование этих течений. Е.Д. Поленова активно занималась сохранением «русского стиля». Для ремесленной мастерской в Абрамцево Елена Поленова изготовила более ста эскизов мебели. Мебель становилась настолько популярной, что появлялись подделки. В письмах она раскрывает как трепетно относилась к народному искусству и как она стремилась сохранить его, дать ему новую жизнь в мастерской в Абрамцево.

Тем не менее, несмотря на весомый вклад в искусство, женщинам было непросто воспринимать свою деятельность в искусстве равноценно мужской. Карьерный путь художницы никогда не мог быть линейным и легким, без разочарований и срывов, ведь искусству необходимо развиваться параллельно с родительским и семейным предназначением женщины. Таким образом, соприкосновение творчества художницы и ее материнских начал создавало особенный опыт бытия и повседневности.

Жизнь – это всегда больше чем искусство, поэтому важно рассматривать не только деятельность выдающихся людей, но и их повседневность, которая формировала их творческий путь.

Лингвист Г. Винокур писал: «Весь контекст социальной действительности в ее исчерпывающей полноте – вот тот материал, из которого история лепит биографию». Актуальность темы исследования объясняется тем, что 2024 год объявлен Годом семьи в России. Изучение исторического опыта нахождения баланса между семьей и работой для женщины может применяться в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи.

Стоит отметить, что художницы были русскими женщинами, вне зависимости от крови или их этнической принадлежности. Они сочетали в себе специфический набор этических и поведенческих норм, в том числе и проявление жертвенности русского характера. Эта жертвенность, в первую очередь, проявлялась в повседневной семейной жизни.

К 1917 г. женщины в России не только посещали курсы профессиональных художников, но и, подобно Наталье Гончаровой, Ольге Розановой и Любови Поповой, составляли влиятельную силу русского авангарда. Научные исследования о русских женщинах-художницах фокусируются в основном на этих и других женщинах, известных в последние десятилетия императорской России и сыгравших жизненно важную роль в становлении русского авангарда. Период второй половины XIX – начала XX в. является переходом женщин-художниц в России от частной любительской деятельности к профессиональной. Именно с этого этапа появляются важные вопросы о роли женщин в творческом и культурном развитии России. Несмотря на существующие на тот момент ограничения, к концу столетия женщины становились все более заметными как по численности, так и по достижениям в Академии Художеств. У них появляется растущий интерес к этому роду занятий. По воспоминаниям писательницы Т.Л. Щепкиной-Куперник: «лучший сорт девушек... кинулся так или иначе в искусство... женщине, жаждавшей свободы и самостоятельности, оставалась одна дорога: В искусство!»

Таким образом, число женщин-художниц в изучаемом нами периоде неуклонно росло благодаря расширяющимся возможностям в сфере профессионального образования. Е.Ф. Юнге упоминает более 23 имен, среди них: О.А. Лагода-Шишкина, Е.С. Зарудная-Кавос, Е.М. Бём, А.Л. Ржевская, О.А. Кочетова, сестры Шанкс, М.В. Якунчикова, Е.Д. Поленова.

В судьбе художницы М.В. Якунчиковой-Вебер мы можем проследить всю глубину переживаний, связанных со стремлением реализоваться как в качестве художницы, и так матери. Мария Васильевна Якунчикова-Вебер, одна из первых в России художниц, получивших профессиональное образование, с равным успехом занималась станковой живописью, офортом, книжной графикой и декоративно-прикладным искусством. Переписка семей Якунчиковых и Поленовых позволяет нам взглянуть со стороны на жизненные обстоятельства и профессиональное становление художниц Марии Васильевны Якунчиковой-Вебер и Елены Дмитриевны Поленовой достаточно подробно.

М.В. Якунчикова-Вебер любила русскую природу, именно она стала предметом ее искусства, воспитанная и возвращенная в усадьбе Введенское она хотела передать эти чувства сыну Степану. Как пишет Наталья Поленова, заботы о сыне, о котором она мечтала, отвлекали Марию от работы, однако, «ей так хотелось с колыбели окружить [его] поэзией природы, и именно русской природы. Она сделала для него деревянную кровать, в которую вставила дощечки панно с детски-стилизрованными сценами русской деревни. Ей хотелось, что его первые сознательные впечатления были от русской жизни».

В Московском училище живописи, ваяния и зодчества с 1887 г. училась художница Елена Андреевна Карзинкина (1869–1943), в замужестве Телешова. В 1892 г. картину Е.А. Карзинкиной приняли для показа на Пятой ученической выставке. В училище у Елены Андреевны сложились отношения с художницами Эмилией и Марией Шанкс. В 1899 г. художница выходит замуж за литератора Н.Д. Телешова. Это событие было знаковым в жизни Елены Андреевны, многие очерки и рассказы мужа были ей проиллюстрированы.

Не у всех художниц, однако, в семье складывались теплые отношения. Свекровь художницы Антонины Ржевской (1861–1934) критиковала творчество невестки, мотивируя это тем, что картина не окупает стоимости красок и холста. Молодую художницу она называла бездельницей. На выставке передвижников картина Антонины Ржевской была по этой причине под шифром и без указания имени, поскольку свекровь не одобряла ее заинтересованность живописью.

В изучаемый период деятельность женщин в искусстве нередко воспринималась как хобби и способ занять себя, но художницы воспринимали свою деятельность совершенно иначе. Мы видим это в их стремлении получать образование, совмещать работу с семейными делами, приносить доход семье своей деятельностью. Но важно еще и то, как в их сознании формируется причина, по которой они идут на все эти сложности, на первый взгляд.

Художница Анна Остроумова-Лебедева написала о своем жизненном пути: «Мысль, что можно умереть и после тебя ничего не останется, меня приводила почему-то в ужас. Когда я рассказывала об этом маме, она говорила: – Выйдешь замуж, будут дети, вот тебе и след. Они вместо тебя будут жить. – Это не то! Я сама хочу жить после смерти. Я, сама я! Как вы все это не понимаете! И я, огорченная, уходила от нее».

Повседневная жизнь русской художницы в конце XIX – начале XX в. была во многом определена социальными и культурными условиями того времени. Хотя положение женщин в обществе начало постепенно меняться, они все еще сталкивались с ограничениями и стереотипами, особенно в художественной сфере. Многие русские художницы того периода были вынуждены бороться за свое место в искусстве и преодолевать препятствия, связанные с гендерными ограничениями. Они сталкивались с недостатком доступа к образованию и профессиональным возможностям, а также с предубеждениями в отношении женщин-художниц.

В целом, хотя совмещение карьеры и семьи было сложным для русских художниц XIX – начала XX века, некоторые из них находили способы преодолеть эти трудности и продолжать свое творчество. Их усилия и достижения стали важным вкладом в историю искусства.

Список литературы

1. *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. М., 1964.
2. *Винокур Г.О.* Биография и культура. М., 1927.

3. *Щепкина-Куперник Т.Л.* Дни моей жизни. Театр, литература, общественная жизнь. М., 1928.
4. *Поленова Н.В.* Мария Васильевна Якунчикова.
5. *Плясов Н.Ф.* Дама пишет красками. Рассказы о русских художницах. Симферополь, 2016.
6. *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. М., Центрполиграф, 2003.

М.В. Михайлова, Ван Люян
Москва, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Рецепция и развенчание идей Вячеслава Иванова в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал

Вплоть до последнего времени имя Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (1866–1907) упоминалось в истории культуры только в связи с именем ее мужа поэта-символиста и теоретика символизма Вяч. Иванова. В лучшем случае она фигурировала как хозяйка знаменитого петербургского салона, получившего название «Башня». Ее писательская деятельность оказывалась в тени, несмотря на многообещающие слова А.А. Блока, сказанные им после ее смерти: «... того, что могла она дать русской литературе, мы и предположить не можем» [2, с. 226]. Однако недавно наметилась двойная пропозиция ее представления в культуре. К тому, что заявлялось ранее, добавилось обсуждение ее творческого наследия, которое довольно значительно по объему: это и проза, и поэзия, и драматургия, и критика. К настоящему моменту опубликованы уже многие произведения [6], но немало остается еще в личном архиве писательницы, находящемся в Риме.

Ее биографический и творческий облик особенно интересны для начала XX в., когда идеи эмансипации, феминистский посыл в России получили самое широкое распространение. Но если многим авторам-женщинам приходилось преодолевать главным образом общественные преграды, бороться с патриархатными установками в семье, то Зиновьевой-Аннибал пришлось

воспрепятствовать «порабощению» со стороны мужа, которого любила самозабвенно и философские устремления которого полностью разделяла. Дело в том, что с самого начала знакомства с Вяч. Ивановым, который находился тогда под влиянием Ницше и его концепции дионисийства, она приняла на себя роль древнегреческой Менады и оставалась ею до своего смертного часа. Уже после ее смерти Иванов охарактеризовал произошедшее следующим образом: «Друг через друга нашли мы – каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога. Встреча с нею была подобна могучей весенней дионисийской грозе, после которой все во мне обновилось, расцвело и зазеленело. И не только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и в ней: всю нашу совместную жизнь, полную глубоких внутренних событий, можно без преувеличений назвать для обоих порою почти непрерывного вдохновения и напряженного духовного горения» [7, с. 20]. Иванов приветствовал литературные занятия жены, как многие в символистской среде был на стороне эмансипационных процессов, считая, что женщина вполне может проявлять себя как участник общественной жизни.

Другое дело, что в согласии с символистской эстетикой женщина должна быть в первую очередь музой, вдохновительницей, Прекрасной дамой. И Лидия Дмитриевна была таковой. На «Башне» она была Диотимой, мудрейшей женщиной из диалога Платона «Пир». Бердяев даже считал, что именно она была «душой, психеей “Ивановских сред”» [1, с. 234]. Благодаря соединению ее «женской стихии» с «утонченным академизмом Вяч. Иванова» там возникала «талантливая, поэтически претворенная атмосфера общения» [1, с. 234]. При жизни поэт посвящал ей стихи, она оставалась адресатом его стихотворений и после смерти (раздел «Любовь и смерть» в книге «Cor ardens» едва ли не лучшее в любовной лирике Иванова). Он женился на ее дочери Вере, уверяя свое окружение, что это ее «дар» [7, с. 697]. Возможно, что он одобрял ее творческие импульсы потому, что «заражался» от них. По крайней мере, в этом был уверен Бердяев, писавший, обращаясь к Иванову в 1915 г., что «тайна Вашей творческой природы в том, что Вы можете раскрываться и творить лишь через женщину, через женскую прививку, через

женщину-пробудителя <...> Творческое начало в Вас падает без взаимодействия с женской гениальностью <...> Ваша необычайная творческая одаренность цвела и раскрывалась под воздействием сначала жизни Лидии Дмитриевны, а потом ее смерти» [3, с. 616–617]. Действительно, одним из проектов супругов было создание журнала, где они бы оба печатались. Это издание не было осуществлено, зато была издана драма Зиновьевой-Аннибал «Кольца» со статьей Иванова «Новые маски», расшифровывающей смысл пьесы.

Следовательно, Иванов пытался соединить в своей жене два культурных кода – Диотиму и Менаду. И если в частной жизни она продолжала быть вакханкой, т.е. оставалась послушной ученицей своего повелителя-Диониса, то Диотима требовала иного проявления. И этим выходом стало обретение Зиновьевой-Аннибал своего творческого голоса, формировавшегося, тем не менее в сфере ивановских интересов.

Одной из общих конструкций четы Ивановых стала эротическая идея «новой церкви», «новой человеческой общины», где Эрос (в платоновском смысле как созидательное творческое преобразующее мир начало) «воплощается в плоть и кровь». Расшифровать это положение можно было так: «если два человека, как они оба, совершенно слились воедино, то они могут любить Третьего <...>» [4, с. 128]. Этот план супруги попытались реализовать в жизни. Третьими попеременно становились то поэт С. Городецкий, то художница М. Сабашникова. Однако ни тот, ни другой не соответствовали масштабному замыслу. Зиновьева-Аннибал во всем поддерживала супруга. Когда Сабашникова захотела разорвать тяготившие ее отношения, она ее решительно остановила: «...ты принадлежишь нам. Если ты уйдешь, останется – мертвое ... Мы оба не можем без тебя» [4, с. 128].

Однако в художественном творчестве она с самого начала демонстрировала сопротивление. В пьесе «Кольца» (1904) еще еле угадываемое. По сюжету Аглая, узнав, что ее муж Алексей, увлечен ее невесткой Анной, мучается ревностью, но потом понимает, что единственный способ избавиться от разрушающего ее индивидуализма – это разомкнуть «кольца» любви. «Мы не можем быть двое <...>. Океану любви – наши кольца любви!» [6, с. 302–303]. Казалось бы, воплощена теория Иванова о дио-

нисийском экстатическом растворении во всеобщем, которому, по его убеждению, соответствовала «соборность» как русское национальное начало. Но тогда почему в конце Алексей и Аглая умирают, и только Анне доверено идти в мир в поисках новых союзников? Пафосно-трагедийное разрешение конфликта не позволяет читателю уверовать в оптимистический финал.

Уже более явственно прозвучало мрачное пророчество о гибельности проводимых на «Башне» экспериментов в повести Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» (1906). Под покровом лесбийского сюжета там тоже велась дискуссия (наряду со множеством других) о плодотворности эротического пути преодоления индивидуализма. В ней героиня Вера решает отдать возлюбленную людям. Метафорически это изображено как написание портрета девушки 33 художниками ради сохранения ее красоты. И что в результате? Красота не сохранена, на картинах Вера видит уродливые изображения любимой, единственное и неповторимое превращено в ширпотреб, мгновение не переплавлено в вечность. И ей не остается ничего другого, как принять решение о добровольном уходе из жизни. Т.е. Иванову (которому и была посвящена повесть) была наглядно продемонстрирована возможность трагического исхода.

В это же время была написана пародийная пьеса «Певучий осел», в которой развенчивались все высокие философские построения Иванова, создав. Взяв за основу «Сон в летнюю ночь» Шекспира, писательница совершила сюжетный «кульбит»: у Шекспира влюбляется в осла царица Титания, а у нее в это глупое животное превращен поэт Лигей (намек на Городецкого), и уже в него влюбляется Оберон-Иванов. Множество смешных ситуаций, сексуальное помешательство Оберона, символом которого становится пылающий Алцвет, имеющий фаллическую форму, – все это получило карнавальное воплощение, с насмешкой передающее настроения посетителей «Башни», для которых «Эрос стал формулой, соответствующей эпохе и стремлениям современной души» [9, с. 20]. Из-под пера Зиновьевой-Аннибал вышел сатирический маскарад, высмеявший дионисийскую мифогенную любовь, отрицающий восхождение к вершинам духа путем экстатической любви к другому, порицающий оторванность подобного жизнетворчества от реальной жизни.

Но «дионисийство» и «соборность» были «глубоко прочувствованны и выстраданы» [8, с.132] этой уникальной женщиной. И это, несомненно, определило надрыв, с которым она не смогла справиться физически. В 1907 г. она, единственная из всей семьи, заразилась скоротечной скарлатиной и умерла в возрасте 42 лет. Тем не менее в завершающим ее творческий путь произведении – цикле рассказов «Трагический зверинец» – она заявила о себе как о творческой личности, обретшей женскую идентичность, освободившейся от мужского доминирования.

Это точно уловил Блок, сказавший, что писательница «поженски таинственно и просто» воспроизвела «дикое, порывистое, тревожное», что терзает души людей нового времени; она нашла «слова о забытом и страшном, которого мы дичимся, потому что оно поет о свободе <...>» [2, с. 226]. Сегодня ее писательскую стратегию характеризуют как the power of weak, т.е. «сила слабых», или иными словами – «original mixture of allegiance and subversion» (смесь преданности и подрывной деятельности) [5].

Список литературы

1. Бердяев Н.А. «Ивановские среды» // Русская литература XX века / под ред. С.А. Венгерова. М., 2000. Т. 2. 472 с.
2. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. 800 с.
3. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. 745 с.
4. Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. 717 с.
5. Defarges F. Lidia Zinovieva-Annibal : being a writer and a woman during the Russian “Silver Age” // Revue Russe, Paris, 2018. N 51. P. 29–40.
6. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три уroda: роман, рассказы, эссе, пьесы. М., 1999. 494 с.
7. Иванов В.В. Собр. соч. Т. 2. Брюссель, 1974. 854 с.
8. Никольская Т.Л. Творческий путь Л.Д. Зиновьева-Аннибал // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 813: Блокковский сборник. 8. Ал. Блок и революция. Тарту, 1988. С. 123–137.
9. Цимборска-Лебода М. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. (На пути к философии любви). Томск; М., 2004. 256 с.

Л.И. Щербич
Москва, Военно-медицинский
журнал, редактор

Наследие Веры Игнатьевны Мухиной: особенности образов и современность

В 2024 г. Вере Игнатьевне Мухиной, «первой даме советской скульптуры» исполняется 135 лет со дня рождения. Она родилась 1 июля (19 июня по старому стилю) 1889 г. в Риге в семье, принадлежавшей мощнейшему купеческому роду, владевшему огромным состоянием и недвижимостью по всей Российской империи [1]. В Риге, где родилась В.И. Мухина, «им принадлежало чуть ли не полгорода» [1]. Отец семейства И.К. Мухин был любителем искусств, меценатом. Мать Надежда (дочь немецкого аптекаря В.К. Мюнде) умерла очень рано. Отец перевез двух своих дочерей в Феодосию. Там дети пошли учиться в гимназию. У местного гимназического учителя рисования Вера Мухина получила первые уроки рисунка и живописи.

В 1904 г. умер отец. Обеспеченные родственники перевезли девочек в Курск. Средний брат отца стал их опекуном и назначил их своими наследниками. Принадлежность к купеческому роду сказалась на характере Веры Игнатьевны. Она была человеком практичным, чего требовало колоссальное состояние, доставшееся сестрам в наследство: заводы, склады, доходные дома в Москве, имения в Феодосии и под Смоленском.

В.И. Мухина с отличием окончила гимназию в Курске и переехала в Москву и поступила в частную художественную школу (наподобие художественных студий-мастерских) «Классы рисования и живописи». Возглавлял школу К.Ф. Юон, среди преподавателей был известный художник И.О. Дудин. В этой школе Мухина занималась два года.

В 1911 г. В.И. Мухина попробовала работать с глиной в мастерской скульптора-самоучки Нины Сеницыной. По воспоминаниям В.И. Мухиной, дальнейшее желание «испробовать в рисунке иные ощущения и иные пути» привело ее в конце 2011 г. в мастерскую И.И. Машкова [2]. Но проработала она там недолго.

В своей «Автобиографии» В.И. Мухина писала: «2 января 1912 года я выбыла из строя почти на целый год, изрядно поранив себе лицо в одной спортивной катастрофе, которой, в конце концов, и должна быть благодарна, т.к. она определила мой дальнейший путь. Желая хоть чем-либо порадовать меня после этого тяжелого инцидента, мои опекуны... разрешили мне поездку за границу» [2].

В 1912 г. В. Мухина уехала в Париж, где ей делали несколько пластических операций. В Париже Мухина поступила в частные Академии Филиппо Коларосси и Гранд Шомьер. В этих Академиях она обучалась скульптурному мастерству. Большое влияние на формирование ее как скульптора оказал Бурдель, ученик скульптора Родена. Ездил Мухина в Италию, где вдохновлялась скульптурами мастеров эпохи Возрождения.

В Москву В.И. Мухина вернулась летом 1914 г., перед самым началом Первой мировой войны. На время, оставив занятия искусством, она окончила курсы медсестер и работала в одном из московских военных госпиталей, где познакомилась с будущим мужем А.А. Замковым и после Великой Октябрьской революции в 1918 г., вышла за него замуж. У них родился сын Всеволод.

Умерла В.И. Мухина 6 октября 1953 г. в Москве, в возрасте 64 лет. При жизни она была удостоена званий: Народный художник СССР, Заслуженный деятель искусств РСФСР. Имела многочисленные награды. Среди которых Орден Трудового Красного Знамени, Орден «За гражданские заслуги» (Болгария). Несколько раз награждалась Государственной премией.

Обучение у многих известных мастеров, особенно у Бурделя, способствовало формированию и развитию мастерства Мухиной в нескольких областях изобразительного искусства.

Среди наиболее монументальных памятников искусства В.И. Мухиной – скульптура «Рабочий и колхозница». Вообще у «Рабочего и колхозницы» два автора: советский архитектор, автор «сталинских высоток» Б. Иофан, придумавший концепцию и создавший набросок памятника, и скульптор В. Мухина, воплотившая эту концепцию в пластической форме.

Композицию «Рабочий и колхозница» сделали специально для участия во Всемирной выставке искусств и техники 1937 г., которая проходила в Париже. Учитывая настороженное отно-

шение мира к СССР, советское правительство ставило задачу наиболее выгодно и ярко показать страну. Монумент выражал стремление вперед, силу и благородство труда. Памятник был идеологической и композиционной доминантой советского павильона. 25-метровую скульптуру установили на 34-метровом постаменте прямо напротив павильона Германии с фашистским орлом на крыше.

Парижанам так понравилась монументальная композиция, что они даже собирали подписи с просьбой оставить ее у себя. Ромен Роллан оставил восторженную запись в книге отзывов. Но советские власти просьбу парижан не удовлетворили, хотя до выставки монумент немало критиковали в СССР. Символ социализма вернулся на родину, чтобы впоследствии стать одним из главных памятников эпохи. Мухину признали выдающимся мастером XX в., а ее скульптуру – шедевром. Позже скульптура стала официальной эмблемой Мосфильма.

В конце 1990-х годов заинтересованность в покупке монумента проявил бывший гражданин России, глава американской компании Katkoff & Beauregard некто Катков. Он даже обещал отреставрировать скульптуру за свой счет.

В 2009 г. памятник реконструировали в России. В настоящее время этот шедевр монументализма – главная часть Музейно-выставочного центра «Рабочий и колхозница» (располагается справа от центрального входа в ВДНХ).

Одной из первых самостоятельных работ В.И. Мухиной стала маленькая гипсовая скульптурка 1914 года «Сидящая женщина». Образность скульптуры обнаруживает ее очевидное сходство с хореографической миниатюрой русского балетмейстера Михаила Фокина «Умиравший лебедь», финальная поза. В 1947 г. Мухина возвратилась к этой ранней работе и выполнила ее в новом материале – матовом стекле. Нежная и воздушная стеклянная фигурка окончательно подтвердила ассоциацию с балетом. Скульптура находится в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург).

Однако основным направлением в творчестве Мухиной всегда была монументальная скульптура. В 1920-е годы ею созданы «Пламя революции», «Юлия», «Ветер». Огромное впечатление произвела ее работа «Крестьянка» (1927 г.), которая после вы-

ставки в Венеции осталась в музее Триеста, а после Второй мировой войны оказалась в Ватикане. В Третьяковской галерее в Москве есть копия этой скульптуры.

Другими известными и почитаемыми произведениями Мухиной являются памятники Горькому, с которым Мухина была знакома лично (находятся в Москве и Нижнем Новгороде), надгробье на могиле Собинова, родственника и друга В.И. Мухиной (звучит, как оборванная лебединая песня в камне), памятник Чайковскому у московской консерватории, скульптура «Наука» на фасаде МГУ.

Творчество Веры Мухиной – целая эпоха в развитии советского искусства. Ее наследие многогранно. Хочется надеяться, что исследование ее наследия продолжится в работах молодых историков, социологов, культурологов.

Список литературы

1. *Журавлева Н.* Интервью с внучкой В.И. Мухиной. «Вождей ни разу не ваяла». // Московская перспектива. № 23. 25 июня – 1 июля 2019 г. URL: <https://mperspektiva.ru/topics/vozhdey-ni-razu-ne-vayala/>
2. *Мухина В.И.* Автобиография. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/ARTS/MUKHINA/AUTO.HTM#4>

И.В. Сидорчук

*Высшая школа международных отношений,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,*

С.Б. Ульянова

*Высшая школа общественных наук,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого*

«Целесообразность взгляда на женщин, носящих костюм физкультурников»: спортивная одежда в женской культуре в раннесоветский период (1920-е годы)

Представленная цитата из доклада сибирского профсоюзного работника – некоего «товарища Пудовкина», названного им «Перспективы работ физкультуры на летний сезон и итоги зим-

ней работы» (1926 г.) как нельзя лучше представляет и язык тогдашних официальных документов, и отношение к нововведениям живших тогда горожан: «Необходимо путем широкой агитации среди массы бороться с целесообразностью взгляда на женщин носящих костюм физкультурников» [2, л. 71]. Что бы ни значило это высказывание, за ним просматривается целый комплекс вопросов, связанных с изменением отношений между женским телом и одеждой в первой трети XX в.

Общепризнанным местом в историографии стало утверждение о распространении в межвоенный период нового отношения к телу, воплотившегося в новых правилах гигиены, модели питания и развитии физкультуры [3, с. 87]. Спорт постепенно превращается в социально одобряемую форму проведения досуга. В литературе этот процесс часто рассматривается как часть культурной революции и попыток создания нового советского человека [8; 9]. По замечанию Н. Катцера, спорт в XX в. стал уникальным средством анализа общества, зеркалом фундаментальных социальных и культурных процессов [4, с. 164-165].

Одной из целей «спортизации» в СССР было привлечение к занятиям физической культурой женщин. Однако в фабрично-заводских кружках физкультуры (а это основная форма организации массового спорта в 1920-е годы) женщин всегда было существенно меньше, чем мужчин. Одной из причин такого положения дел было то, что девушкам просто не в чем было заниматься спортом.

Спорт требовал свободной, легкой и удобной одежды – маркера современности [11]. Как отмечалось, например, в Отчете по культурно-просветительной работе Сиббюро ВЦСПС за январь–март 1924 г., «все занимающиеся юноши должны быть одеты в трусики, с обнаженным торсом, а девушки в шаровары с короткорукавными или безрукавными рубашками, обнажая, таким образом, для действий чистого воздуха и солнца свое тело» [1, л. 11].

Однако это было, скорее, пожелание, нежели общее правило. На самом деле, процесс появления в традиционной женской вестиментарной культуре спортивной одежды не поддавался простой директивной регламентации и зависел от целого ряда материальных, культурных и идеологических факторов.

Во-первых, необходимо учесть общую бедность подавляющей части городского населения Советской России в 1920-е годы, когда приобретение любого «лишнего» комплекта одежды пробивало брешь в бюджете. Вторым значимым фактором было то, что спортивный костюм был чужд традиционной женской культуре рабочих окраин.

Эта чужеродность была связана, во-первых, с тем, что спортивный костюм не соответствовал устоявшимся нормам приличия. Он не скрывал, а демонстрировал телесность. Во-вторых, спортивная одежда воспринималась как буржуазная и социально чуждая. Так, традиционный женский костюм для игры в теннис шили из белого пике или батиста, обувь и чулки также должны были быть белыми. Не случайно один из идеологов советской физкультуры А. Зискинд требовал «наложить veto на белые штаны», чтобы привлечь к занятиям теннисом советскую молодежь [5].

Вместо «буржуазной» формы в советских спортивных структурах предлагались свои варианты. Так, на заседании комитета Общества по распространению физической культуры среди рабочей молодежи «Спартак» 2 августа 1922 г. была утверждена форма для членов общества: женский костюм включал в себя «синие шаровары и белую английскую блузку с короткими рукавами, синий галстук» [10, л. 1].

Недостаток средств и нежелание выглядеть «неприлично» заставляли первых советских физкультурниц поначалу заниматься в обычной повседневной одежде (тем более, что правила проведения соревнований практически не регламентировали внешний облик спортсменок). Так, известная лыжница А.Г. Михайлова вспоминала об участии в первенстве страны 1921 г.: «Мы выступали в длинных до пят юбках, бежали в валенках, с мягкими креплениями» [цит. по: 7, с. 36–37].

Но в системе советской идеологии откровенный спортивный костюм (по мнению Н.И. Подвойского, например, женщинам надлежало заниматься физкультурой в трусах и легких блузах) превратился в элемент советизации общества. В 1920–1930-е годы спортивная одежда стала символом приверженности режиму, атрибутом нового советского человека. С одной стороны, этому способствовала пропагандистская деятельность комсо-

мольских организаций, а с другой – эстетические поиски мастеров советского авангарда.

Так, в 1923 г. разработкой моделей «спортодежды» занялась художница и дизайнер В. Степанова. Костюмы для занятий физкультурой присутствуют и в известном альбоме Н. Ламановой «Искусство в быту» (М., 1925).

Важную роль в материальном обеспечении женщин спортивной одеждой играли профсоюзы, для которых физкультура и спорт были частью проекта по улучшению условий труда и быта рабочих. В ряде случаев они приобретали спортивные костюмы и инвентарь за свой счет, а иногда способствовали получению рабочего кредита на их покупку.

Таким образом, спортивная одежда в женской материальной культуре 1920-х годов стала эстетическим и идеологическим маркером процесса советизации и модернизации. Несмотря на нехватку средств и декларируемую женскую «отсталость», спорт превратился в официально одобренную социальную практику, которая уже к концу 1920-х годов не только активно пропагандировалась «сверху», но и получила широкую массовую поддержку.

**Исследование поддержано грантом РФФ № 24-28-01790
<https://rscf.ru/project/24-28-01790/>*

Список литературы

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-512. Оп. 1. Д. 561.
2. ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 143.
3. История частной жизни. Т. 5: От I Мировой войны до конца XX века / под ред. Ж. Венсана. М.: НЛЮ, 2019. 676 с.
4. Катцер Н. Спорт и модерн в России XX века // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 155–172.
5. Красный спорт. 1924. 21 сент.
6. Кулиничева Е.А. Футбольная экипировка как предмет социокультурного анализа: перспективы и проблемы исследовательского поля // Социология власти. 2018. Т. 30. № 2. С. 167–189.

Женские образы русского мифологического наследия в трудах отечественных гендерологов

Мифология является неотъемлемой частью традиционной культуры, если не сказать больше – ее базисом. В мифологических представлениях обосновываются и сакрализируются мировоззренческие установки и весь комплекс духовных традиций общества, в том числе и «гендерные основания культуры», представления об «эталонных» *маскулинности, феминности* и их антиподах. Исходя из этого нет ничего удивительного в том, что русская народная мифология оказалась в центре внимания отечественных гендерологов.

Российские исследователи (а это в первую очередь филологи, культурологи, этнологи), изучая традиционную гендерную культуру в своей работе не раз обращались в русскому народному мифологическому наследию, зафиксированному в корпусе текстов сказочной и несказочной прозы. В своей работе ученые ставили задачу реконструировать гендерную картину мира русского народа (крестьянства) в том числе и через анализ образов героев и небытийных существ сказок, персонажей низшей мифологии и «народного христианства» (при этом следует отметить, что женский персонажный ряд изучался исследователями в комплексе с мужским).

Гендерные фольклористические и лингвистические исследования русской народной мифологии проводились большей частью с опорой на «афанасьевский» корпус русских народных сказок и сосредоточены были преимущественно на изучении содержания мужских и женских образов. Исследователи стремились выявить заложенные в сказочных образах гендерные стереотипы, которые вскрывались через анализ имен, деталей и характеристик каждого конкретного мужского и женского образа.

Значимыми для анализа выступали половозрастные характеристики, социальный статус героя/героини, детали внешнего облика (красота, нарядность и пр.), морально-нравственные качества. Полученные в результате исследования данные позволи-

ли произвести реконструкцию эталонных мужских и женских качеств и их антиподов.

В результате исследователями была получена весьма специфическая картина гендерной культуры русского народа, в которой для «мужского» начала допускалась некоторая пассивность (и даже леность), в то время как эталонными «женскими» качествами признавались не только красота и премудрость, но и качества, традиционно считающиеся «мужскими»: смелость, сила духа, инициативность. При этом красота, кротость, мудрость и послушность являлись значимыми характеристиками и женщины, и мужчины. Так же исследователями на материалах сказочной прозы был выявлен и культурный идеал «женского» – это образ Матери, которая является «посредником между природой и человеком».

Гендерные исследования в области культурологии и религиоведения проводились на базе корпуса текстов как сказочной, так и несказочной мифологической прозы. В центре внимания ученых находились вопросы, связанные с «мифологическим уровнем гендерного мироустройства», характер взаимоотношений мужского и женского в русской традиционной культуре, а также гендерные стереотипы и «канон маскулинности и феминности», который базировался на триаде «отцовство-сила-власть» (для мужчины) и «невеста-жена-мать» (для женщины). При этом главными характеристиками женского «эталонного» образа называются мудрость, покорность/послушность, терпение, стойкость, «способность приносить счастье», мужского – смелость, стойкость, милосердие, щедрость и сила. И снова: такое качество, как красота является, значимым для мужских «эталонных» образов так же, как и для женских. При этом исследователи подчеркивают, что и в сказочной прозе (как и в случае с паремиологическим материалом) значимость внутренней красоты выше, чем красоты внешней.

Этнологические исследования русской народной мифологии ведутся с опорой на обширный фольклорный и этнографический материал и прежде всего на данные так называемой «низшей мифологии» (демонологии). Тему русских народных верований/народной мифологии можно считать достаточно разработанной, однако специальных гендерных исследований персонажей и отдельных аспектов «народной мифологии» явно не-

достаточно. Зачастую ученые работают в области так называемых «мужских и женских исследований».

Изучение «мужского» и «женского» и их репрезентации в русской несказочной мифологической прозе базируются прежде всего на исследовании образов мифологических хозяев отдельных локусов, их генезиса, структуры, функций, развития и трансформации, связанными с социально-культурными изменениями в жизни русского сельского населения (крестьянства). Это были комплексные исследования русской мифологии/демонологии, в рамках которых рассматривался персонажный ряд либо в целом, либо в отдельно взятых его аспектах, но имеются исследования, посвященные изучению именно женских мифологических образов.

В результате мифологических изысканий было выявлено явное доминирование мужских персонажей (даже численное!) над женскими. Исследователи обратили внимание, что женские мифологические образы русской несказочной прозы делятся на две большие группы. Первая группа – женские образы, существующие только в паре с мужскими (являясь, прежде всего, их параллелями, производными от них). Вторая группа – «самостоятельные» женские образы.

Как показали результаты исследований, практически все женские персонажи имеют тесную связь, во-первых, с прядением и другими «рукодельными процессами», связанными с «манипуляциями нитями» (ткачество, шитье, плетение); во-вторых, с плодоносящими силами природы и, в-третьих, с водной стихией (только часть персонажей). Все это, по мнению большинства исследователей, указывает на то, что женские персонажи народной мифологии в большей своей части восходят к образам восточнославянских покровительниц судьбы, рукоделия, «к культу Матери-Земли» и воды.

Таким образом, исследователи, изучающие гендерные аспекты русской народной культуры через богатое мифологическое наследие делают вывод о ее глубоком своеобразии. Для русской гендерной традиции, как считают ученые, характерен «сильный христианский культ Отца в сочетании с выраженной языческой компонентой», а это в свою очередь определяет характер и содержание мужских и женских образов русской мифологии и их главного смыслового ядра (основания). В основании главных

мужских образов русской народной мифологии лежит культ Отца и хозяина, в основании же ключевых женских образов лежит культ Матери, соотносимый с производящими силами природы.

Е.А. Самоделова

*Москва, Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН*

Мастерица гончарного промысла дагестанского селения Балхар – продолжательница многовековой народной традиции

На примере биографии жительницы Магият Лапугаевны Даудовой из г. Махачкала, переехавшей из аула Балхар Акушинского р-на Дагестана в зрелом возрасте, прежней начальницы почты и товароведа, можно увидеть важную роль женщин в культурной и экономической жизни Северного Кавказа. У Магият 3 взрослых сына, сейчас она – продолжательница традиционного народного гончарного промысла в селении, где занимаются изготовлением жгутовой керамики на ручном станке самого древнего типа и лепкой декоративных фигурок-статуэток, а также свистулек небольшого размера, чтобы их было удобно брать в руки. Балхарский гончарный промысел входит в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. В декабре 2019 г., перед началом пандемии ковида, Магият приехала на ежегодную ремесленную выставку-ярмарку «Ладья» в Экспоцентре в Москве со своей продукцией, рассказала о ней и слепила две свистульки из абашевской глины, которую привез мастер В.А. Ворожейкин из с. Абашево Спасского р-на Пензенской обл. Судьба Магият высвечивает проблемы женского труда и приобщения женщин к индивидуальному предпринимательству в контексте социокультурных перемен рубежа XX–XXI вв.

В Балхаре существует керамический завод, на котором сейчас работает 3-4 женщины, а руководителем является мужчина – художник Абакар Газимагомедов. По данным доктора искусствоведения Р.Р. Мусиной, в 1928 г. был организован промколхоз, а в 1936 г. – артель, с которой начался собственно художественный промысел [1, с. 28], хотя корнями гончарство уходит в тысячелетнюю историю, известную по археологическим раскопкам.

Магият подтвердила: в Балхаре исторически сложилось отношение к гончарству как к исключительно женскому труду, начиная с добывания в окрестностях селения местной глины, которую копают лопатами, кладут в ведра и далее пересыпают в большие мешки, грузят на машины и затем разгружают. Потом глину укладывают в емкости (ныне это обычная эмалированная ванна), слегка смачивают, выгружают на пол на ткань и месят ногами (обычно правой ногой в специальном носке), упаковывают в полиэтиленовые пакеты (прежде заворачивали в клеенку). Глину добывают осенью, чтобы зимой работать с ней, а летом заниматься огородами. Непосредственно перед гончарной работой достают необходимый ком глины, сбрызгивают водой и месят руками, как тесто.

В Интернете имеются видео с процессом приготовления керамической посуды, начиная от определенной манеры усаживания на низкий табурет за ручной гончарный круг с упором ногами в две его подножки для неподвижности станка, с медленным вращением левой рукой на себя, с посыпанием пеплом центра круга для легкости снятия изделия [2].

Магият рассказала, что «печь огромная: три метра высотой! А там две-три женщины собираемся, когда у всех соберется: они в год два-три раза – ну, сколько посуды сделают, тогда обжигают».

В верхнее отверстие печи влезает женщина, другие подают ей кувшины, горшки и прочие крупные сосуды, она устанавливает их на решетку, далее выбирается наружу и кладет кружки, миски и более мелкие изделия, а промежутки между ними заполняет свистульками; отверстие закрывают – заштукатуривают. В нижнее отверстие печи кладут пучок соломы и поджигают, потом кизяк – для поддержания высокой температуры. В завершение обжига верхнее заштукатуренное отверстие «чуть-чуть открывают в конце, и солому подносят вот сюда вот так – она искрится, температура там – она зажигается <...> По этой соломе они узнают температуру».

В Интернете приведены местные предания о первом гончаре-мужчине по имени Калкуччи: он сидел у реки и наблюдал за ребятишками, лепившими из глины; по их примеру он сделал кувшин и обучил этому искусству односельчан, но только у женщин получались прекрасные сосуды. Мужской труд сводился к плетению корзин, в которые грузили горшки и везли прода-

вать в соседние аулы. В предании сообщается, как неторопливая, но выносливая лошадь обошла быстрых скакунов на праздничных скачках в аварском ауле и пришла первой, а балхарец с повязанным призовым платком отправился с горшками дальше. Магият привезла небольших керамических осликов с двумя кувшинами по бокам спины – это сувениры, а в селе за водой к горному ручью ходят женщины с водоносным кувшином. По словам Магият, именно ослики в Москве пользуются покупательским спросом (очевидно, как приметы национального быта лакцев), а не всем известные коровы и лошади, которых она тоже лепила. В числе других домашних животных она создала красивого барана с загнутыми в спираль рогами по краям мордочки.

Нам были особенно интересны свистульки, технология их изготовления. Магият рассуждала об их форме, обычно похожей на птичку: «Свистульки давно – это единственная игрушка. Раньше изображений тоже не было». Наиболее древняя форма свистульки – это удлиненная фигура свистка с большой завитушкой: «Раньше были только вот такие кругляшки и всё. Это единственная игрушка, говорят, была. Раньше, еще я не родилась». Магият вспоминала: «Там другие народности рассказывают, как они ждали эту игрушку! Как они прятали: на обмен делали, на обмен чего-нибудь. Например, ишака кормить – траву давали. Или им какой-то хлеб давали. На обмен, чтобы дети от родителей спрятали, на что обменивать свистульку».

Магият не предполагала давать мастер-классы и не взяла весь необходимый инструмент, однако у нее оказались с собой три рабочих предмета: «косой нож» (им срезают излишки глины при формировании горлышка сосуда и «глазуют» стенки, т.е. по затвердевшему горшку или свистульке проводят вертикальные полосы для уплотнения глины и ее шлифовки), войлок (им приглаживают горлышко сосуда) и шкурка (используют при реставрации скола на изделии). Для гончарных изделий нужен еще «крюковой нож» (им изнутри выпячивают «живот» у горшков и кувшинов), а для свистулек – специальная палочка для протыкания дырочек для свистка. У нее нет специального названия, но «желатально ореховая», «она быстро не портится». Про длину палочки Магият сообщила, что «у нее размер берется, чтобы проткнуть, как надо, дырку в свистульке и еще чтобы была ручка».

На выставке-ярмарке, в «полевых» условиях, мастерице была предложена палочка из абашевского промысла, но она оказалась слишком толстой, и Магият использовала вместо нее треугольный кончик «кривого ножа». По бокам свистульки могли бы располагаться еще две звуковые дырочки, но их нечем было проткнуть. Свистя в свистульку, Магият специальными дыхательными движениями задавала ритм, а пальцами нажимала на те места, где должны быть дырочки по бокам птички. Мы попросили слепить свистульку в виде какой-нибудь зверюшки, не птицы (их было много выставлено на продажу), мастерица пообещала: «Вот так не знаю, что ты лепишь: тут добавляешь, тут добавляешь глину и в голове что-то интересное получается – так я леплю». Магият создает и фантастических птичек, и зверюшек с острыми мордочками, похожих на лисичек, или с округлыми ушками, напоминающих декоративных медведей. Среди птичек есть одна с большими ушами, а между ними загнутый назад спиралью хохолок. Узоры белые по терракоте, выполнены ангобом в виде капли, ромбов, спиралей, лепестков, полосок и др.

Список литературы

1. Мусина Р.Р. Традиционная отечественная керамика. Особенности развития, художественное своеобразие: вторая половина XIX века – 1980-е годы. Автореф. дисс. ...д-ра искусствоведения. М., 2012. 56 с.
2. Село Балхар. Дагестан. Мастер-класс по лепке из глины. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DDохер7emxw> (дата обращения 30.04.2024).

Н.А. Черняева

*Санкт-Петербург, Музей антропологии
и этнографии (Кунсткамера) РАН*

Между этнизацией и универсализацией: образы женщин Северного Кавказа в популярной этнографии 1920-х годов

На примере серии изданий, создававших для русскоязычной аудитории образы новых исторических субъектов – народов Северного Кавказа, входящих в СССР, рассматриваются стратегии конструирования этничности путем репрезентации женского

субъекта. Русскоязычное население Российской империи получило свои первые представления о народах, живущих на Северном Кавказе, в ходе имперских кавказских войн 1817–1864 гг. Развитие этнографии во второй половине XIX века дало толчок к распространению того, что можно назвать «популярной этнографией» – изданиям о народах, предназначенных для широкой читательской аудитории. Книги Н.А. Александрова (1841–1907) серии «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет: чтение для народа» и другие издания, посвященные народам региона – дагестанцам, кабардинцам, осетинам, чеченцам, черкесам и др., создавали романтизированный и экзотизированный образ кавказца, а также ориентальные, эротизированные образы «прекрасной горянки».

Формирование советской национальной политики в 1920-е годы и стратегии большевиков, направленные на «раскрепощение женщин» во вновь создаваемых административных национальных единицах в Центральной Азии и Северном Кавказе, потребовали переосмысления имперских ориенталистских стереотипов и создания образа женщины – участницы строительства нового общества. В 1927 г. Отдел работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) (до 1926 г. – Отдел по работе среди женщин, Женотдел) обратился к Отделу национальных меньшинств Управления пропаганды и агитации ЦК партии с идеей подготовить серию брошюр под названием «Труженица Востока». Брошюры издавались тиражом 7000 экземпляров, и через каталоги издательства их могли заказывать местные органы власти, женские организации, библиотеки, избы-читальни и т.д. Из 30 брошюр серии четыре были посвящены народам, проживающим на территории Северного Кавказа: «Дагестанка», «Кабардинка», «Черкешенка» и «Чеченка». Авторами брошюр были этнографы, аффилированные с Всероссийской научной ассоциацией востоковедения: А. Бергер (1888–1962), А. Шамхалов (1900–1933) и др. Особенности репрезентации героинь популярных изданий диктовались сложной конфигурацией этнографических дискурсов, которыми оперировали авторы брошюр. Принадлежа разным поколениям советских этнографов, авторы изданий владели языком российской академической этнографии, одновременно активно осваивая и внедряя марксистско-ленинскую методологию и понятийный аппарат.

Одним из принципов репрезентации новых этнических субъектов было создание устойчивого образа представителей этноса. Признавая классовые экономические, поколенческие и другие различия между представителями одного народа, авторы тем не менее высказывали убеждение в базовом и неизменном характере этнической идентичности. Быть «черкешенкой», «кабардинкой», «чеченкой» и т.д. означало иметь определенную внешность, характер и даже моральные диспозиции. Описания типичной внешности представительниц народов были нередки в брошюрах. При этом если характеристики внешности мужчин были более или менее научнообразными, то внешность женщин обсуждалась чаще с эстетической точки зрения. «Черкешенки издавна славилась красотой, и существовал целый ряд приемов, направленный на то, чтобы обеспечить им привлекательность» [3, с. 14]. Типичные черты характера представительниц народов также обсуждались: «чеченские девушки не чужды были того воинственного настроения, которое владело и владеет мужской половиной чеченского населения» [1, с. 26]. Из всех обычаев и ритуалов, составляющих социальную ткань, авторы изданий наибольшее внимание уделяли сватовству и вступлению брак. Описания ритуалов похищения невесты у каждого из народов занимали довольно много места в брошюрах, при этом авторы явно заигрывали с ориенталистскими ожиданиями читательской аудитории.

Создаваемые по инициативе Женотдела, брошюры воплощали ключевые тезисы советской гендерной политики, в которой равноправие полов понималась как обеспечение экономической независимости женщин, реформы домашнего хозяйства через развитие социальной сферы, и, наконец, включение женщин в общественно-политическую деятельность. Считалось, что женщины являются в целом более отсталым элементом в силу того, что их интересы лежат в сфере домашнего хозяйства и что для них характерно мелкобуржуазное сознание. Этнографический материал, которым оперировали авторы брошюр, не всегда позволял продемонстрировать рабское положение женщин-националок до революции. Как отмечали авторы изданий, женщины Северного Кавказа никогда не носили чадры, не закрывали лица, не знали затворничества. «Черкешенка не носила длинного покрывала; девушка могла бывать в мужском обществе,

плясать с молодыми людьми и ходить свободно по гостям» [3, с. 15]. Женщины Дагестана пользовались значительной экономической независимостью, сохраняя значительное неотчуждаемое имущество в браке [4, с. 27]. Однако и пропагандистский характер изданий, и марксистский «прогрессистский» взгляд на этничность требовали, чтобы контраст между положением женщин-националок до революции и после был подчеркнут максимально ярко. Чтобы соединить этнографически точное описание и при этом выполнить идеологический заказ, авторы прибегали к унифицированным схемам описания, которые накладывались на этнографический материал. «Когда в семье кабардинца появлялась на свет девочка, то это весьма огорчало родителей» [2, с. 22]. Последующие элементы этого нарратива включали 1) различные стандарты воспитания мальчиков и девочек: первые принимают участие в занятиях мужчин вне дома, а девочка учится домашнему хозяйству в затхлой атмосфере жилища; 2) организованный брак, где невеста выступает товаром; 3) роды без медицинской помощи, часто – в поле или в непригодном помещении; 4) материальная и юридическая зависимость от мужа и его семьи. Сами по себе элементы данного нарратива были справедливыми и действительно отражали статус женщины в условиях патриархата, но повторяясь из текста в текст, часто с текстуальными совпадениями, они создавали ощущение искусственной схемы, накладываемой на материал, который не вполне ей соответствует. Нарратив гендерного неравенства, которому следовали авторы брошюр, во многом нивелировал конструируемые этнические различия: универсальная схема угнетения женщин во всех без исключения культурах делала эти различия несущественными и второстепенными.

Важным элементом визуальной репрезентации «женщин Востока» были обложки брошюр. Некоторые черты визуального решения обложек сближают их с авангардным искусством 1920-х годов. Это: 1) геометризм и орнаментальность композиции; 2) гротеск в трактовке черт лица и фигуры и 3) «полиграфический конструктивизм», т.е. проработка шрифтов, отсылающих к разным этническим традициям, в конструктивистском стиле. Женщины на обложках изображены в национальных костюмах, детали которых нарисованы с разной степенью достоверности. Рисунки женщин несколько выбиваются из авангардного гео-

метризованного стиля рамки, предлагая не плоскостной, а трехмерный вариант изображения за счет штриховки и объема. То есть обложки в целом глаз легко помещает в контекст авангардного искусства 1920-х годов, в то время как рисунки внутри обложек дают романтическую, архаическую трактовку образа. Таким образом, визуальное решение изданий поддерживает двойственный характер репрезентации женщин Северного Кавказа, «труженицы Востока», который строился в диапазоне между подчеркнутой этнизацией благодаря богатому эмпирическому материалу изданий и её противоположностью – универсализацией, затушевыванием этнических особенностей готовой идеологической схемой.

Список литературы

1. Бергер А.К. Чеченка. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ. 1928. 46 с.
2. Ивановский С.В. Кабардинка. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ. 1928. 46 с.
3. Намитокоев А.Ч. Черкешенка. М.: Охрана материнства и младенчества. 1928. 38 с.
4. Шамхалов А. Дагестанка. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ. 1928. 40 с.

Н.В. Казурова

*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,*

Е.Ю. Трушкина

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет,*

Образ «новой женщины» в азербайджанском кинематографе 1920-х–1930-х годов

В период становления молодого государства СССР кинематограф превратился в один из важнейших инструментов в борьбе за модернизацию образа жизни самых удаленных уголков страны. Осуждая в игровых кинокартинах так называемые вредные пережитки прошлого, советская пропаганда противостояла

народным предрассудкам и верованиям, религиозной преданности, традиционному поведению. Как отмечал влиятельный киновед и теоретик кино В. Шкловский, «кинематография – искусство смыслового движения» [5, с. 32] и потому она «нуждается в поступке» [5, с. 31]. Этот поступок был обусловлен как самим фильмическим нарративом – повествованием, изложением сюжета средствами кинематографической художественной выразительности, так и особым призванием режиссеров, их миссией помочь в создании нового советского человека.

От кинематографа ждали пристального взгляда на проблему «женского вопроса», принципиального рассмотрения роли и статуса женщины в семье и социуме, ее влияния на экономические и политические процессы локального, национального характера в союзных республиках и на общесоюзном уровне. Рубрики директив по производству фильмов варьировались в разное время, в некоторых официальных планах появлялись особые упоминания по региональной специфике съемок, например, в 1932 г. ЦК выделил в два отдельных пункта «Среднюю Азию» и «Закавказье» в числе прочих категорий [2, с. 67], а в 1936 г. ЦК распорядился пополнить тематику кинокартин отдельной графой «Советская женщина» [2, с. 73]. Кроме того, ярко выраженный запрос на подобные ленты со стороны государства дополнительно подкреплялся идеей о том, что организация кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками, будет способствовать пропаганде особенно успешно [1, с. 34].

В Советском Союзе создание фильмов развивается по пути некоммерческого производства, но при этом оно ориентировано на массовость, доступность, понятность широким слоям населения, отсюда возникает сюжетная типизация, постепенно складывается общий канон. Таким образом, кинематограф в СССР не просто развлечение для проведения досуга, «это часть воспитательной работы, направленной к определенной цели, к достижению социального единения» [3, с. 148]. Поэтому «советская кинематография должна не течь по течению, а изобретать» [5, с. 106], и, следовательно, режиссеры «отрицали все “старое” и восторженно принимали все “новое”» [4, с. 20].

С укреплением советской власти на территории Азербайджана кинематограф становится одним из важнейших способов внедрения в социум идеологии молодого государства. Рассказы-

вая истории с экранов кинотеатров и обличая в них «вредные» привычки населения, режиссеры стремились модернизировать жизнь крупных городов и самых отдаленных окраин республики. При этом по всему Советскому Союзу постепенно подвергалась переоценке сущность кинематографа как такового. Оставаясь главным из искусств, он принимал на себя функцию не самостоятельного искусства, а транслятора, передатчика. Медальный характер кино по борьбе с досоветскими пережитками отчетливо проявляется в фильмах Амо Бек-Назарова «Севиль» (1929) и Ага-Рзы Кулиева и Григория Брагинского «Алмас» (1936), снятых по пьесам известного азербайджанского поэта и драматурга Джафара Джаббарлы. Посредством этих кинокартин в увлекательной и развлекательной форме велась настоящая битва против народных верований, религии как социального института и религиозного фанатизма, традиционных норм поведения, также основной темой фильмов были принципиальные вопросы роли и статуса женщины в обществе. Своим поведением и поступками героини фильмов «Севиль» и «Алмас» подавали пример зрителям в зале и буквально призывали к ликвидации неравенства между мужчиной и женщиной, отказу от трактующихся не в пользу женщин законов адата и шариата, одобрению социального раскрепощения женщин, подготовке их к профессиональной самореализации, поощрению личной инициативы советских граждан, искоренению всеобщей неграмотности.

Оба женских персонажа Севиль и Алмас сыграла молодая азербайджанка И. Оруджева. Кинематографическое воплощение портретных характеристик этих героинь многое говорит о генеральной линии гендерной политики Советской власти и о постепенно сложившемся каноне «большого стиля», который закрепляет правила визуализации женского вопроса на экранах страны. Компаративный анализ внешности и поведенческих моделей Севиль и Алмас дает возможность проследить трансформацию образа жизни азербайджанки в переходный период от дореволюционного к советскому укладу «новой женщины».

В середине 1930-х годов в кинематографе происходит важное изменение женского образа, он получает амбивалентную коннотацию, совмещающую в себе феминистические черты и патриархальные. С одной стороны, женские персонажи нового образа должны отличаться от прежних посредством обновления па-

радикалы мышления, современной речи, постулирования иных моральных ценностей. Героини подобные Алмас обязаны призвать общественность изменить отношение социума к женщине, и что еще важнее, самой женщины к себе: она ценна сама по себе как личность, а не как приложение к мужчине. С другой стороны, по сравнению с фильмами 1920-х годов в кинематографе, как и в других видах искусства, становится актуален мотив материнства и «обновленной патриархальности». Таким образом, несмотря на локальные особенности техник съемки на национальных киностудиях и важную роль погружения режиссеров в местный быт, на рубеже десятилетий сложился единый советский кинематографический канон.

Фильмы «Севиль» и «Алмас» репрезентируют столкновение советской пропаганды и традиционного образа жизни в азербайджанском кинематографе конца 1920-х–середины 1930-х годов. Оппозиция старое/новое реализуется через гендерный вопрос и создание на киноэкране образа современной советской женщины. Грамотная и самостоятельная она должна стать полной противоположностью женщины дореволюционных времен, на которую оказывали влияние законы шариата и адата. Гендерное неравенство, зависимое экономическое положение от мужчины и узость коридора возможностей жизни в обществе, лишённого эмпатии к женской судьбе, осуждаются советским правительством и, как следствие, кинематографом. Героини подобные Севиль и Алмас – символы будущего страны, с одной стороны, эмансипированные и свободные девушки Востока, с другой – наделенные женской привлекательной и материнской силой персонажи. Фундаментальные идеи Советской власти в отношении медицины, грамотности на местах, борьбы с суевериями и религиозными догмами в картинах «Севиль» и «Алмас» проводятся, прежде всего, через проблему гендерной политики и вписываются в канон сталинского соцреализма.

Список литературы

1. *Александров В.Г.* Эпоха и кино. М.: Издательство политической литературы, 1976.
2. *Белодубровская М.* Не по плану. Кинематография при Сталине. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

3. *Булгакова О.* Советское кино в поисках «общей модели» // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000.
4. *Пырьев И.* О пройденном и пережитом. М.: Союз кинематографистов СССР, Бюро пропаганды советского искусства, 1979.
5. *Шкловский В.* За 60 лет: Работы о кино. Москва: Искусство, 1985.

А.А. Фишева

*Санкт-Петербург, Северо-Западный институт
Управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Героизация образа спортсменки в СССР в 1930-е годы

В 1920–1930-е годы большевики активно внедряли в массовое сознание образ «нового человека» – всесторонне развитой, гармоничной личности, достигшей успехов как на производстве, так и в спортивной деятельности. Три ипостаси «нового человека» – воин-защитник, труженик, спортсмен нашли свою репрезентацию в массовой советской культуре 1930-х годов.

Образ советской женщины, который начал складываться к концу 1920-х годов, подразумевал активную, освобожденную от угнетения и предрассудков прошлого, трудящуюся на благо людей ударницу производства, общественницу и мать. Однако со второй половины 1930-х годов советская женщина, помимо всего прочего, еще должна была «искусно летать, метко стрелять, хорошо владеть противогазом» [1, с. 231]. Расширение социальных обязанностей советской женщины было обусловлено милитаризацией всех сфер жизни общества в этот период. Идея неизбежности войны и важной роли женщины в обороне страны активно навязывалась советской пропагандой.

Духом героизма было пропитано все, что окружало советского человека: советские фильмы, музыка, литература и т.п. Через угрозу постоянной военной опасности советская система нашла путь к сознанию граждан, с помощью которого воспитывались героини. Их основной целью была защита социалистического государства и строительство социалистического общества. Героини войны и труда стали одной из ипостасей советского человека.

Именно в 1930-е годы в условиях формирования героического культа продолжала совершенствоваться наградная система Советского Союза: в 1930 г. были утверждены орден Ленина и орден Красной звезды, в 1934 г. – звание «Герой Советского Союза». Впервые женщины были удостоены звания Героя Советского Союза в 1938 г., когда оно было присвоено летчицам Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко и Марине Расковой за самый длинный среди женщин беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток.

В этот период стране были нужны новые имена, новые герои, рекорды. Это приводило к тому, что инициативы, прославляющие достижения социалистической системы, рождались практически повсеместно. Так, в июне 1935 г. группа из шести парашютисток совершила групповой прыжок с высоты 7035 метров, установив новый мировой рекорд парашютного прыжка без кислородного баллона. Меньше двух месяцев понадобилось на обновление этого достижения. Уже в августе 1935 г. советские парашютистки совершили прыжок с высоты 7923 метра, за что были удостоены ордена Красной звезды [6, с. 119].

В октябре 1936 г. был дан старт трансконтинентальному пешельжному переходу из Улан-Удэ до Москвы, в котором приняли участие пять бурятских девушек. За 95 ходовых дней лыжницы прошли 6045 километров. Газетные заметки, в которых освещался этот переход, озаглавливались как «Героический переход лыжниц Бурят-Монголии», «Поход отважных», а по отношению к самим лыжницам употреблялся эпитет «героические» [2]. В отличие от спортсменов «гнилого Запада», натренированных в искусственных условиях, и в противовес положению женщины в царскую эпоху, когда «собака больше почиталась бурято-монголами, чем женщина», участницы похода назывались «посланцами свободного народа, олицетворяющими здоровье, крепость, выносливость, силу духа, настойчивость, преданность родине, готовность защищать ее рубежи, посланцами всей молодежи социалистической Бурято-Монголии» [3]. Интересно, что данный поход пропагандировался именно как женский, но его сопровождали несколько мужчин, которые осуществляли общее руководство переходом и решали бытовые и коммуникационные вопросы. Таким образом, руководящая роль за организацию и проведение подобных инициатив по-прежнему была

возложена на мужчин, однако привычные представления о защитнике-мужчине теперь повторялись и в образе женщины-защитницы. То, что раньше было подвластно только мужчинам, смогли покорить советские женщины, «радостная и счастливая юность» которых пришлось на период существования социалистического государства. А сама советская система физического воспитания, нацеленная на возвращение гармонично развитых «новых людей», противопоставлялась буржуазному спорту с присущими ему индивидуализмом, соревновательностью, рекордсменством и чемпионством.

Пешелыжный переход завершился в марте 1937 г. на стадионе «Динамо» в Москве. 10 марта 1937 г. участницы и участники похода написали письмо И.В. Сталину, в котором заверили вождя, что за процветание социалистической Родины отдадут «все свои силы и способности, всю свою энергию, а если требуется, то и свою жизнь» [4]. Аналогичные обещания дали 19 жен начальствующего состава Сталинобадского гарнизона, которые в августе 1936 г. смогли покорить горную вершину высотой 4150 метров в районе кишлака Гушары. Они писали И.В. Сталину, что «готовы в любую минуту вместе со своими мужьями встать на защиту нашей замечательной Родины...», что и подтвердил поход [5, с. 4].

Подобные инициативы сложно рассматривать иначе нежели как политическую кампанию. С одной стороны, они спланировали советский народ в едином порыве радости, ознаменовывая счастливые моменты советской жизни, с другой, формировали образ героя, в любой момент жизни готового «к труду и обороне», которым мог стать каждый.

В пантеон героев наряду с летчиками, парашютистами и представителями других профессий, вошли и спортсмены. Ведь именно посредством физкультуры и спорта «новый человек» вне зависимости от гендерной принадлежности создал свое тело и приобретал необходимые навыки для «труда и обороны». «Среднего роста, плечистый и крепкий, ходит он в белой футболке и кепке, знак ГТО на груди у него» – так описывал неизвестного героя Самуил Маршак и, судя по последним строчкам этого стихотворения, к 1937 г. подходящих под эти параметры героев было уже много, а рождались они благодаря именно советской системе воспитания.

Спорт, а точнее, прежде всего, военно-спортивная деятельность, обладала магической силой, посредством которой молодой человек мог примерить на себя образ героя. Таким образом, военно-спортивная деятельность выступала в качестве средства мобилизации масс и социального трамплина, с помощью которого никому неизвестные люди стремительно оказывались наверху карьерной лестницы, перерождаясь в героя.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01790. <https://rscf.ru/project/24-28-01790/>

Список литературы

1. *Болотова Е.В.* «Работницам – боевую подготовку»: милитаризация образа советской женщины в 1930-е гг. (на материале журнала «Работница») // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 231–236.
2. Ленинградская правда. 1937. 5 марта.
3. Ленинградская правда. 1937. 8 марта.
4. Ленинградская правда. 1937. 11 марта.
5. На суше и на море. 1936. № 9.
6. *Савин А.И.* «Как теперь хотелось бы полететь и сделаться героем стратосферы» парамилитаризм как инструмент героизации советской молодежи (1930-е гг.) // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 110–128.

Е.В. Годовова

Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Коллекция костюмов сакмарских казачек Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея – женское наследие оренбургского и уральского казачества

При исследовании женского наследия Оренбургской губернии нельзя не рассказать о традиционной женской казачьей одежде – сарафанах, сарафанках и рубахах-«рукавах».

В XVII – первой половине XIX в. сарафаны были основным видом одежды уральских казачек. В.И. Даль писал, что казачки (уральские – Е.Г.) всех чинов и состояний одинаково одеваются – по-русски, богато и даже роскошно. Сарафан их отличается от русского тем, что покрывает грудь и шею, а рукава рубахи быва-

ют цветные, шелковые [1, с. 78]. Красовались в сарафанах и оренбургские казачки, но те, кто проживал в отдаленных станицах Оренбургского казачьего войска (бывших населенных пунктах Уральского войска), вошедших в состав при формировании или позже. Во второй половине XIX в. под влиянием городской моды этот элемент женского костюма вытесняется юбками и кофтами, в начале XX в. – платьями, но сохраняется как вид праздничной и обрядовой одежды вплоть до середины прошлого столетия.

В этнографическом собрании Оренбургского государственного историко-краеведческого музея хранится удивительная коллекция – 39 женских костюмов сакмарских казачек. До 1869 г. Сакмарская станица входила в состав Уральского, а затем перешла в Оренбургское казачье войско, став своеобразным анклавом сохранения культуры уральских казаков, одним из элементов которой была женская одежда, бытовавшая у сакмарских казачек вплоть до середины XX в.

Коллекция костюмов сакмарских казачек в Оренбургском губернаторском историко-краеведческом музее представлена праздничными сарафанами, повседневными сарафанками, а также рубашками-«рукавами».

Праздничный сарафан сакмарской казачки распашной, то есть имеет разрез по центру передней части. Пройма рукавов глубокая, но плотно прилегающая к телу. Особенностью является наличие широких позументов или галунов, расположенных вертикально, – от горловины до подола. Позумент изготавливался из металлизированной золотой или серебряной нити с применением бити (тонких металлических полосок). Галуны нашивали двумя вертикальными линиями по центру сарафана. У подола галуны расходились в стороны, образуя «усики». Казачки украшали галунами подол только спереди. Также галунами могла обшиваться горловина или проймы рукавов. Часто обшивался только верх проймы, а шов под мышкой не украшался. Ширина галунов варьировалась от средней до очень большой. Дополнительную ширину придавали фестоны, или «городки», – выемки трапециевидного, круглого или треугольного вида вдоль внешнего края галуна. Из них же нередко делался и роскошный пояс для сарафана. И, наконец, отделка, декор, цена которых тоже была непомерной. На сарафан вдоль переднего шва между галунов пришивались объемные круглые или овальные пуговицы. Иногда серебряные или

позолоченные, они являли собой отдельное ювелирное украшение. Пуговицы нанизывались на металлический шнур, пришиваемый от горловины до нижнего края сарафана, и распределялись на разной высоте. Неодинаковые по размеру, они обычно увеличивались от горловины к подолу [2, с. 7], а петли к ним были воздушными – из металлического шнура или узкого галуна.

К началу XX в. сарафаны вышли из широкого использования, их надевали главным образом по торжественным случаям: на праздники, свадьбы, похороны, поминки, на моление [3, с. 193].

Помимо праздничных костюмов в собрании музея хранятся сарафанки – повседневная одежда казачек, которую шили из более простых, но качественных тканей – набивного ситца и сатина. Сарафанки не имели имитированной застежки с серебряными пуговицами, а в качестве декора для них использовались мерки ручного кружева. Сарафанку отличали узкие плечи и широкий подол, а также отсутствие шлейфа. Кружево, служившее украшением, нашивалось горизонтально вдоль подола. Пуговицы на сарафанке были функциональными: пять-шесть стеклянных или перламутровых пуговиц располагались вертикально от горловины до уровня груди и застегивались на прорезные петли [2, с. 7].

Рубаха-«рукав» – нательная одежда, надеваемая с сарафаном или сарафанкой. Такая рубаха составляла основу женского костюма. Этот вид одежды состоял из двух элементов – «рукавов» и «стана». Основной, видимой частью были рукава, поэтому рубаха и получила такое название. Характерной особенностью традиционной рубахи уральской казачки были очень широкие, пышные рукава: «мешок муки можно насыпать – вот уж рукава были» [3, с. 193].

Горловина рубахи собиралась на мелкую сборку и обшивалась кантом. В зависимости от назначения рукава были нарядными и повседневными. Праздничные рубахи шились из привозной ткани (парча, тафта, шелк, жаккард) и украшались широкими галунами (металлической фабричной тесьмой). Верхний край нашиваемого галуна был фестончатым, с трапециевидными, треугольными или полукруглыми выступами-«городками». Вторая часть рубахи – стан, станушка – шилась исключительно из хлопковой ткани, она плотно прилегала к телу, а хлопок обеспечивал комфорт и гигиену. Если станушка изнашивалась, ее заменяли. Длина станушки варьировалась [2, с. 8].

Итак, костюмы сакмарских казачек – это женское наследие, памятники материальной и духовной культуры, содержащие информацию о целой эпохе и подчеркивающие самобытность определенной социокультурной группы. К сожалению, со временем многим нарядам этой коллекции понадобилась реставрация. Частично осуществить это стало возможно благодаря успешной реализации культурно-просветительских проектов «Ткань времени» (грант Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства) и «Узоры Форштадта: женский казачий костюм» (ПАО «Т Плюс»).

Список литературы

1. *Даль В.И.* Об Уральском казачьем войске / Вступ. ст. В.Я. Дерягина. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 276 с.
2. Коллекция костюмов сакмарских казачек из собрания Оренбургского губернаторского музея: иллюстрированный каталог / состав. Е.С. Елистратова. Оренбург: Южный Урал, 2023. 50 с., ил.
3. *Сагнаева С.К.* Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже XIX – XX вв. Уральск, 2015. 304 с.

М.К. Нагиева

*Махачкала, Институт истории,
археологии и этнографии ДФИЦ РАН*

Женский вклад в музыкальную культуру Дагестана в годы Великой Отечественной войны

Музыкальная культура в Дагестане отличается большим разнообразием. Ведь республику населяет большое количество национальностей, которых объединяет единство исторических судеб и схожесть условий жизни горцев. Основой дагестанской этнической музыки являлся фольклорный характер, характерным для дагестанцев были и песни-баллады, песни-раздумья, также важное место в национальной музыке принадлежало мужским певческим традициям.

Все виды дагестанского искусства в предвоенные годы находились на подъеме, более того, имелся огромный потенциал для

их дальнейшего развития. В мае 1941 г., за месяц до начала войны в Махачкале была проведена первая республиканская конференция работников искусства, а также республиканское совещание ашугов и сказителей. В проведении этих мероприятий, подготовке принятых ими рекомендаций большую роль сыграл известный композитор Дагестана и музыкальный работник П.Ф. Проскурин. Не без его влияния были приняты рекомендации, направленные на решение важных задач музыкальной культуры республики [3, с. 47]. Реализации намеченных мероприятий помешала начавшаяся война. Многие композиторы и музыкальные деятели, в частности, М.И. Плоткин, Н.С. Дагиров, И.Г. Савченко, В.В. Сперанский, З.М. Гаджиев и другие деятели искусства были мобилизованы на фронт. Погибли на фронтах войны: один из создателей первой работы о дагестанской народной музыке, член Союза композиторов СССР М.И. Плоткин; музыковед-фольклорист, автор первой специальной статьи о музыкальном творчестве кумыков В.М. Кривоносов; композитор В.М. Тарнопольский, занимавшийся с конца 1930-х годов собиранием дагестанского фольклора, на основе которого им был создан ряд произведений [11, с. 160].

В первый же год войны перестали существовать некоторые музыкальные учреждения республики. Так, 25 августа 1941 г. было принято постановление СНК ДАССР о временном прекращении работы единственного в республике музыкального училища, а музыкальная школа переведена на хозрасчет. Уже к октябрю 1942 г. она тоже была закрыта, потому что на фоне очень сложной ситуации на фронте, у власти не хватало средств на поддержание музыкального искусства республики.

Однако, несмотря на сложную ситуацию на фронте, уже в 1942 г. был образован *Союз композиторов Дагестана*, перед которым была поставлена задача создания новых высокохудожественных произведений, отражающих действительность, разумеется, соответствующих духу военного времени. В состав оргкомитета Союза вошли композиторы Н. Иванов, Далгат, С. Керимов, П. Проскурин, И. Савченко, Каткович, Г. Темирханов и др. При оргкомитете было создано 4 секции – творческая, фольклорная, оборонная и исполнительская [7, с. 143]. За короткий период своего существования Союз композиторов создал целый ряд произведений, которые отвечали задачам дня. Всего

было написано 177 произведений, из них 2 оперы, 2 сюиты, 3 поэмы для симфонического оркестра и 2 марша, для духовного оркестра – 6 произведений, 15 песен на темы Отечественной войны, 17 мелодий и обработок песен и т.д. [7, с. 150].

В августе 1942 г., когда линия фронта подошла вплотную к Дагестану, постановлением СНК ДАССР и бюро Дагобкома ВКП (б) специально для работы в частях действующей армии была создана концертная бригада *«Дагестанский фронтовой театр эстрады и миниатюры»*, куда вошло 12 чел. Театр сразу начал концертную деятельность в госпиталях и частях Красной Армии, располагавшихся в Дагестане. Руководителем коллектива был назначен московский композитор Н.А. Иванов, который в годы Отечественной войны работал в республике и возглавлял Союз композиторов Дагестана.

Художественным руководителем «фронтового» театра была режиссер Московского театра им. М.Н. Ермоловой А.И. Платонова. В состав группы входили артисты и музыканты, представлявшие русское и дагестанское искусство разных жанров: солистка Даградиокомитета С.Т. Мурадова, драматические актрисы Рыбинского театра Е. Цветкова и Украинского театра музыкальной комедии И.П. Базилевич, солистка Ленинградского радиокомитета О.В. Страдэ, танцор Н. Умалатов, акробат-пехлеван из Цовкра Д. Абасов, солист-гарист Дагнацансамбля В.Д. Алахвердов, артист Московского театра им. Ермоловой В. Лекарев, баянист Ленинградской госэстрады Д.В. Смирнов, драматический актер Б. Гутевич [11, с. 161].

В январе 1944 г. на базе концертного бюро по решению обкома партии и правительства республики была образована *Дагестанская государственная филармония* [5] в которой в годы войны началась певческая карьера еще никому не известной певицы Исбат Гайдарбековны Баталбековой, впоследствии ставшей народной артисткой ДАССР. С 1940 г. И. Баталбекова пришла на работу в хоровой коллектив при Даградиокомитете. Талант И. Баталбековой позволил ей вести активную сольную концертную деятельность на даргинском и кумыкском языках. Более того, ее природные данные были высоко оценены и в 1943 г. правительство Дагестана направило ее на учебу в Бакинскую государственную консерваторию. Ее учителями были вы-

дающиеся музыкальные деятели Азербайджана, композиторы У. Гаджибеков и К. Караев. По классу вокала И. Баталбекова занималась у профессора М.А. Колотовой. Прекрасные вокальные данные и поразительная работоспособность помогли ей стать одной из самых ярких и одаренных студенток консерватории. С 1946 по 1949 г. в послевоенные годы Исбат являлась певицей-практиканткой Азербайджанского государственного театра оперы и балета [9, с. 58–59].

В Даградиокомитете еще до войны начала выступать ставшая знаменитой певицей в последующие годы Рагимат Абдулмуталибовна Гаджиева, долгие годы она была солисткой Дагестанского радио. Р. Гаджиева часто выступала у микрофона и на открытых площадках. Изучала музыкальную грамоту и знакомилась с классическими произведениями русских и западных композиторов. В военные годы песни Р. Гаджиевой на слова народных поэтов Дагестана С. Стальского, Г. Цадасы, Т. Хурюгского, А. Гафурова вдохновляли почитателей ее таланта на ратные подвиги [4, с. 107].

За время войны творчески вырос и окреп *Дагестанский ансамбль песни и танца*, который проводил большую работу по культурному обслуживанию, как населения республики, так и воинов Советской Армии. Так, во втором полугодии 1941 г. коллектив ансамбля побывал почти во всех районах республики и дал 324 концерта. Зимой-весной 1942–1943 гг. ансамбль выступал с гастроями в Закавказском военном округе. В июне 1943 г. по приглашению Центрального Дома Советской Армии ансамбль выехал на центральный фронт. В воинских частях он дал 62 концерта и получил благодарность от командования. Коллектив ансамбля выступал также в госпиталях, на призывных пунктах. За время войны было дано 469 шефских концертов. За период с 1942 по 1945 г. в районах Дагестана ансамбль дал более 700 концертов и обслужил 400 тыс. зрителей [2]. Заслуженным успехом у зрителей пользовались артистки ансамбля А. Ибрагимова, Р. Гаджиева, П. Нуцалова, Р. Гуриелашвили, П. Даниялова, Адибекова и др. [1, с. 90]. Наравне с другими призывниками, ряды Красной Армии были пополнены и артистами Дагестанского ансамбля песни и танца. Руководство Дагестана сумело сохранить основное ядро ансамбля, несмотря на

то, что первые организаторы ансамбля Г. Гасанов, Н. Дагиров, В. Плоткин были мобилизованы на фронт [8, с. 292].

К 1945 г. Дагнацансамбль существовал уже 10 лет и за это время сумел подготовить целую плеяду талантливых артистов – среди которых: народная артистка ДАССР Эра Ашибекова, заслуженные артисты ДАССР Курбан Магомедов, Урудж Абубакаров, артисты Гасан Алекберов, Муслимат Абакарова, Разият Магомедова и др. Коллектив ансамбля был многонациональным и в нем были представлены практически все народы Дагестана [2].

Танцы всех народов Дагестана исполняли артисты К. и Г. Манафовы, Р. Магомедова, М. Баширов, М. Гуралашвили, М. Кутузова, М. Вагабов. По рассказам самих исполнителей Р. Магомедовой и Г. Манафовой, им довелось в последний год войны выступать в деревне Тазово под Москвой перед маршалом К.К. Рокоссовским и И.Х. Баграмяном, а также перед участниками войны в Зеленом театре столицы. Выступать артистам приходилось под открытым небом на самодеятельных площадках очень близко к фронту. Артисты давали по 2-3 концерта в день в течение почти 2-х месяцев [8, с. 292].

В 1945 г. для проведения празднования 25-летия автономии Дагестана, при Ансамбле песни и пляски Дагестана был организован женский ансамбль кумузисток, в составе 26 чел. Общий творческий состав ансамбля был доведен до 60 чел., из них: 31 – женщина и 29 мужчин [10, л. 30].

Большой труд работников искусств в годы Отечественной войны получил признание народов Дагестана и был высоко оценен Советским правительством. Многие деятели искусства, в том числе солистки Дагестанского национального ансамбля песни и танца Э. Адибекова, А. Ибрагимова, А. Хайдакова, П. Даниялова, М. Щербатова, известные мастера акробатического искусства Р. Абакаров, Я. Гаджикурбанов были удостоены почетных званий заслуженных и народных артистов ДАССР [6, с. 324–325].

В годы Отечественной войны симфонический коллектив Радиокomiteта активно участвовал в общей работе композиторов и музыкантов республики по культурному обслуживанию воинских частей и госпиталей. В программах этих выступлений важное место занимали песни дагестанских авторов и обработки

народных песен, которые исполняли, также певицы Исбат Баталбекова, Рагимат Гаджиева и другие горянки.

Таким образом, подводя итоги развития музыкального искусства в республике в этот сложный, но и одновременно насыщенный исторический период, можно сказать, что дагестанская музыка, продолжала развиваться. Более того, профессиональное искусство республики не только не ослабло, а приобрело наоборот еще больший для себя опыт, свой музыкальный вклад в это внесли и женщины-горянки.

Список литературы

1. *Аликберов З.М., Керимов И.К.* На фронте и в тылу. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959.
2. Дагестанский государственный ансамбль песни и пляски // Дагестанская правда. 1945. 8 августа. № 163.
3. Искусство Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1984.
4. Искусство и литература Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963.
5. *Костюковский А.* Дагестанская филармония // Дагестанская правда. 1944. 20 мая. № 99.
6. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971.
7. Культурное строительство в Дагестанской АССР. Сб. документов. Т. 2. 1941 – 1977. Махачкала, 1988.
8. *Умаханова А.М.* Концертная деятельность ансамбля песни и танца Дагестана в годы войны // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала, 2005.
9. *Ханжов Ю.Г.* История развития музыкального искусства Дагестана (1946–1953 гг.). Махачкала, 2008.
10. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6328. Л. 30.
11. *Якубов М.* Очерки истории дагестанской советской музыки. 1917–1945 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974.

Х.М. Джанатлиева
Махачкала, Дагестанский государственный
университет народного хозяйства

Дагестанский театр в лицах – Барият Мурадова

Барият Мурадова – талантливая актриса и режиссер, чей вклад в развитие театра в Дагестане остается невероятно значимым и вдохновляющим. Родившись и выросшая в Дагестане, она с самого детства проявила страсть к театральному искусству, что стало отправной точкой ее удивительного творческого пути.

Родившись в 1914 г. в Темир-Хан-Шуре, Барият начала свой творческий путь как солистка Радиокomiteта в Махачкале, а затем стала актрисой Кумыкского музыкально-драматического театра. Ее талант и профессионализм привлекли внимание режиссера Николая Жукова, который предложил ей роль в фильме по сценарию дагестанского писателя Ахмедхана Абу-Бакара.

Юная актриса согласилась на роль Айшат, в которую вложила всю свою душу и талант, получив признание и успех. Ее актерское мастерство и преданность театру привели к тому, что в 1960 г. она стала первой народной артисткой СССР на Северном Кавказе. Несмотря на предложение главного режиссера Московского драмтеатра Андрея Гончарова перейти к нему, Барият Мурадова осталась верна своему родному Кумыкскому театру.

Одним из главных достижений Мурадовой является ее работа в качестве режиссера и постановщика спектаклей. Ее творческий подход к режиссуре отличался оригинальностью и глубиной, что делало ее постановки уникальными и запоминающимися. Благодаря своему таланту и профессионализму, она смогла создать множество постановок, которые получили признание как у зрителей, так и у коллег по цеху.

Сцена стала местом, где Барият чувствовала себя абсолютно счастливым человеком. Поразительно, как легко она могла дарить зрителям то радость, то грусть, заставить сопереживать ее героиням и постигать неизведанные уголки человеческой души через свое умение проживать роль. Она не имела высшего театрального образования, но природа одарила ее талантом с такой щедростью, что вопросов о ее профессионализме у экспертов и ценителей театра не возникало. По этому поводу актриса нико-

гда не комплексовала и не имела предрассудков. «“Пишите, как есть”, – говорила она журналистам, – незачем это скрывать». Но та жажда, с которой Барият Мурадова читала книги, пополняя свои знания о театре, искусстве, литературе, объяснялась не только стремлением к самообразованию. Она просто была очень любознательным, любопытным в самом лучшем смысле этого слова человеком, открытым новому, отличающимся чутьем и проницательностью, присущей настоящим артистам.

Барият Солтанмеджидовна отличалась исключительной естественностью в жизни и необыкновенной органичностью в работе. Гордыня, спесь и чувство собственного превосходства над коллегами были для нее чужды вопреки широкому признанию ее таланта. Эта женщина всегда отличалась добросердечностью, дружелюбием, искренностью и обаянием, которое очаровывало окружающих.

Более двух сотен ролей Мурадовой вошло в золотой фонд дагестанской театральной истории. Отважная Кистаман из «Красных партизан», Гюякыз из «Айгази», Жумайсат из «Моллы Насретдина», Асият из пьесы «Любовь Асият», Шекерхан из «Под деревом» и др. Мастерству актрисы с легкостью давались роли уровня мировой театральной классики. С поразительной достоверностью и невероятной отдачей были сыграны главные шекспировские героини – Джульетта и Дездемона. Образцом комической женской роли стала ее Гюльчохра в «Аршин мал алане», а образ пленительной роковой дамы был воплощен в Лауре из «Каменного гостя» Пушкина. Выразительная Толганай в «Материнском поле» Айтматова [1, с. 9]. Каждая роль – как маленькая жизнь, прожитая от начала спектакля до самого занавеса. И правда такова, что ее образы и сыгранные ею характеры обретали для людей особенное значение, становясь ролевой моделью или напротив отрицательным примером.

Говоря о том, что Барият Мурадова стояла у истоков драматургии и дагестанского театра, можно опираться на многочисленные характеристики работавших с ней над пьесами и спектаклями режиссеров-постановщиков. Так, Г. Рустамов говорил, что Барият как никто другой понимала важность коллективной работы в театре, чувствовала важность гармонии всей труппы и единства ее намерений. Она была правой рукой режиссера, на которую он всегда мог положиться и посоветоваться о важных

творческих решениях. Ее безусловный актерский и личностный авторитет помогал регулировать разногласия на площадке, сглаживать конфликтные ситуации и умерять пыл импульсивных творческих натур. «Поверьте, это для театра – огромная ценность» – говорил Рустамов [2, с. 231].

Барият обладала и исключительным вокальным талантом. Также удивительно красиво она исполняла старинные кумыкские народные песни – йыры. Ее музыкальному образованию способствовали Т. Бийболатов и ее дядя Татам Мурадов – великолепный певец и музыкант. Он и сам любил исполнять старинные кумыкские песни и передал эту любовь своей племяннице. Йыры она исполняла перед такими людьми, как Тухачевский, Ульянова, Калинин, Ворошилов и Цеткин, приехавшая в Дагестан по приглашению Д. Коркмасова. Коркмасов пророчески говорил о Барият: «Вот будущая великая звезда Дагестана!» И она, словно не желая подвести своего великого земляка, действительно стала звездой.

Благоприятные отзывы об актрисе звучали со страниц газет «Советская Россия», «Советская культура» и других изданий. С похвалой отзывались о работах актрисы драматург Д. Зорин, заслуженный деятель искусств РСФСР Ф. Бондаренко. Родина по достоинству оценила талант и мастерство Барият Мурадовой, присвоив ей звание народной артистки СССР [3, с. 162].

Барият Мурадова была как мать для многих, всегда готова поддержать советом, обласкать добрым словом и даже спеть песню, т.к. она также была великолепной певицей. Ее уход из жизни был огромной потерей для Дагестана, и ее ученики и близкие всегда будут помнить ее с теплотой и уважением.

Наследие Барият Мурадовой остается важным и вдохновляющим для многих поколений актеров, режиссеров и зрителей. Ее талант, страсть к театру и преданность искусству помогли ей стать одной из самых ярких фигур в истории дагестанского театра. Ее работы продолжают вдохновлять и восхищать людей, сохраняя ее наследие и влияние на развитие театрального искусства в регионе. Барият Мурадова останется навсегда в памяти как великий талант, чья страсть и преданность театру вдохновляют на творчество и творческие открытия. Ее история и творческий путь являются ярким примером того, как один человек может оставить неизгладимый след в истории искусства.

Список литературы

1. *Абдулгамидова Н.А.* Лучезарный талант Барият Мурадовой // Наследие мировой культуры и искусства в системе художественно-педагогического образования Северного Кавказа. Сборник научных статей. 2018. С. 7–10.
2. *Бесараб В.* Барият Мурадова. она была актрисой... // Культурный портрет. Деятели культуры и искусства Дагестана XIX–XXI вв. в изобразительном искусстве и литературе / состав. Д.А. Дагирова. Махачкала: Лотос, 2008. С. 230–232.
3. Юбилейная научная сессия «Народная артистка СССР Барият Солтан-Меджидовна Мурадова (1914–2001)» // Вестник института языка, литературы и искусства им Г. Цадасы. 2014. № 6. С. 162–164.

Ф.А. Гаджалова

*Махачкала, Институт истории, археологии
и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН*

Роль женщин в брендировани традиционной вышивки Дагестана (на примере Кубачи и Кайтага)

Традиционная (народная) вышивка Дагестана – один из видов народного декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов края. Женщины в прошлом украшали вышивкой одежду, обувь, головные уборы, занавеси, кисеты, кобуры, футляры, сумочки-конверты для бытовых мелочей, верхние покрытия валиков-подушек, попоны, чепраки для седла, всевозможные накидки, коврики. Разнообразие и богатство традиций женского рукоделия, ее самобытные черты ярко отражаются в таких видах народного декоративного шитья, как кубачинская вышивка золотыми и шелковыми нитями в технике тамбур, кумыкское, лакское и аварское шитье золотом в прикреп, кайтагская вышивка шелком в гладевой технике с последующим прикрепом и многие другие виды.

Наибольшее развитие традиционная вышивка Дагестана получила в конце XIX – начале XX в. В это время развивается народное искусство и художественные промыслы, растет эсте-

тическая культура населения, хорошим спросом пользуется трудоемкая отделка и т.д. В советский период истории произошло резкое сужение сферы применения вышивки у народов Дагестана. Это было связано с распространением городских фасонов одежды с дефицитом материалов, необходимых для вышивки и другими факторами.

Возрождение утраченных видов вышивки и новый виток развития традиционного женского ремесла пришлось в Дагестане на начало XXI в. Обилие и доступность разнообразных материалов, активный интерес многих женщин к вышивке, вязанию, а также актуализация народной культуры способствуют созданию новых образцов дагестанской народной вышивки, с сохранением традиционных техник и приемов. Параллельно в народной вышивке идет использование новых видов швов, появляются новые композиционные решения орнаментов.

Дагестанская вышивка на современном этапе развития наиболее ярко представлена двумя ее видами. Это **вышивка златокузнецов знаменитого села Кубачи и архаичная самобытная кайтагская вышивка**. Они представляют собой примеры редких техник и стилей вышивок. Кайтагская вышивка – вышивка гладью некрученым шелком с последующим прикрепом настила глади поперечными нитками и кубачинская вышивка – вышивка тамбуром золотой нитью не выявлены согласно данным исследователей у других народов Кавказа и народов, живущих на смежных с ним территориях.

Кубачинская вышивка характеризуется локальным видом бытования (вышивку изготавливали в прошлом и сейчас только в с. Кубачи). Это традиционный тип женских занятий села в основном обеспечивающих внутренние потребности жителей. Традиционно кубачинки украшали золотой вышивкой женскую одежду: свадебные головные покрывала «Каз» и нижний головной убор «чухту», вышивали жемчугом праздничные манжеты-нарукавники «Гигъналла дулкме», занимались плетением бахромы из золотых и шелковых ниток и т.д. Традиции вышивания в Кубачи, это единственное вышивальное искусство в Дагестане, которое не прерывалось на протяжении длительного исторического времени.

В начале XXI в. в кубачинской вышивке стали появляться некоторые нововведения. Так, в узорах головных покрывал по-

являются совершенно новые элементы узора и техники не характерные для народных традиций. Благодаря большому выбору разнообразных по качеству нитей для рукоделия женщины соревнуются в выдумке. Многие новшества сразу прижились и стали модными тенденциями в украшательстве головных покрывал в Кубачи. С 2005 г. появляются швейные машинки, на которых можно было вышивать с использованием компьютерной программы. В селении даже сложился небольшой промысел: опытные мастерицы вышивают головные покрывала, кайму для покрывал по заказам своих землячек. В то же время, благодаря устойчивости традиции, в Кубачи сохраняется и уважительное отношение к ручной вышивке.

Возродили мастерицы и старинные техники: восстановлены традиции вышивки жемчугом манжет-нарукавников, бытовавших в прошлом. Жемчуг (чаще это мелкий речной) привозят из Азербайджана, городов центральной России. Серебряные ювелирные нашивки для рукавов изготавливают местные ювелиры-филигранщики.

Знаменитый центр ремесел по художественной обработке серебра село Кубачи теперь открылся с новой, неизвестной ранее стороны, как село мастериц-златошвеек. Это стало возможным благодаря выигранному и реализованному проекту «Сохранение и развитие народного промысла “Золотая вышивка”», получившего грант Главы Республики Дагестан Владимира Васильева в декабре 2018 года.

Одним из крупных мероприятий, осуществленных в рамках гранта, стала выставка «Каз. Белое золото Кубачи». в Национальном музее Дагестана им. А. Тахо-Годи. Была представлена коллекция из более чем 60 современных и старинных традиционных головных покрывал кубачинок. Помимо покрывал, посетители смогли увидеть вышитые панно и лоскутные композиции, выполненные по проекту. На сегодняшний день можно говорить о кубачинской вышивке, как о узнаваемом бренде Дагестана, в развитии которого активно участвуют как мастерицы горного с. Кубачи, так и городские кубачинки.

Еще один вид традиционной вышивки – **это кайтагская вышивка**. Ее бытование можно отнести к периоду XVII – первой трети XX в. Небольшие прямоугольные куски хлопчатобумажной дмотканой материи, вышитые крупной гладью с ис-

пользованием некрученной шелковой нити, отличались архаичным орнаментом. Использовалась такая вышитая ткань для рядов жизненного цикла. Традиции изготовления были утеряны в 1940–1950-е годы.

Возрождением этого забытого народного ремесла в Дагестане стали заниматься с 1090-х годов. Дагестанские рукодельницы, не оставшиеся равнодушными к ярким произведениям народного искусства, которые сохранились лишь в качестве музейных экспонатов и в частных коллекциях, активно стали восстанавливать утраченный секрет старинного рукоделия. На протяжении последних десяти лет мастерицы Кайтагского района получили поддержку в виде грантов, благодаря которым женщины смогли передать свои знания работникам районных библиотек, сельских домов культуры, учителям труда и рисования. Все жительницы района увлечены традиционным рукоделием. В общеобразовательных школах Кайтагского района работают педагоги, которые в настоящее время обучают школьников основам древнего рукоделия, как по обязательной программе, так и факультативно. Творческие работы педагогов и их воспитанников, мастериц Центра традиционной культуры выставляются на всевозможных выставках и мероприятиях, проходящих в нашей республике и за ее пределами, как современные образцы народного искусства. Народная вышивка стала своеобразным брендом Кайтагского района. На выставках можно не просто полюбоваться на образцы кропотливого труда женщин, но и научиться приемам рукоделия: мастерицы здесь же проводят мастер-классы.

Благодаря трудолюбию женщин-мастериц, которые передают свои знания и умения подрастающему поколению и всем, кто интересуется народным искусством, традиции дагестанской вышивки сегодня активно развиваются и становятся узнаваемыми символами народной культуры.

Навыки рукодельного мастерства позволяют в наше время женщинам Дагестана заниматься индивидуальным и семейным предпринимательством, заниматься творчеством, любимым делом. Сегодня народное рукоделие это не просто домашнее, камерное ремесло, это символ культуры Дагестана, узнаваемый бренд. Традиционные узоры и техники вышивки используются вышивальщицами в изготовлении сувенирных предметов, в со-

здании авторских, уникальных панно, в украшении современной, дизайнерской одежды.

З.Р. Гафурова

*Москва, Московский детский
музыкально-драматический театр «Поколение»*

Работы художницы Таус Махачевой как артдиалог с национальным искусством Дагестана

Таус Махачева – одна из самых востребованных современных художниц Дагестана, неустанно вкладывающая в свои работы огромный «эмоциональный и интеллектуальный ресурс» [3]. Она – лауреат множества международных премий и Биеннале, автор более 300 выставок на различных мировых площадках. Сквозной темой творчества Таус Махачевой проходит культура идентичности жителей Кавказа: ее формы, ее воплощение в обрядах, мифах, традициях и современных ритуалах. Несмотря на то, что она москвичка по рождению, художница считает своим домом Махачкалу. «Для меня Дагестан – важный источник вдохновения» – говорит Махачева. И как не парадоксально, пребывая долгое время в Англии, художница «именно там поняла и приняла свою национальную принадлежность» [3].

Ее знаменитые проекты: «Пространство торжества» (2009); «Быстрые и неистовые» (2011); «Гамсутль» (2012); «История требует продолжения» (2013); «Пуля» (2014); «СуперТаус» (2016); «Облако, зацепившееся за гору» (2018) построены как иммерсивные выставки/перформансы, ключевым моментом которых является выход художницы за пределы объектов, непосредственно к зрителю. Причем сами объекты – это чаще всего предметы народных промыслов Дагестана. Декоративно-прикладное искусство Дагестана очень богато и разнообразно: керамика, резное дерево, оружие, золотое шитье, изделие из серебра, ковроделие. Например, выставка Махачевой «История требует продолжения» построена как диалог нарративов, представленный художницей, с орнаментальным ковровым паттерном, созданным дагестанскими мастерицами. И в этом диалоге интересное развитие получила «тема идентичности локального сообщества. Насколько та или иная традиция, социальный прин-

цип или общественный и семейный уклад определяет современного представителя дагестанской республики? Действительно ли они укоренены в прошлом и несут в себе мудрость многих поколений? Или они создаются “здесь и сейчас”...?» [2].

Мастерски владея самыми разными современными художественными техниками, Таус Махачева в проекте «СуперТаус» предстает перед широкой публикой непосредственно в виде действующего экспоната – чудо-женщины СуперТаус, совершающей действия, которые не под силу даже мужчинам. С первого взгляда кажется, что создаваемый ею художественный мир вынужденно противостоит доминированию мужского мира. Последнее особенно прочитывается в мужских образах/открытках часто экспонируемой художницей в своих проектах фотогалереи «Кавказские типы», полной танцоров лезгинки, борцов, банщиков, канатоходцев, современных джигитов. Однако художница с большой эмпатией относится к мужскому миру. Она справедливо замечает, «что сегодня давление на мужчин так же сильно», как и на женщин [1]. В результате обращения художницы к родным корням, отсылки к древним горским традициям рождается ее активный артдиалог с народным искусством Дагестана, в результате которого перед нами возникает красочный, временами меняющий свои тренды, взаимодействующий мир мужчин и женщин на фоне Кавказских гор. Не случайно, что сама художница искренне верит в позитивную силу искусства, в то, что «искусство имеет великий потенциал к перемене, к открыванию людям глаза на то, что вокруг происходит, что с ними самими происходит» [1].

Список литературы

1. Магомедов З. Таус Махачева в мире мужчин // DARTAR. 2014. № 2.
2. Масляев А. Признак целостности выставки // Художественный журнал. 2014. № 97.
3. Не делать «большого и красного» / Это Кавказ. URL: <https://etokavkaz.ru/sovremennoe-iskusstvo/taus-makhacheva> (дата обращения 16.03.2016).

Женские образы в произведениях дагестанских писателей XX века

Дагестанская литература представляет собой синтез творчества всех народов Дагестана. Художественное творчество каждого народа имело свои особенные черты и отражало культурно-исторические особенности развития этноса. Знаменитые эпосы, такие как «Парту Патима», «О разгроме Надиршаха», «Песнь о Хочбаре» и т.д. повествовали об исторических событиях и поднимали острую социальную проблематику.

С начала XX в. на первый план выходит борьба с устаревшими обычаями, остро поднимается женская проблематика. С помощью художественных образов писатели и поэты пытались привлечь внимание к положению женщин и их правам. Воспевая в своих произведениях идеализированный образ, авторы пытались изменить действительность и показать читателю новый тип героини, способной бороться за свои права и личное счастье.

Особое место в дагестанской литературе XX в. занимает великий поэт и писатель Р. Гамзатов. В своем творчестве Р. Гамзатов воспевает женщину, мать, любимую. О судьбе горянок рассказывали как народные песни-плачи, оплакивавшие девушек, посмеявших пойти против воли родителей, так и дагестанские поэтессы-певицы: Анхил Марин, Щаза из Куркли, Кадрия и т.д. [1, с. 13]. Нередки были случаи, когда в традиционном дагестанском обществе, девушки, не желая выходить замуж за нелюбимых, бросались в реку со скалы. Р. Гамзатов, продолжая художественную традицию, писал, что высшим мерилом мужчины является «отношение к женщине».

В поэме «Горянка» Р. Гамзатов рассказывает о судьбе девушки, которая бросила вызов архаичному обществу. Образ девушки Асият является манифестом борьбы за личное счастье и возможность самостоятельно строить свою жизнь. Поэма показывает, как по мере взросления, меняется как главная героиня,

так и общество в целом. И как, пойдя против воли родителей, Асият добивается уважения общества.

Еще один дагестанский автор, поднимавший проблему женщины и ее взросления в традиционном обществе, – даргинский писатель А. Абу-Бакар. В повести «Даргинские девушки» писатель выводит на первый план проблему раскрепощения женщины посредством лирических образов [2, с. 8]. Местом действия выбрано высокогорное село Уркух, в котором шла борьба против закоренелых традиций, в том числе, в отношении женщин. Судьбы девушек-однолеток, чьи судьбы сложились по-разному, являлись отражением быта и ментальности дагестанцев середины XX в. В повести красной линией проходит борьба между желанием молодежи поднимать культуру и получать образование с религиозным фанатизмом.

Но истинным поэтом женской судьбы в дагестанской литературе является Фазу Алиева. Произведения Ф. Алиевой пронизаны любовью к женщине-горянке, чья судьба была сложной и драматичной. Галерея женских образов, созданных, чтобы показать, какие перемены происходили в советском Дагестане. Фазу Гамзатовна Алиева своей судьбой доказала, что простая девушка из небольшого дагестанского аула смогла добиться признания коллег и почитателей, стать государственным и общественным деятелем, много лет возглавлять редакцию журнала «Женщина Дагестана». Ф. Алиева пленила своей простотой, любовью к героям своих произведений, сочувствием и материнской заботой. В заключении хочется привести цитату из стихотворения знаменитой поэтессы «Ты, дочь моя, уходишь в дом чужой»:

*Ты, дочь моя, уходишь в дом чужой.
Там на тебя с оценкой взор нацелят.
А ты – мой плод, росла не за межой,
И по тебе меня оценят.
Ты слейся с ними, верная подруга
И преданная мужняя жена.
Но, как солдат, нет-нет да глянь по кругу
Не слишком ли уж ты окружена?*

Список литературы

1. *Манапова В.Э.* Творчество Расула Гамзатова как форма выражения культурного кода народов Дагестана // Диалог культур в глобализирующемся мире. К 100-летию Расула Гамзатова: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала, 2023. С. 12–14.
2. *Абдусаламова Р.А.* Повести Ахмедхана Абу-Бакара: эволюция жанра. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала. 2004. 28 с.

Н.А. Ядгарова

*Ташкент, Институт искусствознания
академии наук Республики Узбекистан*

Женское наследие в изобразительном искусстве Узбекистана XX века на примере творчества З. Ковалевской и Н. Кашиной

В истории изобразительного искусства Узбекистана XX в. отдельное место занимает творческое наследие женщин-художниц. Среди тех, кто внесли вклад в развитие национальной живописи, стоит отметить Зинаиду Ковалевскую и Надежду Кашину.

З. Ковалевская была ученицей П. Бенькова, последовательницей традиции беньковского импрессионизма в Узбекистане. Приехав в Самарканд в 1930 г., З. Ковалевская включилась в художественную среду Узбекистана, начала преподавать вместе с П. Беньковым в Самаркандском художественном техникуме и активно участвовать на республиканских и всесоюзных выставках. Работая в различных жанрах живописи, З. Ковалевская создала произведения, полные солнечного света и оптимистического содержания. Художница отразила характерные черты своего времени. Так, в таких картинах как «В ложе» (1937), «Победительница велопробега» (1939) она обратилась к гендерному вопросу, показав, как в Узбекистане женщины активно приобщаются к новым формам жизни, к спорту. В духе патриотических настроений военного времени написаны тематические кар-

тины «Возвращайся с победой» (1942), «Проводы» и «В гостях у раненых» (все 1943), посвященные Второй мировой войне.

В 1937 г. З. Ковалевской была создана картина «В ложе», которая была отмечена исследователями как «одно из лучших произведений живописи Узбекистана второй половины тридцатых годов» [1, с. 91]. Историческая ценность картины заключается в изображении происходящего: узбекские девушки впервые увидели балет на сцене Большого театра в Москве. З. Ковалевской был выбран момент изумления и восхищения девушек от красоты балета, которого они увидели с балкона театра. Преображенные от восторга лица девушек исполнены юной непосредственности и эмоциональности. Колористическое богатство, энергия мазков, свет передают эмоциональное содержание образов. В этой картине проявились собственные приемы и принципы импрессионистической живописи З. Ковалевской. Она мастерски передала эмоциональное состояние, непосредственность эмоций девушек, которые подчеркивает динамичный ракурс и звучный колорит. Преобладание в картине ярких цветов и их гармоничное созвучие создают ощущение радости, счастья и восторга персонажей этой сцены.

Продолжение поисков З. Ковалевской в направлении индивидуального импрессионистического подхода можно отметить в динамичных по композиции и светлых по живописному решению картинах, как «Школьницы» (1938), «Самаркандский мальчик» (середина 1930-х годов), «Регистан зимой» (1947) З. Ковалевская, создавая тематические картины, выбирала актуальные для своего времени темы. Одним из центральных сюжетов в её творчестве 1940-х – 1950-х годов был образ свободной и счастливой женщины Востока.

Художница создала также серию портретов современников. Душевной близостью и проникновенностью исполнены многие портреты, среди которых «Портрет П. Бенькова» (1945) занимает особое место. На портрете изображен мастер в преклонном возрасте, в момент отдыха. П. Беньков сидит на стуле в светло-зеленом халате, в руках у него маленький этюд. Белый воротник рубашки придает образу мастера благородство. В композицию картины органично включен край письменного стола с книгами и рисунками, видны цветы в стакане и скульптура «Экорше»

Гудона. Выбор деталей в «Портрете П. Бенькова» неслучаен: он указывает на начитанность и интересы художника. В образе П. Бенькова З. Ковалевской удалось передать мудрость и стойкость характера этого художника.

Новые живописные поиски З. Ковалевской, которые способствовали развитию тенденций беньковского импрессионизма, нашли отражение в ее послевоенных работах конца 1940-х – 1950-х гг. В картинах «Дворик» (1948) и «У арыка» (1957) художница акцентирует внимание на особой атмосфере дворов с хаузом, по-своему интерпретируя концепцию узбекских двориков.

Как известно, в сложном историко-художественном контексте искусства 1940-х–1950-х годов большая часть представителей реалистического направления и приверженцы авангарда прошли через опыт импрессионистической интерпретации натуры.

Среди художников Узбекистана 1930-х годов, творчество которых прошло через стилистические трансформации в духе времени, показательно развитие Н.В. Кашиной (1896–1977). Уроженка Перми, ученица мастерской Р. Фалька во ВХУТЕМАСе, член московских групп «13» и «Рост», она после переезда в Узбекистан, прошла через разнообразные поиски. Ее живопись, эволюционировала от поисков в духе неопримитивизма в картинах «У чайханы» (1928–1929), «Предсказание судьбы ребенку» (1929), «Переправа через Сырдарью» (1930) к реализму, пройдя через опыт импрессионизма. После критики ее работ за «декоративную направленность» и «отход от изучения действительности» [2, с. 20], Н. Кашина несколько лет изучала местный быт и обычаи, много писала с натуры. Как вспоминала сама Н. Кашина, после ее персональной выставки, состоявшейся в 1932 г. в Самарканде, художнице «были предъявлены жесткие требования – работать только непосредственно с натуры» [2, с. 20]. Поэтому она стала много писать на открытом воздухе. Во второй половине 1930-х годов картины Н. Кашиной уже оценивались как жизнерадостные, в которых «есть что-то от импрессионизма не только в смысле понимания света, формы и т.д., а в смысле импрессионистического мироощущения» [3, с. 22]. Изменения в сторону реалистической живописи и постепенное признание

импрессионизма как течения в живописи прослеживается в творчестве Н. Кашиной и в послевоенные годы.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов Н. Кашина писала разноплановые картины: яркие натюрморты, солнечные пейзажи, жанровые сцены на пленэре, а также автопортреты. В картинах «Девушка с бубном» (1945), «Натюрморт с петуньями» (1948), «В саду» (1957) и «Урок танца» (1958) отразилось своеобразное импрессионистическое видение художника – стремление уловить и передать на холсте свежесть первого впечатления. Метаморфозы в творческом методе художницы стали результатом следования художественным канонам того времени.

К лучшим пленэрным произведениям Н. Кашиной можно отнести портрет «Девушка с бубном» (1945). Образ юной узбечки, играющей на дойре, в картине Н. Кашиной весьма показателен для изучения импрессионистических поисков художника. Портрет написан искренне и смело, без преувеличенной восточной экзотики. Композиция с фигурой сидящей девушки, мастерски вписанная в почти квадратный холст, решена через гармонию линий. Живописный колорит произведения усиливается благодаря естественному преломлению дневного света и солнечных бликов. Колористический строй картины был решен в новом для художницы ключе. Н. Кашина достигает эффекта первого впечатления не только с помощью колористических или пластических приемов, но и акцентируя внутреннее состояние девушки.

В последующих картинах Н. Кашиной, таких как «Успех звена» (1948) и «Обеденный перерыв» (1949), наблюдается утрата некоторых импрессионистических принципов: из ее картин исчезает чистый цвет, и экспрессия первоначального впечатления, которые присущи портрету «Девушка с бубном». В картинах художницы появились элементы иллюстративности, что было обусловлено не только жанровой тематикой, но требованиями искусства понятного и доступного массам.

Примером импрессионистической интерпретации жанровой композиции на пленэре может служить картина Н. Кашиной «Урок танца» (1958). Здесь изображены музицирующие женщины и танцующая девочка. Дойра в руках у одной и аплодисменты другой звучат в унисон с движениями маленькой девочки. Сцена домашнего концерта происходит во дворе, залитом мягкими лучами солнца. Художница эффектно подчеркивает сол-

нечные блики на одухотворенных лицах и ярких платьях героинь. Изображение бубна, вносящего нотки праздника в повседневную жизнь, становится в картине Н. Кашиной национальным символом благородной красоты и творчества.

В творчестве Н. Кашиной конца 1940-х – начала 1950-х годов появились серии реалистических натюрмортов и пейзажей. Среди них натюрморт «Петунии» (1948), «Натюрморт с перцем» (1952) или «Натюрморт с зелёной чашкой» (1956). Они были связаны с развитием внимания к традициям реализма, в котором было сплетение импрессионистических тенденций.

Натюрморт «Петунии» – еще один пример импрессионистической интерпретации природы. Он интересен, прежде всего, богатым колористическим решением. Из незамысловатой композиции с двумя букетами и яблоками на желтой материи был создан живописный натюрморт: палитра художницы чиста и светла, переданы глубина, простор и воздух, соблюден баланс оттенков теплого и холодного.

Исследование особенностей женского наследия в изобразительном искусстве Узбекистана XX в. на примере творчества З. Ковалевской и Н. Кашиной позволило сделать вывод о том, что роль женщин-художниц в формировании национальной художественной школы имеет в определенной степени важное значение. Анализ их творческого пути вносит ясность в общую картину развития живописи Узбекистана.

Список литературы

1. Искусство Советского Узбекистана. М.: Советский художник, 1976. 606 с.: илл.
2. *Такташ Р.Х. Кашина Н.В.* 1886–1977: Жизнь и творчество. Ташкент: Изд. лит. и иск. им. Г. Гуляма, 1982. 134 с.
3. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан, Ф. 2320, архив 416, оп. 1. Обсуждение выставки З.М. Ковалевской 22 июня 1953 г.
4. *Ахмедова Н.* Живопись Центральной Азии XX века: традиции, самобытность, диалог. Ташкент, 2004. 224 с.
5. *Беньков П.П.* Воспоминания. Переписка / сост., вступ. ст. и коммент. М.А. Соколовой. Ташкент: Изд. лит. и иск. им. Г. Гуляма, 1981. 61 с.

Оперная певица Людмила Павловна Филатова

Настоящая статья посвящена жизни выдающейся оперой певицы, народной артистки Советского Союза Л.П. Филатовой. Исследование основано на интервью с Людмилой Павловной и воспоминаниях о ней.

Профессия Людмилы Павловны Филатовой – оперная певица. Не многие певцы могут похвалиться, что больше 40 лет пели в опере. За эти годы она исполнила на сцене театра более 60 ведущих сольных партий, среди которых такие вершины мировой классики, как Марфа в «Хованщине» М.П. Мусоргского, Кармен в одноименной опере Ж. Бизе, Амнерис в «Аиде» Дж. Верди, Любаша в «Царской невесте» Н.А. Римского-Корсакова и др. Кроме того, в ее репертуаре более 500 камерных и вокально-симфонических произведений. Глубокое и полнозвучное меццо-сопрано Людмилы Филатовой звучало не только по всему бывшему Советскому Союзу, но и во многих странах Европы, Азии и Северной Америки, неизменно покая и знатоков, и любителей вокала. Народный артист СССР – это звучит.

Биография знаменитой артистки началась в Оренбурге. Здесь она родилась, здесь же окончила школу, и среднюю и музыкальную по классу фортепиано. В 1953–1958 гг. училась в Ленинградском университете на математико-механическом факультете, успешно окончив его. Одновременно занималась в университетском хоре под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР Г.М. Сандлера. После окончания ЛГУ Филатова была принята по конкурсу в хор Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова, через два года стала солисткой и с тех пор ее жизнь была неразрывно связана с Мариинкой.

«Наш юный математик», – всегда с гордостью говорили о Людмиле учителя. Она не раз становилась победительницей математических олимпиад. Способности к математике передались, очевидно, по наследству: мама преподавала этот предмет, папа

был бухгалтером. Школьные учителя утверждали, что у девочки математический склад ума и несомненная склонность к точным наукам. И, вручая Людмиле Филатовой золотую медаль, все были уверены, что их выпускницу ждет блестящее математическое будущее. Людмила действительно поступила на механико-математический факультет Ленинградского университета, с удовольствием осваивала сложные математические дисциплины, проявляя при этом недюжинные способности. Кстати, по словам Людмилы Павловны, сегодня студенты-математики в Санкт-Петербургском университете изучают на занятиях ее доказательство одной из теорем. Однако в университете Людмила занималась не только математикой, но и активно посещала занятия студенческого хора. И, получив диплом, выпускница механико-математического факультета пришла на прослушивание в оперный театр. Лира победила интеграл. Гастроли. На стене в квартире Л.П. Филатовой – от пола и до потолка афиши, фотографии. На них имена, даты. Многие – с автографами выдающихся певцов, композиторов. Вместе с театром или с концертными программами Людмила Филатова побывала практически во всех странах Европы, пела на самых знаменитых оперных сценах. С гастролями и спектаклями певица объездила весь Советский Союз. В своем интервью она сказала: «Звание – это как орден. Очень горжусь, что меня первой из женщин выбрали Почетной гражданкой Оренбурга и что среди его Почетных граждан мое имя теперь стоит наряду с именами Мстислава Ростроповича и митрополита Оренбургского и Бузулукского владыки Леонтия. Все остальные звания добавили уверенности. В Лондоне на наш спектакль “Борис Годунов” пришел принц Чарльз. Узнав, что я народная артистка СССР, он спросил, за какие заслуги дают такое звание. Тогда я ему ответила: “Надо петь долго и хорошо”. Советский Союз распался, но мы же жили и работали, когда он существовал. Ведь от того, что царской России больше нет, качество, например, ордена Георгия Победоносца не изменилось. Наградами следует гордиться. И все-таки, я считаю, что главное звание – это имя артиста».

Конкурсов в ее жизни было много. Но самый главный, можно сказать, судьбоносный, I Всесоюзный конкурс вокалистов им. М.И. Глинки в 1960 г., на котором Л. Филатова завоевала первое

место и единственную золотую медаль (в группе мужских голосов первое место не присуждалось). Победа на конкурсе определила всю последующую творческую судьбу Филатовой. Ее, артистку хора, сразу зачислили в группу солистов-стажеров оперной труппы, а после блестящего дебюта в «Пиковой даме» П.И. Чайковского (Полина) и «Вертере» Ж. Массне (Шарлотта) Людмила Павловна Филатова стала ведущей солисткой театра.

Театр в ее жизни был единственный, хотя в разные годы носил разные названия. В 1958 г. Л.П. Филатову зачислили в хоровую труппу Государственного Академического театра оперы и балета имени С.М. Кирова, с середины 90-х годов она представляла Мариинский театр оперы и балета Санкт-Петербурга.

В ее квартире есть специальный уголок, на котором фотографии тех, кого певица называет своими учителями. Здесь фотография Г.Сандлера – руководителя студенческого хора, в котором ее впервые заметили и откуда началось восхождение к славе. Г. Садлер первым обратил внимание на хороший голос и природную музыкальность студентки, поручал ей солировать в хоре, а потом предложил разучить заглавную партию в опере Глюка «Орфей». Учителем стала и Е.Б. Антик, обучавшая талантливую девушку вокальному искусству.

В середине 1950-х годов хор Ленинградского университета под руководством Г. Сандлера был одним из известнейших самодельных коллективов страны. Там очень серьезно было поставлено обучению пению, существовал класс вокала. И сегодня Л.П. Филатова абсолютно убеждена в великой пользе хорошего музицирования.

Многие ведущие солисты Мариинского театра наверняка вспомнят добрые советы и творческие уроки Л. Филатовой. Она присутствовала на репетициях, если в спектакль вводился новый партнер, и не жалела ни сил, ни времени, чтобы молодой коллега чувствовал себя на спектакле уверенно. Во время месячных гастролей в Бурятии Людмила Павловна сумела подготовить на роль Кармен солистку местного театра.

Людмила Павловна Филатова – выдающаяся представительница оперного искусства второй половины XX – начала XXI в. олицетворяющее женское наследие в музыкальной культуре России. Ее роль на мировой оперной сцене огромна. В своих

интервью она сознательно сохраняла и фиксировала женскую память об удаленном и недавнем прошлом. Особенности ее эго-нарратива стала доброта восприятия мира и незлобивость оценок. Ее женские образы в музыке являются до сих пор вершинами мировой музыкальной культуры, оставаясь при этом исконно русскими.

О.Л. Милова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Вологодская душа Джанны Тутунджан – художницы, влюбленной в Русский север

Джанна Таджатовна Тутунджан (1931–2011) – народная художница России, член-корреспондент Российской академии художеств – является одной из самых талантливых художниц, живших и творивших на вологодской земле.

Родилась она в Москве 22 сентября 1931 г., мать ее была филологом, литературоведом, отец – военным. По материнской линии происходила из семьи потомственных московских дворян, по отцовской – имеет армянские корни, но в самой Армении, как отмечала сама Жанна в интервью, была всего один раз, в 1955 г. Окончила среднюю художественную школу (1944–1950), а затем Московский институт имени В.И. Сурикова (1953–1959). Училась в мастерской М.М. Черемных и Н.А. Пономарева. После окончания института она переехала в Вологду вместе со своим мужем, тоже художником, Николаем Владимировичем Баскаковым, а в 1964 г. с семьей на летние месяцы поселилась в деревне Сергиевская Тарногского района. Именно здесь и в других вологодских деревнях художница обнаружила свой источник вдохновения, нашла своих героев, определила для себя главную цель творчества – рассказать миру о простых и прекрасных людях, сохраняющих, несмотря на трудные обстоятельства жизни, духовную красоту, мудрость и стойкость народного характера.

««Джан» – в переводе “душа”. Назвав меня так, мои родители, возможно, заранее определили мои пристрастия... Больше всего мне интересна именно “душа” – мира, времени, состояния природы, целого народа или одного человека... И всем, чем мо-

гу, я пытаюсь выразить это...» – говорила Джанна Таджатовна в одном из интервью.

Уже ее графические работы раннего периода показывают нам внутренний мир человека (например, портретный рисунок 1968 г. «Старый конь», изображающий старика на фоне традиционного деревянного северного дома). Главным выразительным достоинством этих работ стал лаконичный реалистический рисунок – поданные крупным планом женские лица, изобразленные морщинами, заглядывали в душу зрителя, рассказывая о своей судьбе. Для смыслового обогащения рисунков, художница начала вводить в них текстовое дополнение. Так появились ее знаменитые диалоги «По правде, по совести», поражающие зрителя живостью бытовой зарисовки и яркой фольклорной выразительностью своих текстов. Испугавшись их откровенной правдивости и двойной силы воздействия, чиновники от искусства на одной из выставок вологодской графики в Ленинграде в начале 1980-х годов, попросили убрать их из экспозиции.

Когда художнице задавали вопрос о том, что ей ближе – живопись или графика, она отвечала: «Графика – мои корни, живопись – корона». В арсенале большого художника все средства гармонично едины и подчинены одной цели – творчеству. Наверное, самые животрепещущие вопросы современной жизни сосредоточены в «деревенских» работах Тутунджан. Ее любимые героини, пережив войны и революции, не растеряли самого главного – веры и надежды. Именно они, эти крестьянки со сложенными на коленях руками, в окружении старых и новых семейных фотографий, и являются «корнем рода» человеческого, его «надёжей» (картины «Настя и Господь», «Корень рода», «Незабудки») Не случайно символом возрождения русской деревни, а значит, и земли, в картинах Тутунджан является деревенская женщина, с ребенком на руках или окруженная детьми (картины «Гори ясно», «Первенец», «Берегиня»).

Выразительные средства, которые использует в своих живописных произведениях художница, невольно отсылают нашу память к русской иконописи. «Фресковым» называли многие исследователи язык ее монументальных работ, в 1980-е и 1990-е годы появились масштабные картины-притчи. В них художница стремилась откликнуться на сложнейшие нравственные, этиче-

ские и исторические явления того, стремительно меняющегося, времени («Черный ворон», «Пожар», «Вольному – воля», «).

В картинах, выполненных в жанре портрета, Д.Т. Тутунджан утверждала идеал духовного богатства, чистоты, именно потому ее портретные образы лишены бытовизма, они романтичны. Даже названия этих работ удивляют своей образностью и символизмом («Белеет парус». Портрет мужа; «На все руки», «Несущий свой крест», «Идущий к себе»). В своем творчестве художница часто обращалась к портретам девочек («Светлая душа», «Толковая»), девушек («Молодая», «Портрет в октябре»), мальчиков («Журавленок», «Вороненок»). И конечно, перед зрителем предстает обширная галерея «иконописных, полных достоинства, старух», как выразилась одна из критиков – как в графических, так и в живописных работах.

В 1972 г. Джанне Тутунджан было присвоено звание заслуженного художника РСФСР, в феврале 2004 г. – звание почетного народного художника России, в 2007 г. она была избрана членом-корреспондентом Российской академии художеств (Отделение живописи). Она принимала участие во многих выставках в СССР, России и за рубежом. Работы художницы входят в собрания государственных музеев, а также находятся в частных коллекциях.

Л.С. Гуцян

Р.Ш. Зельницкая

Санкт-Петербург,

Российский этнографический музей

Красота в движении: способы визуализации женской мобильности в музейном пространстве

Презентация движения, особенно если речь идет о гендерно-полагаемом, является одним из сложных аспектов музейной визуализации. Это касается женского передвижения, особенно потому, что стереотипно женское пространство воспринимается и презентуется в первую очередь как строго ограниченное, в рамках домашнего очага. Между тем, на основании широкого круга материалов можно говорить о том, что в традиционной культуре народов Кавказа женщины не ограничивались жесткой

стабильностью, что редко обсуждается как в исследовательских, так и в экспозиционных текстах.

Общей парадигмой исследовательских дискурсов на рассматриваемую тему выступает идея почти тотального женского затворничества, однако рисунок социальной жизни кавказской женщины демонстрируется нормами и нормативами, которые предусматривают ее движение и его определенные каноны.

Следует подчеркнуть, что женское пространство, но не мобильность, как общий феномен региона обсуждалось одним из крупнейших кавказоведов современности, Ю.Ю. Карповым в его фундаментальном труде «Женское Пространство». Здесь автор определяет границы указанного пространства, и, в поисках универсалий, рассматривает поликультурный кавказский регион. В своей работе он тяготеет к основной мысли о том, что жизнь женщины сосредоточена вокруг домашнего очага, в пределах усадьбы. Более того, указывается, что «для женщины езда верхом в норме считалось неприемлемым занятием», и для возвышения женщины над землей, «квазиконем» им рассматриваются «ходули». Между тем, поскольку нас интересуют не вертикальные статусные парадигмы, а мобильность, то конь перестает быть статусно маскулинным атрибутом и становится средством передвижения для обоих полов.

Говоря о женском пространстве, Ю.Ю. Карпов имеет ввиду статику, противопоставляя ее мужской мобильности. Так, он приводит в пример имеретинскую традицию, в которой пуповину мальчика уносили подальше от дома, чтобы молодой человек уехал в город, а девочки – зарывали у очага, «чтобы она вышла хорошей хозяйкой и не любила ходить по другим дворам». Между тем, формулировка «по другим дворам» демонстрирует движение девушки-женщины за пределы своего дома-усадьбы, или, иначе говоря, расширение ее пространственных границ за пределы, указанных дома/усадьбы.

Кроме того, Ю.Ю. Карпов приводит ряд локаций в сельском пространстве, в которые направлялись девушки и молодые женщины – это источник, пекарня и мельница (при этом указывается, что общественные пекарни). Наибольшую активность проявляли незамужние, взрослые девушки: «на девичьих посиделках организовывались гадания, танцы, другого рода развле-

чения». Автор указывает, что между молодыми людьми «знакомства обычно завязывались во время празднеств у святилищ, на общественных сборищах и на свадьбах». Отметим, следовательно, что таким образом, дорога на все эти мероприятия вела не только мужчин, но и женщин. Очевидно, свадебное ритуальное пространство также становится наиболее важным для «выхода» молодой девушки, более того, именно во время свадебных действий происходит ее социализация в качестве «барышни», о чем свидетельствует демонстрация ее умения танцевать и, собственно, ее право на танец.

Итак, как в контекстах, фиксирующих социо-нормативные традиции, этикет, так и в актуальном этнографическом поле, демонстрируется женская мобильность, нестатичность пространственной границы, которая, заметим, имела в основном окказиональный характер, а также зависела от социального статуса женщины. Обладая соответствующим социальным статусом и подчиняясь установленным в тех или иных сообществах канонам, женщина имела определенную мобильность.

Как для городского, так и для горского женского пространства важнейшим аспектом являлась протяженность пути женщины, которая была строго нормирована для каждой социальной группы, а нарушение канонов могло привести к проблематизации не только ее собственного реноме, но и к осложнению репутации всей фамилии. Количество и состав лиц, сопровождающих девицу или замужнюю женщину, имели непосредственную связь с той причиной, которая побудила начать эту дорогу. Здесь особенно следует отметить роль брата как проводника девицы/молодой женщины.

Поскольку музей визуализирует условные исторические контексты, проблематика способов выставления теоретически обоснованных тематических рядов, связанных с гендером и пространством, приобретают здесь особые направления и методологические курсы.

В качестве примера предлагаем к обсуждению выставки из серии тематических выставок в РЭМ: «Женщина дома и в гостях» и «Торговля в кавказском городе». Они стали теми проектами, в которых мы попробовали поставить исследовательский вопрос, касающийся «женского пространства». Богатый пред-

метный материал, имеющийся в собрании музея, позволил не только расширить наши представления о женской мобильности, но и выявил новые вопросы. Кроме того, важной составляющей экспонирования оставался эстетический аспект, поскольку то, что касается женской тематики несомненно, эстетизируется как акторами, так и в ожиданиях публики.

Горожанка, в первую очередь христианка, но также и мусульманка должна была совершать визиты вежливости как в семейной, так и в квартальной среде. Регулярное участие девицы в женских встречах являлось важным этапом, означающим ее включение в данное сообщество. Женщины постарше принимали гостей, а владение искусством гостеприимства – создания приятной атмосферы, умение занять и угостить гостей – являлось признаком состоявшейся хозяйки. Особенностью городской практики женской мобильности были также крупные общественные застолья, среди которых важнейшими являлись свадебные пиры, которые включали обязательные танцевальные туры.

Городской образ жизни предусматривал посещение рынков и магазинов. Здесь горожане не только покупали необходимые продукты, текстиль, ковры, предметы мебели и украшения, но также договаривались о заказах, узнавали последние новости. Рынок в то же время был местом, где опытные свахи могли организовать «случайные» встречи молодых людей и девушек на выданье для знакомства и последующего создания семьи.

В горской среде аналогичные визиты были более ритуализированы и связаны с годовым, а также жизненным обрядовым циклом, в частности со свадебной обрядностью. Во время свадьбы собирались представители обеих, в будущем родственных, семей, при этом присутствие женщин разных возрастных категорий являлось обязательным, поскольку ряд ритуалов совершался именно ими. Дальние поездки молодая женщина совершала верхом, при этом конская упряжь могла являться одной из составляющих ее приданного. В аристократических и зажиточных кругах общества заказывали специальное, женское седло, а также роскошный конский нагрудник, один из которых хранится в РЭМ. Данный экспонат уникален тем, что на нем имеется надпись: «для дочери абхазов Мариам», что дает возможность

предположить его принадлежность представительнице владетельного дома.

Важной составляющей выставки является также исключительно ценное женское седло с ногойкой, уникальность которых, как и значимость, весьма велики. Данный корпус предметов вновь доказывает выдвинутый нами тезис о широте границ женской мобильности и актуальности в традиционной культуре коня как не только маскулинного средства передвижения.

В целом практика женских визитов имела доминирующее социо-коммуникативное значение и обеспечивала устойчивые связи в семейной и квартальной среде, а границы женского пространства определялись теми нормами, которые были установлены сообществом.

Таким образом, источниковая база, в формате предметного ряда и полевых материалов, демонстрирует возможность создания методологических подходов и формирования теоретических обоснований, приглашающих к обсуждению женской мобильности в традиционной культуре в музейном, условном и эстетизированном, пространстве.

А.В. Мильто

*Ярославль, Ярославский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации*

Трансформация гендерных ролей в постколониальных комиксах

Эволюция женских гендерных ролей, наблюдающаяся в мире в последние десятилетия, нашла отражение в произведениях разных форм и жанров, в том числе в комиксах, позволяющих наглядно отслеживать происходящие социальные изменения. Графическая форма повествования оказалась востребована среди постколониальных авторов, затрагивающих в своем творчестве вопросы политических, экономических и социальных последствий воздействия метрополий на положение бывших колоний Азии и Африки. Художественные и литературные приемы используются для реабилитации колониального прошлого, кон-

струирования национальной идентичности, выстраивания нового диалога с Западом [1, с. 7].

Рисованные истории представляют особое средство выражения, ориентированное на передачу информации через границы: культурные, национальные, языковые и др. Графические произведения поднимают важнейшие вопросы для постколониальных сообществ, в том числе о роли и статусе женщины в традиционном обществе.

У индустрии комиксов сложились непростые отношения с женскими персонажами. Их героини немногочисленны и часто стереотипны: гиперсексуальны, беспомощны, подвержены унижению и насилию. Только в 12% популярных комиксов о супергероях главные герои – женщины. Долгое время в комиксах преобладали гендерные предрассудки: женщины изображались только как скромные существа в патриархальных рамках. Распространению традиционных гендерных ролей в индийском обществе способствовала серия популярных графических произведений «Амар Читра Катха», созданная Анантом Паем [3]. Посредством изображения биографий важных исторических деятелей и пересказа конкретных исторических событий, литературной классики и мифов комиксы тиражировали идеологические принципы мужественности и молодости. Графические романы А. Пая часто критиковали за то, что в них представлена упрощенная, консервативная и мужская версия культурного наследия Индии.

За последние годы проявилась тенденция к созданию более глубоких и интересных героинь, количество сильных и независимых женщин в комиксах неуклонно растет. Не остались в стороне и постколониальные авторы графических произведений, которые использовали художественные и литературные приемы, чтобы дать голос угнетенным и обездоленным (в том числе женщинам), восстановить их в правах, продемонстрировать их важность и значимость в общественных процессах.

В Южной Африке художники комиксов – братья Натан и Андре Грантраалы задокументировали историю женских социальных движений в Кейптауне [4]. Египетский веб-комикс Дины Мохамед о женщине-супергерое-мусульманке Кахере поднял проблемы гендерного насилия и сексуальных домогательств во

время революционных событий начала XXI в. [6, р. 1–17]. Вопросу становления идентичности посвящен рисованный роман Амруты Патил «Кари» (2008). Действие комикса происходит в Мумбаи в контексте постструктурализма, постмодернистских городов, магического реализма и феминистской женской литературы. Поиск идентичности ведется посредством применения дихотомии «я/другой» и идеи «инаковости» [3].

В комиксе Наза Тансея «Микроавтобус» красочно проиллюстрировано турецкое общество глазами женщины, совершающей поездку по Стамбулу. Она стала свидетелем посадки в маршрутный автобус разных пассажиров, которые спорят друг с другом, соревнуются за место, обсуждают политические новости, объявляемые по радио. Читателям предлагается рассматривать автобус как микромир современной Турции. Анализ происходящего в транспорте сквозь призму восприятия отдельно взятой женщины, придает повествованию нотку юмора, создает возможность для проявления эмпатии, демонстрирует важность трансформации гендерных ролей [5].

Знаменательным событием стало вручение награды на ежегодном международном фестивале комиксов в Ангулеме ранее неизвестной франкоивуарийской писательнице Маргарите Абуэ в 2006 г. за графический роман «Айя», написанный в сотрудничестве с иллюстратором Клеманом Убрери [2]. М. Абуэ стала первой африканкой, получившей такую престижную премию. «Айя» – первая книга из серии комиксов «Айя из Йопугона» о жизни ивуарийских подростков, публиковавшейся в период с 2005 по 2010 г. В отличие от новостных каналов, сосредотачивающихся на масштабных проблемах жителей афро-азиатского региона, таких как войны, голод, болезни, «Айя» предложила альтернативный визуальный компонент. В графическом романе М. Абуэ красочно и с юмором проиллюстрированы перипетии жизни молодежи, описаны бытовые задачи, которые решают подростки по всему миру. Ощущение точности иллюстрациям автора придает ее непосредственный опыт проживания в Кот-д'Ивуаре. На протяжении всего романа главная героиня предстает перед читателями целеустремленной и независимой девушкой. Айя – не типичный женский персонаж: ее отличают высокие стандарты, стремление получить образование, сделать

карьеру, изменить свою гендерную роль в обществе и повысить статус всех женщин. Коммерческий успех графического производства М. Абуэ во многом поспособствовал привлечению авторов – женщин в индустрию комиксов.

Среди художников комиксов по-прежнему наблюдается подавляющее мужское доминирование. И хотя женщины недостаточно представлены в индустрии графических произведений, их творчество заметно способствует трансформации женских ролей в общественной жизни. Они бросают вызов расовому и гендерному неравенству, преодолевают языковые и национальные границы, сокращают разрывы между поколениями, посредством включения читателей в единую культурную общность.

Список литературы

1. Мильто А.В., Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е. Современная история Африки (опыт классификации источников) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 7.
2. *About M., Oubrerie C.* Aya of Yop City. Montreal, Quebec: Drawn & Quarterly, 2007. 132 p.
3. *Berlatsky E.L.* Review of Postcolonial Comics: Texts, Events, Identities [Электронный ресурс]. URL: <https://imagetextjournal.com/review-of-postcolonial-comics-texts-events-identities/> (дата обращения: 21.04.2024).
4. *Crossroads: I Live Where I Like: A Graphic History* // Benson K., Trantraal A., Trantraal N., Marais A.E. N.-Y.: PM Press, 2021. 168 p.
5. *Davies D.* Comics and Graphic Narratives: A Global Cultural Commons // Words Without Borders [Электронный ресурс]. URL: <https://wordswithoutborders.org/contributors/view/dominic-davies/> (дата обращения: 23.04.2024).
6. *Dubbati B.* The Woman in Hijab as a Freak: Super(Muslim)woman in Deena Mohamed's Webcomic Qahera // Journal of Graphic Novels and Comics. 2017. № 8 (3).

3.3. Мухина
*Старый Оскол, Старооскольский технологический
институт им. А.А. Угарова (филиал)
Национального исследовательского
технологического университета «МИСИС»*

**Н.Н. Никишина и ее деятельность в возрождении
народных промыслов Оскольского края**

Старый Оскол, как в целом и Белгородчина, – это уникальный заповедник художественных промыслов и ремесел. В последние десятилетия в Белгородской области особое внимание уделяется изучению, сохранению и возрождению народных промыслов. Одним из таких центров является Старооскольский дом ремесел. Возглавляет Дом ремесел народный мастер Белгородской области и России, член Союза художников России – Наталья Николаевна Никишина. Реализация проекта по созданию в Старом Осколе в месте бытования традиционного старооскольского гончарного промысла на Казацких буграх Дома ремесел стало значительным вкладом в сохранение традиционной народной культуры Оскольского края.

Вся организаторская и творческая деятельность Н.Н. Никишиной связана с народным искусством и культурой, изучением локальной художественной традиции. Основной задачей Дома ремесел является не только изучение и сохранение, но и возрождение и развитие местных народных промыслов. Наталья Николаевна сумела привлечь в Дом ремесел лучших мастеров города и области, постоянно ведет поиск новых мастеров. В настоящее время в Доме ремесел работают 8 сотрудников, которые занимаются изучением, сохранением и возрождением забытых и почти утраченных технологий традиционных местных женских художественных промыслов: вышивка, ткачество, изготовление глиняных игрушек, лозоплетение, лоскутное шитье, плетение лаптей, аппликации из соломки и кожи, декоративное вязание, бисероплетение, художественная роспись, изготовление обрядовых и сувенирных кукол.

Под руководством Н.Н. Никишиной организуются этнографические экспедиции по деревням и селам Старооскольского городского округа. Каждое приобретение – прялка, ткацкий ста-

нок или его элементы, полотенце, костюм, головной убор, украшения, обувь, домашняя утварь – становится предметом для изучения особенностей материальной культуры края. В Доме ремесел сумели восстановить технологию изготовления различных обрядовых кукол-закруток, имевших широкое распространение в Оскольском крае. На таких куклах никогда не рисовали лица. Считалось, что куклы-закрутки оберегают дом, людей от бед и неприятностей. Изучается и возрождается технология изготовления лаптей из бечевы и веревок. Для этого было организовано несколько экспедиций в населенные пункты, где еще были мастера, занимавшиеся данным ремеслом.

В Доме ремесел многие годы ведется работа по изучению и восстановлению игрушечного и гончарного промысла по предметам, хранящимся в Старооскольском краеведческом и школьных музеях, в частных коллекциях. Проводится работа по освоению традиционной пластики старого пласта старооскольской глиняной игрушки, являющейся канонической основой всех последующих модификаций стиля [2, с. 90].

Н.Н. Никишина находится в неустанном поиске новых идей и решений. Под ее руководством Дом ремесел стал местом проведения конкурсов и презентаций местных мастеров, выставок и фестивалей, ярмарок ремесленных изделий. На выставках можно увидеть разнообразные авторские изделия, от ткачества и вышивки до керамики и ювелирных украшений, приобрести уникальные предметы, созданные вручную с использованием различных традиционных техник и материалов. Наталья Никишина постоянно ищет новые пути для привлечения к изучению и практике ремесленных навыков детей и молодежи. Так, при Доме ремесел организованы различные студии и кружки, создаются авторские программы обучения детей и обеспечения преемственности традиций народного искусства Оскольского края.

Дом ремесел приобрел популярность не только среди местных жителей, но и стал туристической достопримечательностью города. Его посещают гости из области, других регионов РФ и из-за рубежа. Проводятся мастер-классы по вышивке, плетению, керамике, макраме и др. Каждый может научиться создавать что-то новое своими руками.

Работы коллектива Дома ремесел получают высокую оценку на городских, областных, всероссийских и международных фе-

стивалях и конкурсах. Постоянно работая творчески, Н.Н. Никишина совершенствуется и сама как мастер. Она прекрасно владеет многими видами и техниками декоративно-прикладного искусства, такими как лепка традиционной глиняной игрушки, традиционное ткачество, лоскутное шитье, изготовления текстильной куклы и традиционного костюма.

Для создания кукол из пластика Н.Н. Никишиной понадобились навыки скульптора, основы для которого были получены еще в годы учебы в институте. При создании своих кукольных героев она особое внимание уделяет глазам, выразительности взгляда. Каждая кукла облачается в соответствующий костюм. Для этого были необходимы навыки ткачества, вышивания, работы с «золотым шитьем», изготовления обуви, головных уборов и украшений. Мастер неизменно добивается высокой оценки своих произведений на городских, областных, всероссийских и международных выставках, конкурсах и фестивалях. Работы Н.Н. Никишиной находятся в фондах Старооскольского краеведческого и художественного музеев, в Белгородском государственном музее народной культуры, в Белгородском государственном художественном музее, в частных коллекциях (Южная Корея, Польша, Германия, Франция, Италия, Австралия, Америка, Испания, Португалия, Китай). Персонажами авторских кукол художника, мастера являются герои из сказок, фольклора и народного быта [1, с. 41]. Манера их исполнения очень индивидуальна, образы выразительны, то есть имеют свой неповторимый уникальный стиль и характер исполнения.

Н.Н. Никишина принимает активное участие в персональных, региональных, всероссийских и международных выставках и фестивалях, ведет большую просветительскую работу на каналах муниципальных и региональных телерадиокомпаний. Например, большой интерес вызвали циклы передач «Культурный багаж», «Кукла из мешка», «Старооскольская глиняная игрушка». Наталья Николаевна – автор идей, режиссер и участник создания учебно-просветительских фильмов: «Старооскольская глиняная игрушка», «Пряничный домик», «Сколько веревочке не виться» и др. Результатом этого направления деятельности стало внесение старооскольской традиционной глиняной игрушки в Единый электронный каталог объектов нематериального культурного наследия России.

Н.Н. Никишина ведет активную исследовательскую работу. Старооскольский дом ремесел делает многое для сохранения культурных ценностей России, ее традиционной культуры.

Список литературы

1. Народные мастера Белгородской области: книга-альбом. Белгород: Белгородская типография, 2002.
2. *Никишина Н.Н.* Современное состояние старооскольской традиционной глиняной игрушки: к проблеме сохранения промысла // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов», г. Тула, 1–5 марта 2018 г. Тула, 2019. С. 87–91.

Е.В. Тимошенко

*Екатеринбург, Екатеринбургский музей
изобразительных искусств*

Наивное искусство уральских художниц (на примере Нины Варфоломеевой, Александры Уткиной и Анны Трофимовой)

Наивное искусство – это индивидуальное и сугубо субъективное художественное высказывание человека, выражающее его взгляд на мир, историю и вечные истины через призму личного восприятия. Наив существенно отличается от профессионального искусства тем, что наивный автор в связи с отсутствием художественного образования действует интуитивно. Не владея знаниями академического рисунка и классической живописи, не разбираясь в законах построения композиции, перспективы, анатомии и светотени художник создает самое искреннее и настоящее искусство, ценное не мастерством выполнения и технической опытностью, а самим художественным высказыванием и его содержанием.

Наивное искусство – феномен культуры XX века (хотя наивное искусство существовало и раньше), практически не подверженный влиянию институций, необработанный цензурой и социальным заказом, а потому максимально откровенный и честный, повествующий о быте простых людей. Наив – доступная форма художественного высказывания, в ней отсутствует и любая дискриминация – наивными художниками становятся в независимости от пола, национальности и физических возможно-

стей. И если в классическом искусстве чаще подразумевается модель мужчина-творец и женщина-муза, то в наивном искусстве женщина находит такую же реализацию, как и мужчина.

Наивные авторы в своих работах обращаются к воспоминаниям детства и юности, семейным историям, образам малой родины. Изобразительное творчество становится визуальными мемуарами рядового человека, в которых выражается его опыт и знание о жизни. Это характерно для наивного искусства всего мира: нидерландский работник конного трамвая *Питер Хагоорт* пишет картины мира, выстроенные вокруг трамвайных путей, американка *Бабушка Мозес* описывает быт и устройство обычной фермы, *Киёси Ямасита* изображает традиционные японские фейерверки и извержение Сакурадзимы, свидетелем которого он стал. То же справедливо и для отечественных авторов: *Нина Варфоломеева* пишет о периоде коллективизации, который пришелся на ее детство; москвичка *Алевтина Пыжова* известная тем, что вела список любовников, создает сцены любви платонической и плотской, как безусловной любви матери и дитя, так откровенно эротического содержания; *Таисия Швецова* испещряет свои картины текстом, будучи учителем русского языка и литературы; *Александра Уткина* – ветеран Великой Отечественной войны выражает ужасы пережитых сражений и т.д. Ряд женщин художниц, для которых искусство стало способом запечатления личной памяти, может быть продлен еще парой десятков имен, но мы остановимся на трех уральских авторах, чьи работы также дополняются рукописями, мемуарами и стихами.

Варфоломеева Нина Ивановна (1919–1998) родилась в деревне Александровка Красноярского края в крестьянской семье. В 13 лет была вынуждена бросить школу, пойти работать в колхоз и заниматься домашним хозяйством, следить за скотиной из-за смерти родителей. Попробовать себя в живописи решила в 55 лет, после выхода на пенсию. Варфоломеева часто изображала довоенную сельскую жизнь, события своего детства и молодости. Ее работы обладают рядом интересных этнографических деталей: южнорусские прялки, традиционное ткачество, характерные формы стогов, сцены гуляния, хаты-мазанки – неслучайные объекты, Варфоломеева из крестьянской семьи выходцев из Украины. Часть сюжетов иллюстрируют события жизни худож-

ницы: «Первое сентября» (1990, Музейный центр «Гамаюн») – дети с букетами идут в школу мимо мазанки, на завалинке которой сидит девочка (Варфоломеева была вынуждена бросить школу, чтобы заниматься хозяйством и осиротевшими детьми); «Похороны в старой деревне» (1990, Музейный центр «Гамаюн») – суровая сибирская зима, в санях везут маленький гроб (с детской смертностью часто приходится сталкиваться в голодное время, семья Варфоломеевой не исключение).

Художница так говорила о своих работах: «Берегите и эксплуатируйте мои рисунки для потомства. Что я рисовала, возможно не очень хорошо. Но зато правдиво рассказала людям о первых годах коллективизации... Это история и никто из молодых художников это не знает, а поэтому не нарисует. Берегите мои работы вечно, в будущем они бесценны будут!» Так, на ряде картин: «Перед дождем» (1990, Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник), «Уборка урожая в 30-е годы» (1990, Музейный центр «Гамаюн»), «Жатва» (1992, Всероссийский музей декоративного искусства) – в поле только бабы и дети; «Снегопад» (1990, Музейный центр «Гамаюн»), «Сибирячки» (1992, Всероссийский музей декоративного искусства), «Мама и я» (1993, там же), – мать и дочь занимаются заготовкой дров; все это распространенная картина для военного и послевоенного времени и подлинная хроника крестьянской жизни России.

Уткина Александра Иосифовна (1922–2017) родилась в деревне Войково Константиновского района Амурской области. С началом войны пыталась отправиться добровольцем на фронт. В 1942 окончила курсы медсестер, ушла на фронт. Служила командиром дальномерного отделения 175-го артиллерийского дивизиона Второй Дальневосточной армии. Принимала участие в военных действиях против Квантунской армии. Впервые начала рисовать в 76 лет. Особое место в творчестве Уткиной занимают работы военной тематики, передающие ее личный опыт ветерана. В собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств можно найти ряд таких работ: «Медсестра» (1990–2000-е) и «Медсестра» (1998–2015), где девушка подбирает раненых солдат, саперов и танкистов с тяжелыми увечьями; «Солдат спасает ребенка» (1990–2000-е) – солдат выносит обуглившееся тело маленького ребенка из горящей деревни; «Берег» (2006), «Лесной пожар» (1990–2000-е) – более метафорические

образы пожарищ и спасающихся бегством животных; и даже жестокая сцена боевых действий, но с миротворческой задумкой «Прежде чем гранату бросить, почему-то сдунул муравья!» (2003, Музейный центр «Гамаюн»). Пугающие своей жестокостью картины во множестве создавались Уткиной, лишь немногие из них оказались в музейных коллекциях. Благодаря живописи «пожары» на ее картинах постепенно уменьшались и постепенно главное место в творчестве занял лирический пейзаж, созерцающий изменчивую красоту природы: отражения на водной глади, заходящее солнце или пугливых оленей, пришедших на водопой.

Трофимова Анна Ивановна (1905–1988) родилась в Нейво-Шайтанском поселке, позже переехала в Алапаевск. Жизнь у Анны Ивановны всегда была непростой: голодное время после коллективизации, военные годы, инвалидность мужа-ветерана, тяжелый труд в колхозах. Впервые взяла в руки кисть после выхода на пенсию в 55 лет, чтобы поддержать сына Юру-стилягу, фотографа и абстрактного художника. Писала акварельные картинки, копируя фотографии, сделанные сыном, но чаще писала красочные натюрморты и вид из своего окна. Ее поэтическое творчество тесно перекликается с содержанием картин.

На примере работ из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств можно проследить характерные сюжеты. Символические: «Памяти Х.Д. Чупраковой» (1984) – посвященная внезапно погибшей подруге, «Вечернее окно» (1979) – желтый цветок символизировал ее собственное одиночество. Реальные: достаточно часто и детально изображается родной дом снаружи «Дом с мезонином» (1970) и внутри «Автопортрет» (1975) со множеством трофимовских картинок на стене. Особое значение имеет изображение родных и знакомых: «Юра завтракает» (1971) – портрет сына, о котором она писала стихи:

*«<...> Но нет, со стороны людей,
Которые лишь видят только перед носом
Он плох, он выделяется в толпе
Не так побрит,
Не так одет,
Не так причесан,
Стандарта видите в нем нет
“Ну разве это человек”
Нет им не понять его
Такого сына моего».*

Наивное искусство лишено элитарности по своему происхождению и содержанию, оно повествует о жизни во всех ее проявлениях: дом, семья, работа, страна, мир; и во всем диапазоне доступных эмоций: от радости и приятных мелочей, до тяжелых испытаний и страха. И если говорят, что искусство – отражение общества, то наивное искусство – самое правдивое зеркало эпохи, страны и народа.

Т.Н. Самарина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Женский след в истории танцевальной культуры:
по материалам русского журнала о восточном танце
«Ориенталь» (2005–2014 гг.)**

В статье речь пойдет о так называемом танце живота – от англ. *belly dance* (*беллиданс*); на арабском языке – *raks sharki*. Танец живота практикуется и как бытовой танец, и как сценический, хореография его основана на движениях бедер, груди и живота, исполняется преимущественно женщинами в раздельном костюме, который состоит из лифа и длинной юбки, оставляя открытым живот. Танец распространен в странах Ближнего Востока и Северной Африки и в течение времени вобрал в себя фольклорные традиции народов, проживающих в этом регионе. Особую популярность танец живота приобрел в Египте в XX в., этот период еще называют «Золотым веком», т.к. в это время сформировались основные стилистические и хореографические каноны, появились признанные танцовщики и танцовщицы, которые начали исполнять *беллиданс* на сцене и сниматься в кино. Сейчас египетский стиль танца живота некоторыми преподавателями и исполнителями считается классическим.

В нашей стране восточный танец развивался еще с советских времен во многом благодаря хореографу И. Моисееву [4, с. 148–149]. В современной России *беллиданс* переживал пик популярности в 2000-е годы, когда начали появляться танцевальные и спортивные организации, открываться школы и клубы. Многие женщины, увлекавшиеся танцем живота в 2000-е годы, связывали популярность этого танца в России выходом сериала «Клон»

(2004–2005 г.) с главной героиней Жади, которая неоднократно исполняла *беллиданс* в сериале и тем самым вдохновила на изучение восточных танцев и восточной культуры многих россиянок, даже несмотря на впоследствии очевидный танцевальный дилетантизм актрисы Джованны Антонелли. Образ красавицы, танцующей арабский танец живота, ставшей объектом для подражания, спровоцировал всплеск интереса к танцам Ближнего Востока с созданием большого количества школ, фестивалей, конкурсов, организации поездок в страны этого региона и также публикаций учебников по танцу живота и других материалов.

Важным событием в сообществе российских танцовщиц стало появление журнала «Ориенталь», русского журнала о восточном танце, создательницей и главным редактором которого была Мария Крижановская с 2005 по 2009 г., сама танцевавшая танец живота и Мона Амар с 2009 по 2014 г., также исполнительница этого направления. Журнал выходил 4 раза в год и позиционировался как издание для женщин (в статьях журнала авторы и главный редактор обращались к «дорогим читательницам»).

Задача нашего исследования проанализировать образ восточной танцовщицы, исполнительницы танца живота, представленного для россиянок в журнале «Ориенталь». Данное издание можно квалифицировать как «женскую прессу» и подобные журналы принято использовать как источник в гендерных исследованиях и в исследованиях женской истории (например, см.: [2]; [1]). Журнал «Ориенталь» – достаточно редкий и ценный исторический источник по исследованию танца (*dance studies*), который воссоздает определенный контекст 2000-х–2010-х годов – периода моды на танец живота в России; опыт издания таких журналов может в дальнейшем использоваться в популяризации танцевального искусства.

В журнале «Ориенталь» мною было выделено несколько тематических блоков:

1. История восточного танца. Помимо *raks sharki* и народных танцев Ближнего Востока, в журнале публикуются статьи, посвященные истории танца других регионов: танцы Малайзии, Индии и т.д.

2. Интервью с известными танцовщицами и педагогами, такими как Мария Шашкова, Наталья Стрельченко (Фадда), Варвара Столярова, Алия, Дина и др.

3. Направления танца (египетский, ливанский, турецкий и другие стили)

4. Конкурсы. ОРТО [8], Лига профессионалов восточного танца [6]. Под эгидой этих организаций на страницах «Ориенталь» пропагандировалось уважение к арабской культуре при конкурсном танцевании, подчеркивалось необходимость знания стилей и ритмов исполняющихся танцев [7, с. 58].

5. Работа за рубежом (в частности, в арабских странах и Турции).

6. Быт и история арабских стран.

7. Технический блок с подробным разбором элементов танца живота.

Отличие русских танцовщиц от арабских, в частности египтянок, в том, что для последних было важнее передать через танец чувства, чем продемонстрировать безукоризненную технику или показать шоу [5, с. 9]. Знаменитая танцовщица Дина в интервью журналу обращала внимание на слишком яркий макияж и костюмы русских исполнительниц, противоречащие египетскому «естественному» облику и манере. При этом в самом русском журнале давались советы именно о ярком макияже и костюме, мы видим, что в русской традиции исполнения восточного танца преобладали элементы шоу, вычурные костюмы и аксессуары. Ракия Хассан отмечала у русских танцовщиц бедный набор движений и отсутствие понимания, о чем они танцуют. При этом были ожидания техники классического балета [9, с. 16]. Звезда египетского танца живота Дина сравнивала изучение танца другого народа с изучением иностранного языка – акцент все равно будет слышен носителям [5, с. 11]. Россиянки, в целом, считались и считаются очень техничными танцовщицами, благодаря сильным традициям академического танца, до сих пор развитым в нашей стране.

Читая журнал «Ориенталь», танцовщица получала комплексное, хоть и поверхностное, представление о Ближнем Востоке. Это не только материалы о восточных танцах разных стран, но сведения о культуре, языке, музыке, кулинарии, арабской моде, интервью со звездами *беллиданса*, обзоры книг и видеодисков, анонсы танцевальных фестивалей и конкурсов, реклама магазинов с танцевальной одеждой и атрибутикой. В соответствующих разделах журнала публиковались статьи про женщин, которые,

занимаясь танцем живота, нашли себя в смежных отраслях: швей, рукодельницы, визажистки, владелицы магазинов танцевальных товаров – их бизнес обслуживал потребности таких же женщин, танцующих *беллиданс*. Нельзя не отметить, что в статьях журнала встречались откровенно стереотипные утверждения о жизни женщины в арабских странах, например: «Слабый пол на Востоке окружен заботой и вниманием, считается, что работать и кормить семью должен мужчина, а женщина должна радовать его своей красотой, стряпней и интересными рассказами. Имеющуюся массу свободного времени дамы тратят на себя: натираются маслами, мажутся кремами и красятся» [3, с. 38]. Подобные сюжеты неизбежно отсылают нас к работе Э. Саида «Ориентализм», в которой рассматривается как образ «Другого» может быть пропущен через призму европейского восприятия в политике, искусстве, текстах, а в нашем случае и в конструировании «восточного танца». Мы в своем исследовании постараемся взглянуть как образ восточной танцовщицы ретранслируется через подобную «ориенталистскую» оптику.

* Статья выполнена по плану научно-исследовательской работы Института этнологии и антропологии РАН

Список литературы

1. Громова А.И. Влияние первой мировой войны на повседневность российских женщин привилегированного сословия (по материалам женской периодической печати 1914–1917 годов) // Вестник рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 4(61).
2. Громова А.И. Идеал красоты в отечественных женских журналах начала XX в.: изменение паттернов контроля за женским телом // Вестник костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 33–39.
3. Гулынская М. Рисуем лицо по-арабски // Ориенталь. Русский журнал о восточном танце. 2008. № 3(5). С. 38–41.
4. Ефимова-Соколова О.Л. Трансформация форм и функций этнического танца в процессе диалога культур (на примере танцев стран Ближнего Востока) // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 147–164.
5. Крижановская М., Пугач С. Жемчужина Нила // Ориенталь. Русский журнал о восточном танце. 2006–2007. № 5(7). С. 8–15.

6. Лига профессионалов восточного танца // bellydanceliga.com [электронный ресурс]. URL: <https://bellydanceliga.com/> (дата обращения: 26.04.2024)
7. *Можжевелик Е.* Победа на конкурсе: миссия выполнима! // Ориенталь. Русский журнал о восточном танце. 2008. № 3(5). С. 56–61.
8. «Общероссийская танцевальная организация» // ortodance.ru [электронный ресурс]. URL: <https://ortodance.ru/> (Дата обращения: 26.04.2024)
9. Ракия Хассан о русских танцовщицах // Ориенталь. Русский журнал о восточном танце. 2006–2007. №5 (7). С. 16–17.

О.В. Татарников

Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Женский вклад в становлении оренбургского телевидения

Усилиями Российской ассоциации исследователей женской истории и ее ведущих представителей тема женской истории прочно вошла в научный оборот [1; 2]. Однако женский вклад в становлении отечественного телевидения до сих пор не подвергся значительному изучению. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот данных о четырех женщинах, стоявших у истоков становления оренбургской телестудии.

Оренбургская студия телевидения была образована в 1960 г. Женщины во время ее становления занимали посты председателей, дикторов, сценаристов, режиссеров и т.д. Вместе с такими значимыми личностями в истории местного телевидения, как Л.Н. Большаков, Ю.М. Карасевич, В.Б. Долгополов работали А.Г. Лукина, Р.А. Забелина, М.Я. Таран, С.С. Радушина и т.д.

Начнем свое исследование с изучения вклада Лукиной Антонины Григорьевны. Ее личность примечательна тем, что она была председателем редакции радиовещаний Оренбургского облисполкома до образования оренбургской телестудии. Помимо того, что она являлась автором многих радиопрограмм, через нее шла связь с другими территориями, на которых были свои управленческие органы по работе с радио и телевидением. Так, например, А.Г. Лукина участвовала в обмене радиопередач с Башкирским комитетом [3, л. 2]. Именно благодаря ей, была

налажена связь с городом из соседней республики – Актюбинском, выразившаяся во взаимных просьбах выступить передовым рабочим в передачах или прислать речь председателей колхозов, отличившихся в социалистическом соревновании [3, л. 22]. Аналогичные взаимоотношения ею были налажены с Мурманском и Украинской ССР [3, л. 41]. 23 января 1961 г. был образован Комитет по радиовещанию и телевидению, а А.Г. Лукина стала его первым председателем. Между радио и телевидением, во время становления последнего, было различие только в наглядном способе передачи информации. Блоки программ и методы воздействия на зрителя совпадали, потому опыт работы А.Г. Лукиной существенно помогал на первых этапах развития оренбургской телестудии. Именно во время ее работы 27 сентября 1961 г. была запущена первая вводная телевизионная программа, давшая старт развитию всего местного телевидения [4, л. 1].

Первым диктором этой передачи стала Мария Яковлевна Таран, проработавшая на оренбургской телестудии 15 лет. Ее задача была одной из самых тяжелых. М.Я. Таран необходимо было говорить вступительные слова при запуске передач, задавая тон всей программе. Из-за того, что первоначальные программы выходили в прямом эфире, у диктора была только одна попытка сказать все правильно. Большой стаж работы и любовь зрителей позволяют судить нам о том, что М.Я. Таран отлично справлялась со своей задачей.

В ноябре 1962 г. председателем оренбургского Комитета по радиовещанию и телевидению становится Римма Александровна Забелина. На ее годы приходится начало творческого подъема местного телевидения. Хаотичные передачи и сухие выпуски новостей сменяются упорядоченными циклическими программами со своим расписанием, где каждому блоку было уделено свое время. Днем, в основном, шли репетиции программ, которые затем транслировались вечером. Одним из первых циклов передач, упорядоченных во время председательствования Р.А. Забелиной, становится «Слово деда Егора – народного контроллера». Каждую субботу ответственный колхозник, названный Егором, выводил на «чистую воду» рабочих, не соблюдающих трудовую дисциплину. Периодичность выработалась и у новостей. «Вчера. Сегодня. Завтра» выходили каждые два дня, успевая охватить все актуальные события, произошедшие в

Оренбургском крае. Также, во многом благодаря идейному вдохновителю Л.Н. Большакову, стали создаваться собственные телепостановки, как, например, «Зори оренбургские». Свой вклад в их организацию вносила и Р.А. Забелина. Для успешной постановки спектакля необходимо было договариваться с театром о приглашенных артистах и назначать место для репетиции и съемок, что, разумеется, тоже входило в обязанности председателя комитета [5, л. 14-16]. В истории оренбургского телевидения этап 1962–1968 гг., пришедшийся на работу Р.А. Забелиной, считается одним из самых творческих и продуктивных, что позволяет нам утверждать о том, что она сыграла значительную роль в становлении местной телестудии.

Важную роль в становлении оренбургского телевидения также сыграла Софья Семеновна Радушина. Ее дебют в качестве диктора состоялся в 1966 г. из-за случайных обстоятельств – заболела М.Я. Таран. Вспоминая этот момент в интервью газете «Вечерний Оренбург», С.С. Радушина отмечала, что не волновалась из-за выступления, а переживала только за свой наряд [6]. Спустя неделю она уже вела передачи в прямом эфире. Помимо работы диктором, С.С. Радушина также являлась автором более 150 документальных фильмов об Оренбуржье. Благодаря своей плодотворной работе на телевидении, она в 1970 г. становится членом союза журналистов СССР. Ее деятельность на оренбургском телевидении продолжалась и после распада Советского Союза. В тот период, когда местное региональное телевидение искало свой путь развития, любовь С.С. Радушиной к родному краю помогала ему развиваться. Ее фильмы о таких выдающихся личностях Оренбуржья, как М.Л. Ростропович, Ю.А. Гагарин, В.С. Черномырдин, В.П. Поляничко позволяли местным жителям познать историю своей Родины. Деятельность С.С. Радушиной нередко выходила за пределы Оренбургского края, и она воспринималась в журналистском сообществе как личность всероссийского масштаба.

Таким образом, оренбургская студия телевидения с момента своего становления имела, в том числе, и женское лицо. Ее выдающиеся женщины-работники внесли огромный вклад, как в организацию этой сложной работы, так и в наполнение ее творческим содержанием.

Список литературы

1. *Пушкарёва Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
2. *Репина Л.П.* История брака и семьи в гендерной перспективе // Диалог со временем. 2008. Вып. 23. С. 5–23.
3. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Р-2015. Оп. 2. Д. 244.
4. ОГАОО. Ф. Р-2015. Оп. 2. Д. 332
5. ОГАОО. Ф. Р-2015. Оп. 2. Д. 358
6. Вечерний Оренбург. 14 июля 2004. № 29.

Н.Ю. Таилыкова

*Москва, Российский государственный
университет им. А.Н. Косыгина*

Женские образы в творчестве Екатерины Щербаченко и Анны Нечаевой

Две современные российские оперные певицы Екатерина Щербаченко и Анна Нечаева внесли существенный вклад в создание и осмысление женской роли и судьбы. Своим талантом и мастерством они подарили возможность тысячам зрителей разных стран приобщиться к лучшим творениям русской и европейской культуры.

Екатерине Николаевне Щербаченко, родившейся в 1977 г. в Чернобыле, удалось победить на самом престижном среди оперных певцов конкурсе – «Певец мира» (2009), который организовывает компания BBC в Великобритании в городе Кардиффе. Этого триумфа Катя достигла благодаря своему упорному труду и труду педагогов музыкальной школы, училища, консерватории. Ее педагогом в консерватории была Марина Алексеева. В 2005 г. она дебютировала в партии Наташи Ростовской из оперы С.С. Прокофьева «Войны и мир» на сцене Большого театра. Ее исполнение было настолько вдохновенным, что дирижер Александр Ведерников предложил ей работу в театре в качестве штатной солистки. Тембр голоса Екатерины Щербаченко отличается особой лиричностью, хрупкостью, прозрачностью. Такие голоса в оперном мире называют «моцартовскими». Высоко

оценив ее тембр, знаменитый дирижер Теодор Курензис выбрал ее на роль Эльвиры в опере Моцарта «Дон Жуан».

На конкурсе ВВС Катя спела сцену письма Татьяны из оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского. Татьяна у Екатерины Щербаченко выделяется не только особым светлым прозрачным тембром, но и проникновенным прочтением пушкинских строк о двойственной природе красоты, когда она поет в спектакле: «Кто ты, мой ангел ли хранитель или коварный искуситель: мои сомненья разреши?» В исполнении Екатерины в этих строчках улавливается назначение любви как чувства, преодолевающего эгоизм, святящегося радостью добра. В шестой картине в сцене бала в доме Гремина Татьяна в исполнении Екатерины проникновенно говорит Онегину о своей любви, которая просветляет ее душу. После победы в Кардиффе певица подписала контракт с музыкальным агентством IMG Artists. Ей поступили предложения от оперных домов – театра Метрополитен, Ла Скала и других.

В постановке знаменитого английского режиссера Дэвида Паунтни на сцене Большого театра Екатерина Щербаченко спела партию Микаэлы из оперы Ж. Бизе «Кармен» в спектакле 2008 г. По сюжету Микаэла приходит в казарму, где должна «передать поцелуй» от матери молодому солдату Хозе. В сцене поцелуя Екатерина Щербаченко – воплощение стыдливости и искренности.

В партии рабыни Лю из оперы «Турандот» Дж. Пуччини Екатерине Щербаченко своим исполнением удалось утвердить жертвенность как неотъемлемое качество истинной любви. Лю является служанкой татарского князя Тимура. Ему грозят пытки, чтобы он, как замеченный в связях с неизвестным победителем испытаний, выдал принцессе Турандот имя своего сына Калафа, тогда его казнят, и принцессе не придется выходить замуж. Лю сообщает стражникам, что только она знает имя незнакомца. Она убивает себя на глазах у стражи, чтобы спасти князя и Калафа. Лю преодолевает страх смерти памятью радости от улыбки Калафа, которую она хранит в сердце. Дирижер, художественный руководитель Большого театра Александр Ведерников назвал исполнение Екатерины Щербаченко украшением спектакля. Неслучайно, в 2011 г. певицу пригласили исполнить партию Лю на сцене знаменито Ла Скала в Милане.

Достижением исполнительского мастерства певица стала партия Иоланты в опере П.И. Чайковского «Иоланта» на сцене Большого театра.

С этой партией певица выступила во Франции на всемирно известном оперном фестивале в Экс-ан-Провансе в спектакле американского режиссера Питера Селларса. В одной из самых любимых и сложных партий русского оперного репертуара у Екатерины Щербаченко звучит проникновенная мольба души. Действительно, в этой партии к своему теплому прозрачному голосу певица прибавляет выразительные жесты рук, мимику лица. У слушателя пробуждается сострадание к слепой девушке, и одновременно, начинается пробуждаться вера в душе. Ее проникновенный лирический голос звучал в детском спектакле Большого театра «Байка о лисе, утенке и Балде», в котором она исполняла партию сопрано из произведения С.С. Прокофьева «Гадкий утенок», рассказывая детям о превращении «гадкого утенка» в прекрасного лебедя.

Кроме Ла Скала, певица выступала в Театре Комунале (Флоренция), Оперном театре Кальяри (Италия), Лионской опере, Опере Цюриха, Баварской государственной опере, Королевском театре Мадрида (Teatro Real), Нидерландской национальной опере (Амстердам), Литовской национальной опере, Метрополитен-опере, Опере Далласа, Большой опере Хьюстона. Принимала участие в Глайндборнском фестивале и многих других. Сотрудничала с такими дирижерами, как Зубин Мета, Риккардо Фрицца, Омер Меир Уэллбер, Валерий Гергиев, Александр Лазарев, Михаил Юровский, Кирилл Карабиц и другими.

Анна Владимировна Нечаева воплотила на сцене образы трагических героинь. Ее голос отличается большим диапазоном и многогранностью бархатных теплых оттенков, а актерская игра всегда вовлекает зрителя в серьезное размышление над своей жизнью. Певица родилась в Саратове, закончилась Полтавское музыкальное училище имени Н.В. Лысенко и Саратовскую консерваторию. С 2012 г. она является штатной солисткой Большого театра. Выступала в Берлинской государственной опере Унтер ден Линден, неаполитанском театре Сан-Карло, театре Ла Монне в Брюсселе, Фламандской опере в Генте, Латвийской национальной опере, Вашингтонской национальной опере, в

Нью-Йоркском театре Метрополитен-опера, на Фестивале Сейджи Озавы в Мацумото и многих других.

В Большом театре она дебютировала в партии Настасьи из оперы П.И. Чайковского «Чародейка» как приглашенная солистка. В образе Кумы Анна Нечаева показала силу женского характера, стойкость и решимость. Кума не испугалась насилия князя и княжича. По сюжету вдова Настасья – умелая хозяйка постоянного двора на переправе через Оку близ Нижнего Новгорода. Популярность ее двора вызывает слухи о колдовстве. Настасья погибает от отравленной воды, которую ей предлагает жена князя из-за ревности. После этой роли Анне Владимировне предложили место штатной солистки театра.

Особым достижением Анны Нечаевой является партия Лизы в опере П.И. Чайковского «Пиковая дама». На эту роль ее приглашали многие знаменитые режиссеры и дирижеры мира. В 2022 г. Нечаева спела партию Лизы в брюссельском театре Ла Монне. Ее Мария в «Мазепе» П.И. Чайковского воплотила весь трагизм беззаветной преданности женской любви.

Анне Нечаевой удалось передать всю полноту страданий, нежности и бесстрашия вердиевских героинь: Виолетты, Аиды, Амелии, Елизаветы; героинь Пуччини: Мими, Тоски, Манон; Эльзы Вагнера в «Лоэнгрине».

В 2022 г. певица была удостоена приза российской музыкальной критики «Casta Diva». Надо отметить, что Анне Нечаевой удастся совмещать оперную карьеру с ролью матери: у нее две дочери и сын, которых она воспитывает сама.

*Т.В. Тернопол
Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского*

Личность и наследие дизайнерки вышивок Луизы Песел в романе Т. Шевалье «Тонкая нить»

Современная американско-британская писательница Трейси Шевалье известна романом «Девушка с жемчужной сережкой» (1999), посвященным творчеству Я. Вермеера и истории создания одноименной картины. В своих последующих книгах романистка сосредоточилась на исследовании вклада женщин в искусство (прежде всего, декоративно-прикладное), науку и развитие общества в

разные исторические эпохи. Роман «Тонкая нить» (2019), вдохновленный, как и все книги Т. Шевалье, историческими фактами, рассказывает о событиях первой половины 1930-х годов: создании вышивок для украшения Винчестерского собора, выполненных группой волонтеров. И, хотя главная героиня книги, Вайолет Спидуэлл, одна из вышивальщиц, – персонаж полностью вымышленный, важную роль в развитии сюжета играет Луиза Песел (1870–1947), выдающаяся мастерица, дизайнерка и преподавательница вышивания.

Биографические данные о Луизе Песел достаточно скупы: она родилась в семье торговца тканями, получила образование в Королевском колледже искусств, путешествовала, преподавала вышивку в Греческой школе вышивания и кружевоплетения в Афинах (1903–1907), затем вынуждена была вернуться на родину, чтобы ухаживать за престарелыми родителями. В Великобритании она присоединяется к только что созданной Гильдии вышивальщиц и в 1920 г. становится ее первым президентом. Наиболее значимые вехи творческой биографии Луизы Песел: сотрудничество с Британским музеем в 1910-х годах (серия семплеров традиционной английской вышивки, а также написание трех книг о различных вышивальных техниках), обучение вышиванию беженцев и раненых солдат во время Первой Мировой войны (с целью психологической терапии) и грандиозный проект 1931–1936 гг. в Винчестерском соборе, когда под ее непосредственным руководством и по ее дизайнам были вышиты около 600 предметов для богослужений: подушечки для коленопреклонений, мешочки для пожертвований и т.д. [3].

Этот последний период жизни Луизы Песел отражен в романе «Тонкая нить», хотя и начало ее карьеры реконструируется в диалоге между Луизой и Вайолет в главе 7: «Я несколько лет преподавала вышивание в женской школе в Греции. <...> Побывала в Египте, в Индии. Это было чудесно. <...> Во время войны преподавала вышивку выздоравливающим солдатам. Вы знаете, мисс Спидуэлл, шитье обладает целительными свойствами, это занятие снимает психологические травмы и способствует быстрому заживлению ран» [2, с. 108]. Описывая внешность мисс Песел, Т. Шевалье опирается на ее сохранившиеся фотографии: «Женщина была невысокого роста, лет шестидесяти с небольшим, в очках, с мягким двойным подбородком, широким ртом, седые волосы ее были зачесаны назад и уложены на затылке в неплотный пучок» [2,

с. 56]. Создание характера героини – это уже воплощение художественного замысла писательницы.

В ее интерпретации Луиза Песел предстает как харизматический лидер, обладающий безусловным авторитетом в группе волонтерок-вышивальщиц. Появление героини в романе происходит в критический момент, когда Вайолет, впервые пришедшая на встречу вышивальщиц, уже готова отказаться от своего намерения присоединиться к ним, и лишь спокойная приветливость мисс Песел, которую писательница сравнивает то с доброй и требовательной матерью, то с любимой учительницей, помогает молодой женщине поверить в себя. В этом первом эпизоде Луиза Песел раскрывается как опытный и тактичный педагог, умеющий в нужный момент подбодрить неуверенную в себе ученицу. По ходу развития сюжета руководительница проекта становится доверенным лицом и наставницей вышивальщиц, бескорыстно помогая им в критические минуты их жизни: с поиском жилья и работы – уволенной школьной учительнице Дороти, с организацией крестин незаконнорожденной дочери – Вайолет. С присущим ей тактом Луиза Песел способствует тому, что миссис Спидуэлл, мать Вайолет, принимает маленькую Айрис и осознает важность своей роли бабушки. Финальный эпизод романа дает основания предполагать, что и сама мисс Песел, одинокая, увлеченная вышивкой и разведением ирисов, полюбит девочку, названную в честь ее любимого цветка, как родную внучку.

В своем тексте Т. Шевалье изображает не только педагогический талант и человеческие качества Луизы Песел, но раскрывает ее как творческую личность, создающую новые дизайны для вышивок, опираясь на традиционные паттерны. Большое место в романе занимают характерные для стиля Т. Шевалье экфрастические описания [1, с. 138], отсылающие читателя к реальным произведениям декоративно-прикладного искусства, хранящимся в Винчестерском соборе: «В центральном медальоне маленькими аккуратными стежками пти-пуан тонких оттенков коричневого и кремового цвета ниток было изображено дерево с двумя рыжеватокоричневыми голубым павлинами на ветках, клюющими гроздь винограда, под кроной дерева паслись животные, козел и олень» [2, с. 66]. Т. Шевалье не только воссоздает дизайны и вышивки Луизы Песел, но и прослеживает весь процесс создания работ: от замысла до освящения готовых изделий на специальной церковной службе.

Обширное творческое наследие вышивальщицы позиционируется как отражение ее творческого я, способ не только оставить свой след в Винчестерском соборе и в истории, но и выразить свой политический протест. В сцене полемики со звонарем Артуром Найтом об использовании в вышивке древнего узора *филфот*, внешне совпадающего со свастикой, Луиза бесстрашно заявляет: «Я не собиралась идти у них на поводу, отказываясь от использования в своей композиции столь прекрасного орнамента. Если бы я это сделала, можно было бы сказать, что они победили, разве не так? Я возвращаю символу его истинное значение. И никакая нацистская партия не будет решать за меня, какой смысл вкладывать в филфот. <...> А я использовала его, чтобы отменить тот смысл, который сейчас в него вкладывают» [2, с. 349].

Таким образом, в своем романе «Тонкая нить» Ш. Шевалье не только вполне достоверно изображает деятельность Луизы Песел по руководству волонтерской группой вышивальщиц, работавших над украшением интерьеров Винчестерского собора, и вводит в текст многочисленные примеры экфрасиса для создания образов ее произведений, но и позиционирует свою героиню как идеальную женщину-творца: свободную от мизогинных установок, ориентированную на сотрудничество и поддержку, имеющую собственную позицию не только по искусствоведческим, но и по политическим вопросам и готовую эту позицию отстаивать.

Список литературы

1. *Тулякова И.И.* Экфрастический роман Т. Шевалье «Дама с единорогом» // Экфрастические жанры в классической и современной литературе: монография / Н.С. Бочкарева, К.В. Загороднева, Е.О. Пономаренко [и др.] под общ. ред. Н.С. Бочкаревой. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. С. 138–152.
2. *Шевалье Т.* Тонкая нить: роман. Пер. с англ. В.Г. Яковлевой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 416 с.
3. *Neville C. Pesel, Louisa* // Not Just Hockney: Site. URL: <https://www.notjusthockney.info/pesel-louisa/> (дата обращения: 14.04.2024).

**Вдохновительницы и музы в жизни гения
(пьеса Елены Исаевой «Женщины Есенина»)**

Разрабатывая архетип «анима/анимус», Юнг выделил в развитии анимы четыре различных уровня Эроса. Образ женщины в литературе и искусстве во многом может быть соотнесен с этими четырьмя уровнями. Высший уровень в этом архетипе отдан важнейшему женскому архетипу. Это София (Муза, Мудрость). Согласно философии Юнга, «анима (Р'о или kuei) рассматривается как женская и хтоническая часть души» [6, с. 77]. Она представляет собой мужское бессознательное отражение коллективного женского образа, обусловленное проекцией отношений с противоположным полом. Для мужского бессознательного предпочтительно лишение женщины плоти и отведение ей весьма условного места вдохновительницы. Бовуар также указывала на эту функцию женщин в исторической перспективе: «Вполне понятно, что женщина, составляющая существо всей поэтической деятельности мужчины, представляется ее вдохновительницей: все Музы – женщины. Муза – это посредница между Творцом и природными источниками, где он черпает вдохновение. Именно через женщину, чей дух глубоко сопрячен природе, мужчине открывается путь к исследованию бездн молчания и плодovitой ночной тьмы» [1, с. 224]. Мужчину-творца, несомненно, такое положение устраивает. А как на него реагируют женщины? В этом попыталась разобраться современный драматург Елена Исаева в пьесе «Женщины Есенина», написанной на основе книги З. Прилепина «Есенин: Обещая встречу впереди». Такое соприкосновение мужского и женского авторства (или «соавторства») обещало интересную коллизию и результат. Драматург Елена Исаева в одном из интервью выразила недовольство названием спектакля (видимо, это была инициатива МХАТ им. М. Горького, предпринятая ради привлечения зрителя!) «Я была против: на мой взгляд, это отталкивает настоящую театральную публику. Многие ведь думают, будто в спектакле

желтизна, сплетни, хотя на самом деле – совершенно не так. Это попытка некоего анализа, в том числе и гибели поэта» [2].

Прилепин ориентировался на биографический жанр (она вышла в серии «Жизнь замечательных людей»), он «протоколирует» жизнь Есенина, воспроизводя все происходящее с поэтом в хронологическом порядке, что наглядно видно из оглавления книги. Писатель предлагает нам окунуться в жизнь поэта, включая его бытовые будни, дружбу с Мариенгофом, знаменательные события (выступления в «Стойле Пегаса»), раскрывает содержание его литературных взглядов, касается отношений со многими писателями, включая Горького, Маяковского, Блока, Пастернака и других: «Вышел на сцену и, гримасничая, словно от боли, начал заявленную в афише лекцию “О мерзости и прочем в литературе”. Сказал, что в революцию первыми пришли двое – он и Блок. В сущности, это так» [4, с. 646]. Не скрывает Прилепин и его любовных увлечений, пишет о взаимоотношениях с властью. Особое место в книге занимает описание психологической составляющей личности поэта, его алкогольной зависимости, приведшей в итоге к глубокой депрессии и закончившейся смертью. Исаева оценила усилия коллеги, высоко отозвавшись о книге: «... если образ Есенина возникает не самый благоприятный – это вина не автора, а вина того, кто читает, потому что автор поэта, безусловно, оправдывает» [2]. Таким образом, она признала, что в центр повествования поставлен поэт (что естественно). Но важно, что Исаева увидела оправдание автором поведения поэта, ответственность за которое Прилепин переложил на «чудесных, абсолютно советских девушек», которые «подсознательно чувствовали в нем, за всем его пьянством, ангельскую природу?» [4, с. 640]. Свою фразу Прилепин строит как предположение, завершая ее знаком вопроса. Но чувствует, что он-то как раз и убежден в этом.

А вот Исаева иначе расставляет акценты в своей работе. Не менее значим, чем Есенин, в ее пьесе становятся мать поэта, Айседора Дункан, Августа Миклашевская, Галина Бениславская, Зинаида Райх. Иногда эти пять женских фигур даже выдвигаются на первый план. Исаева спорит с утверждением Прилепина, выраженным предельно четко: «Есенин был брезглив и донжуаном не являлся» [5, с. 39]. Драматург скорее настаивает на «использовании» Есениным женщин, которые нужны ему, необходимы,

чтобы не угасало его вдохновение. Поэтому он постоянно в поиске, ищет и отталкивает от себя женщин, не задумываясь в общем об их чувствах. Он готов на многое для получения собственного внутреннего переживания – то ли удовольствия, то ли боли, то ли страдания, чтобы поймать мгновенную искру творчества.

Упомянутые выше пять женских образов охватывают практически весь спектр женских архетипов, если опираться на схему Юнга. Райх и мать Есенина сближает женский архетип Евы, в них обеих наиболее ярко выражено материнское начало. В спектакле они даже выступают едва ли не как единое начало, одна муза. И через отношения с ними Исаева пытается объяснить даже смерть поэта. Образ Айседоры Дункан ближе к архетипу Елены: она яркая, талантливая, красивая. Она равная Есенину в области творчества. И это неминуемо рождает столкновения, грозящие гибелью. Галина Бениславская представляет собой Марию, верную помощницу, которая не смогла жить после смерти своего «господина», став своего рода мученицей. Но подлинной музой, по мнению драматурга, явилась Августа Миклашевская, «которой посвящен весь “Хулиганский цикл”» [2]. Ее образ близок к образу архетипической Софии (истинной музы). Ее мудрость заключалась в том, что она все время старалась перевести отношения с поэтом на духовный уровень, не желала вступить с ним в брак, что неминуемо принизило бы их общение. Она прекрасно понимала, что между ними огромная разница, и потому оставалась как бы недостижимой. Но именно это стало источником вдохновения для Есенина. Она сама вспоминала об этом так: «Я понимала, что переделывать его не нужно! Просто надо помочь ему быть самим собой. Я не смогла этого сделать» [3, с. 85]. Думается, что она слишком строго себя судит! Августа Миклашевская напоминает Лу Андреас-Саломе, музу многих гениальных людей: Ницше, Фрейд, Рильке.

Таким образом, можно сделать такой вывод, что Исаеву интересует женский «вклад» в поэзию Есенина, пусть даже этот вклад не может быть оценен «материально». Это то женское наследие, которое часто для самих женщин оборачивается тяжелой травмой. Всего этого нет в книге Прилепина, который преследовал иную цель: представить жизнь Есенина во всей полноте.

Список литературы

1. *Бовуар С. де.* Мифы // Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц. / общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с. С. 181–290.
2. *Исаева Е.* Татьяна Доронина могла бы стать прекрасной, неистойвой Айседорой Дункан // Интервьюер Е. Коробкова / Комсомольская правда. 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kp.ru/daily/28374.5/4524335/?ysclid=lvuboiq59647856516> (дата обращения: 30.04.2024).
3. *Миклашевская А.Л.* Встречи с поэтом // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 83–92. (Лит. мемуары).
4. *Прилепин З.* Есенин: Обещая встречу впереди. М.: Молодая гвардия, 2020. 1029 с.
5. *Прилепин З.* Сколько полюбил озорной гуляка? // Интервьюер Ю.А. Шигарева / Аргументы и факты. 2021. № 49 (2142).
6. *Юнг К. Г.* Об архетипах с особым вниманием к понятию анимы // Архетипы и коллективное бессознательное / [перевод А. Чечиной]. М.: Издательство АСТ, 2019. 496 с. С. 69–92.

Е.А. Ягафова

*Самара, Самарский государственный
социально-педагогический университет*

Женский образ в репрезентации этничности чувашей в киберпространстве

Формирование и трансляция этничности в современном информационном обществе происходит в том числе и в форме киберэтноциности, и значительную роль в ее утверждении и передаче играют визуальные образы, которые имеют символический характер. При этом транслируется тот набор черт этноса, который является актуальным прежде всего для носителя данной культуры. Одним из принципов создания этнического образа является связь с этническим контекстом, опора на культурную память, архетипичные представления, авто-и-гетеростереотипы. Источником для его конструирования выступают разные средства: фольклор, литература, экранные искусства, живопись, фотография. В данной статье рассмотрены женские визуальные

образы, создаваемые в процессе репрезентации этничности чувашей в киберпространстве.

Основной метод, использовавшийся в данном исследовании – анализ т.н. «публичных цифровых следов» – визуальных постов, комментариев в чувашских группах и сообществах социальных сетях «Одноклассники» (ОК) «ВКонтакте» (ВК). Был изучен также визуальный контент на веб-ресурсах YouTube, RuTube, Pinterest, Дзен, выявленный по запросам «#чуваш / -ка / -и», «#чйваш / -сем».

Женская тематика широко представлена в визуальном формате на различных веб-площадках, посвященных чувашской культуре. По объему информации явно преобладают женский и девичий костюмы: головные уборы *хушпу* и *тухъя*, головные полотенца *сурпан* с декорированными концами, различные украшения, выполненные из серебра, кораллов, бус и других материалов, вышитые фрагменты одежды – подолы, нагрудные части, рукава рубах. Так, на тему чувашского костюма в сети «Одноклассники» размещено более 3,3 тыс. публикацией и около 1 тыс. единиц видеозаписей, в «ВКонтакте» – около 40 тематических сообществ, и 931 видеосюжет. На платформе YouTube чувашский костюм наиболее объемно представлен на канале «Чувашская культура» 17 фильмами и видеосюжетами: «Чувашский костюм – наследие прошлого», «Как повязывали сурпан разные группы чувашей», «Как чувашки делали одежду из конопли», «Чем отличается одежда разных групп чувашей», «Чувашские свадебные костюмы», «Чувашские и Украинские амазонки», «Чувашские амазонки, болгарские и македонские» и др. Названия этих видеоматериалов указывают на наиболее значимые стороны в репрезентации чувашского костюма и его локальных вариантов как предмета культурного наследия народа, но в то же время и как способа мифологизации этнического образа.

На площадке фотохостинга Pinterest коллекция чувашского костюма содержит особую подборку фотографий и рисунком женского костюма. На платформе Дзен информация о чувашском костюме выложена в подавляющем большинстве в виде видеосюжетов и научно-популярных статей. Примечательно название видеопленки «Святыни Чувашского края: национальный костюм» (реж. О. Лаптева), в котором женский чувашский

костюм осмысливается как одна из главных ценностей народной культуры.

Женский и девичий головные уборы, детали костюма, орнаментированные фрагменты женской одежды пользователи социальных сетей нередко используют в качестве аватаров; чаще других этим приемом пользуются исполнители народных и эстрадных песен, активисты чувашского национального движения.

Женское пространство чувашской культуры опосредованно представлено контентом о вышивке – одном из основных женских ремесел. В социальных сетях созданы отдельные группы и сообщества по этой тематике: в ВК – «ООО “ФХП ‘Паха тере”» (2,5 тыс. подп.), «ЧУВАШСКИЙ КОСТЮМ | Вышивка | Культура | Кухня» (1,8 тыс.), «Музей чувашской вышивки» (1,7 тыс.), «Чăваш тĕрри» (838), «Клуб чувашской вышивки и ремесел» (363), «Чувашская вышивка и костюм» (321), в ОК – «"Тĕрĕ тĕнчи" – клуб чувашской вышивки» (1,4 тыс.), «Кĕмĕл Чăваш Ен – Серебряная Чувашия» (76 участников), 767 видеосюжетов. Разным техникам вышивания посвящены частные каналы в YouTube: «Чувашская вышивка. Евгения Жачева», «Эткер» и «Инфознайка-ТВ» и др. – всего 69 видеосюжетов. При этом репрезентация в интернете охватывает как аутентичные образцы вышивки, так и копирующие их новые изделия или вышивку, выполненную в традиционном стиле. Тем не менее, несмотря на определенный отход от аутентичных форм, женский/девичий костюм и его детали остается знаковым элементом чувашской культуры.

Визуальные образы являются, безусловно, результатом стереотипизации этнической культуры, но и сами способствуют превращению этнического образа в стереотип, который, в свою очередь, влияет на формирование и укрепление групповой идентичности за счет ретрансляции упрощенных образов. Одним из таких стереотипов стал образ «Чувашская красавица».

Образ чувашской красавицы, чаще девушки – «Чăваш пики», визуально презентуется через национальный костюм и его детали (прежде всего, головной убор *тухъя*), внешнюю привлекательность героини кадра. Воплощением идеала чувашской девушки стала Нарспи – героини одноименной поэмы К. Иванова, изображения которой массово тиражируются в Интернете. Однако еще чаще встречаются в социальных сетях фотографии красивых девушек в чувашских стилизованных костюмах, со-

проводимые характерными комментариями: «Красавицы! Гордость за чувашей!»

В отличие от девичьего образа чувашской женщины передается через такие смыслы, как забота о семье, уют, а визуально – через занятия рукоделием и его результаты, приготовление пищи и блюда национальной кухни. Идея внешней привлекательности при этом отходит на второй план. В презентации современных чувашских женщин подчеркиваются успехи в профессии, активность в освоении среды обитания. Визуальный контент представлен фотографиями чувашских женщин и девушек как в национальных костюмах, так и «цивильной» одежде, на фоне городского пейзажа, автомобилей, в кафе, на кухне, за столом в окружении семьи и родственников, во время активного отдыха. Таким образом, визуальный образ чувашской женщины в киберпространстве формируется не только в контексте традиционных элементов и представлений, но и современной жизни.

Таким образом, женский образ активно используется в процессе репрезентации этничности в киберпространстве и формируется непосредственно в виде презентации женского / девичьего костюма и его деталей, опосредованно – через традиционные женские занятия (вышивание), смысловые концепты «семьи», «домашнего уюта». Образ современной чувашской женщины создается в интернете не только в контексте традиционных элементов и представлений, но и реальной жизни.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00018, <https://rscf.ru/project/23-28-00018/>

А.А. Смирнова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Роль культа богини Янжимы в распространении буддизма в Бурятии

На протяжении последних тридцати лет в республике Бурятия происходит «возрождение буддизма», этим термином пользуются представители высшего буддийского духовенства для обеспечения преемственной линии нового «возрождаемого»

буддизма и тех его форм, которые существовали в этих местах до начала советского периода, по существу же, происходящие в республике процессы – это скорее конструирование ряда новых культов с уже новой системой смыслов, символов и историей [1, с. 63–65]. В рамках политики возрождения с некоторой периодичностью в разных удаленных точках республики открываются новые места поклонения и рядом с ними впоследствии возводятся буддийские храмы, в которые направляются для круглогодичного или сезонного служения обученные в буддийском университете Иволгинского дацана ламы [2]. Постепенно храмы обрастают собственным приходом, и происходит интеграция буддийских идей и практик в повседневную жизнь жителей близлежащих сел и деревень, налаживается взаимодействие и диалог между священнослужителями и мирянами.

В докладе пойдет речь об одном из таких новосозданных мест – об обнаруженном лике богини Янжimy на камне в лесу близ села Ярикта Баргузинского района (360 км на север от Улан-Уде). Богиня Янжима (тиб. Янгченма, санскр. Сарасвати) считается покровительницей красноречия и поэтического вдохновения в Индии и Тибете, но в Бурятии скорее известна и почитается как богиня, дарующая детей, к ней обращаются также для помощи в поисках мужа или жены. Спустя почти двадцать лет с момента обнаружения лика в месте почитания богини образовался целый комплекс различных инфраструктурных объектов: большой храм богини у подножия горы; домики, в которых принимают ламы; экологическая деревянная тропа, ведущая к камню с ликом; беседки на протяжении тропы, молитвенные барабаны, специальные алтари для сбора подношений и жертв; большая деревянная юрта-музей, на стенах которой расположены стенды с историями чудесного обнаружения лика богини (лик проявился на камне во время медитации в этих горах Хамба-ламы Аюшеева, главы Буддийской традиционной сангхи России) и многочисленные благодарности в тетрадах от благодарных людей, которым помогла богиня. Рядом со священным камнем также установлены специальные алтари для сбора подношений и жертв. Все это находится среди множества деревьев, украшенных разноцветными хадаками, ленточками и флажками хийморин, что обычно служит маркером высокой святости места. Дарующая детей Янжима стала настолько популярна, что в

последние годы к ней начали приезжать не только жители республики, но и жители Забайкальского края, Якутии, Иркутской области, а также Монголии. К ней организуются однодневные туры, приезжает много паломников, а ритуалы поклонения богине выверены до мелочей и уже стали каноническими (что с собой брать и что делать в зависимости от прошения).

В докладе будет рассмотрено, как и кем создавался и продолжает конструироваться культ богини? Почему святилище Янжимы стало невероятно востребованным и стоит в одном ряду святинь на равне с Иволгинским дацаном (хотя само место «молодое» и было обнаружено лишь в 2005 г.)? А также почему были выбраны именно это горы для его создания, столь удаленные и труднодоступные на севере республики? И какую роль в этой истории играют женщины?

Исследование основывается на полевых наблюдениях автора статьи у святилища богини Янжимы и интервью с мирянами и монахами Иволгинского дацана, которые были собраны в рамках поездок в р. Бурятию в 2020–2023 гг., а также на доступных письменных источниках, как научных, так и публицистических.

Список литературы

1. *Бадмацыренов Т., Родионов В.* Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь. 2020. № 1(38). С. 62–85.
2. *Содномпилова М.М., Амоголонова Д.Д.* Традиционные и новые места религиозного паломничества в Бурятии // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 47–60.

Е.М. Жидкова

*Самара, музей модерна
(филиал СОИКМ им. П.В. Алабина)*

Женская эмансипация на примере биографий художников русского зарубежья Владимира, Зинаиды, Елены и Генриетты Боberman

Самарский музей модерна расположен в старинном особняке, построенном по проекту выдающегося московского архитектора А.У. Зеленко (1871–1953) для купца-хлеботорговца Курлина.

Имеющий статус памятника федерального значения, особняк был построен на доходы от мельницы, ныне известной как мельница Курлина-Бобермана. После пожара 1899 г. именно Моисей Боберман выкупил и восстановил мельницу Курлина. Здание Торгового Дома «Боберман и С-я» на улице Мельничной в Самаре (бывшая Бобермановская) сохранилось, как и остов полуразрушенной мельницы, еще в 1988 г. включенной в Список объектов культурного наследия.

Самарский купец Моисей Лазаревич Боберман (1830?–1918) прошел путь из отставных солдат до купца первой гильдии, оставаясь неграмотным, что, однако, не мешало ему быть казначеем самарской еврейской общины. В семье Моисея Лазаревича и Рахили Вольфовны родились сыновья Вульф, Абрам, Ицхак [7: Д.2. Л. 27] и дочери Рива и Лея. Интересуясь историей волжского купечества, мы проследили судьбу потомков Моисея Бобермана, которые совершили невероятный творческий взлет из Засамарской слободы до Монмартра. В докладе будет уточнена биография художников русского зарубежья Владимира, Зинаиды, Елены и Генриетты Боберман – внуков Моисея Бобермана, а также дана оценка примерам женской эмансипации, которую являются их судьбы.

«Зина Готье, в равной мере замечательная в фигуре, пейзаже или натюрморте, находит интерес в изображении всего того, что унижено, лишено милости и болезненно в этом мире. В этом она подобна Рафаэлли и Стейнлену в живописи или Гюисмансу и Гюставу Жэффрою в литературе. Она – художник нищих людей и убогих вещей», – сочувственно писал критик о картинах Зинаиды Готье (ур. Боберман. 1893–1936) [Цит. по: 4, с. 169]. Зинаида Готье (Gauthier, в первом браке Фейтельберг) [6: Д. 42. Л. 353об.] в 1910-х годах совмещала учебу в Московском коммерческом институте с уроками в студии Ильи Машкова, в 1918–1919 гг. занималась в Свободных государственных художественных мастерских. Но эмиграция забросила ее в Париж, где она создавала афиши и рисунки для тканей, пробовала себя в книжной графике. В документах на выезд, которые семье с трудом удалось оформить в Батуми в 1919 г., место и дата рождения Зины были изменены. С тех пор во всех книгах о художниках Зарубежья она указана уроженкой Казани 1885 г.р. На самом деле она родилась в Самаре 25 ноября 1893 г. [7: Д. 553.

Л. 23]. Возможно, это изменение было связано с получением статуса беженцев и нансеновских паспортов.

Во время скитаний в Тифлисе в 1919 г. Зинаида и Владимир сблизилась с художниками Судейкиным, Сориним, поэтом Каменским, режиссером Евреиновым, братьями Зданевич. Спустя годы, в Париже Михаил Ларионов включил работы Зины Готье и Владимира Бобермана в состав выставки «Современное французское искусство», которая проходила в 1928 г. в Москве, в Музее нового Западного искусства [3, с. 58–59]. Во Франции Зинаида вышла замуж за известного писателя и художественного критика Максимилиана Готье, тем самым разорвав традицию браков строго внутри конфессии. После ранней смерти от чахотки в декабре 1936 г. во Франции прошла ее персональная посмертная выставка. Не так давно картон мануфактуры Бове «Люксембургский сад» (1933) авторства З. Готье был представлен на выставке «Элегантность и современность. Парижские гобелены» (Франция, 2009).

«Русский по рождению, француз по выбору, то француз, то итальянец по духу, с большой мерой хорошего вкуса, он демонстрирует мазок Дюфи и, одновременно, солидность Моранди. В его застывших венецианских сценах манера – престо, но тональность – ларго; земляные цвета безмолвны; бледно-голубые небеса ласкаемы бледно-розовой вуалью облаков; шеренги крыш светлого тона выбелены солнцем», – писал критик о художнике Владимире Бобермане (1897–1987) [Цит. по: 4, с. 92–93], местом рождения которого обычно указывается Ереван, но скорее всего, он родился в Казани, где в 1890-х годах жила семья его родителей.

Владимир Боберман, ученик студии И. Машкова и П. Кончаловского, за свою долгую жизнь стал признанным классиком, одним из неоромантиков европейской живописи [1, с. 117–118]. О нем написано несколько монографий [8], о его картинах лестно отзывался Дягилев и друживший с ним Фальк [5, с. 98, 123]. Владимир подчеркивал, что занялся живописью с разрешения отца – банкира, далекого от мира искусства, но понимавшего всю ценность и важность творчества для своих детей, преодолевших сословные и национальные границы, ставших космополитами – людьми мира [8].

Лили – так звали родные и друзья младшую дочь самарского купца Елену Абрамовну Боберман (1902–1991), музу и жену знаменитого итальянского художника армянского происхождения Григория Шилтяна (1900–1985). Елена стала первой в этой еврейской семье, кто заключил брак по гражданским обрядам. В отличие от поколения родителей, внуки купца Бобермана уже не следовали религиозным канонам, стали светскими, даже богемными людьми. С Валентиной Ходасевич, направлявшейся в Сорренто, она посетила Максима Горького, была дружна с Джорджо Де Кирико и Вячеславом Ивановым, семьями Павла Муратова и Михаила Шолохова и многими другими [2, с. 118–119]. Елена не стремилась к карьере художницы, а играла роль импресарио мужа: организовывала выставки, помогала в продвижении работ, после смерти художника создала музей Шилтяна. В 1983 г. во время выставки Шилтяна в Москве подарила его картины ГМИИ им. А.С. Пушкина. Более того, Елена была известна как антиквар, хозяйка модного артистического салона в Милане.

Еще одна представительница этой семьи – Генриэтта Боберман (1901 – после 1977) училась в Петроградской консерватории, но вихри гражданской войны забросили ее сначала в Германию, а в 1955 г. вместе с престарелой матерью, бывшей самарской купчихой Софьей Генриховной – в австралийский Сидней. Там к ней пришло признание как к скульптору, наиболее известная ее работа – бюст Рудольфа Нуриева (1977), «напоминавшего ей о родном Ленинграде». Хотя родиной Генриэтты был волжский город Самара [7: Д. 548. Л. 1]. Но именно столичные Москва и Петербург воспитали потомков этой еврейской семьи и дали им начальное художественное образование, поэтому воспринимались ими как малая родина.

Биографии художниц, вышедших из провинции, чьи родители были еще, по сути, местечковыми евреями, показывают удивительный эмансипационный рывок, совершенный женщинами в начале XX в. Им удалось преодолеть сословные, национальные и религиозные рамки, осуществить свою профессиональную мечту: и австралийской скульпторше Генриетте Боберман, и французской художнице Зинаиде Готье, и итальянской импресарио Елене Боберман, и советской художнице Ирине Коварской (Боберман, 1914–1996), о которой известно меньше всего, хотя она творила в Москве. Их биографии убедительно демон-

стрируют общий характер модернизационных процессов, затронувших разные страны и слои общества в XX в.

Список литературы

1. *Бертеле М.* Боберман Вольдемар // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / Ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниелла Риции. М., 2019.
2. *Бертеле М.* Боберман Елена // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / Ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниелла Риции. М., 2019.
3. Каталог выставки современного французского искусства / Вступ. ст. А. Луначарского и др. М., 1928.
4. *Северюхин Д., Лейкинц О.* Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. СПб., 1994.
5. *Фальк Р.* Беседы об искусстве. М., 1981.
6. ЦГА Москвы. Ф. 2372. Оп. 1.
7. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 33.
8. *Scola I.* Voldemar Boberman (1897–1987). Un peintre dans les turbulences du XXe siècle. Moscou – Berlin – Paris – Ibiza: Biographie. Paris: Société des Écrivains, 2015.

РАЗДЕЛ 9
ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И
КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ XIX–XXI вв.
ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО ТРУДА

З.И. Хасбулатова

*Грозный, Чеченский государственный
университет им. А.Х. Кадырова*

**Гендерный аспект хозяйственной деятельности мужчин и
женщин в традиционном чеченском обществе**

В богатом наследии народов мира, в том числе и чеченского, в их историко-культурном генофонде важная роль отдавалась обычаям и обрядам, связанным как с семейной, так и с хозяйственно-бытовой жизнью всех народов Кавказа.

В хозяйственном и семейном быту чеченцев существовало и продолжает существовать до настоящего времени некое разделение труда по полу и возрасту: работы, выполняемые только мужчинами или только женщинами, некоторые виды деятельности, к которым привлекали девочек и мальчиков в соответствии с возрастом.

О разделении труда в хозяйственно-семейном быту народов Кавказа, в том числе и чеченцев, писали многие дореволюционные исследователи. Так, например, Н.С. Иваненков отмечал, что «в семейных отношениях чеченцев... особое место уделялось полу, возрасту члена семьи – двум основным факторам, обязанности мужа играющим значительную роль в управлении организации труда в семье... Обязанности мужа и жены точно распределены в домашнем быту. Она шьет одежду, носит воду, варит пищу, нянчит детей, мелет на мельнице муку, прядет и ткет... Он молится пять раз в день о благополучии дома, пашет, косит траву, возит дрова из лесу, дерется, защищает честь семьи, судится» [1, с. 130]. О разделении в чеченской семье по полу и возрасту наиболее подробно дал описание также и другой исследователь: «Содержание в исправности оружия и уход за лошадьёю составляет главный предмет заботливости мужчины. Кроме того, на нем лежит обязанность вспахать поле, привезти дрова, скосить сено и выполнять другие работы, требующие силы...» [2, с. 67].

Говоря о хозяйственной деятельности чеченцев в рассматриваемое время (XIX – нач. XX в.) укажем, что ведущей основной отраслью в равнинной территории Чечни было земледелие. Примечательно, что этнограф С.М.-А. Хасиев писал, что «культура земледелия достигла высокого уровня».

Известно, что чеченцы – древний земледельческий скотоводческий народ, который всегда вел оседлый образ жизни [3, с. 129–154]. О ведущем уровне животноводства на Кавказе, в том числе и в Чечне, с глубокой древности писали исследователи кавказцы, которые пришли к такому выводу на основе своих изысканий [4, с. 592–604, 93–105 и др.]. По архивным материалам известно, что во многих селениях горной Чечни скотоводство было главной отраслью хозяйства. «В горах наблюдается много домохозяйств, у которых нет пахотной земли, но живут они безбедно и даже богаче многих других, потому что ведут скотоводческое хозяйство» [5, с. 231] – читаем мы в одном из архивных материалов.

В целом следует отметить, что в хозяйственной и семейной деятельности чеченцев были относительно четко разделены обязанности мужчин и женщин. Все что было связано с тяжелым физическим трудом – это земледелие и животноводство – обязанность мужчин, а женщины занимались домашними работами, воспитанием детей, уходом за людьми старшего возраста и др. Здесь также была своя дифференциация. «Основную и главную сферу женского труда везде (на Кавказе. – З.Х.) составляли работы по дому, в семье...» [6, с. 226].

Так, например, пахота – это сложная и ответственная отрасль, от нее зависел урожай. По сведениям наших информаторов от качества пахоты, зависела урожайность, поэтому она поручалась наиболее опытным мужчинам. На жатву, где требовалось значительное количество рабочих рук, одновременно выходили все мужчины семьи и даже подростки, а в случае необходимости, для оказания помощи приглашали соседей и родственников [7, ПМА]. Примечательно, что в хозяйственной деятельности (в больших семьях) некоторые виды работ закреплялись за отдельными членами семьи, в зависимости от умения и навыков, а также от возраста. В малых семьях пахаря могли приглашать за определенную плату [7, ПМА].

Распределение хозяйственной деятельности между мужчинами и женщинами имело место и у других народов Кавказа [8, с. 14; с. 41; с. 23; с. 18 и др.].

Чеченские женщины, впрочем, как и все женщины Кавказа, с глубокой древности поддерживали в доме чистоту и порядок, подметали пол – «обмазывали пол водой» – «аша хьакхар», белили комнаты, снаружи дом покрывали белой глиной. Как было отмечено дореволюционными исследователями, женщины стирали, шили и ремонтировали одежду, а также оказывали сильную помощь мужчинам в хозяйственной деятельности.

Уход за животными дома, в основном это корова и телята, также осуществлялся женщинами, скотину кормила, доила и чистила женщина. Если приходилось кочевать с зимних пастбищ на летние и наоборот, уход осуществляли мужчины. Мужчины больше ухаживали за лошадьми, волами.

В чеченском обществе относительно строгим было разделение труда между женщинами и мужчинами. Примечательно, что чеченская женщина никогда не управляла волами и лошадьми, не держала плуг и не пахала землю, никогда в прошлом не рубила дрова и не косила и т. д. Подобно тому, что мужчина – чеченец никогда не готовил пищу, не месил тесто, не доил корову, не стирал вещи, не носил воду и т. д. Приведенные виды хозяйственных занятий и сегодня считаются не мужскими, и не женскими занятиями.

Наряду с земледелием и скотоводством у чеченцев, как и у других народов Кавказа, имелись и разнообразные промыслы. Укажем также, что с глубокой древности развитию народных промыслов способствовали благоприятные природно-географические условия, а также богатая сырьевая база.

Известно, что при натуральном хозяйстве все необходимое для жизни семьи производилось внутри каждой семьи: это орудия труда, предметы потребления, а также хозяйственные и бытовые изделия и т.д. Здесь следует отметить, что большая часть производственной деятельности ложилась на женскую часть семьи. Но «в традиционном обществе чеченцев были и такие производства, и виды работ – обработка камня, дерева, металла, овчины, заготовка дров, стрижка овец и прочее, где совершенно исключалось участие женщин» [10, с. 253].

В хозяйственной деятельности скотоводческого направления наиболее трудоемкой была обработка шерсти, считающаяся женским занятием и выполняющаяся только женщинами.

А.С. Пиралов, известный исследователь кустарных промыслов Кавказа отмечал, что на отхожие промыслы уходят только мужчины, а большинство чисто кустарных производств, главным образом шерстяных, держится на женской половине населения. Металлические, деревянные, глиняные промыслы считаются сферой применения только мужского труда.

У чеченцев исключительно женщины занимались производством бурок, войлоков, ткачеством, золотым и другим шитьем. Труд по изготовлению бурок был ручным и очень тяжелым. Семьи за год производили от 15 до 25 бурок. Для изготовления дешевой ходовой бурки для пастуха стоимостью 5–7 рублей, требовалось 8 дней, бурки несколько высокого качества стоимостью 10 рублей – до 15 дней, а для изготовления нарядной бурки самого лучшего качества стоимостью 25–50 рублей требовалось около месяца. В среднем бурочным промыслом в Чечне занимались 3 двора на 200, а в Старом юрте эта цифра доходила до 25. Доход семьи, изготавливающей бурки, составлял в среднем 67 рублей в год [11, с. 31–32].

Помимо бурок чеченские женщины изготавливали сукна – «маша», войлоки хорошего качества и разных размеров и рисунков, которые шли на домашние нужды и продажу. Обработка шерсти и изготовление изделий из такого сукна было делом чеченской женщины.

Как было отмечено, чеченская семья при натуральном хозяйстве все необходимое для жизни семьи производила сама.

Промыслами занимались и женщины, и мужчины. Были промыслы, которыми занимались только женщины, это промыслы, связанные с шерстью, промыслы чисто мужского направления – это производство орудий труда, кузнечный промысел, производство оружия, резьба по камню, кости, металлообработка (кузнецы, оружейники, ювелиры и др.), деревообделочное ремесло и др. Известно, что даже в мужских промыслах женщины помогали всегда [12, ПМА].

Обработка металла и изготовление из него разных изделий следует считать одним из древних и наиболее распространен-

ным промыслом, характеризующимся как чисто мужское ремесло. Это кузнецы, оружейники ювелиры и др.

Деревообделочным промыслом занимались только мужчины. Наличие в регионе богатой сырьевой базы и потребности населения в изделиях этого промысла способствовали появлению и развитию этого промысла с глубокой древности. Наш информатор из села Старая Сунжа Мусаева Макка рассказала, что брат ее мужа сделал очень красивую игрушечную мебель для ее дочери—стол, стулья, кровать. Многие местные деревянные изделия украшались пышной резьбой, имели зооморфные ручки и другой декор. Чеченские мастера (дечиг-пхьераш) хорошо владели технологией свойств деревянных пород и делились на «строевые», «мебельные», «оружейные», «музыкальные», «посудные» [13, с. 16].

Гончарный промысел, который также был характерен для чеченцев в древности, достиг высокого уровня развития. Доказательством следует считать разнообразные археологические и этнографические источники. Этим видом промысла занимались как мужчины, так и женщины, но продажей готовой продукции занимались только мужчины. Отхожие промыслы в хозяйственной жизни чеченцев в XIX – начале XX в. стали играть значительную роль. Как правило после окончания сельскохозяйственных работ часть ремесленников уходили в другие города или центры, где находили работу по своим промыслам. Безусловно, на отхожие промыслы уходили только мужчины [14, с. 18].

В целом следует отметить, что при сохранении полунатурального хозяйства, многие необходимые в хозяйственной деятельности и в быту вещи и предметы наряду с мужчинами изготавливались и женщинами, как было отмечено выше. Положение чеченской женщины в традиционном обществе было связано с хозяйственной активностью и соответствовало тому месту, которое она занимала в трудовой жизни семьи. Чеченская женщина пользовалась большей свободой, чем у соседних народов и отличалась свободным и независимым поведением.

Таким образом, говоря о гендерных аспектах организации хозяйственной деятельности в чеченском обществе, следует отметить, что она была связана не только с глубокими традиционными особенностями чеченского общества и семьи, но и с экономическим уровнем и направлением хозяйственной деятельно-

сти, когда каждая семья должна была обеспечить свое хозяйство и быт всем необходимым. В силу этого требовалась специализация и разделение труда ее членов при непосредственном участии всех трудоспособных членов семьи в трудовом процессе.

Нам представляется, что для чеченцев, как и для других народов Кавказа, разделение трудовых обязанностей между мужчинами и женщинами в хозяйственной деятельности было традицией, которая в своей основе опиралась не на патриархальный обычай старины, а являлась следствием низкого развития всей их хозяйственной деятельности, в том числе и ремесла, которые во многом продолжали носить домашний характер. Таким образом, подводя итог о гендерных аспектах хозяйственной деятельности мужчин и женщин в чеченском традиционном обществе, укажем, что по бытовавшему разделению труда, мужчины выполняли всю тяжелую физическую работу в хозяйственной деятельности семьи. Женщина оберегалась от тяжелых физических работ в животноводстве и в поле, ее деятельность ограничивалась пределами домохозяйства. Пахота, сев, полив, жатва, сенокос и другие тяжелые работы были обязанностью мужчин. Кроме основных обязанностей, у мужчин и мальчиков-подростков была работа по уходу за скотом (тяжелая часть), заготовка и перевозка топлива, уход за сельскохозяйственными орудиями и достаточное количество других функций в хозяйственной деятельности. Как видно из сказанного выше, разделение труда между мужчинами и женщинами в хозяйственной деятельности было достаточно строгим и имело свои особенности.

Следует отметить, что гендерные различия, отчетливая дихотомия мужского и женского начала, свойственная большинству кавказских народов, не свидетельствовали о гендерной неравноправности в чеченском обществе. Они были направлены, прежде всего, на четкое разделение мужского и женского пространства хозяйственной деятельности, на сохранение половозрастной иерархии и внутренней упорядоченности семейной, хозяйственной и общественной жизни, на формирование символов и моделей мужского и женского поведения.

Таким образом, говоря о гендерных аспектах мужчин и женщин в традиционном чеченском обществе, следует отметить, что они были связаны наряду с традиционными особенностями чеченской семьи, также и с экономическим уровнем и направле-

нием хозяйства данной семьи, когда каждая семья должна была обеспечить себя всем необходимым, требовалась специализация и разделение труда ее членов - мужчин и женщин.

Для чеченцев, как и других народов Кавказа, половое разделение труда было традицией, которая в своей основе опиралась не на патриархальные обычаи старины, а являлась следствием низкого развития ремесла, носившего во многом еще домашний характер.

Список литературы

1. *Иваненков И. С.* Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910
2. *Самойлов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. 1855. № 9.
3. *Хасиев С. М.-А.* Серия Чеченцы Народы и культуры. М., 2012.
4. *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII -в нач. XIX вв. Грозный, 2002; *Хасбулатов А. И.* Развитие скотоводства в Чечне (XIX – нач. XX в.) // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. 2006. № 4.
5. ЦГА ЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6.
6. *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001,
7. ПМА. Инф. Умханов Абу, 1899 г. р., с. Большие Варанды, 1986; Умханова Самарт 1900 г. р., с. Большие Варанды, 1986.
8. ПМА. Инф. Эскерханов Бай, 1928 г. р., с. Дачу-Барзой, 1984.
9. *Гаджиева С.Ш.* Семья и семейный быт у народов Дагестана. Махачкала, 1964.
10. *Шавлаева Т.М.* Исследователи XIX в. о хозяйственной деятельности чеченцев // Материалы Международного форума историков-краеведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства». Ростов-на-Дону, 2015; *Пиралов А.С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Тифлис, 1900.
11. *Марграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа в описании техники производства М., 1882 г.
12. ПМА Инф. Бишгоев Иса, 1934, ст. Наурская, 1986.
13. *Хасбулатова З.И., Шавлаева Т.М.* Кустарные промыслы и ремесла // Чеченцы Серия Народы и культуры. М., 2012.
14. *Пиралов А.С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, изд. 3. СПб., 1913.

*Е.М. Главацкая
Ю.В. Боровик
Екатеринбург,
Уральский федеральный университет*

Екатеринбургские купчихи – главы семей и бизнеса в середине XIX в.: опыт демографического анализа

XIX в. знаменовался значительными изменениями в социально-экономическом и культурном развитии России. Он также характеризовался изменением положения русской женщины, особенно в городах. Это в первую очередь касалось представительниц экономически активных сословий, в особенности купчих. Купеческие вдовы сохраняли привилегированный статус до конца жизни, но лишались права ведения торговли. Предприимчивые купчихи добивались его уплачивая ежегодный гильдейский сбор – значительную сумму в бюджет города. Условием их и их детей благополучия было умение разбираться в вопросах финансов, заключения сделок по торговле и недвижимости. Активное участие купчих в экономической и социальной жизни городов было ярким проявлением принципа меритократии. При этом большая часть купчих, занимавшихся бизнесом, являлась вдовами, и не могла рассчитывать на поддержку супруга ни в деле бизнеса, ни в семейных вопросах. Тем не менее примеров успешного ведения бизнеса женщинами не мало. И если история женского предпринимательства в столичных городах и ряде центральных губерний империи получила освещение, то судьбы женщин предпринимателей на Урале пока не привлекли внимание историков. Данное пилотное исследование сфокусировано на демографических характеристиках екатеринбургского купечества в середине XIX в. и посвящено матриархам – купчихам, являвшимся главами семей. Исследование основано на данных ревизских сказок 1857–1858 гг., сведения которых были транскрибированы в электронный ресурс «Население Урала (конец XIX – начало XX в.)».

В результате проведенного анализа было установлено, что большинство купеческих семей, размер которых не превышал в среднем 4,4 человека, состояло из родителей и детей. Средний возраст вступления в брак для девушек из купеческих семей со-

ставлял 20 лет. Случались и поздние браки, но из достигших возраста 40–49 лет лишь 8% купеческих дочерей оставалось в девицах. Мужья были старше своих избранниц в среднем на 6 лет, что увеличивало вероятность раннего овдовения. Из достигших 40 лет каждая четвертая купчиха уже была вдовой, а в возрастной группе 40–49 лет – каждая вторая. Доля купеческих семей Екатеринбурга, возглавлявшихся женщинами в 1858 г., составляла 16%. В них проживало 11% всего купеческого населения города, и за исключением одной все матриархи являлись вдовами. Некоторые из них приобщились к бизнесу еще будучи замужем, другие взяли на себя ответственность после смерти супругов, поскольку у них не было взрослых сыновей. Были ситуации, при которых вдовствующие купчихи продолжали возглавлять большие семьи, включавшие нескольких взрослых женатых сыновей. Это могло быть связано с финансовыми обстоятельствами, внутрисемейной договоренностью и личностными характеристиками властных матерей. Результаты исследования показывают многих из представительниц купеческого сословия деятельными, успешными и стремящимися к лидерству.

И.И. Юкина

Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ

«Женщина-врач» – становление профессии

Пелагея Митрофановна подпрыгнула на своем месте:

Женщина – Девица – Доктор? <...>

Почему начальство позволяет такое бесстыдство?

О. Шапир. «Одна из многих»

Процесс профессионализации врачебной деятельности происходил в России, как и других европейских странах и США, в середине XIX в. [1, с. 5].

Профессионализация – это процесс становления профессионала, который включает в себя не только выбор профессии с учетом собственных возможностей, но и осознание себя профессионалом своего дела, освоение правил и норм профессии, вклад в ее развитие и, одновременно с тем, развитие своей личности благодаря

профессии. Другими словами, профессионализация – это становление и развитие профессионализма [4, с. 258].

Процесс профессионализации мужчин-врачей, даже с университетскими дипломами, проходил не просто. Его становление шло через создание собственных независимых союзов и ассоциаций [3], которые помогали ему выстаивать отношения с государством, выработку правил и норм профессиональной деятельности и поведения, формирование корпоративного чувства принадлежности к профессии, веры в ее общественную пользу, повышение квалификации, законодательное оформление профессиональной деятельности.

Несмотря на то, что российские мужчины-врачи обладали исключительным правом на занятость, социальными гарантиями и высоким престижем, в их рядах имело место недовольство низким уровнем властных полномочий в вопросах общественного здоровья. Опираясь на представления о собственном экспертном статусе и значимости своей профессии для общества, они вступили в отрывную полемику с чиновниками и землевладельцами, стремясь самостоятельно принимать решения по различным вопросам общественной медицины [2, с. 19]. Одновременно с тем шел процесс и социального закрытия с целью сохранения престижности и уникальности своей профессии, что было характерно для становления многих интеллектуальных профессий.

Но уже в самом начале 1860-х годов в России свои претензии на вхождение во врачебную профессию и врачебное сообщество заявили женщины. Встречены они были недружественно. Российское общество можно сказать только что и с большим трудом приняло идею возможности сестринского служения женщин. После мужества и профессионализма, проявленного сестрами милосердия Крестовоздвиженской и Свято-Троицкой общин сестер милосердия на театре военных действий и в тыловых госпиталях Крымской войны (1853–1955) мысль о возможности уходовой профессиональной женской работе была принципиально воспринята. Этому поспособствовали трагические события Крымской войны, стойкость и профессионализм сестер, спасших немало солдатских жизней. Это было начало профессионализации профессии медицинской сестры. Идеологическим обоснованием профессии сестры милосердия стали популярные в XIX в. представления об особом женском милосердии, сострадательности и

жертвенности, имманентно присущих женщинам как таковым. Структурами, поддерживающими процесс профессионализации профессии сестры милосердия, стали сестринские общины.

Претензии женщин на врачебное образование и врачебное звание вызвали дискуссию только что не общенационального масштаба. Первые попытки прорваться в Медико-хирургическую академию предприняли Надежда Сулова и Мария Бокова. Но безуспешно, в 1863 г. они уехали учиться в Цюрих. Варвара Кашеварова-Руднева сумела окончить Медико-Хирургическую Академию исключительно благодаря тому, что ей удалось приписаться к Оренбургскому казачьему войску под предлогом оказания врачебной помощи женщинам-мусульманкам, и заручится поддержкой генерал-губернатора Оренбургского края генерала Крыжановского и начальника казачьих войск генерал-майора Безака. Кашеварова стала первой выпускницей МХА (1867), к тому же со второй золотой медалью. В том же году Сулова добилась признания своего цюрихского диплома и присвоения ей звания женщины-врача. Бокова также добилась права вторичной защиты своей диссертации и также получила желаемое звание врача.

Но это были единичные случаи, первые ласточки, которые еще только позволяли надеяться, что врачебное дело может стать женским.

Для утверждения профессии женщины-врача законодательно и в общественном мнении необходимо было пройти путь, по которому шли мужчины-врачи. Но сделать это было гораздо сложнее. Необходимо было получить право по закону на медицинское образование, на постоянную занятость, войти в профессиональное сообщество. Хотя здесь речь скорее шла о создании собственного профессионального сообщества. Также было необходимо выработать собственные «женские» нормы профессионального поведения, озвучить свои ценности, обосновать свои требования и важность своей деятельности для общества.

Необходимым условием для процесса профессионализации было наличие группы женщин, стремящихся в профессию и получающих медицинское образование.

Такая возможность появилась, когда в 1872 г. в Санкт-Петербурге открылись Женские акушерские курсы для подготовки «ученых акушеров». Довольно быстро они стали Женскими врачебными курсами. Курсы появились не как государствен-

ная инициатива, но как частная. Женское медицинское образование лоббировались и спонсировались женским сообществом и была поддержана некоторыми либерально настроенными чиновниками и профессорами.

Эта среда медичек выдвинула своих лидеров, которые возглавляли процесс женской профессионализации в медицине.

Одной из них была Анна Николаевна Шабанова (1848–1932) – выпускница Женских врачебных курсов первого выпуска. Целеустремленная и деятельная Анна Шабанова послужила примером для многих своих современниц. Из-за ее твердых убеждений, вопрос о назначении ее ординатором детской клиники при Николаевском военном госпитале решался на уровне военного министра П.С. Ванновского, т.к. Анна Николаевна отказалась принять должность надзирательницы с выполнением функций врача. Ее непоколебимая позиция вынудила военного министра утвердить ее ординатором. Это была заявка на постоянную профессиональную занятость для женщины-врача. Шабанова активно развивала свою специализацию в профессии – педиатрию и сама развивалась в ней. Через пять лет после окончания курсов Анна Николаевна была первой среди однокурсниц по числу научных работ и переводов научной литературы. Каждый свой отпуск она проводила в клиниках Европы, стажирясь у известных педиатров Я. Бокая, Е. Геноха, А. Черни, одновременно с тем работала в общественных организациях по охране детства. Шабанова стояла у истоков Русского Женского Взаимно-благотворительного общества, которое не было чисто врачебным женским союзом, но поддерживало всех женщин интеллектуальных профессий. В 1880 г. она организовала кампанию за учреждение нагрудного знака с аббревиатурой «ЖВ» – «Женщина-врач», в 1883 г. – кампанию за отмену звания «ученая акушерка», введенного взамен звания «женщина-врач». Шабанова активно работала над возобновлением женских врачебных курсов после их закрытия. В 1896 г. она выступила как организатор новой инициативы – за уравнение профессиональных прав женщин и мужчин-врачей, в ходе которой поставила перед женской медицинской общественностью задачу добиваться права на профессорское звание и преподавание в высшей школе.

Общественное и официальное признание женского медицинского образования, появление в России женщин-врачей она называла истинной победой женщин.

Список литературы

1. *Мирский М.Б.* Медицина в России XVI–XIX вв. М., 1996.
2. *Мансуров В., Юрченко О.* Российские врачи: профессионализация сверху или саморегулирование профессии? // Антропология профессий или посторонним вход разрешен. М., 2011.
3. Самым известным и авторитетным было «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова».
4. *Цвык В.А.* Профессионализация как социальный процесс // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 4–5. С. 258.

А.М. Исмаилова
Махачкала, Дагестанский
государственный университет

Женский труд на предприятиях легкой промышленности Южного Кавказа во второй XIX половине – начале XX в.

Актуальность темы исследования определяется, прежде всего, необходимостью осмысления положения женщин в условиях социально-экономических противоречий современного мира, весьма сходных с эпохой становления в России буржуазного строя. На рубеже XIX–XX вв. в России с повышением технического уровня фабричной промышленности повсеместно наблюдалась характерная тенденция – замещение мужского труда женским. В истории России положение женщины в обществе, ее занятость, всегда вызывали интерес исследователей. Историки, социологи, культурологи, психологи давно сошлись во мнении, что основные проблемы занятости женщин, сформировавшиеся ко второй половине XIX – началу XX в., существуют до сих пор, не всегда торопясь претерпевать изменения.

Ко второй половине XIX в. сложились целые отрасли, в которых были заняты преимущественно женщины: текстильное, швейное, чулочное, табачное производство. Рост промышленно-

сти в XIX в. и отмена крепостного права привели к увеличению женского участия в фабричном деле. Так, например, инспекторы на осмотренных в 1885 г. предприятиях Российской империи насчитали более 30% работниц женского пола. В отдельных отраслях промышленности женский труд в начале XX в. стал вытеснять мужской с рынка труда.

Так же, как и на всех предприятиях Российской империи, женский труд применялся и в легкой промышленности Южного Кавказа. Наибольшее применение находил женский труд в шелкообрабатывающей промышленности Азербайджана. Первые сведения о применении труда женщин-азербайджанок на шелкомотальных фабриках относятся ко времени постройки французом Гарни заведения по замариванию коконов (начало 60-х годов XIX в.), где работали до 400 женщин. Что же касается возраста работниц, то в основном это были незамужние девушки до 20-летнего возраста. Очевидно, после создания семьи значительная часть работниц покидала предприятия, т.к. не могла оторваться от семьи, от воспитания детей. Из 1776 рабочих всех крупных шелкообрабатывающих предприятий Азербайджана женщины составляли к 1880 г. 976 человек, т.е. 54% всех рабочих. Женщины на шелкообрабатывающих предприятиях Азербайджана в середине 1890-х годов составляли 1547 человек, что составляет 61% всех рабочих этой отрасли промышленности.

Определенное применение женский труд находил во фруктово-вино-водочных предприятиях Елизаветпольской губернии. В 1897 г. женщины в указанной отрасли производства Елизаветпольской губернии составляли 7,3%. Женский труд находил применение также и в рыбной промышленности Азербайджана, где женщины составляли 4% всех рабочих этой отрасли. Ловом были заняты 22459 рабочих, доставкой улова 456, приготовлением рыбных продуктов – 6055. причем на приготовлении рыбных продуктов работает более 50% женщин. Труд мужчины оплачивается от 75 к. до 2 руб. в сутки на всем готовом, а женщины от 50 к. до 1 р. 25 к. на всем готовом. Конторских служащих и приказчиков насчитывается 2133, из коих 1753. муж. и 355 женщин. Труд последних оплачивается, приблизительно от 25 руб. до 150 руб. в месяц. Необходимо отметить новое явление, которое возникло и в Грузии вместе с организацией фаб-

ричных предприятий. Это новое явление заключалось в том, что с зарождением шелкомотальных фабричных предприятий в Грузии впервые вовлекаются в фабричную работу грузинские женщины. В шелковой промышленности Грузии женский труд впервые применяется в 1840-е годы. До этого грузинским женщинам никогда не приходилось работать за плату на фабриках. А что касается девушек, то о них можно сказать еще больше. Девушки ни за что не соглашались даже войти на фабрику, боясь скомпрометировать себя в глазах своих односельчан. Однако, фабричная промышленность окончательно разрушила замкнутое положение грузинских женщин и втянула их в процесс шелкового производства.

Женский труд применялся и в легкой промышленности Эриванской губернии, в частности, хлопкоочистительной промышленности. Полку хлопчатника производили всего чаще наемные рабочие-женщины. Однако зарабатывали женщины на фабрике в два раза меньше мужчин. Из этих денег женщина должна была оплачивать себе жилье и продукты питания, что мужчинам часто предоставлялось за счет предприятия.

Большое значение в жизни рабочих имеют условия труда. Т.к. рабочий большую часть жизни отдает процессу производства, то условия процесса производства в значительной части являются также условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения нормы прибыли. Работа на российских фабриках, в частности и на предприятиях Южного Кавказа, была вредной для здоровья, протекала в плохих санитарных условиях. Врачи-современники отмечали, что молодые девушки, работающие на фабриках, поголовно страдают малокровием, наступление возмужалости у них запаздывает, размеры роста и таза меньше, чем у крестьянок.

Существовала дискриминация в оплате труда. Женский труд был преимущественно неквалифицированным, оплачивался значительно ниже мужского, в 3–4 раза меньше мужского. Продолжительность рабочего дня доходила до 14 часов, а заработная плата была очень низкая, особенно для женщин. В некоторых предприятиях рабочий день даже не был точно определен.

В таких предприятиях женщинам приходилось работать целыми днями, с восходом солнца до самого глубокого вечера.

Патриархальное российское общество, существующая семейно-организованная форма женской занятости, хоть и прекратили свое существование с началом промышленной революции в мире в XIX в. и развитием машинного производства, но и привели к широкому спросу на низкоквалифицированный и, следовательно, дешевый наемный труд, что сделало женский фабричный труд особым со всеми негативными характеристиками. С развитием промышленности в пореформенный период наблюдались быстрые темпы привлечения труда детей и женщин. В конце XIX – начале XX в условия труда и быта исследуемой группы рабочих оставались достаточно тяжелыми и негативно сказывались на их здоровье, отсутствовала социальная защита работницы-матери, власти не считали необходимым разрабатывать законодательство, учитывающее особенности женского организма.

Во второй половине XIX – начале XX в. женщины, работавшие в легкой промышленности Южного Кавказа, составляли самую мало оплачиваемую категорию трудящихся. Ускоренный темп развития экономики страны особенно в период промышленного кризиса на рубеже XIX–XX вв. способствовал увеличению спроса на дешевый женский труд, что приводило к снижению и без того низкой заработной платы работниц. Существовало негативное отношение рабочих к трудящимся женщинам, поскольку дешевизна женского труда влияла на снижение цены мужского труда. Условия труда фабричных работниц не отличались от тех условий, в которых трудились мужчины. Фабрика забирала в буквальном смысле все силы женщин, поэтому им приходилось мириться с крайне тяжелыми бытовыми условиями жизни. Женщины пополняли собой контингент необученных работниц, труд которых оплачивался ниже, чем труд квалифицированный. Культурно-образовательные условия, сложившиеся в стране, не позволили преодолеть низкий технический уровень «женской дешевизны» на производстве.

**Культурные ограничения женского труда,
как фактор благосостояния казачьих общин
на кавказском фронтире в XIX в.**

Исследование вопросов женской повседневности и гендерной истории обозначило перед современными исследователями ряд концептуальных целей и задач. В силу полиэтничности казачьего субэтноса, формы бытовой культуры и участия женщин-казачек в хозяйственной жизни отличались. Обозначившийся интерес к женской истории, в частности, к вопросам истории женщины-казачки, сформировал ряд исследований, посвященных данной тематике. Для нашего исследования, особый интерес представляют работы В.К. Смирновой, Л.Ю. Пороло [1], Н.Б. Акоевой [2], А.А. Цыбульниковой [3], О.С. Мутиевой [4], А.А. Газиевой [5]. Из представителей зарубежной историографии, вопросы социально-хозяйственной жизни женщины-казачки, рассматриваются в работах Т. Баррета [6].

Развитие фронтальной зоны в регионе само по себе является проявлением мужской истории, т.к. фронтирмены, которые продвигали границу фронта, были мужчины-казаки. Казачки появлялись на фронтире искусственно, становясь медиаторами ценностей своей культуры [5]. В результате поликультурного взаимодействия происходила трансформация повседневной хозяйственно-бытовой жизни народов Дагестана [7].

Так, исследователь Ф.А. Щербина говорит, что при появлении в регионе казаков «русская казачья вольница на Тереке впервые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [8, с. 30]. Фридрих Вагнер сообщил о необычном инциденте, когда невольничий корабль, направлявшийся в Турцию, наполненный черкесскими женщинами, был настигнут русским пароходом, женщины были схвачены и распределены между офицерами и казаками Кавказской военной линии [6, Р. 131.] В XIX в. данная тенденция продолжала существовать, к примеру, в результате нескольких военных экспедиций в горы, многие женщины и девушки из числа горных жите-

лей попали в руки к русским. Ермолов распределил их для вступления в брак между молодыми линейными казаками и с тех пор можно заметить людей с кавказским типом наружности между молодыми воинами этих войсковых корпусов [9, Л. 5].

В силу того, что мужчина-казак был задействован в боевых действиях, он был оторван от ведения домашнего хозяйства, основная ответственность в хозяйственно-экономических вопросах ложилась на женщину-казачку. Феминизация хозяйства, в частности сельского хозяйства, была обусловлена трансформационными процессами в экономике, которые происходили в регионе в условиях военного противостояния.

Как указывает исследователь Т. Баррет «Жена в хозяйстве и доме – архимедов рычаг для гула, и он всюду чувствует и видит ее власть. И горе тому казаку, у которого нет такой жены!» [6, р. 131]. В долевым отношении женщина-казачка играла более значимую роль в ведении хозяйства и экономической жизни семьи [10, с. 15].

Уклад жизни горянок, которые, не замечая своего положения и ведя такую убийственную жизнь, все-таки веселы, хохочут и поют посреди самых тяжелых работ [4, с. 80], был схож с бытом казачки. Данный факт отчасти обусловлен делегированием хозяйственно-бытовых обязанностей казаками своим супругам, а с другой стороны тем, что многие казачки имели горское происхождение. Женщины выполняли большую часть ремесленной работы в казачьих хозяйствах и вели денежное хозяйство. Они пряли лен, пеньку, шерсть, ткали сукно и лен, валяли и вышивали сукно. «Немаленький» доход они получили от продажи овощей в Кизляре. Стоит отметить, что казачки нерусского происхождения были более задействованы в ремесленном производстве. В станице Луковской, казачки осетинского и черкесского происхождения, вязали и ткали ткани, шили бурки из плотного войлока, шили обувь для себя и на продажу. Это соответствует образцу горянок-неказачек [6, с. 136]. Как отмечает исследователь Т. Баррет, к концу XIX в., на Северном Кавказе, 39 ремесел из 70 базировались исключительно на женском труде [6, с. 136].

Горское происхождение женщин-казачек Терских и Гребенских казачек, определило широкий круг хозяйственно-экономических вопросов, которые находились в их компетен-

ции. В данных казачьих группах существовало мало культурных ограничений женского труда. Жены и дочери гребенских казаков ходили в Моздокский и Терский полки, в Моздок на работу, во время жатвы – на заготовку зерна. Они заправляли домашним хозяйством самостоятельно, занимая центральное экономическое место в доме, при сохранении патриархального уклада жизни. Следует обозначить особенность в отношении к мужскому и женскому труду, у терцев и гребенцов, имевшую гендерную особенность, которая была обусловлена горским происхождением обеих групп казачества. Часто, мужчины оставляли за собой определенный тип работы, цепляясь за узко определенную задачу, возможно, чтобы закрепить за собой экономическую роль. Гребенские казачки, например, не косили сено. Стребали, складывали, возили, но косить сено – мужская работа. Подобное деление практиковалось у казаков-осетин [6, р. 137].

В общинах преимущественно православных украинских казаков, позднее расселившихся на Северном Кавказе по Среднему Тереку, отмечается пропорциональное распределение хозяйственных ролей, мужчины «сохраняли многие оттенки земледельчества» и по возможности работали вместе с женщинами на полях [6, р. 137].

Нерусские казаки меньше всего работали со своими женщинами и имели более строгое разделение труда. По осетинскому обычному праву труд был строго разделен по половому признаку. Мужчины не должны были выполнять женскую работу, и наоборот – «они смотрели свысока на русскую привычку заставлять женщин выполнять всю тяжелую работу мужчин» [6, р. 137].

Относительно вопроса ограничения женского труда в казацких станицах грузинского и армянского происхождений – Александр-Невской и Шелкозаводской станицах, следует отметить, что в них женщины работали мало, и походили на «женщин гарема» [6, р. 139]. Следует констатировать факт того, что в сравнении с другими казаками региона, казаки данных станиц были наиболее бедными.

Этническая принадлежность различных групп казачества выступила ключевым фактором полового разделения труда у казаков. Казачьи сообщества, основой которых при формировании стали горцы региона, делегировали множество хозяйственных

вопросов женщинам-казачкам, оставляя за собой часть обязанностей, зачастую связанных с земледелием.

Список литературы

1. *Смирнова В.К., Пороло Л.Ю.* «Женский вопрос» в казачьем сообществе XVI – начало XX в. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 2.
2. *Акоева Н.Б.* К проблеме социально-семейного положения кубанских женщин-казачек в конце XVIII – начале XX века // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 34(135).
3. *Цыбульников А.А.* Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. URL:<http://slavakubani.ru/geography/neighbors/traditions-neighborliness/rol-zhenshchin-v-protsessakh-mirnogo-vzaimodeystviya-kazakov-i-gortsev-severnogo-kavkaza-v-khviii-xi/> (дата обращения 25.03.2024).
4. *Мутиева О.С.* Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX в. Махачкала: ДГУ, 2006
5. *Газиева А.А.* Медиаторы культуры: о гендерной особенности статусных ролей женщин на кавказском фронтире // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 4.
6. Barrett Thomas On the edge of the empire: Terek Cossacks and the border of the North Caucasus, 1700–1860. Westview Press, 1999.
7. *Мутиева О.С.* Изменения повседневности в процессе этнокультурного взаимодействия народов Дагестана и сопредельных этносов вторая половина XIX в. // *Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием.* (г. Грозный, 19 октября 2019 г.). Грозный, 2019.
8. *Щербина Ф.А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1910. Т. 1.
9. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд.1. Опись.1 Дело.129. Л. 5.
10. *Максимов Е.* Чеченцы // *Терский сборник*. Владикавказ, 1893. Вып. 3.

Становление и развитие текстильных художественных промыслов в Казанской губернии: роль и опыт помещиц Донауровых и Боратынских

Период второй половины XIX – начала XX в. во многом стал для крестьян временем коренных перемен, в том числе и в развитии народного искусства. Изменение социально-экономических условий жизни крестьян стало основой для совершенствования уже имевшихся и развития новых форм декоративно-прикладного творчества, ремесел и промыслов. Все занятия крестьян, связанные с декоративно-прикладным искусством, исследователи традиционно разделяют на домашние (вышивка, узорное ткачество, домовая резьба) и промысловые (кружевоплетение, художественнаяковка, керамика и т.п.).

С середины XIX в. промысловые занятия в Среднем Поволжье становятся массовым явлением. Например, известными центрами кружевоплетения в Казанской губернии были русские села Рыбная Слобода Лаишевского уезда и Нырты Мамадышского уезда Казанской губернии. Для создания кружева мастерицы использовали специальные подушки-валики (называемые «бубны»), на поверхность которых закрепляли сколок – технический рисунок, нанесенный на картон. До 1860-х годов изготовление кружев в селах было по большей части домашним занятием, предназначенным для украшения праздничного и обрядового текстиля (в основном концы к полотенцам и подзоры простыней). Узоры были геометрические, самые простые, выполнялись по старым «переколотым» сколкам; качество работы было невысоким. Некоторые кружевницы очень дешево продавали свою продукцию на базаре [1, с. 76].

Развитие кружевоплетения в Рыбной Слободе связано с деятельностью помещицы Натальи Григорьевны Донауровой (1816–1874), урожденной Голицыной, которая в конце 1860-х годов в своем родовом селе, желая помочь крестьянкам, вдохнула новую жизнь в угасавшее на ее глазах местное ремесло. Она научилась сама плести кружево, исправила многие старые сколки рыбнослободских мастериц, а затем стала придумывать новые узоры,

сохраняя местный стиль (например, обводку узора толстой ниткой). Н.Г. Донаурова обеспечивала мастериц качественным сырьем и заказывала им готовые кружева, которые потом увозила на продажу в Санкт-Петербург и другие города России. Новый рынок сбыта и регулярные заказы Н.Г. Донауровой стимулировали работу мастериц, которые стали изготавливать действительно качественное кружево. Дело Натальи Григорьевны достойно продолжила ее дочь, Екатерина Ивановна Донаурова (1840 – не ранее 1907), которая вырисовывала старые и придумывала новые узоры, развивала новые техники и расширяла назначение кружев (например, рыбнослободские мастерицы стали изготавливать их для покрывшек летних зонтиков). Результатом деятельности Донауровых стало существенное расширение как географии развития промысла (кружевоплетением стали заниматься жительницы сел Анатыш, Троицкий Урал, Нырты и др.), так и продаж – вплоть до Америки [2, с. 116]. В 1883 г. в Рыбной Слободе работало около 250 мастериц. С 1892 г. до 1910-х годов в Рыбной Слободе работало училище, в котором обучение кружевоплетению также осуществлялось под руководством Е.И. Донауровой Женские классы по обучению кружевному делу работали и при Рыбнослободской художественно-ремесленной мастерской [3].

Большую роль в развитии женских народных текстильных промыслов сыграла и другая помещица, предпринимательница и меценатка – Ольга Александровна Боратынская (1844–1918), урожденная Казем-Бек, невестка поэта Евгения Боратынского. В селе Шушары под Казанью, где находилось поместье Боратынских, Ольга Александровна организовала крестьянский промысел вышивки «по выдергу». Это вышивка белой строчкой, выполненной по продернутой на ткани сетке. О.А. Боратынская заинтересовалась этим народным художественным текстилем и сначала заказала покрывало для себя, а потом, убедившись в качестве работы, стала давать мастерицам заказы. При этом для повышения качества работ О.А. Боратынская снабжала крестьянок более качественным сырьем. Она хорошо и честно платила за работу, поэтому к ней стали обращаться многие мастерицы даже из соседних деревень. Она даже организовала артель «шитушек» – вышивальщиц, создающих разнообразные узоры строевой вышивки, которая просуществовала вплоть до революции 1917 г. Про этот промысел писала в своих мемуарах дочь Ольги

Александровны Ксения Николаевна «...Крестьянки стали стекаться из дальних деревень, поощряемые хорошей платой. Мама все больше и больше разнообразила узоры. Приходили заказы из Москвы и Петербурга, и мама послала несколько лучших вещей на Парижскую выставку, за что получили эти работы Похвальный лист, а из Парижа стали поступать заказы. Эти работы побывали на многих выставках, как в России, так и за границей (в Нижегородской, Казанской и в Чикаго.) Видя, как дело идет хорошо, мама организовала артель, в которую объединила всех работниц... Вот имена деревень, какие я помню: Шушары, Кайма-ры, Тура, Бимери, Мамонино, Усады...» [4]. О.А. Боратынская получала заказы из Москвы и Петербурга, а также после представления работ на всемирных выставках и получения наград, из-за границы. Например, на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго в 1893 г., куда О.А. Боратынская отправила образцы вышивок, труд работающих у нее безымянных крестьянок удостоился награды: за свои изделия они получили бронзовые медали.

Начатое и бурно развивающееся производство художественного текстиля в Казанской губернии в обозначенных нами селах было одним из примеров не только развития традиционного ремесла, но и большой роли личности в этих процессах. Именно благодаря помощи заинтересованных и обладающих ресурсами помещиц данные народные ремесла в конце XIX – начале XX в. стали стремительно развиваться.

Список литературы

1. Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. Казань, 1896. 112 с.
2. *Токсубаева Л.С.* Русское народное искусство Казанского Поволжья XIX–XX веков: деревянная домовая резьба, вышивка, бранное ткачество, кружево. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. 140 с.
3. Кружево [Электронный ресурс] // Tatarica. Татарская энциклопедия. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/iskusstvo/izobrazitelnoe-iskusstvo-i-dpi/kruzhevo>
4. Шушарские девушки-вышивальщицы // Музей Е.А. Боратынского. URL: <https://boratynskiy.tatmuseum.ru/my-product/shusharskie-devushki-vyshivalshhicy-shitushki-fotografiya-a-p-vyatkinoy-kazan-1893-fotobumaga-karton/>

М.О. Салмина
Рамонь, Воронежской области,
Историко-культурный центр
«Дворцовый комплекс Ольденбургских»

**Благотворительные начинания женщин-
предпринимательниц XIX в. как прообраз современного
социально ответственного бизнеса
(на примере принцессы Е.М. Ольденбургской)**

В настоящее время вопрос изучения отечественного предпринимательства становится все более актуальным. Наибольший интерес вызывает изучение гендерных аспектов деловой активности общества в пореформенный период.

Рубеж XIX–XX вв. стал в Российской империи временем переломных событий, как в экономической, так и в политической жизни общества, которые не могли не повлиять на дальнейший ход истории страны. Государственное влияние на политику, проводимую в области экономики, стимулировало развитие институтов частной собственности, что в свою очередь способствовало активному подъему предпринимательской активности, в том числе среди женщин.

Конец XIX – начало XX в. характеризуется бурным развитием женской деловой активности. В течение второй половины XIX – начала XX в. сотни женщин смогли реализовать провозглашенное в законодательстве Российской империи право на занятия коммерцией наравне с мужчинами и войти в группу экономически активного населения. Главным импульсом к этому был контроль женщин над собственностью. Можно говорить о высокой корреляции прав собственности и главенства в хозяйстве. Контроль над собственностью либо делал женщин независимыми в распоряжении имуществом и ведении бизнеса, либо давал возможность активного партнерства с членами семьи, главным образом, взрослыми сыновьями.

Серьезные исторические работы, в которых затрагивались вопросы труда и условий жизни женщин в России, появились уже в начале XX в., но феномен женского предпринимательства

стал всерьез интересоваться научное сообщество в постсоветский период. С начала 2000-х годов появляются серьезные исследования М.Н. Барышникова, М.В. Мельникова, С.В. Филатовой, Н.Л. Пушкаревой и других исследователей, посвященные роли женщин-предпринимательниц в становлении промышленного могущества Российской империи. Особенно интересны выводы ученых о психологических аспектах женского предпринимательства, различиях между мужчинами и женщинами в подходе к организации «дела». Интересны также статистические данные, приводимые в исследовательских работах.

В ряде исследований, посвященных сравнительным особенностям женского и мужского предпринимательства, говорится о консерватизме мужчин в отношении внедрения в процесс производства новых механизмов. Женщины в подобных вопросах были более гибкими и действовали рационально, что позволяло им вырабатывать больший объем продукции и повышать рентабельность производства. Ряд исследователей отмечает также, что для женского сектора предпринимательства в России была более свойственна социальная направленность. Отмечается, что практически каждая из женщин-предпринимательниц была известна современникам «благочестием и благотворительной деятельностью» [1, с. 21]. Занимаясь бизнесом в той или иной местности, предпринимательницы заботились о благе людей, эту местность населяющих. На собственные средства предпринимательниц учреждались приюты для вдов и сирот, где они получали не только кров и пищу, но и образование и ремесленное обучение детей, содержались школы, больницы, аптеки, церкви.

Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, урожденная герцогиня Лейхтенбергская де Богарне, светлейшая княжна Романовская (1845–1925) посвятила жизнь общественной и благотворительной деятельности. Была покровительницей и попечительницей более чем 20 благотворительных учреждений Санкт-Петербурга. Ее Императорское высочество принцесса Е.М. Ольденбургская трудилась на самых разных поприщах. И везде ее деятельность отличали грамотное управление, продуманный, комплексный подход к решению поставленных задач, умение видеть перспективу.

В 1878 г. принцесса Е.М. Ольденбургская становится владелицей имения «Рамонь» в Воронежской губернии. При ней Рамонь переживает эпоху необычайного экономического подъёма: было существенно реорганизовано существующее сахарное производство, построены новые промышленные предприятия, развитая транспортная и социальная инфраструктура. Земельное владение увеличилось почти в 2 раза, работали маслобойня, сахарный и винокуренный заводы, ремонтная мастерская и метеорологическая станция. Само село значительно увеличилось в размерах, полуразвалившиеся деревянные избушки были почти вытеснены кирпичными домами «под железом», на крестьянских подворьях появляется породистый скот.

Согласно современным представлениям, «цель социально-ответственного бизнеса включает в себя нечто большее, чем просто максимизацию прибыли для акционеров; речь также идет о создании позитивных изменений и внесении ценного вклада в деятельность заинтересованных сторон, таких, как местное сообщество, клиенты и персонал» [2, с. 9]. При этом общественные программы и благотворительность: финансирование социальных проектов (в качестве партнера или организатора), помощь нуждающимся, заботу об экологии принято считать высшим уровнем социальной ответственности. Именно высший уровень социальной ответственности характерен для женского предпринимательства в России XIX – начала XX в.

Список литературы

1. *Барышников М.Н.* Женщины в структуре российского предпринимательства в начале XX века // Факты и версии. Историко-культурологический альманах: исследования и материалы. Книга 2. Из истории экономики. СПб., 2001.
2. *Ляпкина Н.А.* Корпоративная социальная ответственность: Учебное пособие для студентов всех направлений подготовки / Н.А. Ляпкина, И.В. Чугунова. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2021.

**Женское предпринимательство в уездном городе
Центральной России в пореформенное время
(по материалам г. Коломны Московской губернии)**

Буржуазные реформы второй половины XIX в. значительно ускорили процессы социально-экономической модернизации, что привело к изменению положения женщин в обществе и приобщению их к предпринимательству. Этому способствовала либерализация торгового законодательства, которая коснулась в том числе и торгового предпринимательства женщин. В «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» 1863 г. провозглашался принцип свободы торговли. В нем указывалось, что свидетельства на право торговли и промыслов, как купеческие, так и промысловые, имеют право получать лица обоего пола всех состояний.

Участие женщин в предпринимательской деятельности, имевшее место и в дореформенное время, воспринималось как нечто естественное, особенно в сложной личной ситуации, и имело целью обеспечить достойную жизнь себе и своим детям. Важными факторами, способствовавшими расширению женского предпринимательства в пореформенный период, явились изменения в брачном законодательстве, расширение женского образования (женские коммерческие училища), а также влияние западного феминизма. Бесспорно, в крупных городах женщины быстрее вовлекались в предпринимательскую деятельность, нежели в небольших. Тем менее и в уездных городах женщины-предпринимательницы занимались торговлей и промышленностью. Не исключением стали уездные центры Московской губернии, в частности Коломна – город торгово-промышленного типа. Здесь получил развитие малый бизнес, в котором участвовали местные купчихи, мещанки; к концу XIX в. увеличилось представительство крестьянок. Источниками для изучения женского предпринимательства в уездной Коломне послужили опубликованный статистический материал, а также документы, хранящиеся в фондах ЦГА г. Москва.

Самой распространенной формой женской предпринимательской деятельности оставалась розничная торговля (хлебная, мясная, молочная и т.д.). Примечательно, что кроме лавочной торговли в Коломне утверждается магазинная торговля, ориентированная на повседневный спрос жителей и предлагавшая ассортимент товаров, удовлетворявших нужды состоятельной части населения: это готовое платье, обувь, парфюмерия, мебель, изделия из золота и серебра и пр. Ведущим в торговле готовым платьем был магазин (мастерская) мужской и женской одежды купчихи 2-ой гильдии Добры Хаушпигель с годовым оборотом до 20 тыс. руб.

Специфическим видом торговли являлась продажа напитков. Среди владельцев трактиров по сведениям полицейской статистики числились крестьянки Коломенского уезда. Высшим оборотом (20 тыс. руб.) отличался трактир крестьянки Зарайского уезда А.И. Шмелевой. Неотъемлемой частью предпринимательства была деятельность множества постоянных дворов, среди держателей которых были и коломенские мещанки.

Во второй половине XIX в. в Коломенском уезде действовали небольшие предприятия мануфактурного типа, принадлежавшие женщинам. Согласно статистике «Указателя селений и жителей уездов Московской губернии», в середине века из 37 предприятий 3 (8,11%) находились во владении женщин-предпринимательниц; к концу XIX в. относительные показатели не изменились, составив 6 (8,82%) из 68 производств. В пореформенное время здесь действовала небольшая шелкоткацкая фабрика мещанки Е. Шепелевой, основанная в 1865 г. мужем владельцы. Изготавливались здесь в основном «съ бумажнымь уткомъ шелковые кушаки и штофъ преимущественно, реже и другие шелковыя ткани». Ткачи, работая до 14 часов в сутки, получали до 12 руб. в месяц и «сами себе снуют и мотают пряжу». На рогожной фабрике М. Юкиной (перешла по наследству вдове одного из братьев-основателей) изготавливали рогожи и кульки. Фабрика представляла собой производство, оснащенное 117 станами, где «вся работа велась исключительно ручной силой». Условия труда на фабрике были неудовлетворительными: «идет смешение возраста, пола, постоянная грязь, теснота и мрак», «полы везде деревянные, местами прогнившие, моются раз в год – перед сбором рабочих в сентябре». В селе Лукерьи-

но под Коломной с 1862 г. действовала шерстопрядильная и ткацкая фабрика крестьянки Е. Жучковой с числом рабочих от 70 до 150 в зависимости от сезона. Оборудование фабрики состояло из 68 ручных станков и 1200 веретен. Согласно «Сборнику статистических сведений по Московской губернии» ткачи зарабатывали от 12 до 25 руб.

Помимо управления своим бизнесом, женщины-купчихи активно занимались благотворительной деятельностью. Известной благотворительницей и предпринимательницей Коломны была М.Н. Шевлягина, которая преумножила капитал своего мужа, а после его смерти сама возглавила семейное дело. К началу XX в. Шевлягина стала владелицей 20 тыс. дес. земли, конного завода в Воронежской губернии и капитала в Кисловском городском банке. Благодаря семейному капиталу Шевлягиных, банк был спасен от банкротства и закрытия. В честь этого банку присвоили имя благотворительницы. Заслугой М.Н. Шевлягиной стало строительство в 1902 г. и содержание за свой счет первого водопровода в Московской губернии для жителей Коломны, что было обусловлено частыми разного рода эпидемиями. Шевлягина пожертвовала дополнительно капитал в 150 тыс. рублей. В начале XX в. ежегодные перечисления на его содержание составляли 2939 рублей. В благотворительном списке М.Н. Шевлягиной значатся содержание персонального отделения в Кисловской больнице, именной счет в пользу бедных коломенских невест, капитал бесплатной столовой. Наряду с масштабными жертвенными акциями, в деятельности М.Н. Шевлягиной имела место и частная благотворительность. Здесь уместно остановиться на причинах благотворения М.Н. Шевлягиной. Вряд ли ей нужны были какие-либо награды за благодеяния. Она уже была потомственной почетной гражданкой, да и, судя по воспоминаниям родственников, не любила шума и суеты вокруг своей персоны. Поэтому причина, возможно, в ответственности представителей крупного капитала за место, которое они занимали в обществе, или в своеобразной компенсации за достигнутое благополучие.

Таким образом, женское предпринимательство в уездной Коломне Московской губернии принимало различные формы и приносило предпринимательницам стабильный доход. Самой распространенной была розничная торговля, которая отвечала

повседневному спросу горожан. Единицы женщин-предпринимателей занимались мелким промышленным производством. В малом бизнесе участвовали представительницы всех городских сословий, а также крестьянства. Отметим, что большинство из них являлись вдовами и успешно смогли продолжить семейное дело.

В.В. Лобова

*Ростов-на-Дону, Южный
Федеральный университет*

Первые женщины-предприниматели в Российской Империи (на примере деятельности Марии Матвеевой).

В истории развития женского предпринимательства есть немало ярких личностей, деятельность которых внесла определенный и наиболее значимый вклад в становление женщины предпринимателя в дореволюционной России. Вместе с тем женское предпринимательство на пути своего развития встречает массу трудностей и проблем [1, с. 8].

Женщинам было трудно из-за отсутствия опыта, успешности, образования; их не допускали в руководство большими предприятиями, но именно в XIX в. появились личности-первооткрыватели, которые внесли неоценимый вклад в развитие предпринимательской деятельности Российской империи. Одной из таких ярких личностей, является Мария Матвеева.

Мария Матвеева жила в Москве, входила в разряд купчих первой гильдии, в 21 год стала владелицей одного из самых огромных предприятий «Братья Бабкины», которое занималось производством сукна. Фабрикой Мария заведовала с 1842 по 1883 г., сорок лет, из которых четырнадцать, с 1861 по 1875, была единственной управляющей [2, с. 245].

История предприятия «Братья Бабкины», тогда еще имевшего другое название, началась в 1736 г. Тогда московский купец Григорий Яковлевич Бабкин с партнерами, получил привилегию на основании суконной фабрики. Предприятие они основали в Денежном Кадашевском дворе – в Замоскворечье. В 1769 г. Григорий Бабкин умер. Владение фабрикой перешло к его сыну Семену Григорьевичу Бабкину – московскому купцу первой

гильдии. После его смерти в 1784 г., хозяйкой предприятия стала его жена Наталья Лукинична, принадлежавшей также к первой гильдии. Однако, уже в 1811 г. Наталья числилась в третьей гильдии и жила с семьей своего сына Петра Семеновича Бабкина, купца второй гильдии. Позже фабрика в Замоскворечье прекратила свое существование, а к 1815 г. династия Бабкиных совсем выбыла из купечества.

Несмотря на это, фамилия Бабкиных возникла вновь в совсем другой семье в 1811 г. Семен Иванов, бывший фабричный мастер настоящей династии Бабкиных, ушел от хозяев и устроил собственную суконную фабрику. В 1791 г. попал в третью гильдию. Женился на вдове другого работника фабрики Бабкиных Марье. Они взяли в семью двух детей своего соседа семилетнего Петра и пятилетнего Илью. После смерти отца в 1810 г. Петр и Илья унаследовали его суконную фабрику, а в 1811 г. получили разрешение у купеческой управы называться фамилией Бабкины. Позже братья стали сотрудничать с купцом Рыбниковым, и уже через три года, в 1814 г., их совместная фабрика была на третьем месте среди крупнейших московских фабрик. Штат фабрики насчитывал 845 работников, а производственные мощности на тот момент уже выпускали около 64 тыс. метров шерстяной ткани. Это было около 8% от общего количества производимого в Москве сукна.

Братья Бабкины быстро богатели, перешли сначала во вторую, затем и в первую гильдию. В 1825 г. они открыли торговый дом «И. Рыбников и П. и И. Бабкины». В 1833 г. купцы Бабкины приобрели у князя Юсупова шелковую фабрику в Купавне и переделали ее в суконную. Таким образом, в 1830-х годах братья имели уже две фабрики – московскую и купавинскую. С этого же времени они работали не только для российского рынка, но и активно отправляли продукцию в Китай через Кяхту.

Торговля с Китаем продолжалась более пятидесяти лет, в том числе и во времена управления фабрикой Марией Матвеевой. Именно российское сукно подходило Китаю больше, в частности северным районам, поскольку была очень плотной и соответствовала местному климату. Дела шли успешно, братья приобретали недвижимость в Москве, сдавали ее под торговые места или торговали сами. Однако ни у Петра Бабкина, ни у Ильи Бабкина в следующем поколении не осталось наследников муж-

ского пола. У Петра были две дочери – Капитолина и Авдотья. У Ильи же был сын Иван, который умер в возрасте семнадцати лет, и дочь Мария.

В 1840 г. Петр скончался. Илья Бабкин заключил с его дочерьми договор, учреждающий на четыре года торговый дом «Братья Бабкины». Это было сделано для того, чтобы Капитолина и Авдотья могли продолжить за отца управлять фабрикой и торговать сукном. По договору, долю Ильи составляла половина имущества, а на сестер приходилось по четверти имущества. Однако самостоятельно заниматься бизнесом сестры не стали, а доверили это дело своим мужьям. В 1842 г. скончался Илья Бабкин, и в наследство вступила его единственная дочь Мария, получив право на половину имущества. В итоге получилось так, что московская и купавинская фабрики в 1842 г. были в руках трех совладелец. На тот момент сестры были самыми крупными производителями сукна.

В 1843 г. купавинская фабрика входила в число трех крупнейших фабрик, как и тридцать лет назад. На производстве выпускалось сукно для армии и для экспорта, преимущественно в Китай, на сумму почти полмиллиона рублей, и уже насчитывалось около 1265 работников. К 1847 г. фабрики продолжали работать по выгодным государственным контрактам, которые были подписаны еще Петром и Иллеей Бабкиными. В то время управляющим фабриками был Михаил Афанасьевич Матвеев – муж Марии. Происходил он из известной текстильной купеческой династии Анны Матвеевой – владелицы бумагошерстокацкой фабрики. В том же году Авдотья умерла. Ее дети и муж оставались наследниками предприятия, которым она владела.

В 1852 г. у Марии Матвеевой умер муж, и эта потеря заставила ее принимать меры по достижению определенности в своих правах на фабрику Бабкиных. В 1853 г. Мария и Капитолина договорились о необходимости убрать мужа и детей Авдотьи от права притязать на предприятие. Они подали иск о «миролюбивом разделе» в Московскую палату гражданского суда. Там от общего имущества долю семьи Авдотьи оценили в 55,5 тысяч рублей серебром.

Мария и Капитолина стремились заполучить именно Купавинскую фабрику, потому что там торговля велась в двух направлениях, и доходы постоянно росли. В итоге семье Авдо-

ть досталась вся московская часть общего имущества. В 1860 г. после смерти Капитолины Мария выкупила всю ее долю у семьи у наследников и, таким образом, стала единоличной владелицей фабрики. В отсутствие не только специального, но и общего образования женщины уже занимались предпринимательством, записываясь самостоятельно в купеческие гильдии [2, с. 227]. К этому времени дети Марии выросли, и у нее была возможность полностью вкладываться в бизнес. Именно при Марии производство стало лидирующим предприятием в своей отрасли. Стабильно росло количество занятых рабочих, годовая выработка, на фабрике использовалось самое современное оборудование.

На выставке мануфактурных изделий в 1861 г. фабрика «Братья Бабкины» получила возможность использовать государственный герб на своих изделиях с целью рекламы. В то время это был высокий знак отличия: в период с 1820 по 1862 г. такое право получили лишь 45 предпринимателей. Отмечена фабрика Бабкиных была и на выставке 1865 г.

Дело развивалось, доходы росли, Мария богатели. Однако в последней трети XIX в. после интеграции России в общемировое пространство российская экономика оказалась под влиянием мировых кризисов. С 1873 г., на глазах Марии Матвеевой, обанкротились несколько предприятий московских предпринимательниц – повлиял мировой экономический кризис. Чтобы выйти из затруднительного положения, Мария со своим партнером, поставщиком мытой шерсти Николаем Козьмичом Баклановым учредили товарищество на паях. В 1875 г. товариществу перешла фабрика со всеми землями, материалами. Основной капитал товарищества составлял 500 паев, позже 2000 паев. Учредителями стали Мария Матвеева, ее сын И.М. Матвеев и Н.К. Бакланов.

Однако к тому времени Мария не имела возможности выкупить свою часть паев, поэтому в сентябре 1875 г. она заложила свой особняк, получив 53,5 тыс. рублей в рассрочку на 10 лет. Часть денег было потрачено на покупку паев, а часть на внедрение газового освещения на фабрике. Новое освещение позволило вести работу на фабрике 24 часа. Результатом такой работы стало достижение в 1879 г. объема годового производства в 3,4 млн рублей серебром. Такие результаты долго удерживать не удалось, и производство снизилось сначала до 2,4 млн, потом до 1,5.

В начале 1880-х годов из-за частых болезней Матвеева отвлеклась от управления фабрикой, и ее потеснили партнеры. Бакланов захватил все управление, и в его руках предприятие начало угасать. Все силы Бакланов вкладывал в развитие своего шерстомоечного предприятия, делам Купавинской фабрики должного внимания он не уделял. Именно поэтому не удержались контракты на поставку сукна в армию.

В 1883 г. с изменением государственной системы закупок сукна в армию, с фабрикой «Братья Бабкины» были заключены новые контракты, но уже не на таких выгодных условиях, как раньше. Продукции требовалось поставлять меньше, а цены были ниже на 30%. Тем временем положение Марии Матвеевой все еще ухудшалось. В 1885 г. она перезаложила свой особняк еще на 25 лет, частично продала свои паи. Оставшуюся их часть – 20 паев – передала сыну Ивану. Товарищество «Братья Бабкины» стало уже не самым развитым предприятием, и было доведено до грани финансового краха братом Николая Бакланова Иваном Баклановым. В начале XX в. Баклановы монополизировали фирму «Братья Бабкины»: в 1911 г. их потомкам принадлежало 929 паев, в то время как у семьи Матвеевой оставались все те же 20 паев. В это время Мария была еще жива и получала годовое денежное пособие в размере 3 тыс. рублей.

Мария Матвеева очень долго руководила большим предприятием, были взлеты и падения, доходы и убытки. В конце соевой жизни и предпринимательской деятельности ей не удалось удержаться на плаву, и она потеряла позицию главного руководителя, а ее предприятие лишилось былой силы и было доведено до состояния финансового краха. Но несмотря на данный факт, история Марии Матвеевой и ее непосредственное участие в жизни и управлении суконной фабрики, позволяют ознакомиться с феноменом женского предпринимательства и их непосредственным приобщением к коммерческой деятельности в России начиная с XIX в.

Список литературы

1. Семенова Ю.А. Гендерная асимметрия Российского предпринимательства // Известия Саратовского университета. 2010. № 10.

2. *Ульянова Г.* Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века. 2021.
3. *Федоркова И.Р.* К истории зарождения женского предпринимательства в России // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3.

В.А. Латышева

Минск, Белорусский государственный университет

Профессиональная жизнь женщин, оказывавших психиатрическую помощь в губернском Витебске: 1914–1918 гг.

Одной из последних работ в русскоязычном дискурсе в отношении психического здоровья женщин в период социальных катаклизмов XX в. является публикация Ю.М. Галкиной «Психические расстройства французских женщин в годы Первой мировой войны» [1, с. 87–95]. Пожалуй, в отношении проблем, связанных с ментальным здоровьем, представительниц Франции того времени объединила с территорией Беларуси, а точнее – белорусским Витебском, и Марта Г.¹ Трагическая судьба гражданки Франции оборвалась в психиатрическом отделении губернской больницы города не позже 18 сентября 1918 г. [5, л. 132]. Это было единственным местом в Витебске, где как в довоенные годы, так и во время Первой мировой войны душевнобольные пациенты имели возможность получить профессиональное стационарное лечение.

В реконструкции истории психиатрической помощи в Витебске в годы Первой мировой войны сегодня определенное место занимают документы, локализованные в учреждении «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВт).

Согласно данным путеводителя данного областного архива, новейшую историю здравоохранения города и области (с 1917 г.) в учреждении представляют как минимум документы из 38 фондов [2, с. 431–454]. Однако определенный исследовательский интерес, в нашем случае, привлек фонд № 64 Отдела народного здравоохранения исполнительного комитета Витеб-

---

¹ Автор придерживается этических установок, не позволяющих публиковать персональные данные в открытых источниках по отношению к такой категории, в частности, как душевнобольные.

ского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витебский губздравотдел). Фонд насчитывает 1119 единиц хранения, его хронологические рамки, согласно описи, охватывают период с 1917–1924 гг. Однако обращение к документам фонда, указало на то, что в отношении реконструкции сюжетов, посвященных различным вопросам, связанных с ментальным здоровьем, документальный массив позволяет оперировать и более ранними данным, включая и данные за весь период Первой мировой войны.

Документы фонда № 64 ГАВТ включают: штатные расписания, приказы Витебского губздравотдела, протоколы заседаний его коллегии, врачебно-санитарных совещаний, общих собраний медицинских работников, отчеты о работе губернского отдела здравоохранения и т.п. Часть из этих документов содержит сведения о жизни душевнобольных в годы Первой мировой войны в условиях оказания им медицинской помощи стационарного характера, а также работе персонала, значительное место и роль в рядах которого в годы войны занимали женщины.

Отметим, что документы изобилуют «персонификацией» историй женщин из числа персонала, связанного с оказанием медицинской помощи душевнобольным – текущее делопроизводство тех лет зафиксировало определенное количество их фамилий, а в ряде случаев и имен. Однако более известных из них для современников, время запечатлело в архивных документах только с указанием фамилий. Такая судьба оказалась у доктора, чья фамилия была Гуревич.

На протяжении почти столетия достойнейшая внимания личность была предана полному забвению. Лишь в 2010 г. психиатр из Минска Л.С. Мелешко попытался привлечь внимание к персоне доктора, в том числе указывая, что это «первая женщина-психиатр в Беларуси»². К сожалению, работая только с документами рассматриваемого фонда, в отличие от опубликованных источников предвоенных лет, не остается и возможности предположить, что наполненная непомерными тяготами, но отмеченная значимыми достижениями в суровых условиях профессиональная жизнь могла принадлежать женщине... Вместе с тем, значительный ряд выявленных архивных документов в

---

² Автор благодарит Л.С. Мелешко за предоставленный текст рукописи.

полной мере способен реконструировать героическую профессиональную жизнь доктора-психиатра в катастрофических условиях города военных лет и подтверждает ее заслуги по-прежнему недооцененные сегодня как обществом, так и профессиональной средой в частности.

Документы из фонда № 64 ГАВТ отражают и сюжетную линию, связанную именно с «женскими» должностями в системе оказания психиатрической медицинской помощи. Так, в архивных источниках можно обнаружить, что профессиональное попечение о тех душевнобольных, кто за годы войны отправлялся из постоянно переполненного отделения в дома к согражданам (далеко не всегда родственникам), соглашавшимся сопровождать жизнь людей с проблемами ментального здоровья, возлагались на женщин. Администрация больницы запрашивала городские власти об обеспечении этой должности именно женщинами, оперирую такой должностью как «фельдшерица-надзирательница».

Кроме того, работа с обозначенным массивом документов обращает внимание не только на включенность сестер милосердия в связи с их призванием в круг проблем, связанных с ментальным здоровьем в годы войны. Но и на те печальные факты, свидетельствующие о том, что некоторые из них также становились пациентками, в том числе психиатрического отделения губернского Витебска.

Отдельный интерес представляют моральные установки общества, которые способны быть «рассказанными» именно через «женские истории». Так, с одной стороны, выявленные документы свидетельствуют о фактах, когда несмотря на голод, постоянные кризисы и т.д. летом 1918 г. администрация больницы буквально требовала от городских властей приглашения и оплаты работы в течение полугода парикмахера для пациентов психиатрического отделения. Просьба была удовлетворена. Однако поражает цель упорной борьбы врачей с городскими властями: предвидя приближения угрозы тифа для постоянно переполненного психиатрического отделения больницы, парикмахер был необходим только для женщин. С бритьем наголо мужских шевелюр прекрасно справлялся и сам персонал отделения. Услуги же парикмахера были необходимы для ухода и сохранения волос у женщин.

С другой стороны, отчетные документы, материалы заседаний коллектива способны рассказать о профессиональных деформациях: в ряде случаев небезобидные истории, связанные с пациентками из числа морфинисток, моральный облик которых был далек от приличий, пагубно сказывались на персонале как мужского, так и женского пола.

В целом обращение к перечисленным сюжетам и им подобным отражают историю, в которой женщины являются полноправными участницами ее написания, раскрывают женщин как самостоятельных акторов, в том числе в кризисных условиях военного времени.

Список литературы

1. *Галкина Ю.М.* Психические расстройства французских женщин в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79).
2. Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917–2006 / сост. Т.В. Бувечич, Ю.С. Петухов. Минск: Медисонт, 2011. 936 с.
3. *Ершова О.И.* Беженцы в годы Первой мировой войны в контексте истории Беларуси // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сборник научных трудов. Вып. 7. Дискурсы рефлексии и рефлексия как дискурс. Минск: РИВШ, 2017.
4. *Мелешко Л.С.* Первая в Белоруссии женщина-психиатр, рукопись. Из личного архива автора.
5. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (ГАВт). Ф. 64. Оп. 1. Д. 4.

Ю.А. Кривошеева
Ярославль, Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова

Опыт трудовой эмансипации жительниц Ярославской губернии как «спутник» супружеских конфликтов (вторая половина XIX – начало XX в.)

Проблему семейных конфликтов стоит отнести к разряду непреходящих тем для научных изысканий. Обращение к истори-

ческому опыту возникновения и разрешения супружеского несогласия может способствовать осмыслению современных социальных проблем и поиску путей их разрешения, сохранения семьи как общественного института.

В дореволюционный период существовали установленные государством причины для развода – неспособность к сожитию, безвестное отсутствие, прелюбодеяние, ссылка с лишением всех прав состояния. Брак также мог быть признан недействительным [6, с. 31]. Одного желания для развода было недостаточно. Поводом для прекращения брачного союза не считались угрожавшие жизни одного супруга действия и состояния другого – венерические заболевания, возникшее в браке сумасшествие, алкоголизм, толкавший к членовредительству, и др.

Документы регионального архива показывают широкий спектр проблем, отягощавших семейную жизнь жителей Ярославской губернии – имущественные и финансовые претензии, сложные отношения с родителями, ревность и измены, жестокость мужей, непокорность жен, невежество, болезни, отсутствие взаимной «приязни», пьянство.

Нерешенные противоречия выливались в побои, убийства, покушения. Каждый законный повод для развода должен был подкрепляться документально, т.е. быть доказанным, а судебные разбирательства требовали от сторон финансовых вложений (оплаты пошлин и сборов, проезда к месту ведения дела). В условиях отсутствия доказательств и(или) финансовых ресурсов супруги вынуждены были продолжать трудный брак, иногда с угрозой для жизни, либо расходиться неофициально, что также было чревато последствиями. Иногда местные начальства вставали на сторону страдавших от психологического и физического насилия женщин, разрешая им раздельную жизнь с супругом [4], однако выявленные дела о подобном чаще умалчивают.

Расход вызывал у жenin необходимость зарабатывать себе на жизнь. В деле крестьян Туркиных (1904–1906 гг.) супруги состояли в расходе порядка десяти лет. Брак был заключен по желанию семьи невесты, которая боялась обидеть родных отказом. В доме мужа А.В. Туркина «не видела хорошего отношения», когда же семья переселилась в дом жены, супруг начал пить и «безобразничать», обижать ее и родителей (обращались за по-

мощью в полицию). Далее последовали неоднократные разъезды, воссоединения, переезд в столицу, где муж бросил Туркину одну. В Петербурге женщина смогла выправить паспорт (судя по всему, без разрешения мужа), устроилась работать прислугой. Муж же бездоказательно обвинял ее в распутном образе жизни и любовной связи со своим «работодателем». В разводе истцу было отказано [2].

В 1860-х годах мещанин А.К. Архангельский, женатый с 1838 г., просил духовную консисторию о разводе с женой, пропавшей через год совместной жизни. Четырехлетнее разбирательство показало, что А.Ф. Архангельская проживала в губернском центре, куда перебралась после того, как ее бросил муж. Оставшись одна, женщина вынуждена была идти работать по найму. О местоположении ответчицы знали ее родственники, что свидетельствует о наговоре со стороны супруга. Брак остался в силе. Недовольный муж подавал повторное прошение в консисторию и, после отказа, – апелляцию в Синод, требуя пересмотра решения и указывая на распутный образ жизни жены, невозможность продолжения брака после двух десятилетий расхола, вероятность причинения ему вреда женой по ее недоброжелательности, а также требовал привлечь к ответственности родственников, якобы прятавших супругу [3].

Документы сохраняют упоминание и об обратной ситуации, когда труд женщины становился причиной разрушения супружеских связей и, соответственно, поводом для расторжения брака. Здесь примечательно дело дворян Мартыновых, начатое в 1901 г. главой семейства с прошения в духовную консисторию о прекращении брака с пропавшей женой. Формально супруги состояли в браке более 20 лет, однако совместными из них были менее шести.

Ответчица, Людмила Яковлевна, так хотела помочь людям, что неоднократно самовольно оставляла супруга, уезжая на работу в другие города. Так, в середине 1880-х годов она «без разрешения взяла документы и уехала в Москву», где устроилась сестрой милосердия в больницу Александровской общины сестер милосердия «Утоли мои печали» (выбыла через год «по домашним обстоятельствам»). Спустя несколько лет, Мартынова вновь ушла работать сестрой милосердия, но уже в Одессу,

где и пропала, отсутствуя на момент подачи разводного прошения около 13 лет. Поиски женщины велись в Москве, Ярославле, Одессе, Николаеве и Кишиневе – городах, с которыми она была связана в разные годы. Имущества и родственников женщина не имела. Поиски не увенчались успехом, и истец получил желаемый развод [5].

Более прозаичной стала история крестьянки Ф.И. Назаровой, в 1900 г. выданной замуж за нежеланного мужчину. Супруг «побивал» жену за «нелюбовь», но не был скандальным и пьющим, пытался восстановить нормальную семейную жизнь. Назарова терпела побои, уходила к родителям, а после покинула мужа, вступив на путь публичной женщины – «зов плоти» заставлял ее постоянно искать новых партнеров, заставляя зарабатывать подобным «ремеслом» сначала в публичном доме, а затем уже и на частной квартире. Брак Назаровых был расторгнут по причине прелюбодеяния, ответчица же пропала и так и не была найдена [1].

Среди материалов регионального архива известно несколько сотен дел, освещающих семейные конфликты жителей Ярославской губернии. В некоторых из них появляется мотив женского труда как причины, а также следствия супружеского несогласия вне зависимости от жизненных перипетий, нарушавших течение жизни семьи. Как и сегодня, в прежние времена, покинутые мужьями женщины, оставались перед необходимостью содержать себя и детей (при их наличии), а порой сами рушили семью, стремясь реализовать в любимой профессии, иных жизнь толкала на «скользкую дорожку».

Несмотря на то, что в рассматриваемый период Ярославский регион «поставлял» отходников в крупные, в т.ч. столичные, города, на данном этапе исследования дела о супружеских конфликтах с участием непосредственно женщин-отходниц еще не были выявлены.

*Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 22-78-10103 «Супружеские конфликты, методы их разрешения и предупреждения во второй половине XIX – начале XX вв. (межрегиональное исследование)»

Список литературы

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 4. Д. 1429.
2. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1438.
3. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 297.
4. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 540.
5. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 777.
6. *Канторович Я.А.* Законы о женщинах: Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб.: Изд. Я.А. Канторовича, 1899. 272 с.

А. А. Шамедько

Рамонь, Воронежской области

Историко-культурный центр

«Дворцовый комплекс Ольденбургских»

Факторный анализ деятельности принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в имении «Рамонь» Воронежской губернии

Сохранившейся в поселке Рамонь Воронежской области ландшафтно-архитектурный памятник, включающий комплекс исторических объектов и исторический ландшафт, ранее входящие в состав имения «Рамонь» принцессы Е.М. Ольденбургской, стал основой для создания мемориального музея регионального значения – Дворцового комплекса Ольденбургских, в котором ведется деятельность, направленная на сохранение и включение наследия личности Е.М. Ольденбургской в современную культуру.

Процесс развития капитализма, несомненно, наиболее заметен был в крупных городах, промышленных центрах, однако его влияние испытала и «провинция». В наше время наименее изученной остается проблематика женщин-предпринимательниц в России в пореформенный период. К числу женщин, активно начавших развивать промышленность и вести «бизнес» само-

стоятельно возможно с легкостью отнести и Евгению Максимилиановну Ольденбургскую.

Приобретение принцессой Е.М. Ольденбургской имения «Рамонь» в Воронежской губернии сыграло огромную роль в развитии селения, позволило создать и развивать агропромышленный комплекс, каждая часть которого находилась во взаимосвязи с остальными. Так складывается «образцовое хозяйство».

Факторный анализ позволяет отобрать, классифицировать и систематизировать факты преобразований рамонской жизни в таких сферах, как: образование, здравоохранение, производство, социально-экономические условия жизни рамонского населения, культура.

Имение Евгении Максимилиановны в Рамони стало процветающим агропромышленным комплексом благодаря внедрению новых технологий и систем землепользования, а также развитию промышленности. Несмотря на потерю имения ввиду финансовых махинаций управляющего заводом Г.Э. Коха и продажи его Главному управлению Уделов, в целом пример деятельности принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской как нельзя лучше демонстрирует как капитализм в России развивался в условиях государственного регулирования экономики и как успешное предпринимательство и ловкий к нему подход могли привести к изменению социокультурного пространства и благополучию для рабочих и жителей окрестностей.

Е.Н. Меньшикова

*Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*

Предпринимательство купчих Центрального Черноземья в сфере промышленности строительных материалов во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. в промышленном секторе экономики Центрального Черноземья женщины – представительницы купеческого сословия – проявляли устойчивый деловой интерес к такому его сегменту, как промышленность строительных материалов. Конкретно, к производству кирпичей.

Кирпичные заводы купчих были распространены повсеместно на территории Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний. Надо заметить, в России с 1860-х годов кирпичное производство, при условии наличия на предприятии работников не более двадцати человек, даже при функционировании механических двигателей, не облагалось налогами [3, с. 47]. Это создавало благоприятные условия для широкого распространения небольших кирпичных заводов в местностях исследуемых губерний, обладавших большим сырьевым потенциалом.

Небольшие кирпичные заводы (необлагаемые налогом), удовлетворявшие спрос на строительный материал исключительно местных покупателей, содержали купчихи: Е.Я. Попова в Воронеже (завод по производству кирпича и кафеля) [2, стлб. 196]; В.В. Баркова в селе Ивановка Бирюченского уезда (на предприятии работали шесть рабочих) [1, с. 105]; Котомина – в Орле [5]; Н.Е. Афанасьева в селе Рождественское Мценского уезда (на заводе работали пятнадцать рабочих) [9, с. 289]. Однако и при небольших размерах производства данные предприятия вырабатывали конкурентноспособные объемы продукции, принося владельцам существенную прибыль (для качества жизни в провинции). Например, кирпичный завод купчихи А.П. Виноградовой производил в год 300 тысяч кирпичей на сумму 3 тыс. руб. [10, с. 330]; предприятие купчихи Н.Е. Афанасьевой в Мценском уезде вырабатывал в год 500 тыс. кирпичей на сумму в 5 тыс. руб. [9, с. 289]; а завод купчихи А.Н. Михайловой приносил годовую прибыль в 6 тыс. руб. [7, с. 306].

На территории исследуемых губерний существовали и кирпичные производства промышленниц-купчих, относившихся к «наиболее крупным фабрикам и заводам» по статистически принятому критерию производительности более 10 тыс. руб. в год [6, с. 85]. К таким предприятиям, например, в Воронежской губернии, относились: кирпичный завод купчихи И.А. Проскуриной в слободе Чижевке Воронежского уезда (сумма производительности – 13 тысяч рублей) [6, с. 85]; там же – кирпичный завод 2 гильдии купчихи Т.М. Тюриковой [8, с. 109]; завод огнеупорного кирпича купчихи К.А. Чешевой в селе Петровское Нижнедевицкого уезда (сумма производительности – 12 тыс. руб.) [6, с. 88].

Крупные кирпичные производства, принадлежавшие купчихам (как и иным владельцам), к 1880-м годам были оборудованы паровыми двигателями. Таким предприятием был завод курской купчихи А.И. Климовой в пригородной к Курску слободе Пушкарной [7, с. 306]. Кирпичный завод купчихи Климовой был оснащен паровым двигателем мощностью четыре лошадиных силы, и обслуживали производство на нем тридцать два рабочих [7, с. 306]. Численностью рабочих более двадцати человек могли похвастать и кирпичные заводы тамбовских купчих: А.П. Виноградовой (двадцать пять рабочих) [10, с. 330], А.Н. Михайловой (двадцать пять рабочих) [7, с. 306].

Кирпичные заводы купчих часто размещались за чертой города, на так называемой, «городской выгонной земле». Именно там располагались кирпичные заводы белгородской купчихи М.В. Фроловой [4, с. 2–3], тамбовских купчих А.П. Виноградовой [10, с. 330] и А.Н. Михайловой [7, с. 306].

Таким образом, предприятия купчих в сфере промышленности строительных материалов в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX в. были представлены кирпичными заводами. Купчихи, также, как и мужчины-предприниматели, занимаясь этим делом, демонстрировали готовность работать на равных в изначально мужском сегменте бизнеса. Небольшие кирпичные заводы купчих повсеместно выработывали конкурентноспособные объемы продукции, принося владельцам существенную прибыль.

Примечание: Стлб. – следует читать, как «столбец».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-01396.

Список литературы

1. Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России / под ред. А.В. Погожева. М.: Издатель С.С. Кальмансон, 1907/1908. 393 с.
2. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской Империи. Т. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1895. 952 с.

3. Положение о государственном промысловом налоге. Ст. 371 // Свод законов Российской Империи. Издание неофициальное. Т. V–VI. Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. 319 с.
4. Приговоры Белгородской городской думы за 30 ноября 1882 г. № 7 // Курские губернские ведомости. 1883. № 3.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287 Оп. 31 Д. 2346.
6. Список наиболее крупных фабрик и заводов и иного рода промышленных заведений, находящихся в пределах Воронежской губернии (с суммой производительности не менее 10 тыс. рублей) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1909 г. Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1909. 647 с.
7. Список фабрик и заводов Российской Империи / под. ред. В.Е. Варзара. СПб.: Типография В.Ф. Киришаума, 1912. 403 с.
8. Торгово-промышленные заведения по г. Воронежу с уездом // Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 г. Воронеж: Типо-литография Воронежского губернского правления, 1899. 461 с.
9. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П.А. Орлов. СПб.: Типография Р. Голике, 1887. 851 с.
10. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П.А. Орлов, С.Г. Будасов. СПб.: Типография В. Киришаума, 1894. 850 с.

А.В. Долгова
Москва, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Проблема женской самореализации в Российской империи в начале XX в. на страницах журнала «Женский вестник»

Ошибочно полагать, что «модные журналы» отображали только настроения женщин в их борьбе за уравнивание в правах с мужчинами. Исключение составлял «Женский вестник», который сначала издавался с 1866 по 1868 г., затем с 1904 по 1917 г. под редакцией М.Н. Покровской.

Женские журналы в той или иной степени стали своего рода регулятором политических интересов женщин, где они могли узнать о существующей в обществе проблеме неравноправия и возможных способах борьбы с ней. Все чаще на страницах журналов печатались истории об унижении и притеснении женщин: в деле трудоустройства, оплаты труда, приеме в высшие учебные заведения.

Официально «Женский вестник» считался общественно-научно-литературным журналом, редактором которого была М.И. Покровская. Журнал издавался с 1904 по 1917 г. и посвящен был в основном освещению борьбы женщин за свои права. Но военно-политические события начала XX в. разворачивались столь стремительно, что неизбежно стали катализатором изменения социального статуса женщин. Теперь женщина становится общественно-политической фигурой, ей мало быть образованной и иметь право на труд.

Одним из направлений в медицинской практике, куда женщины допускались, была профессия дантиста. Первая зубоучебная школа была открыта врачом Ф.И. Важинским в Петербурге в 1881 г., где наряду с мужчинами обучение проходили женщины. За десять лет ее выпускниками стали 219 дантистов: 84 мужчины и 135 женщин [2, с. 59].

Вступление Российской империи в войну с Японией выявило всплеск активности женщин, не пожелавших остаться в стороне. Многие устремились на Дальний Восток в качестве врачей и сестер милосердия, а те, кто решили остаться дома, занялись заготовкой белья для больных и раненых воинов.

Курсы сестер милосердия открывались повсюду: при больницах, домах трудолюбия, женских обществах. Некоторые отправлялись на войну в качестве врачей – профессия, прежде считавшаяся исключительно мужской. Высокая потребность в медперсонале заставляла закрывать глаза на гендерный фактор. Именно в годы Русско-Японской, а затем и Первой мировой войны женщины получили возможность реализовать себя: «Они хотят быть полезными русской армии в качестве врачей, драться с японцами, как солдаты, и в то же время берут на себя труд ухаживать за больными и ранеными, шить белье, стирать его для офицеров и солдат» [3, с. 19].

Проблема будущего трудоустройства женщин была сопряжена с их возможностью получить высшее образование. В начале

XX в. женщины могли присутствовать на лекциях лишь в качестве вольнослушательниц, что отнюдь не давало им право заниматься профессиональной деятельностью. Но даже оказавшись в стенах высших учебных заведений, женщины часто чувствовали себя притесненными. Максимум, на что они могли рассчитывать, это отправиться в отдаленную местность и стать земским врачом.

Министр народного просвещения В.Г. Глазов утвердил правила для слушательниц женских педагогических курсов в Одессе. Помимо оплаты за обучение в 150 руб. в год требовалось знание иностранного языка, при этом «дочери преподавателей курсов освобождаются от уплаты и принимаются сверх установленного комплекта учащихся» [1, с. 169]. На слушательниц директор мог налагать следующие взыскания: замечание, выговор, временное запрещение посещать курсы, отчисление.

Правда, советы некоторых высших учебных заведений поддерживали их наравне с мужчинами иметь право быть не только вольными слушателями, но и студентами. Так, 29 сентября 1905 г. советы Харьковского и Юрьевского университетов постановили ходатайствовать о приеме женщин со средним образованием в число студентов. Данное решение было следствием постановления второго Академического съезда, проходившего в Москве 25–28 августа 1905 г., на котором присутствовало 110 представителей высших учебных заведений [1, с. 170].

Стоит отметить, что к тому времени количество женских гимназий было более 200, каждую из которых ежегодно оканчивало около 30 человек. Из общего числа выпускниц – 6000 человек, в высшие учебные заведения поступало лишь 500–600 человек. Учащиеся нередко испытывали такие трудности, как высокая плата за обучение, отсутствие заработка и крайняя нужда.

В целом среднее образование в Российской империи продолжало развиваться. Так, в 1904 г. в Царском селе была открыта женская гимназия народного просвещения и женская фармацевтическая школа в Санкт-Петербурге. Ее учащиеся во время летних каникул, в период с 15 мая по 1 сентября обязаны были отработать не менее двух месяцев в аптеке, о чем позднее должны были представить свидетельство «о прохождении практики» от заведующего аптекой. В том же году в Петербурге, по инициативе М.Н. Крюгер был открыт приют для детей воинов, убитых на Дальнем Востоке. В Орле были открыты три бесплатные вос-

кресные школы: две женские и одна мужская (для взрослых). Среди учащихся женских школ были дочери мастеровых, портних и даже семейные женщины. Среди учащихся мужской школы были мастеровые и чернорабочие. Средний возраст учеников был от 15 до 31 года [4, с. 94]. Как видим, среднее образование было доступно всем, чему в немалой степени способствовал повышенный интерес со стороны учащихся, в том числе из низших классов.

Стремление к самоутверждению, самореализации, а также финансовой и материальной независимости сопровождалось огромным желанием учиться, тягой к знаниям, что неизбежно вовлекало женщин в научную и профессиональную сферы. Очевидно, что роль «женских журналов», как средства социально-политического воспитания женщин была минимальной и вскоре сошла на нет.

Список литературы

1. *Покровская М.И.* Женщины в русских университетах // Женский вестник. 1908. № 6–7.
2. *Покровская М.И.* Женщины – зубные врачи в России // Женский вестник. 1904. № 1.
3. *Покровская М.И.* Женщина и война // Женский вестник. 1904. № 1.
4. *Покровская М.И.* Известия и факты, касающихся женщин // Женский вестник. 1904. № 3.

Н.В. Стрекалова

С.В. Щербаков

*Тамбов, Тамбовский государственный
Университет имени Г.Р. Державина*

Женщины на службе в учреждениях связи Тамбовской губернии в начале XX в.

Сегодня специалисты полагают, что по мере развития технологий будет изменяться и перечень «запрещенных» для женщин профессии, сниматься ряд нормативных ограничений с некоторых профессиональных занятий, делая их доступными для жен-

щин. В конце XIX – начале XX в. в процессе модернизации менялись такие базовые компоненты общества как семья и внутрисемейные отношения. Значительное влияние на изменение положения женщин в обществе, семье и на рынке труда, включая провинциальные российские города, в конце XIX – начале XX в. оказал и научно-технический прогресс.

Масштабные преобразования транспорта, экономики, общества и государства в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. потребовали более интенсивного развития сферы коммуникаций. В Российской империи появились новые средства связи. В 1850-е годы в стране началось активное устройство телеграфных линий, а в 1880-е годы – телефонных сетей [1].

Увеличивалось число людей, которые в работе и повседневной жизни прибегали к услугам разных видов связи, что, в свою очередь, способствовало росту масштабов деятельности почтово-телеграфной и телефонной служб, увеличению числа их сотрудников. В этот период был открыт доступ на почтово-телеграфную службу представителям разных сословий. Однако, несмотря на это, наблюдался дефицит кадров. Были приняты правительственные постановления, которые расширили возможности поступления женщин на службу, включая учреждения связи.

Женщины с 1864 г. начали привлекаться на службу на телеграфе. В 1871 г. было подтверждено их право на занятие должностей в учреждениях связи. Однако для них существовал ряд ограничений. Так, телеграфистками могли быть вдовы, девицы и состоявшие в браке со служащими телеграфа (до рождения первого ребенка). Если супруга болела, то муж должен был выполнять ее обязанности. Телеграфистка должна была уволиться со службы, если заключала брак с работником другого ведомства. Разрешение на брак давал начальник конторы. Если муж переходил на работу в другое учреждение, то и жена должна была последовать за ним [2, с. 7–8].

Был установлен возрастной ценз для женщин. Первоначально он составлял от 18 до 35, а затем предельный возраст был понижен до 30 лет. Для занятия должностей по соответствующим разрядам почтово-телеграфной и телефонной службы необходимо было наличие среднего образования и знание иностранных языков [3, с. 143–144; 4, л. 46].

Инструкция 1904 г. расширила служебные права женщин, приблизив их к соответствующим правам мужчин. Однако эти положения распространялись только на женщин, которые не состояли в браке. Руководство ведомства полагало, что замужние думают больше о доме, семье, хозяйстве, а не о делах службы, опаздывают и т.д. [2, с. 9]. В 1908 г. нормы в отношении женщин продолжили смягчаться. Например, телеграфистки с этого момента могли быть приняты на работу и будучи замужем не за служащим почтово-телеграфного ведомства. Женщинам стало выплачиваться ученическое содержание на период обучения [5, л. 12]. Хотя предпочтение все же отдавалось незамужним, бездетным дамам и девицам из семей чиновников или военных [6, с. 53].

Одеваться на службу женщины должны были в темные закрытые платья однообразного фасона или форменные тужурки [2, с. 8]. Женщины имели право на ежегодный отпуск. Они также могли уйти в отпуск при рождении ребенка на срок не более месяца. Мужчинам – служащим почтово-телеграфных учреждений отпуск было получить сложнее, поскольку на время отпуска работник обязан был подыскать себе замену, что было иногда крайне затруднительно сделать [7, л. 4; 8, л. 22–23].

Труд почтово-телеграфных служащих был достаточно тяжелым. Работать приходилось от 10 до 16 часов (иногда и более) в сутки [9, л. 59]. Служащих не хватало. Например, в 1906 г. Козловская земская управа постановила нанять запасную телефонистку, которая должна была заменять отсутствующую служащую, а в свободное время находиться еще и при Козловской центральной станции [10, с. 7–8].

Для женщин существовало несколько ограничений: их не должны были ставить в ночные смены и праздничные дни. Анализ материала учреждений почтово-телеграфного ведомства Тамбовской губернии свидетельствовал о том, что женщин не назначали на «заделку» газетной и посылочной корреспонденции в чемоданы, баулы и иные громоздкие вещи, для сопровождения почт по трактам и железным дорогам, в качестве разъездных чиновников и др. [8]. Женщин не было среди технического персонала. Однако по этим же причинам их менее охотно брали на службу. Кроме того, в зависимости от учреждений связи (почта, телеграф или телефон), процентная норма женщин в

разное время не должна была превышать от 30 до 25% от общего числа служащих применительно к той или иной должностной позиции [6, с. 54–55; 11, с. 25].

В учреждениях связи Тамбовской губернии в конце XIX в. большинство служащих составляли мужчины. По сведениям адрес-календарей Тамбова, за 1912 и 1916 г. на женщин приходилось около 23% почтово-телеграфных служащих губернского центра [12–13].

В процентном соотношении больше всего женщин работало на телефонных станциях, а менее всего они были задействованы в почтовых операциях. На телефонных коммутаторах трудились исключительно женщины [8]. Так, большинство служащих телефонной станции Тамбова в 1913 г. составляли женщины. При этом служба телефонисток считалась тяжелой. Росло число абонентов. Грубость клиентов, загруженность линий приводили иногда к заболеваниям и нервным расстройствам телефонисток [6, с. 56].

Первая мировая война внесла определенные изменения и в работу учреждений связи. В сентябре 1916 г. начальник Тамбовского почтово-телеграфного округа писал о «большом недостатке» подготовленных учеников и о «сильном обременении» служащих учреждений работой в условиях «наличности большого количества свободных вакансий чиновников» [14, л. 101–105]. Однако эти же обстоятельства позволили женщинам активнее продвигаться по карьерной лестнице в почтово-телеграфном и телефонном ведомствах.

Таким образом, доля женщин-служащих в учреждениях связи Тамбовской губернии в начале XX в. росла, новые правила по целому ряду позиций уравнивали их в служебном отношении с мужчинами, включая право занимать должность любого разряда [6, с. 52, 56]. Однако на деле возможности карьерного роста для женщин оставались ограниченными, особенно в провинциальных городах. В отношении женщин-служащих продолжали действовать ряд формальных правил и неформальных ограничений.

Список литературы

1. *Васильева Т.С.* Компания Белла в истории телекоммуникаций России // Электросвязь: история и современность. 2007. № 2.

2. *Базилевич К.В.* Работники связи в годы реакции. 1907–1917 гг. М.: ЦК Союза работников связи, 1929. 108 с.
3. Материалы по истории связи в России XVIII – начала XX в. (Почта, телеграф, телефон, радио, телевидение). Л., 1966. 335 с.
4. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). ГАТО. Ф. 93. Оп. 45. Д. 1.
5. ГАТО. Ф. 93. Оп. 41. Д. 1.
6. *Заремский В.К.* Организация работы женщин в почтово-телеграфных учреждениях Российской империи // Вестник Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова. Серия А. Гуманитарные науки: история, философия, филология. 2010. № 1(35).
7. ГАТО. Ф. 93. Оп. 22. Д. 10.
8. ГАТО. Ф. 93. Оп. 40. Д. 1.
9. Козловское уездное земское собрание. Журнал Козловского чрезвычайного уездного земского собрания (заседание 17 мая 1903 года) и доклад управы о постройке телефонной сети. Козлов: Т-во и Ко типо-литографии «Козловской газеты», 1903.
10. ГАТО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 5.
11. *Марциницен С.И., Новиков В.В.* 150 лет отечественному телеграфу (1832–1982 гг.). Москва: Радио и связь, 1982. 152 с.
12. Адрес-календарь Тамбовской губернии 1912 г. Тамбов, 1912. 172 с.
13. Справочная книжка и Адрес-календарь служащих Тамбовской губернии 1916, Тамбов, 1916. 214 с.
14. ГАТО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 383.

Л.В. Лебедева
Пенза, Пензенский государственный
технологический университет

Женский труд в период восстановления крестьянского хозяйства в 1920-е годы (на примере Пензенской губернии)

К началу 1920-х годов крестьянские хозяйства испытывали большие трудности, связанные с сокращением посевной площади, уменьшением скота и сельскохозяйственного инвентаря. Их возрождение проходило крайне медленно. Обследования Пензен-

ской губернии, проведенные Пензенским Губкомом ВКП(б) в рамках реализации политики «Лицом к деревне» показали, что основную массу крестьян составляли середняки – 54 %, причем они поделили их на «зажиточных», «средних» и «маломощных» и «бедняки» – 43,5 %. Их отличало отсутствие лошадей, коров и недостаточность орудий труда [1, с. 15]. Маломощность большинства крестьянских хозяйств, кризис экономики, возрождали в быту архаичные черты и увеличивали физическую нагрузку семьи.

Крестьянское хозяйство представляло собой самоценный семейный коллектив – единство производства и потребления, четкое разделение труда. Женщины обрабатывали огород, участвовали в полевых работах, на сенокосе, когда приходила страдная пора, убирали жнитво, ухаживали за скотом, птицей. Традиционно женщины выполняли все работы, связанные с приготовлением пищи и изготовлением одежды для всей семьи. Для выполнения этих обязанностей они должны были обладать хорошей физической силой и выносливостью. Этнографы, исследовавшие коренное население Пензенского края отмечали, что мордва особо ценила женщин богатырского роста и телосложения. Характерно записанное горделивое высказывание мужчин: «Наши бабы здоровши мужиков» [2, с. 13].

Трудоемкой женской работой была обработка огородных культур. Крестьянки сажали капусту, репу, редьку, свеклу, бобы, картофель, огурцы и др., а также табак, подсолнечник, коноплю необходимую для производства одежды и масла [3, с. 5]. Каждая культура требовала особого внимания. С прополкой посевов не затягивали, т.к. за ней шел сенокос. На уборку сена выезжало все работоспособное население. Мужчины косили, а крестьянки, чтобы трава быстрее сохла, переворачивали ряды. По сравнению с прополкой, этот труд был легче, т.к. женщины, работая граблями, находились не в согнутом положении. В крестьянском хозяйстве ответственной работой было жнитво. С уборкой урожая спешили. Говорили: «День год кормит». Поэтому на жнитво выезжали максимально все, с собой брали грудных детей с зыбками, работали и беременные [3, с. 2, 4]. Чтобы успевать, за косцом собирали снопы две вязальщицы. В работе участвовали и девочки. Если в семье было мало мужчин, то крестьянки сами жали ниву серпом. Работа в поле для женщины была дополнена заботой о детях и питании семьи. В поле делали «палатки» из рогожи, готовили.

Для Пензенской губернии было характерно дальнеземелье, некоторые семьи были вынуждены уезжать за 30 верст. В таких случаях ехали на несколько дней, с большим запасом продовольствия [2, с. 7]. Одной из самых тяжелых работ, которые выполняли и женщины, был обмолот зерна. Снопы молотили в 4, а иногда в 8 цепов. Эта работа требовала большой выносливости, силы, ловкости. Становились напротив друг друга и одновременно били цепами, сначала по колосьям одного ряда, потом другого. Для силы удара цеп раскручивали над головой [4, с. 12].

Каждодневной заботой женщины было домоводство. Содержание в чистоте своего дома, создание уюта было связано с условиями жизни крестьянской семьи. Жилища крестьян разного достатка отличались, сохраняя планировку, убранство и утварь в рамках традиции. Они варьировались от каменных домов до землянок, а самыми распространенными были «пятистенки». Сложность содержания жилища в чистоте была связана с тем, что в нем были вынуждены в зимнее время содержать скот, чинить инвентарь, устанавливать ткацкий стан. Женский труд был больше виден, где пол был деревянный, а не земляной и печь по-белому. Уют, «современность» проявлялись в возможности использовать в крестьянском интерьере мебель, зеркала, часы, оклеивать стены обоями. Женщины разводили комнатные цветы, на стены вешали фотографии, плакаты [5]. Генеральная уборка, проводимая весной, заключалась в побелке печи, отскабливании косырем и промывании потолка, стен, лавок, стола и др. Если в семье было мало взрослых помощниц, то приглашали родственников с последующими помочами у них.

Готовили крестьянки утром и в печи еда сохранялась до ужина. Подавала на стол, как правило, старшая в семье женщина, обычно свекровь [2, с. 8]. Приготовление пищи также требовало значительных физических сил. Женщины приносили воду из колодца. Для сбивания сливочного масла использовали пахталки. В рассматриваемый период для переработки зерна увеличилось применение ручных жерновов и ступ. Мололи каменными и деревянными жерновами, в которые были вбиты осколки чугуна [6]. При использовании ступы кроме силы требовалась еще и меткости удара, особенно если толкли в три песта.

1920-е годы осложнялись неурожаями и голодом. Статистические данные свидетельствуют, что в Пензенской губернии

осенью 1921 г. хлеб с примесями употребляли 91 % хозяйств, через год – 43 %, в октябре 1925 г. – 22 % и осенью 1926 г. – 3 %. Причем в неурожайные годы суррогатный хлеб пекли не только весной и летом, когда уже заканчивались запасы зерна, но и осенью. По возможности крестьянки добавляли к муке картофель, или картофельную кожуру. Распространенными добавками также были лебеда и другие травы. Но, женщинам при выпечке хлеба приходилось использовать жмых, мякину, лузгу, желуди, почки, кору деревьев, толченую солому [7, с. 716, 717]. В благоприятный период рацион питания был преимущественно растительным. Женщины пекли ржаной «кислый» хлеб, пшеницы практически не выращивали, ситный был редкостью. Выпечка была обширна: блины, «преснушки», «картофельники», пироги с кашей, картофелем, капустой, морковью, яблоками и др. В повседневной жизни на столе было много овощей, в первую очередь картофель, а также соленья и квашения из капусты, огурцов, меньше из помидор и свеклы. Употребления молока в это время было незначительным. Масло, сметана, творог в основном шли на продажу. Вместе с мясом, яйцами они появлялись на крестьянском столе, только в праздничные дни. Распространенными напитками, которые готовили крестьянки были солодовый и хлебный квас, отвары и настои из овощей – тыквы, моркови, свеклы, и трав – мяты, зверобоя, душицы [8].

Обязанностью женщин было изготовление одежды для семьи. Отсутствие средств на покупку тканей и готовых изделий приводило к увеличению производства одежды из холста и сукна собственного изготовления. Набор необходимых орудий имелся в каждой семье. Навыками производства владела каждая женщина. Этот процесс был длительным и трудоемким. Много сил женщины тратили и на содержание их в чистоте. Для стирки использовали корыта, лохани, низкие широкие ступы – бельё в них били деревянным пестом. Кипятили в больших корчагах. После полоскания белья в реке, воду из него выколачивали тяжелыми вальками. Гладили, используя рубель, т.к. утюги имелись далеко не в каждой семье. Покупка мыла в этот период времени была затруднена. Основными средствами, которые использовали крестьянки, были белая глина, которой натирали бельё и толкли в ступе, и щелок, изготавливаемый из печной золы [6].

Все обязанности, которые выполняли крестьянки в семейном разделении труда, требовали большого количества сил, выносливости и терпения. Высокая адаптивность женщин, способность подстраиваться под внешние обстоятельства, прагматизм в критической ситуации помогли справиться крестьянской семье с жизненными трудностями 1920-х годов.

Список литературы

1. *Росницкий Н.А.* Лицо деревни. М.-Л., 1926. 126 с.
2. ПГКМ. О. Ф. № 12960/4.
3. ГАПО. Ф. Р. 2835. Оп. 1. Д. 12.
4. ПГКМ. О.Ф. № 12960/1.
5. ПГКМ. Н.А. № 88.
6. *Лебедева Л.В.* Жизненные трудности крестьянки 1920-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009.
7. Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920–1926 гг. Пенза: ЦСУ, 1927. 914 с.
8. *Лебедева Л.В.* Питание в повседневной жизни крестьян российской глубинки периода нэпа // В мире научных открытий. Красноярск: НИЦ, 2011. № 7. 2. (19)

А.М. Старкова

П.А. Васильев

Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Деятельность М.И. Покровской в 1920-е годы: работа санитарного инспектора по обследованию бытовых условий жизни рабочих в раннесоветский период

Данное исследование фокусируется на личности Марии Ивановны Покровской, российской феминистки и женщины-врача конца XIX – начала XX в. Покровская была создательницей и председателем Женской прогрессивной партии, издательницей журнала «Женский вестник» (1904–1917 гг.) и врачом-гигиенистом. После революции 1917 г. она осталась в Петрограде

де и работала санитарным инспектором по обследованию бытовых условий жизни рабочих, а также создала Женское санитарное общество. В существующей историографии Покровская характеризуется как наиболее радикальная и «воинственная» феминистка того периода [11], чьи идеи опережали свое время.

На данном этапе исследования мы концентрируемся на деятельности Покровской после Октябрьской революции 1917 г. Дореволюционная деятельность Покровской изучена весьма полно – исследовательницами и исследователями подробно рассматривается ее политическая и профессиональная деятельность [1, 2, 3, 4, 12, 13]. Однако после 1917 г. Покровская практически исчезает и перестает встречаться в историографии. Личность Покровской, как и личности других феминисток, подвергается забвению и маргинализации вследствие смены власти в 1917 г. и коренных изменений политического строя. Действительно, в раннесоветский период Покровская перестает заниматься феминистским активизмом, и больше не выступает в публичной сфере. Ее деятельность претерпевает существенные изменения, но не заканчивается. Покровская встраивается в новую советскую систему и продолжает свою деятельность, однако она практически не изучена и разделяется с деятельностью героини до революции. В целом это общая тенденция в историографии, посвященной женскому движению в России – деятельность активисток феминистского направления не рассматривается после получения женщинами избирательных прав в 1917 г., однако это не значит, что она заканчивается. В нашем исследовании мы стараемся доказать, что деятельность Покровской после революции является продолжением ее деятельности в позднимперский период.

Для изучения деятельности героини в указанный период мы обращаемся к источникам, свидетельствующим о ее работе санитарным инспектором Нарвско-Петергофского района Петрограда. В качестве основного источника выступают месячные и годовые отчеты за 1921–1922 гг., подготовленные во время проведения инспекций на предприятиях и сохранившиеся в недостаточно изученном личном фонде Покровской в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) [15]. По этим источникам мы стараемся проследить, как Покровская вела свою деятельность, какие предприя-

тия посещала, что на них делала и какие плоды давала ее работа. Обращаясь к содержанию источников, в отчетах Покровская пишет о том, какие предприятия она посетила за каждый месяц, подробно описывает все цеха на предприятиях (состояние воздуха, температуру, освещенность и т. д.), количество и состав рабочих, места для отдыха и общежития (если они находятся непосредственно при заводах), а также сверяется с условиями труда по законодательству. На основании отчетов можно выделить несколько предприятий, которые Покровская инспектирует особенно часто. Это Тентелевский химический завод, завод «Электрическая энергия», завод №2 «Уткина заводь». У всех трех заводов есть фонды, представленные в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) [14]. В фондах находится большое количество бухгалтерских отчетов, различных списков и нормативных актов, а также некоторые переписки – эти источники также используются в исследовании.

Покровскую принято обособлять от других либеральных феминисток за ее радикализм. Действительно, Покровская акцентировала внимание на многих неудобных темах (например, проституция, гендерное насилие, сексуальное образование), крайне категорично высказывалась относительно мужчин и не пыталась сотрудничать с ними, а также занимала пацифистскую позицию и выступала против любого насилия. Во многом на взгляды Покровской повлияла ее профессиональная деятельность – именно работая врачом, она заинтересовалась проблемой проституции, проблемами условий жизни и труда рабочих, а также вопросами сексуального образования [5, 6, 7, 8, 9, 10]. Через эти проблемные точки она пришла к феминизму и активизму, и эти темы всегда прослеживались в ее деятельности: как вовремя наиболее активного периода политической деятельности, так и в новых реалиях после 1917 г.

В целом после 1917 г. Покровская достаточно успешно встраивается в новый дискурс в последних опубликованных статьях «Женского вестника». Помимо этого, она продолжает помогать женщинам, занимая должность в ведомстве новой советской системе. Ее деятельность кардинально меняется, однако в рамках работы санитарным инспектором, она продолжает заниматься проблемами женщин и рабочих, что является продол-

жением ее дореволюционного активизма, который адаптировался под новые реалии раннесоветского периода.

Список литературы

1. *Strobel A.* Mar'ja Ivanovna Pokrovskaja: Ärztin, Hygienikerin, Feministin (1852–1922). Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2010.
2. *Крадецкая С.В.* Гражданская идентичность феминисток в России в начале XX в: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012; *Крадецкая С.В.* «Женский вестник» (1904–1917). Опыт издания феминистского журнала в России // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 1. С. 72–81.
3. *Edmondson L.* *Feminism in Russia, 1900–1917.* Stanford: Stanford University Press, 1984.
4. *Chekhova M., Gurevich L., Pokrovskaja M., Tyrkova A.* *An Improper Profession: Women, Gender, and Journalism in Late Imperial Russia* // ed. Barbara T. Norton and Jehanne M. Gheith. Durham, NC: Duke University Press, 2001.
5. *Покровская М.И.* Жилые подвалы: Доклад III Отделению Р. Общества охр. нар. здоровья 26 января 1899 года. СПб., 1899.
6. *Покровская М.И.* Как вести бедное хозяйство, чтобы сохранять здоровье: Применение гигиены к жизни бедных людей. СПб., 1900.
7. *Покровская М.И.* Борьба с проституцией. СПб., 1900.
8. *Покровская М.И.* Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа. СПб., 1902.
9. *Покровская М.И.* По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга: (Очерки). СПб., 1903.
10. *Покровская М.И.* О половом воспитании и самовоспитании. СПб., 1913.
11. *Ruthchild R.* *Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010.
12. Ruthchild, *Equality and Revolution*; Eadem, “Writing for their Rights. Four Feminist Journalists: Mariia Chekhova, Liubov' Gurevich, Mariia Pokrovskaja, and Ariadna Tyrkova,” in *An Improper Profession: Women, Gender, and Journalism in Late Imperial Russia*, ed. Barbara T. Norton and Jehanne M. Gheith (Durham, NC: Duke University Press, 2001).

13. *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton: Princeton University Press, 1978.
14. ЦГА СПб. Ф. 1218, 1297, 4654.
15. ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 17, 18.
16. *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

Т.И. Трошина
*Архангельск, Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова*

Женский труд на лесопромышленных концессионных предприятиях в 1920-е годы

При проведении исследования «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России» был проанализирован большой пласт различных источников, которые, кроме прочего, поставили вопрос о статусе и должностных обязанностях женщин, нередко жен или родственниц сотрудников концессионных предприятий, чьи имена встречались в финансовых документах этих предприятиях, в переписке по различным миграционным вопросам (выдача виз, регистрация по месту пребывания в Советской России и т.п.), но не являвшихся официальными служащими.

До революции представители иностранных фирм (в Архангельской губернии это в основном были лесопромышленные предприятия) с семьями сюда обычно не приезжали. Для самих предпринимателей такие поездки обычно были короткими командировками. Наемные служащие из иностранцев были достаточно молодыми людьми, не обремененными своей семьей; поездка в Северную Россию для них была привлекательна возможностью получить опыт самостоятельной работы на достаточно крупном предприятии. Судя по немногим биографическим сведениям [1; 2], случались сожителства с местными женщинами, обычно с прислугой. Не редкими были и браки с девушками из семей компаньонов, имевших российское гражд-

данство (подчеркнем факт именно гражданства, поскольку как правило роднились с протестантскими семьями – так называемыми «архангельскими немцами», немногочисленная, но устойчивая колония которых проживала в Архангельске).

Пытаясь найти причину приезда иностранных служащих в Советскую Россию именно с семьями (кроме объяснения сложности с получениями визы, что заставляло оформлять достаточно длительные командировки), можно предположить и то, что для многих женщин это было возможностью навестить русскую родню, а может, попытаться вывезти близких за границу.

Такие женщины приезжали в Россию как члены семьи, выполняя при этом определенные обязанности (например, имея доверенность мужа на оформление сделок, на получение жалования и других выплат в его отсутствие). Видимо, подобные неформальные обязанности каким-то образом оплачивались; например, выплатой служащему денег «на покупку шубы» жене [3 лл. 221–239].

Эрна Вагер (урожденная Шергольд, представительница многочисленного семейства, проживавшего в Архангельске и принявшего русское подданство) в 1918 г. вышла замуж за шведа О. Вагера, который работал на местном лесопромышленном предприятии, принадлежавшем иностранным собственникам. После национализации завода молодая семья уехала в Швецию. В 1922 г. О. Вагер получил должность директора-распорядителя в акционерном обществе «Русголландлес», которому были предоставлены в концессию лесопильный завод и крупные лесные участки для заготовки сырья. Вместе с мужем вернулась в Архангельск и Эрна. По ее позднейшим (1984 г.) воспоминаниям, мужу «часто приходилось ездить по делам в Москву. На мне же лежали консульские обязанности: по возможности помогала шведским морякам вести переписку со шведским посольством в Ленинграде...» [2].

Сравнивая веселый, благополучный дореволюционный Архангельск с тем, каким он стал в 1920-е годы (семья Вагер находилась здесь с 1922 до 1929 г.), Эрна акцентирует внимание на опасениях своих старых знакомых и даже родственников общаться с ней, как «иностранкой». Скорее всего, контакты продолжались, но Эрна старалась о них не упоминать. Судя по всему, вернувшиеся в Архангельскую губернию, на свои прежние

предприятия, иностранные концессионеры и их «русские жены» стремились восстановить прежние связи, прежнюю жизнь. Устраиваются скромные, но все-таки праздники, оказывается протекция старым знакомым, которые в свое время не смогли эмигрировать и теперь, как «бывшие», находились в сложном положении (когда после окончания «концессионного периода» начались «чистки» лесопромышленного аппарата, указывалось, что тот или иной «спец» был устроен «по знакомству» или «как дальний родственник» бывшей администрации).

Финансовая деятельность концессионеров находилась под пристальным вниманием советских, хозяйственных и партийных органов. Различного рода «нецелевые расходы», как, например, «благотворительная помощь», предоставленная коллективу верующих в небольшом поморском городе Онега концессионным предприятием «Руснорвеголес», сразу же становились известны. Поскольку такого характера связи с местной общественностью прежде были делом женщин, жен крупных предпринимателей, можно предположить, что и здесь нуждающиеся вышли на концессионеров через их «русских жен».

Судя по источникам (а именно, отчетам о передвижении иностранцев), было определенное число женщин – подданных Швеции, Норвегии, других стран, которые приезжали в командировку с не вполне понятными целями. Их иностранные имена ничего не говорят об их биографии; это могли быть русские, вышедшие замуж за иностранцев; могли быть бывшие подданные Империи, ставшие после ее распада гражданами других стран (балтийских, Польши и т.п.). Вряд ли у них была возможность и желание поехать в Советскую Россию без знания русского языка. Отсутствие в архивных документах конкретных упоминаний об их деятельности наталкивает на мысль, что это могли быть «фиктивные» командировки, и женщины ехали с целью, например, разыскать родственников (своих или чужих) – восстановленные родственные связи позволяли быстрее решать вопросы с эмиграцией. Иногда таким образом родственники из-за границы оказывали помощь оставшимся в Советской России. Существовавшие официальные запреты на подобные контакты опровергаются достаточно активной перепиской и обменом посылками между родственниками, оказавшимися по разные стороны ставшей совершенно непрозрачной границы.

Ехали, возможно, и с другими заданиями, которые хорошо оплачивались: найти оставленное во время поспешной эвакуации ценное имущество, припрятанное в укромном месте или у надежных людей. Через портовый город, тем более Архангельск или Онегу, через которые на европейские рынки экспортировалось огромное количество древесины, можно было тайно вывезти ценности. На «контрабанде» часто попадались русские капитаны пароходов и парусников; к иностранным морякам таможенники относились терпимее.

Многие из таких женщин, получив визу в СССР как сотрудницы концессионного предприятия, находились в Архангельской губернии непродолжительное время, а затем «убывали» вглубь страны, что так же ставит вопросы о реальной причине их стремлении попасть в СССР.

Наркомат иностранных дел с определенным подозрением относился к просьбам о выдаче виз; через специальное «экономическое управление» НКВД тщательно выяснялись возможные «нежелательные» интересы и связи заявителя в Советской России [4, л. 70]. Женщинам, возможно, делалось некоторое послабление, хотя наличие «русской жены» у потенциального концессионера нередко было «отягчающим обстоятельством» и могло послужить причиной отказа ему в концессии.

Известное наличие неформальных связей между советскими гражданами и белой эмиграцией (что видно по осведомленности последней о ситуации в стране, в самых отдаленных ее уголках) требует дополнительного выяснения путей их осуществления. Учитывая политическую ситуацию того времени, источники личного происхождения (письма, воспоминания) не содержат исчерпывающей информации об участии в поддержании этих контактов женщин, имеющих отношение к иностранным концессиям и поэтому легально въезжающих в страну и выезжающих из нее с большим количеством багажа. Но тщательный анализ доступных источников и правильно сформулированный исследовательский запрос могут приблизить к лучшему пониманию происходившего.

*Тезисы доклада, подготовленного в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ (проект № 22-18-20061)

Список литературы

1. *Абрахамсен Э.* Из Серёгова в Онегу: воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / [пер. с норв.]. Архангельск: САФУ, 2016. 212 с.
2. *Божко Е.* Шестая верста (Письмо Эрны Вагер Роберту фон Бергу; 1984 г.) URL: <https://proza.ru/2016/06/13/383>
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 554. Оп. 1. Д. 194. Л. 221–239.
4. Государственный архив РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 377. Л. 70 и др.

М.Г. Шендерюк

Калининград, независимый исследователь

Великая княгиня Мария Павловна во французском модельном бизнесе 1920-х годов

Наплыв в Европу в 1920-е годы эмигрантов из России, многие из которых являлись титулованными особами, вызвал в европейском, особенно – во французском, обществе живой интерес ко всему русскому. Появляется небывалый спрос на подушки, салфетки, абажуры, бижутерию, расписные шали, сумки, куклы и другую кустарную продукцию в стиле «а la russe», изготавливаемую русскими белошвейками, вязальщицами, вышивальщицами. Обученные в юности традиционному рукоделию, русские барышни оказались способны в зарубежье прокормить себя и свою семью. В эмиграции русская женщина приобрела не свойственную ей ранее роль главной добытчицы. Когда мужчины в семье не могли или не хотели найти себе работу, женщина брала на свои плечи все тяготы изгнания. К числу таких женщин, оказавшихся волею судеб на чужбине, принадлежит великая княгиня Мария Павловна Романова.

Великая княгиня Мария Павловна (1890–1958) – внучка императора Александра II, дочь великого князя Павла Александровича, кузина императора Николая II, родная сестра убийцы Распутина, великого князя Дмитрия Павловича, – одна из самых ярких представительниц русской аристократии, преуспевшей во французском модельном бизнесе, «selfmade woman», как называли бы ее сегодня. Перебравшись из Европы за океан, Мария Павловна написала

увлекательные воспоминания, вышедшие в Нью-Йорке в 1931 г., которые спустя 70 лет были переведены и изданы в России [1].

Мемуарам Марии Павловны, относящимся к жанру женской автобиографии, присущи все характерные черты женского эго-нарратива – самокомплиментарность, концентрация внимания на деталях повседневного быта, эмоциональная насыщенность. Мемуаристка описывает пройденный путь своей жизни на фоне драматических событий эпохи, подробно отражая вехи биографии, начиная с самого раннего детства и заканчивая отъездом в Америку.

В Париже Мария Павловна активно берется за благотворительную помощь русским беженцам. Она «часами сидела в комитетах, ходила по организациям, готовила благотворительные спектакли, продавала билеты, доставала деньги» [1, с. 97]. Весной 1921 г. ею была организована и успешно проведена благотворительная распродажа поделок русских эмигрантов, положившая начало новому кустарному производству – созданию кукол в национальных костюмах. Но для деятельной княгини этого было недостаточно, она все время думала о какой-нибудь выгодной работе, но ничего подходящего не находилось. И вот осенью 1921 г. Мария Павловна знакомится с Габриель Шанель.

Мемуаристка умалчивает об обстоятельствах встречи с преуспевающей модисткой, но, вероятнее всего, к этому знакомству был причастен ее брат, Дмитрий Павлович, с которым у Шанель в это время развивался бурный роман. Следует заметить, что все, что касается репутации ее любимого брата, Мария Павловна тщательно оберегает. Так, холодно и почти неприязненно она отзывается о бывшем близком друге Дмитрия, принимавшем вместе с ним участие в убийстве Распутина, князе Феликсе Юсупове [1, с. 92]. Несмотря на несущественную разницу в возрасте, Мария Павловна испытывала к младшему брату скорее материнские, нежели сестринские чувства, всячески его защищала и опекала. Именно благодаря ее стараниям Дмитрий обрел (правда, ненадолго) семейное счастье. Однако Феликс Юсупов дает Дмитрию далеко не лестную характеристику: «Он прожил жизнь, а я бессилён был помочь ему. Есть люди, замкнувшись в самих себе и непроницаемые ни для любви, ни для дружбы. Дмитрий – из таких» [2, с. 333].

Восхищаясь незаурядной личностью и кипучей энергией мадемуазель Шанель, Мария Павловна стала часто бывать у нее в

мастерской, надеясь получить полезные советы относительно возможной работы, и однажды ей удалось «перехватить заказ» у некоей мадам Батай, поставлявшей для Шанель вышивки, предложив вышить блузку на 150 франков дешевле. Окрыленная перспективой заняться интересным и прибыльным делом, княгиня с воодушевлением берется за работу. Еще в Лондоне, хорошо умеющая шить, вязать и вышивать, Мария Павловна, полагая, что именно она должна взять на себя заботы о материальном благополучии семьи, поскольку мужу и Дмитрию, как людям военным, труднее найти заработок, вязала свитера на заказ и обшивала себя и своих мужчин. Теперь ей предстояло освоить новую для нее технику машинной вышивки. Свой дом вышивки Мария Павловна называет «Китмир» – по имени сказочной собаки из исламской мифологии (Китмиром звали одного из любимых пекинесов бездетной четы бывшего российского посла в Вашингтоне Бахметьева и его жены-американки).

Подготовленные «Китмиром» вышивки для нескольких блузок, сарафанов и жакетов имели огромный успех на показе моделей нового сезона 1922 г. в студии Шанель, клиентов привлекли оригинальность узоров и новизна исполнения, и на предприятие посыпались заказы. Хозяйка «Китмира» и ее помощницы трудились с утра до позднего вечера. Увеличение объема заказов в следующем сезоне привело к необходимости расширения производства. «Китмир» переезжает в новый трехэтажный особняк, на предприятии теперь работает свыше пятидесяти человек, появляется штат модельеров и технологов, расширяется ассортимент. Однако дом вышивки по-прежнему всецело зависел от дома «Шанель» – «Китмиру» запрещалось сотрудничать с другими модельными домами, копировать и продавать готовые изделия. У Марии Павловны возникают амбициозные планы вырваться из-под опеки Шанель. Она делится с модисткой своими соображениями о расширении сферы деятельности, но это становится началом гибели ее детища. Шанель начинает работать с другими вышивальщицами, отстранив княгиню от лучших портних-заказчиц, и не допускает больше ее в свою студию. Разрыв становится неизбежен.

Получив самостоятельность, «Китмир» первое время работает вполне успешно, приобретает новых крупных заказчиков, изготавливает вышивки на любой вкус, еще больше расширяет

производство, но, одновременно, и теряет свой собственный стиль, свою «особинку». Пиком признания для Марии Павловны становится получение золотой медали и почетного диплома на открывшейся в 1925 г. в Париже Всемирной выставке декоративного искусства и промышленности, приготовления к участию в которой заняли несколько месяцев. Мемуаристка с гордостью подчеркивает, что организаторы выставки ничего не знали о том, кто является настоящей хозяйкой дома вышивки, и документы были выписаны на имя «Господина Китмира» [1, с. 107].

Несмотря на кажущийся успех, дела «Китмира» идут все хуже. Мария Павловна признается, что ничего не понимала в бизнесе, «была единственный дилетант в вышивальном деле» и вынуждена была полагаться на других. Заказчики выставляли надуманные претензии с целью сбить цену, и им это всегда удавалось, оптовые торговцы, наоборот, продавали свои товары по самой высокой цене. Кроме того, к концу 1920-х годов проходит мода на вышивки и все русское. Говоря современным языком, самостоятельный бизнес Марии Павловны был обречен из-за неэффективного менеджмента и неквалифицированного маркетинга.

После заката «Китмира» Мария Павловна пыталась попробовать себя в парфюмерном деле, но из этого ничего не вышло. Тогда она приступает к написанию своих мемуаров, которые закончит уже в Америке.

Список литературы

1. Мария Павловна. Мемуары. М.: Захаров, 2004.
2. Юсупов Феликс. Мемуары : В 2 кн. : До изгнания. 1887–1919. : В изгнании / Князь Феликс Юсупов. М.: Захаров, 2002.

М.С. Короткова

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

Социальный статус и трудовые подвиги советских студенток (1917–1930-е годы)

Одним из наиболее интересных периодов в истории отечественной Высшей школы являются первые 10–12 лет Советской власти, когда вузы страны оказались в сложном положении, на

переломном рубеже между двумя эпохами. Это был опыт физиологического и духовного выживания в сложных жизненных условиях и фактической аномии.

В целом студенчество поддержало февральскую революцию, поддержало возможность учиться, получить образование. Ведь раньше (до 1917 г.) они были лишены этого: в дореволюционной России высшее образование было доступно только 10% всей учащейся молодежи, причем это были преимущественно юноши. Выпускники начальной школы практически не могли продолжить образование в средней школе. Эталоном мужского среднего образования, открывавшим доступ во все вузы без экзаменов, был аттестат зрелости классической гимназии. «Классиков» ожидали престижные университеты. На второй ступени этой иерархии находились выпускники реальных и коммерческих училищ («реалисты»), получавшие доступ в технические и коммерческие вузы. Ниже всех по социальному статусу находились абитуриенты из числа семинаристов. А что же девушки? Верные и безропотные помощницы матерей, вынуждены помогать в поле, ухаживать за скотом, воспитывать младших братьев и сестер, не имели объективной возможности попасть в среднюю школу, довольствуясь несколькими классами церковно-приходской школы.

Согласно Декрету о правилах приема в высшие учебные заведения от 2 августа 1918 г. декларировался открытый равный доступ в высшую школу для всех желающих, достигших 16-летнего возраста, как юношей, так и девушек. В вузы хлынули в буквальном смысле неграмотные люди.

Для девушек из рабоче-крестьянской среды сама возможность получения высшего образования открывала новые перспективы, ранее не предполагаемые. Переезд в город, обучение в вузе, получение профессии и рабочего места – все это стало возможным с приходом к власти большевиков и за эту возможность цеплялись, старались не упустить.

Студентки из пролетарской среды видели в вузе плацдарм для взятия новых, внезапно открывшихся перед ними жизненных высот. Девушкам из деревни приходилось тяжелее других, однако крестьянский практицизм конституировал главную жизненную цель: через получение образования «выйти в люди», осесть в городе, сменить профессию, повысить социальный статус. Образно говоря, это была долгожданная полная «смена кожи».

В дневнике эмоциональной провинциалки, впервые увидевшей Москву, отразилось восприятие жизненного стиля крупного города: *«Передо мной открывалась жизнь, жизнь в динамике: несутся гремящие трамваи, гудящие автомобили, бегут, спешат люди с деловыми лицами и еще более деловыми портфелями, блестят, переливаются витрины универмагов, воеет радио, и мне захотелось бежать, спешить, кричать, быть вместе с жизнью шумного города».*

Основным каналом комплектования высшей школы являлись рабочие факультеты (рабфаки), вступительные испытания на которые поначалу и вовсе отсутствовали. Главным условием было «правильное» социальное происхождение и наличие путевки.

Путевка на рабфак для многих девушек того времени это был единственный шанс избавиться от повседневных крестьянских забот. Подобным образом сложилась судьба батрачки Дины Головки из кубанской станицы Эриванской. Став членом комсомола, она пришла с просьбой отправить ее на учебу в рабфак: *«Я хочу вчиться, я дуже умарыласы батрачыть, да ще биз гроший, за уголок та кусок хлеба».* Получив путевку на рабфак, в числе нескольких претендентов она поехала в Краснодар. Будучи по грамотности самой отсталой из группы (только 3 класса церковно-приходской школы), она, в отличие от более подготовленных земляков, была зачислена на учебу, поскольку являлась батрачкой и сиротой. Ей пришлось выдержать в процессе учебы много страданий и унижений, откровенных насмешек со стороны преподавателей старой закалки. Окончив в 1930 г. рабфак и поступив в Краснодарский институт спецтехкультур, по окончании которого была командирована в московский НИИ лекарственных растений. После войны она защитила кандидатскую диссертацию, за свои научные достижения была награждена тремя орденами СССР и несколькими медалями. Это типичный пример не только стремительной служебной карьеры, но и моментальной трансформации человека, его превращения при помощи рабфака и вуза из крестьянина в некрестьянина.

Что еще позволяло пролетарским девушкам беспрепятственно поступить в вуз и продержаться до выпуска? Активная общественно-политическая деятельность. Массово записываясь в ряды «выдвиженцев», комсомола, девушки увеличивали свои шансы оставить тяжелый физический труд на селе, работу по при-

смотру и уходом за младшими детьми в расширенной крестьянской семье и сесть за студенческую скамью.

К слову сказать, получив различными способами доступ к образованию, и рабоче-крестьянское и непролетарское студенчество, еще до революции занималось вдвое меньше заграничного, а после 1917 г. качество учебы снизилось еще заметнее. И это можно объяснить – последствия войн, разруха, голод, невысокое качество образования в средней школе, классово-партийный подход к набору студенчества.

Одной из главных субъективных причин слабой успеваемости являлся формальный подход к учебе, традиционно присущий большинству российских студентов и во многом производный от бюрократизма самой системы образования. Однако для руководства партии в 1920-е годы идейная преданность выпускников вузов советской власти была важнее их профессионального уровня.

Если в учебе по ряду объективных и субъективных причин проявить себя не представлялось возможным, то в деле социалистического строительства, возложенного на молодежь, результаты превосходили все ожидания. На фабриках и заводах появились первые ударные бригады ДИП (догнать и перегнать капиталистические страны). Комсомольцы являлись застрельщиками превращения целых смен, фабрик, заводов в ударные производственные единицы. Девушки-ударницы работали на рудниках: ни одна из них не соглашалась работать на поверхности, все пошли в шахты.

Вдохновленные подвигами Алексея Стаханова началась борьба за мощный подъем производительности труда. В 1935 г. ткачиха Орехо-Зуевской фабрики Лиза Булкина под лозунгом «Нельзя мне от них отставать», стала перевыполнять норму, перейдя на 150 веретен!

Движение многостаночников – вот, что было характерно для первых пятилеток. И комсомол, как всегда, был впереди, выступая застрельщиком в этом большом и новом деле. Комсомолка прядильной Большевской фабрики Нина Соловьева работала сразу на четырех станках. К концу смены выполнила задание на 105%, на следующий на все 114 и дело пошло. Ее коллега, многостаночница Софья Ивлева, добилась выполнения заданий на 239%. Комсомолка Лапшина начала обслуживать одновременно 12 станков вместо двух, совместила 2 профессии и выполнила норму на 160%!

Во время объявленной коллективизации девушки самых разных профессий пошли работать на трактор, вдохновленные рассказами известной трактористки Паши Ангиной. Уверенно вели трактора по колхозным полям счетовод Краснова, учитель Кукалева, пионервожатая Королева. Вся эта работа имела огромное значение и сказалась в годы Великой Отечественной войны, когда десятки девушек-трактористок заменили своих отцов и братьев, ушедших на фронт и героически трудились на полях во имя победы советского народа.

Победа социализма в одной взятой стране, как и предвидела партия, привела к появлению нового человека – активного и сознательного строителя коммунизма. Именно таких людей выковыряли из комсомольцев. Самый молодой председатель колхоза – Маруся Багдаш. Ей всего 18 лет!

Поддержав совесткую власть, девушки из рабоче-крестьянской среды впервые получили доступ к высшему образованию. Конечно, это был период экспериментов в сфере образования (дальтон-план и бригадный метод), канал комплектования высшей школы не предполагал проверку знаний, а преимущество отдавалось командированным и (выдвиженцам), неуспевающим в учебе, но все же это был лифт, позволяющий полностью сменить образ жизни и социальное окружение. Чуть позже рабочую социалистическую молодежь назовут интеллигенцией. Усердные в труде, в полях, на заводах и фабриках, девушки старались всеми силами оправдать доверие партии и сохранить свой статус студентки, открывающий перспективы к профессиональной, партийной лестнице, авторитету и признанию советского общества.

Список литературы

1. *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. М., 1946. С. 70
2. *Панков Н.П.* Советский человек: воспитание новой молодежи. 1920–30-е годы. М., 2019. 200 с. С. 42.
3. *Платова Е.Э.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. Спб., 2001, 229 с.
4. *Федотов Г. П.* Новая Россия // Судьба и грехи России. 1930 Т. 1. С. 209.

Феномен женского предпринимательства в России в XIX–XXI вв.

Тема профессиональной самореализации женщин в контексте их экономической деятельности приобрела новую актуальность в последние десятилетия, особенно в свете глобальных социокультурных перемен. В России, как и во многих других странах, эволюция женского труда и предпринимательства с XIX в. до наших дней отражает глубокие социальные, экономические и культурные изменения. Попытаемся проанализировать трансформацию женской профессиональной деятельности, акцентируя внимание на феномене так называемой «невидимой экономики», женском предпринимательстве и шире – на особенностях профессиональной самореализации женщин в изменяющемся социокультурном контексте.

Рассмотрим этот период с XIX по XXI в., включая анализ исторически сложившихся стереотипов и барьеров, проблем женской занятости и предпринимательства, а также пути и перспективы их разрешения и развития в современной России. Рассмотрение этих аспектов позволит лучше понять динамику и специфику профессиональной самореализации женщин в российском обществе на протяжении последних двух столетий.

В XIX в. роль женщин в российском обществе была в значительной степени ограничена традиционными представлениями о гендерных ролях, что существенно влияло на их профессиональные возможности и самореализацию. В этот период женщины преимущественно занимались домашним хозяйством или трудились в сельском хозяйстве, образование и участие в коммерческой деятельности были для них скорее исключением, чем правилом [5, с. 199–210].

На рубеже XX в., в эпоху индустриализации и социальных реформ, начинает меняться роль женщин в экономике. Революция 1917 г. и последующие события радикально трансформировали общественно-политическую жизнь России, что также сказалось на положении женщин. В советский период женщины

получили шире доступ к образованию и профессиональной деятельности, хотя их труд часто оставался недооцененным и невидимым в контексте официальной экономики [3, с. 215–218].

В постсоветский период происходит дальнейшее развитие женского предпринимательства и трудовой активности, но вместе с новыми возможностями появляются и новые вызовы, включая гендерные стереотипы, неравенство в оплате труда и совмещение профессиональной деятельности с семейными обязанностями [2, с. 174–178].

«Невидимая экономика» относится к неучтенной в официальной статистике экономической деятельности, в которой женщины традиционно играют значительную роль. Включает домашний труд, уход за детьми и пожилыми, волонтерскую работу и неформальную занятость.

В традиционном обществе женский труд часто оставался невидимым и недооцененным, при этом женщины выполняли большую часть работы по уходу за семьей и домом, не получая за это материального вознаграждения [1, с. 200–202]. С изменением социально-экономических условий происходит трансформация женского труда: увеличивается доля женщин, занятых в формальной экономике, растет их профессиональное и образовательное уровень. Однако проблема «невидимого» труда остается актуальной и в современном обществе [4, с. 17–19].

Развитие женского предпринимательства в России можно проследить, начиная с XIX в., когда женщины начали активнее включаться в коммерческую деятельность. Этот процесс усилился в XX и XXI в., когда женщины стали играть все более заметную роль в бизнесе.

Женское предпринимательство характеризуется рядом особенностей, включая ориентацию на малый и средний бизнес, социальную значимость проектов и инновационный подход. Одновременно женщины-предприниматели сталкиваются с рядом вызовов, включая дискриминацию, сложности в получении финансирования и балансировании между работой и личной жизнью.

В современной России женское предпринимательство продолжает развиваться, внося значительный вклад в экономику страны. Однако для дальнейшего его стимулирования необходимы целенаправленные меры поддержки со стороны государства и общества [1, с. 200–202].

Среди основных проблем женского труда в России – гендерный разрыв в заработной плате, стеклянный потолок, недостаточная представленность женщин в высших эшелонах власти и бизнесе, а также необходимость совмещения профессиональной деятельности с обязанностями по уходу за семьей.

Перспективы развития женского труда и предпринимательства в России связаны с улучшением законодательной базы, расширением образовательных и профессиональных возможностей для женщин, а также с созданием благоприятных условий для совмещения работы и личной жизни.

Таким образом, профессиональная самореализация женщин в России претерпела значительные изменения с XIX в. по настоящее время, отражая общие тенденции социокультурного развития общества. Несмотря на значительные достижения в области женского труда и предпринимательства, остаются серьезные вызовы, требующие внимания и решения. Поддержка женского труда и предпринимательства, признание их вклада в экономику и общество являются ключевыми факторами дальнейшего социального и экономического развития России.

Список литературы

1. *Богатырева Л.Г.* Особенности жизни современной женщины // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме. сборник научных статей / под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2017.

2. *Галлямов Р.Р., Брусенцова Л.С.* Феномен женского предпринимательства: теоретический анализ // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность в современных условиях: теория и практика. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 2015.

3. *Горбунова А.В.* Феномен женского предпринимательства // Наука: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3 частях. Пермь, 2017.

4. *Семенова Ю.А.* Женское предпринимательство в современном российском обществе: особенности и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 2.

5. Ульянова Г.Н. Государство и женщины-предприниматели в Российской империи в XIX в. // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. М., 2013. С. 199–210.

Е.Ю. Волкова

Кострома, Костромской государственный университет

Динамика женского труда в экстремальных условиях Великой Отечественной войны

Масштаб Великой Отечественной войны потребовал огромных людских ресурсов как на фронте (было мобилизовано 34 млн человек), так и в тылу. В течение войны отношение к труду женщин менялось. В первые дни наблюдался патриотический подъем населения страны. Уже в июне 1941 г. патриотки увеличивали рабочий день на 2–3 часа, трудились в выходные дни и дополнительные смены. Весь 1941 г. в периодической печати помещались примеры, фотографии, цифры о приходе женщин на производство. В результате к октябрю они составили 45% всех рабочих страны, а к началу 1942 г. – уже 52% вместо 41% в 1940 г. [1]. Руководство же СССР применило жесткие методы, отлаженные в 1920–30-е годы: были отменены отпуска и выходные дни, введены сверхурочные работы, возобновлены трудовые мобилизации. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. мобилизации подвергались женщины от 16 до 45 лет, за уклонение от которой грозила уголовная ответственность. С сентября 1942 г. возраст пришлось увеличить до 50 лет. Согласно постановлениям СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля в сельскохозяйственных работах должны были участвовать женщины от 14 до 50 лет. За уклонение от работ грозило наказание: исправительно-трудовые работы и исключение из колхоза [4, 5].

Однако использование принудительных мер явилось недостаточным шагом воздействия на сознание женщин для добровольного желания самоотверженно работать, не считаясь с лишениями. Необходимо было учитывать и изменившуюся психологию женщины-труженицы, ее социальные, нравственные мотивы поведения, стремление не словом, а делом доказать свою истинную любовь к Родине. Одной из ярких страниц в трудовом подвиге женщин стало освоение ими тяжелых мужских профессий, чтобы

заменить ушедших на фронт мужчин. Процесс, начавшийся с середины 1920-х годов, был очень сложным. С одной стороны, женщины опасались этих профессий, т.к. работа была тяжелее и требовала длительной подготовки. С другой стороны, серьезную тормозящую роль играл «психологический» барьер – традиционное представление о месте и роли женщин в обществе. Против выступала значительная часть населения, особенно мужчины. Например, директор Константиновского завода заявлял, что «считает посылку женщин на заводы высшей мерой наказания» [9, 31 июня]. Директор Судостроительного завода в Архангельске говорил: «Я буду ставить вопрос об отмене нелепых директив, женщины нам не нужны» [9, 10 июля]. Но в условиях начавшейся войны процесс поднялся на новый количественный и качественный уровень. Патриотическое движение женщин развивалось под лозунгом «Жена – вместо мужа, сестра – на место брата». В 1943 г. только на шахтах угольных бассейнов страны они составляли 35,5% среди работавших [6]. В сельской местности из 2 млн подготовленных механизаторов женщины насчитывали 1,5 млн. В большей степени проблема освоения мужских профессий касалась представительниц коренных национальностей России. Даже экстремальные военные условия далеко не всегда ломали сложившиеся за века нравы, обычаи и традиции. В итоге, в 1942 г. только около 4 тыс. чеченок и ингушек из 229 тыс., или около 2%, смогли привлечь на работу [3]. К концу 1945 г. в промышленности Дагестана работало 17637 женщин, из них только 3500 горянок или около 20% [8]. Но несмотря на все трудности в целом по стране женщины сумели заменить мужчин на их рабочих местах. Более того, многие из них и на этих тяжелейших, непривычных для них должностях, становились передовиками производства.

Однако для победы над мощным врагом требовалось большее. На производство пришли вчерашние домохозяйки, матери семейств, девушки, подростки, старики. Как заставить их трудиться быстрее и качественнее, чем даже в мирное, сравнительно сытое время? Для достижения этой цели был использован проверенный в 1920–1930-е годы метод – развертывание Всесоюзного социалистического соревнования. Его инициаторы (общественные организации: партийные, профсоюзные, комсомольские и др.) опирались на высокие моральные качества людей: патриотизм, совесть, трудолюбие, жертвенность,

честь, рабочую гордость, а главное – на глубокую веру в победу, что твой труд приближает конец ужасной войне. В стране началась кампания по 100% охвату тружеников соревнованием. В итоге тысячи работниц включились в движение двухсотников, многостаночников, совмещения профессий, соревнование по профессиям. Широкое распространение получила новая форма Всесоюзного соревнования – фронтовые вахты работниц в честь 8 Марта. Девушки села активно участвовали в движении звеньев высокого урожая. Особенностью военных лет стало то, что именно женщины выступали инициаторами ряда починов. Например, фронтовая комсомольско-молодежная бригада 1-го Московского подшипникового завода во главе с Е.Г. Барышниковой основала новый вид соревнования, девизом которого стал «Меньшим числом рабочих – больше продукции». В ноябре 1943 г. Барышникова сумела так организовать работу, что ее бригада строгальщиц, увеличив выпуск оборонной продукции, одновременно сократила свой состав в два раза. Но самому инициатору это досталось дорогой ценой. Екатерина Григорьевна вспоминала: «Выйдешь на улицу после смены – голова кругом идет, хватаешься за что-нибудь, чтобы не упасть» [2].

В течение войны соревнование поднималось на новый качественный уровень. Например, если в 1941–1942 гг. в колхозах соревновались индивидуально между собой рядовые доярки, свиарки, полеводы, то с 1943 г. – уже полеводы – двухсотницы, доярки – двухтысячницы, двухсотницы – трепальщицы льноволокна и т.п. Если в 1941–1942 гг. качественно новые черты в производственном уровне работниц достигались в основном за счет количественного роста работниц, удлинения рабочего дня, то с 1943 г. больше внимания стали уделять совершенствованию трудовых навыков, повышению квалификации, овладению смежными профессиями и операциями.

Давая план на 200–500%, женщина зарабатывала лишний кусок хлеба, но теряла больше – здоровье, красоту, молодость. Но она сознательно шла на это, т.к. за ее спиной были дети, близкие на фронте, родные, а в конечном итоге – свобода и независимость Родины. Поэтому в годы войны на новый уровень поднялась их инициатива, творчество, участие во всех формах социалистического соревнования. И не только страна, а и мир увидели неповторимый образ российской женщины-патриотки.

Список литературы

1. *Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. М., 1984.
2. Исторический опыт и перестройка: человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. М., 1988.
3. *Каратаева Х.А.* Трудный путь к победе: женщины в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийно-государственных организаций Северного Кавказа). СПб., 1994.
4. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне: Д-ты и м-лы. М., 1970.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. Т. 7: 1938–1945.
6. *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.
7. Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981.
8. *Раджабова З.К.* Женщины Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 2001.
9. Труд. – 1931.

Т.К. Щеглова

Д.М. Ахметова

Семей, Казахстан, Alikhan Bokeikhan University

Женское наследие фабричных работниц Семипалатинска: история трудовых подвигов и овладения с бытовыми трудностями (1941–1945)

Историю, какой бы она ни была, нельзя ни очернять, ни подкрашивать. История должна оставаться историей со всеми ошибками, просчетами и достижениями. Статья подготовлена на основе архивных документов, причем многие факты озвучены впервые.

Осенью 1941 г. в Семипалатинск стали прибывать эвакуированные из западных областей страны предприятия. Наряду с перестройкой всего народного хозяйства на военный лад, трудящиеся Семипалатинской области решали трудную и ответственную задачу по приему и размещению промышленных предприятий, перебазированных из западных и ряда центральных районов нашей страны. Обратимся к документам, хранящимся в фондах КГУ

«Центр документации новейшей истории», рассказывающим о том трудном военном времени для всей страны. Из справки «О количестве предприятий и учреждений, эвакуированных в Семипалатинскую область» знаем, что на территории уже 1941 г. имелось 14 фабрик легкой промышленности, как, например, фабрика «Большевичка Украины» [1, с. 2].

Семипалатинская область приняла более трети эвакуированных в Казахстан предприятий легкой и текстильной промышленности. Перед коллективами прибывших предприятий стояла ответственная задача: восстановление оборудования, необходимость вести параллельно с приспособленной продукцией выпуск новой продукции – обмундирования для Красной Армии. С этой задачей они с честью справились [2, с. 242].

Как мы знаем по истории, прибывшая в ноябре 1941 г. швейная фабрика «Большевичка Украины» уже в феврале 1942 г. работала на полную мощность. Остановимся на этом предприятии более подробно. По решению Эваковета СССР швейная фабрика «Большевичка Украины» из Харькова была эвакуирована в Семипалатинск. Оборудование фабрики поступило сюда в ноябре 1941 г. В казахстанский город приехали около 60 квалифицированных рабочих и ИТР с семьями. Семипалатинский городской Совет выделил для размещения этой фабрики несколько производственных помещений облпотребсоюза, а рабочие и ИТР с семьями были размещены в общежитиях, клубах и частных квартирах. Задание правительства было жесткое: фабрика должна восстановиться в декабре.

С июля 1943 г. по июнь 1945 г., когда были учреждены переходящие Красные Знамена, этой фабрике 12 раз присуждалось Красное Знамя республиканского Наркомата легкой промышленности с выдачей установленной премии. После окончания войны Красное Знамя НКЛП Каз.ССР передано коллективу фабрики на вечное хранение. И на многих таких предприятиях работали женщины, девушки, несмотря на свой юный возраст [3, с. 97].

Основную часть персонала (в цеху открытого и закрытого помещения) составляли женщины (до 90% от числа работников). Численность инженерно-технических работников (ИТР) по составу обслуживания на фабрике «Большевичка Украины» – 132 человека; показатель мест службы – 60; МО – 41; количество пожарных, охранников – 8 человек. Показатель по общему количеству швей – 1097 человек (все – женщины). Теперь, по процентному показателю;

отдел пошива шелковых платьев 30 человек (2,8%); отдел шерстяной ткани 86 человек (7,8%); отдел хлопковых платьев 297 человек (27%), общая численность: 413 человек (37,6%). Льняное отделение – 389 человек (35,5%), отдел спецзаказа 256 человек – (33,3%), отдел изделий НПА 39 – 3%. Общее количество: 1097 человек – 100% рабочих были женщины [4, с. 1].

Фабричные женщины были очень аккуратны в работе с сырьем, в случае ошибки им делали выговор или вычитали стоимость товара из заработной платы. На фабрике приемщики (численность которых составляла 69 человек), осуществляющие слив сырья и контроль качества ткани, своевременно выполняли свою работу. По архивным данным по книге приказов можно увидеть, что руководитель данного отдела – 1 человек, руководитель смены – 1 человек, старший приемщик сырья (бракер) – 1 человек, специалист-экономист – 1 человек, приемщик готового товара – 52 человека, приемщик сырья – 5 человек, контролер в разрезе ткани – 7 человек. Имидж фабрики также заключается в высоких достижениях в производстве качественного товара. Это потому, что большинство рабочих были высококвалифицированными специалистами [5, с. 113].

Но из-за технических неисправностей и темпов снижения энергоисточника, частичный выброс дефектных товаров не был нормой, т.к. с ним работала специальная комиссия. В нем также утверждены собственные нормотворческие принципы. Например, из-за увеличения количества работ по переделке товара по цехам к работающим женщинам применялись административные меры, выговоры, групповые собрания, работы по восстановлению товара из собственных средств, увольнения и даже судебные разбирательства. Так, в приказной книге 1941 г. рабочие женщины Коволенка, Тегубенко, Диденко были переведены на две недели на один разряд ниже. Начальник агрегата товарищ Дубовский был уволен из-за отсутствия положительного руководства по пошиву качественной ночной рубашки «Фантазия» и переведен в разряд рядовых рабочих. Принимающие женщины Дрокина, Миндель были освобождены от занимаемой должности за ненадлежащее отношение к своей работе при приеме дефектного товара 1 сорта и переведены в число рабочих агрегата. Дело в том, что сшитые товары 1-го сорта перевозились в специальных деревянных ящиках, остальные товары 2, 3-го сорта

перевозились в тканевых мешках. При перевозке и доставке контроль над такими товарами был жестким [6, с. 114].

Фабрика шила буквально все, что требовалось нашим солдатам: от шинелей до нательного белья и чехлов для фляг. Более того, из отходов производства и упаковочной ткани предприимчивые женщины мастерили тапочки, носовые платки и даже детские сорочки.

По годовому отчету можно увидеть, как в 1940 г. в производство местной фабрики было введено 78 предложений (в том числе 50 предложения в легкой промышленности) – 25 из них были отклонены, а 3 предложения были отложены на 1941 г. [7, с. 115]. Это доказывает, что тогда местные фабрики тоже справлялись неплохо, но по прибытию эвакуированных фабрик качество и эффективность работ выросло более чем на 70%.

Также на фабрике работало специальное конструкторское бюро под руководством инженера Грачева, разбиравшее рационализаторские предложения. Так, механизм для автоматической подачи ткани, предложенный техником Исаенко, был внедрен с оформлением авторского свидетельства. Это изобретение было запущено в производство в качестве экспериментальной модели, продемонстрировало отличные результаты и принесло промышленности огромную экономию. Ряд женщин внесли свой вклад в повышение эффективности работы. Например, стахановка по имени Галит, изменившая способ обработки низа платья, стала обучать этому способу Кричевскую, Ткаченко, Шубинину, Барановских, которые использовали необычные методы в пошиве красивых платьев [8, с. 116]. Это доказывает, что женщины фабрики придумывали свои авторские методы для работы и обучению персонала внутри фабрики.

В начале 1940 г. число стахановцев составляло 690 человек (59%), а в 1941 г. – уже 801 человек (69,7%). В 1943 г. на фабрику поступило 39 рациональных предложений, из которых 23 предложения были внесены в производство, а 16 отклонены. Общая годовая эффективность принятых и введенных предложений составила 112800 руб. Авторам предложений было выплачено 3700 руб. Например, предложение женщины по имени Зискинд, швеи швейного цеха № 1, заключалось в изменении способа обработки мешочка-шаровар, что позволило сэкономить 2100 руб. За это автору было выплачено вознаграждение в размере 376 руб. [9, с. 17].

Мы рассматриваем достижения в общем производстве в основном как достижения стахановского движения в производстве. На конец года из 340 рабочих на фабрике было 322 человека, или 94,4% стахановцев, простых рабочих было 13 человек, или 3,8%.

Уже в 1942 г. в коллективе фабрики численность стахановцев составила 105 человек, все они были удостоены почетного звания гвардейцев тыла, а женщины-стахановцы, систематически выполняющие в общей смене объем работы, в два и более раз превышающих норму, проявили мастерство в выполнении своих производственных норм на 300 и более процентов. Женский труд на производстве не остался незамеченным. К примеру, стахановка коллектива №11 Погорелова, как профессионал своего дела и пример своей работы, показала отличные результаты. По расчету на конец года в исполнении нормы предусмотрено 350%, а на деле – 267% годовых. Она не только достойно выполнила порученную ей работу, но и имела достижения в административной работе. За лучшую стахановскую работу товарищ Погорелова была награждена премией легкой промышленности нарком Казахской ССР. А стахановка коллектива №11 Жолдасова отработала два сложных метода шитья, доведя годовую норму до 250%. Записано, что в последнее время норма была доведена до 300–350%. Профорг комсомольской организации №11 – товарищ Мартынева выполнила годовую норму в пошиве гимнастерки 224%. Швея закрытого цеха Казачкина выполнила годовую норму 210%, а Левина, Токарева – 208% нормы годовых. Стахановка коллектива №22 Вангай поднял годовую норму с 208% до 270-290%. Руководитель данного коллектива товарищ комсомолка Макарова приложила усилия, чтобы довести месячную норму до 114%. Таким образом, удалось довести этот показатель до 108,4%. Это большой труд. То есть, средний нормативный показатель коллектива составил 190%. А товарищ Сарбасова, которая в 1942 г. занимала должность помощника мастера коллектива №11, не только активно выполняла свою работу по методу стахановца, но и была представлена на руководящие должности. Таким образом, товарищ Сарбасова была награждена нагрудным знаком «Отличник социалистического соревнования легкой промышленности СССР» и дополнительно удостоена особой праздничной награды [10, с. 18].

Согласно отчету 1944 г., есть основания отмечать работу стахановского движения на фабрике, т.к. темпы работ показали

значительный рост. Этому способствовал весь комплекс мероприятий, проводимых в течение года на фабрике, и в первую очередь организовано систематическое погружение Стахановской практики в отсталые участки и ее обучение. В данной работе можно назвать 183 стахановца фабрики. Каждая женщина, потратившая на обучение 8–10 часов, поделилась своим опытом в повышении продуктивности производства.

Швея Сафарбекова в бригаде товарища Локтарева проявила медлительность в пошиве гимнастерки и выполнила норму на 110%, что на 12% тормозило работу бригады в выполнении плана. Приняв опыт стахановцев, товарищ Сафарбекова на 200% меняет способ шитья, что беспрепятственно ведет группы вперед. Швей бригады Золотого товарища Красильникова, Стерликова, Абдрахманова, которые продемонстрировали такой же показатель, также довели норму производства до 200%. Да, женщины, изучившие опыт стахановцев, достигли темпа работы от 60–70% до 100%. К примеру, стахановки Иманбаева и Райда. Таким образом, процентная динамика стахановцев и труженников тыла в 1944 г. характеризуется такими данными в зависимости от общей численности производственных рабочих.

Таблица 1

	Женщины-стахановки			Труженники тыла		
	1943	1944		1943	1944	
		рабочие женщины	Женщины - домохозяйки		рабочие женщины	Женщины - домохозяйки
Годовой показатель	86,8	97,7	95,1	20,1	45,9	30,1

Как видно из приведенной таблицы, процент стахановцев к концу года вырос на 10,8% по сравнению с 1943 г., при этом в 1943 г. показатель труженников тыла значительно вырос на 25,8%. Эти 3,5 – это люди, которые выполняют три или более норм, лучшие труженники тыла, выполнившие норму в повышении производительности труда более 300%: Онишенка – 333%, Коршикова – 310%, Красильникова – 310%, Бабичева – 353%, Кочеткова – 414%, Мартынева – 445%, Погорелова – 403%, Погрецкая – 335%, Резепова – 485% [11, с. 10].

Кроме того, комсомольско-молодежные бригады показали хорошие результаты работы. В 1944 г. каждый месяц товарищ

Макарова, член комсомольско-молодежной организации, занимала 1 и 2 места в сдаче норм производства по фабрике. Норма выполнения производства составила 270%. Таким образом, швейная фабрика «Большевичка Украина» в 1944 г. получила денежное вознаграждение от Союза легкой промышленности Нарком по отдельным показателям работы [12, с. 30].

Женщин-казашек, работающих на фабрике было очень мало. Так, в годовом отчете более 700 работников, из них более 500 женщин. Из них 18–34 были женщины-казашки. Это около 7–8%. По данным подготовки одного из кадров за 1944 г.:

Таблица 2

Период	Ко-во всех работников	Рабочие /факты	Ко-во женщин работающих на фабрике	Из них женщины-казашки
Июль 1944 г.	706	589	501	18
Сентябрь 1944 г.	728	577	507	30
Сентябрь–декабрь 1944 г.	728	581	514	34

Среди женщин-казашек есть немало тех, чьи подвиги и заслуги были отмечены наградами и медалями. Одна из таких женщин – Есембаева Рабига, получившая медаль «За трудовое отличие» от Верховного Советского Союза [13, с. 4–8].

В 1945 г. соревнования стахановцев продолжились в честь Дня Победы. Стахановские женщины, признанные лучшими, не снизили производительность труда на 300% в выполнении годовой нормы: Ахматова – 370%, Онищенко – 364%, Бабичева – 408%, Шалагина – 364%, Кочеткова – 361%, Гафарова – 403%, Суворова – 305%, Рымжанова – 385%, Владимирова – 365% [14, с. 16].

Таким образом, фабричные женщины города Семипалатинск внесли большой вклад в развитие легкой промышленности и с первых дней трудились не покладая рук. И ведь нельзя забывать, что далеко не все женщины изначально работали на швейной фабрике. В первые же дни войны сюда пришли работать не только эвакуированные женщины, но и несколько тысяч бывших домохозяйек, которые не имели никакой специальности и опыта. Учились на ходу, а процент брака на производстве был практи-

чески равен нулю благодаря стахановским методам обучения и стараниям женщин. Героический труд наших женщин удостоился высокими наградами. Наше поколение должно ценить труд наших тружеников тыла и смотреть в светлое будущее.

Список литературы

1. КГУ «ЦДНИ». Р-807. Оп.1. д.27 с. 2.
2. *Абишев Г.Н.* Казахстан в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 годы / Г.Н. Абишев. Алматы: Наука, 1958.
3. КГУ «ЦДНИ». Ф. 7. Оп.1. д. 2510. л. 97.
4. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 14. Оп.1. св.1. с.1.
5. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 7. Оп. св.1. с.113.
6. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 7. Оп.1.св.1. с.114.
7. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 7. Оп. 1. св.1 .с.115.
8. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 7. Оп. 1. св.1. с.116.
9. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 29/13. Оп. 1 св. 3. стр. 8.
10. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх 29/13. Оп.1. св.3. стр. 17.
11. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 29/13. Оп. 1. св. 3. с. 17–18.
12. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 31. Оп.1. св. 4. с. 30.
13. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх. 34. Оп.1. св. 4. с. 4–8.
14. КГУ «ЦДНИ». Ф. 1378. арх .34. Оп.1. св. 4. с. 16.

Н.В. Солодникова

И.В. Солодникова

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

Женское лицо прекариата как наследие 1990-х годов

В современной социологии сформировалось понятие «прекариата» – «групп людей, которые заняты временной, эпизодической работой, сезонной работой, с сокращенным рабочим днем, неясной оплатой труда, полностью или частично лишенных социальных гарантий» [3, с. 20]. Это явление активно изучается в различных странах.

В нашей стране прекариат стал активно формироваться после распада СССР. В 1990-е годы прекратили работу многие заводы и фабрики. В результате этих процессов большие группы работников советских предприятий оказались вне гарантированных трудовых отношений. Эти обстоятельства формировали черты прекарности, которая в свою очередь тесно связана с теневой экономикой.

Теневая экономика является проблемой для большинства стран современного мира [4, с. 61]. В современной России она определяется как вид занятости в неформальной экономике, когда факт установления трудовых отношений между работником и работодателем скрывается от официальных властей [5]. Эта деятельность делится на криминальную (запрещенную, в т.ч. контрабанда и т.д.) и направленную на получение доходов в обход налогов [1, с. 22–23]. В данной работе мы будем рассматривать второй тип.

Согласно данным исследования РАНХиГС 2020 г., в российской теневой экономике в целом было занято 28% населения в течение календарного года и 20,5%, если речь идет о последнем месяце на момент опроса. При этом с 2017 г. наблюдается тенденция к снижению доли неформальной занятости в экономике России [4, с. 64]. Данные Росстата за 2022 г. подтверждают эту тенденцию [2].

С точки зрения распределения по отраслям, самая высокая доля занятых в теневой экономике приходится на розничную торговлю (31%), сельское хозяйство (16%) и строительство (11%). Изучение гендерного распределения показывает, что доли мужчин и женщин, занятых в теневой экономике, приближается к пропорции 1:1, но все же с преобладанием мужчин (55% мужчин против 45% женщин) [1, с. 26].

Более подробное исследование особенностей участия в теневой экономике Москвы мужчин и женщин было опубликовано в 2009 г. К. Уильямсом и Дж. Раундом [7]. Для этого исследования были собраны 313 анкет в 2005–2006 гг. в отдельных административных округах Москвы: Крылатское (как «благополучный» район), Юго-восточный округ (как представитель «бедной» части столицы) и дер. Лешково по Новорижскому шоссе, где живут как благополучные, так и пенсионеры и «синие воротнички».

Предварительно авторы отмечают, что литература по различиям в области неофициальных доходов среди мужчин и женщин малочисленна. Однако по имеющимся данным из разных стран женщины реже участвуют в теневой экономике – как в области неофициальных доходов, так и в области неофициального найма. Это утверждение согласуется с российскими данными РАНХиГС (см. выше).

Согласно результатам проведенного исследования, около 1/3 опрошенных считают свой неофициальный доход основным. Эта цифра особенно высока среди пенсионеров. Если посчитать долю тех, кто декларирует наличие «зарплаты в конверте», то цифра увеличивается до 43%. А обращение к фактическому участию в теневой экономике для получения неофициального дохода за последний год, обнаруживает, что его получали 2/3 (67%) опрошенных. Таким образом, неофициальные заработки (стабильные или эпизодические) – отнюдь нередкая ситуация для жителей Москвы.

Половые различия в теневой оплачиваемой занятости усугубляются в сфере неоплачиваемой работы при ведении домашнего хозяйства. Мужчины чаще выполняют работу, воспринимаемую как «мужскую»: строительство (например, замена обоев или напольного покрытия) и ремонт (починка бытовых приборов, сантехники, ремонт кухни). В то время как женщины предоставляют разнообразные услуги (пошив штор/одежды, парикмахерские услуги) и уход (за детьми, пожилыми, инвалидами).

При этом отмечается не только специализация мужчин/женщин по сферам занятости в теневой экономике, но и, согласно имеющимся зарубежным данным [6, с. 53], – по способам расходования заработанных средств. Мужчины работают «вчёрную», чтобы иметь средства на развлечения и свои собственные (не связанные с семьей и обязательствами домохозяйства) деньги. В то же время женщины пытаются таким образом обеспечить жизнедеятельность домохозяйства. В России картина получается несколько иная [7, с. 60–79]: женщины часто (в 71% случаев) принимаются за неофициальную работу не для личных трат и не для внутрисемейных расходов, но ради поддержания или формирования социальных связей.

Таким образом, сферы неформальной занятости различаются для мужчин и женщин: мужчины выбирают «маскулинные» занятия, связанные со строительством и ремонтом (и предполагающие занятость время от времени), в то время как женщины занимаются оказанием услуг (что тоже может быть частичной занятостью) или уходом (что требует более систематических затрат времени). Именно поэтому, в соответствии с выборочными данными, в современной России прекариями оказываются 58,6% мужчин и только 46,3% женщин [3, с. 41].

Отдельно следует отметить разные причины участия в теневой экономике среди мужчин и женщин. Женщины при прочих равных предпочитают обеспечить домохозяйство (в противовес развлечениям) и/или выполнять задания за деньги для формирования/поддержания социальных связей.

Также, мы полагаем, что выбранная проблематика нуждается в дальнейшем исследовании.

Список литературы

1. *Гладких Р.А.* Исследование неформальной занятости в российской федерации, включая возрастные, гендерные и отраслевые особенности // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2021. № 3(84).
2. В России резко сократилась занятость в неформальном секторе. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2022/632989989a79471c92e0fd96?ysclid=luvhwl1b2e981468544> (дата обращения: 03.04.2024).
3. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллетивная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Изд-во «Весь мир», 2022. 364 с.
4. *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.* Динамика теневой занятости российского населения // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2.
5. Сайт Федеральной налоговой службы. Неформальная (теневая) занятость и ее последствия URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn89/news/smi/8939096/> (дата обращения: 03.04.2024).
6. *Leonard M.* Informal Economic Activity in Belfast. Aldershot, UK: Avebury, 1994. 217 p.
7. *Williams C.C., Round J.* Evaluating the Gender Variations in Off-the-Books Work. Some Evidence from Moscow in International Journal of Sociology. Vol. 39. #2, 2009. P. 60–79.

Традиции гендерного распределения домашнего труда и их трансформации в современной российской семье

Традиционное распределение домашнего труда в семье, основанное на гендерном принципе, часто вступает в противоречие с запросами и требованиями к работникам в условиях конкурентной экономики. Это заставляет работников прикладывать дополнительные усилия, которые не ограничиваются только временными рамками рабочего времени и захватывают часть личной приватной жизни. В результате, проблемы, объективно возникающие в частной жизни, становятся препятствием на пути повышения конкурентоспособности работника.

Таким образом, важным проблемным объектом становится неоплачиваемый домашний труд, бремя которого, как показывают исследования, ложится большей частью на женщин. Отсюда весьма актуальной на современном этапе представляется проблема неравенства в гендерном разделении домашнего труда, которую страны пытаются решить, как на национальном, так и на мировом уровне.

Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. Правительства Российской Федерации направлена на создание равных возможностей для мужчин и женщин, в том числе, предлагает меры для преодоления трудностей при совмещении женщинами семейных и профессиональных обязанностей [1].

Стратегия обеспечения равенства между мужчинами и женщинами на 2020–2025 гг., принятая Советом Европы, в числе мер по преодолению гендерного неравенства, предлагает меры по расширению прав и возможностей женщин на рынке труда, уменьшению доли невидимого и неоплачиваемого труда, устранению разрыва между женщинами и мужчинами в выполнении семейных обязанностей. При помощи гендерно-ориентированной социальной и экономической политики предполагается преодолеть структурное неравенство между женщинами и мужчинами, основанное на традиционных женских и мужских ролях [2].

По данным российских и зарубежных исследований в большинстве семей по-прежнему присутствует разделение домашнего труда на чисто «женский», емкий по трудовым и временным затратам, и «мужской», занимающий меньше времени. Время является значимым ресурсом, в котором нуждаются граждане, если они принимают активное участие в жизни своих сообществ и защищают собственные интересы и позиции. По мнению Валери Брайсон, существующие практики распределения времени мужчин и женщин – несправедливы и порождают неравенство. Женщины выполняют традиционные домашние обязанности, которые оцениваются как второсортные и которые всегда ставят женщин в менее выгодное положение по сравнению с мужчинами. Брайсон вводит термин – женская «временная бедность» («time poverty»), которая продолжает существовать и сегодня, являясь существенным проявлением неравенства [3].

Выявление гендерного неравенства в сфере распределения времени, наличия женской «временной бедности» и, в конечном итоге, меньших возможностей для активного участия в социальной жизни, самосовершенствования и самореализации, давно является проблемным полем исследований отечественных и зарубежных ученых.

Во Владимире было проведено исследование среди жителей (мужчин и женщин) города с целью изучения бюджета времени и стратегий управления временем. Сначала были отобраны и при помощи интервью опрошены граждане трудоспособного возраста, не имеющие детей дошкольного возраста. Это было сделано для исключения влияния фактора наличия малолетних детей на распределение времени.

Результаты исследований показали, что женская нагрузка в домашнем труде превышает нагрузку мужчин в среднем в 2 раза [4]. Есть определенные отличия в том, как женщины и мужчины делят домашние обязанности и оценивают свой вклад в выполнение домашних задач и вклад других членов семьи. Мужчины обычно выбирают задачи, требующие меньше времени, и которые можно выполнить в любой промежуток времени, свободный от оплачиваемого труда.

Женщины выполняют работу, требующую больших временных затрат, берут на себя или под свой контроль все оставшиеся домашние дела, т.к. чувствуют свою ответственность за выпол-

нение каждодневных рутинных задач, выполнение которых даже не всегда замечается другими членами семьи. Доля «невидимого труда» занимает до половины всего времени, которое женщины тратят на домашний труд и требует постоянного контроля и мобилизации, что позволяет сделать вывод о том, что женщины имеют меньше возможностей распоряжаться своим временем. Это приводит к понижению конкурентоспособности женщин на рынке оплачиваемого труда, невозможности стать активным участником социально-политических процессов, и в целом, снижает качество жизни.

Для более глубокого исследования устойчивости в российских семьях стереотипов о традиционных гендерных ролях было проведено интервью с супругами в 30 семьях города Владимира. Анализ полученных данных показал, что мужчины часто переоценивают свои усилия по участию в домашних делах. Несмотря на желание многих мужей сделать разделение домашнего труда более эгалитарным, они по-прежнему проявляют больше активности в профессиональной деятельности, т.к. считают себя ответственными за материальное благополучие семьи.

Женщины склонны поддерживать традиционное распределение ролей. И хотя они ожидают большего участия мужей в домашних делах, в реальной ситуации вынуждены оправдывать неравенство большей занятостью супруга в сфере оплачиваемого труда, некомпетентностью в домашнем хозяйстве, экономией времени и другими причинами.

Несмотря на то, что в сфере неоплачиваемого домашнего труда видны тенденции к более эгалитарному распределению обязанностей между супругами, трансформационные процессы идут очень медленно. Неравное распределение домашней нагрузки между мужчинами и женщинами остается существенным. Традиционное распределение домашнего труда приводит к ситуации, когда женщины вынуждены брать на себя все задачи, которые не желают выполнять мужчины, в том числе самые рутинные, часто незаметные для мужчин обязанности, являющиеся «невидимым трудом». Это приводит к «временной бедности» женщин и является препятствием для повышения конкурентоспособности женщин в сфере оплачиваемого труда и достижением баланса между частной жизнью и деловой сферой.

Список литературы

1. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации, 29.12.2023 №4356-р. URL: <http://government.ru/docs/47493/> (дата обращения: 30.04.2024).
2. Gender Equality Strategy 2020–2025. Стратегия обеспечения равенства между мужчинами и женщинами на 2020–2025 гг. / Европейская комиссия, 5.03.2020 URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2020%3A152%3AFIN> (дата обращения: 30.04.2024).
3. *Брайсон В.* Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. Киев, 2011.
4. *Евстифеева Г.Г.* Гендерные особенности стратегий управления временем // Российская государственность в пространственном измерении: опыт, стратегии, перспективы развития: Материалы VIII науч.-практ. конф. / Владим. филиал РАНХиГС. Владимир, 2020. С. 74–79.

Е.Б. Петрушихина

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

Традиционные модели самореализации в карьерных ориентациях женщин, занятых в современной индустрии кино

В последние десятилетия теоретические и практические вопросы построения карьеры приобретают все большую значимость – они связаны с проблемой профессиональной самореализации, развития и субъективного благополучия личности.

Мотивационной основой карьерного роста выступает карьерная направленность, имеющая выражение в карьерных ориентациях – системе представлений человека о приоритетах своего карьерного развития и определенных формах реализации карьерных достижений.

В исследованиях показано, что значимым фактором карьерных ориентаций является гендер, в частности, у женщин они слабее выражены в период активного построения карьеры.

Н.Н. Мельникова полагает, что выраженность карьерных ориентаций есть результат социальной адаптации и отражает ограничения, налагаемые профессиональной средой [3]. Вполне вероятно, что меньшая нацеленность женщин на карьеру обусловлена гендерными стереотипами, лежащими в основе феномена «стеклянного потолка» в организациях и гендерной асимметрии в различных профессиональных областях.

К сожалению, в настоящий момент можно констатировать усиление процесса гендерной дифференциации и дискриминации женщин на рынке труда [1]. В этом плане не является исключением и индустрия кино.

С технологической точки зрения кинематограф – сложный производственный процесс, в который вовлечены представители разных профессиональных групп, в том числе режиссеры, сценаристы, продюсеры, актеры, операторы, художники, композиторы, специалисты по монтажу и др. При этом во всем мире в сфере кино преобладают мужчины: в Голливуде работает 9% женщин, режиссерами фильмов Каннского фестиваля в 2019 г. было 27% женщин, а в 2022 г. уже 18%. Недавнее исследование К. Леонтьевой показало, что и в российском кино мужчины являются ключевой фигурой, у них есть доступ к большим бюджетам, мужчины составляют большинство в съемочных группах и в ряде профессий, в частности среди режиссеров мужчин 83%. С помощью методов математической статистики было показано, что большая доля мужчин среди создателей фильма способствует большей стереотипности женских образов [2].

Все сказанное выше позволило предположить, что в сфере кино карьерные ориентации женщин будут слабее выражены по сравнению с карьерными ориентациями мужчин.

Для проверки этого предположения был проведен опрос 33 женщин и 33 мужчин, занимающих различные позиции в съемочных группах.

Карьерные ориентации выявлялись при помощи методики Э. Шейна «Якоря карьеры» [4]. Оценивалась значимость следующих аспектов работы и карьеры:

Профессиональная компетентность – связана с наличием способностей в конкретной профессиональной области.

Менеджмент – предполагает направленность личности на интеграцию усилий других людей.

Автономия – стремление к независимости и самостоятельности.
Стабильность места работы и стабильность места жительства.

Служение – связано с желанием помочь людям и сделать мир лучше.

Вызов – предполагает стремление к конкуренции, преодолению препятствий, решению трудных задач.

Интеграция стилей жизни – направлена на достижение баланса между работой, развитием и семьей.

Предпринимательство – нацеленность на создание нового, готовность к риску.

Выраженность карьерных ориентаций оценивалась по 10-балльной шкале. Карьерная ориентация считается выраженной при значении 5 баллов и выше. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Особенности карьерных ориентаций мужчин и женщин, занятых в индустрии кино

Карьерные ориентации	Мужчины	Женщины
Профессиональная компетентность	6,6	5,5
Менеджмент	5	4,6
Автономия	7,5	7,6
Стабильность работы	6,5	7,5
Стабильность места жительства	5,4	4,3
Служение	7,4	7
Вызов	4,9	4,5
Интеграция стилей жизни	7,2	7,3
Предпринимательство	5,6	4,9

Полученные результаты в целом подтверждают выдвинутое предположение о том, что у женщин карьерные ориентации выражены слабее: у мужчин критического значения в 5 баллов не достигает один из исследуемых параметров (Вызов), а у женщин четыре (Вызов, Стабильность места жительства, Менеджмент, Предпринимательство). Кроме того, значения 6 из 9 карьерных ориентаций (67%) у женщин ниже, чем у мужчин.

В то же время полученные данные свидетельствуют о наличии карьерных намерений у женщин. Наиболее важным оказывается стремление к независимости, автономии. По всей вероят-

ности, это обусловлено фундаментальной ценностью свободы, лежащей в основе творческого процесса. Необходимо подчеркнуть, что и для мужчин указанная карьерная ориентация является приоритетной.

Кроме автономии и независимости для женщин, работающих в сфере кино, важны стабильность места работы, стремление успешно сочетать карьерный рост, семейную жизнь и личное развитие. При этом женщины готовы к служению, им свойственно желание сделать мир лучше, стремление к профессиональным достижениям.

Можно заметить, что иерархия карьерных ориентаций у женщин и мужчин сходная, что обусловлено их принадлежностью к общему профессиональному цеху. На вершине данной иерархии – стремление к автономии, менее всего представлены стремление к предпринимательству, стабильности места жительства, управлению другими людьми, риску и конкуренции.

Таким образом, женщины, занятые в современной индустрии кино, нацелены на построение карьеры. В карьерном развитии для них прежде всего важно достижение независимости, стабильности, баланса работы и личной жизни. Карьерные ориентации женщин сходны с карьерными ориентациями мужчин, но выражены слабее. В дальнейшем целесообразно исследование карьерных ориентаций в соотнесении с возрастной динамикой.

Список литературы

1. *Ирсетская Е.А.* Проблемы гендерной дифференциации на рынке труда РФ // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 28. № 2S. С. 36–45.
2. *Леонтьева К.Ю., Данилов П.В.* Проблемы трудовых отношений в российской киноиндустрии // Петербургский экономический журнал. 2019. № 1. С. 136–148.
3. *Мельникова Н.Н.* Карьерные ориентации: гендерные различия и возрастная динамика // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2016. Т. 9. № 3. С. 76–86.
4. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000.

Н.Е. Русанова
*Москва, Институт социально-экономических
проблем народонаселения
им. Н.М. Римашиевской ФНИСЦ РАН*

Женщины в российских программах активного долголетия: досуг, здоровье или новая профессия?

Сегодня почти во всех странах большинство пожилых людей – женщины. В 2021 г. они жили дольше мужчин на 5,4 года [1], составляли 55% мирового населения старше 60 лет и 62% старше 80 лет [2]. При этом пожилые женщины часто дискриминируются по возрасту и полу [3], что усиливает их бедность, экономическую уязвимость, сокращает сбережения, ограничивает возможности на рынках труда [4]. Их экономическая незащищенность усугубляется высокой вероятностью того, что при возрастных нарушениях здоровья им потребуется серьезный уход, шансов на который у них меньше, чем у мужчин. Пожилые женщины с большей вероятностью овдовеют, с меньшей вероятностью снова выйдут замуж и с большей вероятностью будут жить одни [5]. У них выше риск хронических заболеваний и инвалидизирующих состояний, что сохраняет за ними априори предписанные обязанности по уходу за другими членами семьи, несмотря на связанный с этим стресс [6].

Хотя в последние годы в мире активизировались действия против возрастной дискриминации, направленные на создание благоприятной для пожилых людей среды, многие женщины не решаются участвовать в проектах социализации населения старшего возраста из-за использования терминов «старый», «более пожилой», «стареющий» и проч., обнаруживая здесь скрытый потенциальный эйджизм [7].

В России сегодня в рамках национального проекта «Старшее поколение» действует несколько государственных программ для населения старшего и пенсионного возраста. Цель их в том, чтобы, с одной стороны, многочисленный и все увеличивающийся контингент пенсионеров различных категорий не испытывал социального дискомфорта после прекращения основной профессиональной деятельности, с другой стороны – чтобы современный рынок труда, где растет число рабочих мест с удаленной и вто-

ричной занятостью, получил дополнительный источник трудовых ресурсов. О соответствующих запросах со стороны населения свидетельствует высокая доля работающих пенсионеров 60+ (19%), а также пожилых участников волонтерского, профсоюзного (12%), общественно-политического движения (8%) [8].

Одним из лидеров является Москва, где проект «Московское долголетие» существует с 1 марта 2018 г., и за это время выявились тенденции, определяющие новую роль населения старшего возраста в социально-экономическом и демографическом развитии столицы. Сначала пенсионерам-москвичам, которых тогда было около 3 млн чел., предлагалось около 10 видов активностей – досуговых и оздоровительных программ, дающих возможность укреплять здоровье, получать новые знания и навыки, расширять круг общения. Однако довольно быстро выявилась потребность в обучении новым профессиям с целью возвращения на городской рынок труда. Одна из причин в том, что многие завершили трудовую деятельность в период, когда на смену «приобретенной профессии» пришло *life-long learning* (обучение на протяжении всей жизни), для которого достаточно практического уверенного использования знаний, даже не подтвержденного документами. Поскольку структура экономики Москвы консервативна – большинство рабочих мест сосредоточено в сфере торговли, услуг, строительства, государственного управления/социальной сферы, она представляется доступной для населения «третьего возраста» [9]. Востребованы профессии и специальности как «олдскульные» (например, изготовитель игровых кукол, пекарь), так и относящиеся к новой индустрии (например, «Школа блогеров», «Создание сайтов и веб-дизайн»), среди которых «Серебряный университет» предлагает более 50 специальных программ профессионального образования «белых» и «синих» воротничков в очном и дистанционном режиме (весна 2024 г.) [10]. Все они «гендерно равноправны», без ограничений по условиям труда, и популярны у женщин, но рынок предъявляет очень ограниченный спрос, в основном, на профессии, связанные с уходом и паллиативной помощью. Острая нехватка специалистов по уходу за пожилыми людьми с развитым эмоциональным интеллектом, способных быть «на одной волне» со своими подопечными и кастомизировано отвечать на их запросы, исходя из особенностей возрастной психо-

логии, наблюдается даже в частных учреждениях такого профиля. Чтобы реализовать собственные планы в иных отраслях городской экономики, многие участницы проходят подготовку по нескольким направлениям одновременно или последовательно, завершая ее обучением создания собственного бизнеса.

За время действия проекта его участниками стали около 380 тыс. горожан старшего возраста, среди которых преобладают 60–69-летние – их доля в программах превышает долю в общей численности столичного населения (табл. 1). Однако налицо ярко выраженный гендерный дисбаланс: сегодня мужчин всего 8% от общего числа участников, причем этот показатель уменьшился вдвое после пандемии и перехода занятий на удаленный формат [11].

Таблица 1
Возрастная структура населения старшего возраста, Москва

Возраст, лет	Возрастная структура населения %		
	Участвующие в программах «Московское долголетие» (2021 г.)	1 января 2018 г.	1 января 2022 г.
Моложе 55	1,7	-	-
55–59	16	25,1	21,1
60–64	23,3	20,9	22,4
65–69	22,2	17,4	17,8
70–74	17,8	11,2	14,6
75–79	10,6	11	7,8
80+	8,4	14,4	16,3
Моложе 55–80+	100	-	-
55–80+	-	100	100

Источник: Рассчитано по: [11, 12, 13].

Таким образом, текущая социально-демографическая ситуация в России заставляет учитывать не только досуговые и оздоровительные потребности женщин, вышедших на пенсию, но и их трудовой потенциал. На московском рынке труда существуют предпосылки для дальнейшего роста «серебряной экономики», в которой кадровый дефицит имеет не столько количественное, сколько качественное измерение, однако пока реализация трудовых запросов женщин пожилого возраста, прошедших подготовку по новым профессиям, возможна скорее через создание собственного бизнеса, чем через занятость по найму.

Список литературы

1. ВЦИОМ: Активная жизнь на пенсии. 31 мая 2021. Источник: Пресс-служба ВЦИОМ.
2. World social report 2023: Leaving no one behind in an ageing world. New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, 2023. URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-social-report2023-leaving-no-one-behind-ageingworld>
3. World population prospects 2022. New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs; 2022. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/>
4. United Nations Department of Economic and Social Affairs, UN Women, United Nations independent expert on the enjoyment of all human rights by older persons. Advocacy brief. Older women: inequality at the intersection of age and gender. Geneva: Office of the High Commissioner for Human Rights; 2022. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-03/UN-Advocacy-BriefOlder-Women.pdf>
5. Old-age poverty has a woman's face. United Nations, Department of Economic and Social Affairs; 2022. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/2022/11/old-agepoverty/>
6. World social report 2023: Leaving no one behind in an ageing world. New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, 2023. URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-social-report2023-leaving-no-one-behind-ageingworld>
7. Global status report on the public health response to dementia. Geneva: World Health Organization; 2021. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240033245>
8. Envejecimiento Consciente, case study: Oaxaca, Morelos, Mexico City: Flores-Castillo, N; 2023. URL: <https://decadeofhealthyageing.org/find-knowledge/innovation/reportsfrom-the-field/detail/envejecimientoconsciente>
9. Департамент труда и социальной защиты г. Москвы. Прогноз потребности экономики города Москвы в профессиональных кадрах. Московский рынок труда: тренды и векторы Document-0-1742-src-1643378909.633.docx (live.com)
10. Московское долголетие (официальный сайт) 17.04.2024
11. Стало известно, как много мужчин и женщин присоединились к «Московскому долголетию» / РИАМО (riamo.ru). URL: <https://riamo.ru/news/obschestvo/stalo-izvestno-kak-mnogo-muzhchin-i-zhenschin-prisoedinilis-k-moskovskomu-dolgoletiyu-xl/>
12. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. 2018. Информационно-аналитические материалы (rosstat.gov.ru)

13. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. 2022. Информационно-аналитические материалы (rosstat.gov.ru)

Ю.Н. Сушкова

*Саранск, Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева*

Юрико-антропологические аспекты образа женщины-судьи

В дореволюционной России судейских корпус был представлен мужчинами. По законодательству Российской империи судьей мог быть только мужчина не моложе сорока лет. «Вот суд; судьи – угрюмые старики, народ может увлекаться, они не знают увлечения», – писал Н.Г. Чернышевский в произведении «Что делать» (1863). Женщина была не вправе быть не только судьей, обвинителем, но и, в отсутствие прямых запретов в законодательстве, защитником даже при наличии профильного образования. Такие ограничения обосновывались положениям циркуляра от 14 января 1871 г., согласно которому лица женского пола были устранены от всяких постоянных занятий при правительственных и общественных учреждениях. Женщины постоянно стремились отстаивать свои права, но безуспешно. Наиболее обсуждаемым был случай, когда в 1909 г. не допустили к осуществлению защиты в суде женщину-юриста Екатерину Флейшиц. Дискуссия о правах женщин обусловила разработку и внесение в Государственную Думу законопроекта «О допущении лиц женского пола в число присяжных и частных поверенных», который не получил одобрения. Член Государственного совета Игнатий Шебеко в 1913 г. отмечал: «Представительство на суде в том случае, если оно будет дозволено женщине, будет, с одной стороны, в случае привлекательной наружности этой женщины соблазном для судей, а с другой стороны, вызовет в обществе нарекания, что то решение, которое поставили судьи, постановлено ими под влиянием женских чар».

Положение женщины в профессиональном юридическом обществе существенно изменилось лишь в годы советской власти. 22 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров принял Де-

крет № 1 «О суде», который представил женщине более широкие возможности. «В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам – поверенными, допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами».

Образ женщины-судьи представляет юридико-антропологический интерес. Появление в судах женщин-судей стало позитивным фактором в направлении того, чтобы судебные органы воспринимались более открытыми, гендерно репрезентативными. Неслучайно, в рамках ООН утвержден Международный день женщин-судей – 10 марта. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек рассматриваются в качестве приоритетов реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Современный судебский корпус России характеризуется феминизацией (более 60%). В числе причин выделяют, главным образом, политику рекрутинга из аппарата суда, в котором работают преимущественно женщины. В то же время феминизация судебской профессии в России представляет собой пример «успешной» практики, поскольку увеличение числа женщин в профессии не влечет за собой понижение ее статуса.

Юридико-антропологический аспект деятельности женщин в судействе связан и с применением позитивных этнических традиций в судебных разбирательствах, которыми нередко руководствуются на уровне районных и мировых судов для достижения примирения сторон. Показательным примером служит практика Дубенского районного суда, который с 2000 г. более двадцати лет был представлен исключительно женщинами-судьями. В фойе суда появилась картина, на которой изображены переживания ребенка из-за развода родителей. Полотно было вывешено в суде в связи с участвовавшими разводами для того, чтобы привлечь внимание дубенских пар и заставить их задуматься. Кроме того, суд активно начал нарабатывать практику примирения сторон, в первую очередь супругов, расторгающих брак. До возникновения мировой юстиции инициатором примирительных процедур выступала судья Н.Н. Байгушкина, которая, по ее собственному признанию, всегда чувствовала потребность улаживать конфликты, особенно в тех случаях, когда речь шла об интересах детей.

Опыт восстановления семейных отношений оказался достаточно результативным. «В таком небольшом районе, как наш, у судьи намного больше возможностей примирить стороны, потому что известны потребности людей, их бытовые проблемы, известны местные обычаи, традиции, взгляды», – говорит Нина Николаевна. Сегодня она убеждена, что конфликты между супругами и родственниками, бытовые ссоры между соседями необходимо решать исключительно мировыми соглашениями.

В настоящее время в Дубенском суде Республики Мордовия и на судебном участке имеется солидный опыт по примирению сторон. Подтверждением может служить тот факт, что на протяжении нескольких лет районный суд практически не рассматривает в апелляционной инстанции дела частного обвинения. Все подобные дела решаются заключением мирового соглашения и примирением сторон.

Такое положение объясняют неконфликтным характером жителей района и авторитетом районного суда. За 29 лет судейской деятельности на Н.Н. Байгушкину поступила всего одна анонимная жалоба. По ее словам, за годы работы в Дубенском районе ее никто не обидел ни словом, ни поступком. Судья Дубенского суда Д.В. Занькин отмечает: «Разъясняя сторонам необходимость и преимущества примирения, я всегда напоминаю людям о психологическом факторе. О том, что, живя в одном селе, на одной улице, имея общих родственников, недопустимо усугублять конфликт. Для жителей сел это всегда немаловажный аргумент в пользу заключения мирового соглашения». В Дубенском суде установили у входа в зал судебных заседаний «скамью примирения», надпись на которой гласит: «Достигнутый мир лучше и надежнее ожидаемой победы». Над скамьей висит призывный плакат «Помирись!», на котором изображен ребенок, просящий родителей сохранить семью. Скамья обращает внимание посетителей суда, мотивируя задуматься о принятии окончательного решения.

Таким образом, представительство женщин в судебном процессе имеет важное значение для устойчивого развития с учетом интересов всего общества и принятия более взвешенных решений. Женщины, как хранительницы обычаев и традиций, способствуют более активному включению духовно-нравственных ценностей в правоприменительный процесс.

Женский труд в традиционных промыслах Дагестана

Дагестан издавна считается кладезем народных промыслов, именно в этом крае получили широкое распространение различные ремесла, которые можно разделить на «мужские» (резьба по камню и дереву, ювелирная обработка металлов, изготовление холодного и огнестрельного оружия) и «женские» (ковроткачество, золотошвейное дело, узорное вязание, добыча соли).

Одним из древнейших и самых известных промыслов, прославивших Дагестан на весь мир, является ковроткачество. Традиционно ковроткачеством занимаются в южных районах Дагестана (город Дербент, а также с Магарамкент, Межгюль, Ляхля, Аркит, Орта-Сталь, Рутул, Чиликар), но центром считается Табасаранский район, чьи ковры соперничают с лучшими в мире образцами этого вида искусства. Но это не только красиво, но и действительно тяжело, ведь процесс создания данного вида изделия требует от мастериц не только изящного вкуса, сноровки, но и терпения и конечно же усидчивости, т.к. работа выполняется в основном в сидячем или полусогнутом положении. А многие опытные ремесленницы, не имея перед собой эскиза, но, зная схему построения узора ковра, выполняют его по памяти. Традиции ковроткачества передавались и передаются из поколения в поколение, от матери к дочери. При этом женщины и ткали (ткут) вручную и сам ковер, и производят исходные материалы (обрабатывают шерсть и готовят красители) [2].

Золотошвейное дело – одно из самых интересных искусств среди художественных промыслов республики. Основными центрами золотой вышивки считаются Ругуджа, Хунзах, Чох, Кубачи, Казикумух, Губден, Эрпели, Аксай, Дженгутай. С ним связано очень много традиций и обычаев. Так, у некоторых народов Дагестана, влюбленные до свадьбы в знак свидетельства неравнодушия друг к другу могли обмениваться подарками: жениху дарили вышитый кисет или носовой платок, а невесте – серебряные украшения. Высшее сословие требовало коня с вышитой золотом попоной и сбруей. Вышивка защищала и во вре-

мя походов. У кумыков, также был весьма интересный обычай, связанный с данным видом промысла. Будущей невесте за месяц до свадьбы было запрещено покидать дом, все это время она должна была заниматься рукоделием, а результат ее творений в будущем должен был стать украшением интерьера дома молодоженов. Также она должна была вышить носовые платки для друзей будущего мужа, на которые в один угол вышивался растительный орнамент, а на другой его имя. Платочки вручались во время свадебной процессии.

Но все-таки в основном вышивкой золотом и серебром занимались женщины из господствующего класса (жены и дочери ханов, беком и т.д.), занимая рукоделием свое свободное время-препровождение, а представительницы среднего класса делали это на заказ. Вышивали на квадратной деревянной раме, которую можно было в процессе украшения подгонять под необходимые размеры. Несколько позже стали использовать и круглую раму. Перед началом работы искусница должна была подобрать узор как традиционный (растительный, геометрический, узор в виде эмблем), так и свой «национальный», например, у плоскостных народов Дагестана, это был «гюлевете», который складывался из отдельных рисунков и использовался для украшения обуви, манжет и башлыков подготовить золотую или серебряную нить фабричного производства, а также шелковые или хлопчатобумажные нитки обычно желтого цвета и красные или терракотовые, которые выдергивались из тафты или шелка, воск и столярный клей. Сама вышивка производилась различными способами (более 15 видов), но наибольшей популярностью пользовались вприкреп, тамбуром, гладь с настилом, с жемчугом и с бисером [3].

Узорное вязание – еще один традиционный промысел Дагестана, распространено в основном в Южном Дагестане, Кубачах и ряде Аварских районов (Тляратинский, Цунтинский). В основном представлено вязанием джурабов – высокие вязаные носки с орнаментированным голенищем, которые служили зимней обувью (аналог – русские валенки). Отличаются орнаментом, у каждого тухума был свой и формой носика (у аварцев – загнутый, у остальных народов – округлый). Орнамент не просто украшение, но и защита от дурного глаза. Наиболее часто встречаются следующие изображения: птицы, цветы, огонь.

Цвета: желтый, зеленый, бордовый, синий, черный. Каждая из искусниц создает свой уникальный орнамент [4].

Добыча соли – еще один традиционный промысел Дагестана. Добывают ее в селе Кванхидатли на левом берегу Аварского Койсу (Ботлихский район). Это очень сложный и трудоемкий процесс. Включает в себя несколько этапов: вначале женщины собирают песок, заливают водой, дают отстояться соленому концентрату, сливают воду и в течение трех-четырёх часов вываривают соль, получившийся продукт досушивают под открытым небом. Мужчины могут принести дрова, порубить их и унести соль в село. Все остальное делают женщины вручную [1].

Традиционные промыслы Дагестана – одна из жемчужин, в короне Российского государства, которая украшает культуру и историю нашей страны, и мы должны сделать все необходимое, для того, чтобы ее сохранить.

Список литературы

1. Горечь кванхидатлинской соли. URL: <https://oc-media.org/ru/golosa/golos-gorech-kvankhidatlinskoyo-soli-zhenskiyo-promysel-v-dagestane/>
2. Народные промыслы Дагестана. URL: <https://fb.ru/article/456546/narodnyie-promyislyi-dagestana>
3. Одеться в золотой орнамент. URL: <https://dagpravda.ru/kultura/odetsya-v-zolotoj-ornament/>
4. Петля времени. URL: <https://etokavkaz.ru/tradicii/petlya-vremeni>

Н.В. Шальгина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Трудоустройство русскоязычных женщин в США (постсоветский период)

Повседневность работающих в США русскоязычных женщин пока крайне недостаточно освещается в отечественной научной литературе. Чаще всего для определения успешной интеграции иммигрантов в принимающее общество используются сугубо статистические показатели, фиксирующие общую численность мигрантов, показатели профессионального роста, уровень их дохода и т.п. Между тем, именно в рутинной деятельности и повсе-

дневных заботах заложен ответ на многие вопросы формирования адаптивного ресурса иммигрантов, их индивидуальных подходов к осознанию себя в новой для них среде.

В докладе на материалах полевого исследования середины 2000-х годов рассматриваются варианты адаптации русскоязычных женщин в США. Основными информантами исследования стали представительницы двух последних волн постсоветской эмиграции (2000–2020 гг.). Их трудоустройство в США представляет собой пример того, что в научной литературе по проблемам иммиграции принято называть «нисходящим социальным лифтом», т.е. вариант интеграции иммигрантов в принимающее общество через неизбежное понижение социального статуса.

Среди русскоязычных иммигрантов в США четвертой волны такой вариант интеграции (смена более высокого социального статуса на более низкий) был достаточно типичным, как и для многих российских ученых, музыкантов, актеров и т.п., уехавших после прекращения существования СССР на ПМЖ в другие страны. Результаты опроса русскоязычных иммигранток свидетельствуют, например, что до переезда за океан большинство из них имели достаточно высокий социальный статус и, как правило, высшее образование или даже научную степень (доктор филологических наук из Екатеринбурга, москвичка с консерваторским образованием, преподавательница Новосибирского педагогического ин-та и др.). Все они переехали на ПМЖ в Калифорнию разными путями, но исключительно по доброй воле, оставив в российских городах работу, дом, друзей и знакомых. Откровенно жаловаться на понижение своего социального статуса в их среде было не принято, но в частных разговорах нередко проскальзывало едва уловимое сомнение в правильности сделанного выбора.

Коммуникативные возможности в иммиграции имеют серьезные ограничения, связанные не только с языком, но и с фазой прохождения культурного шока от соприкосновения с новой культурой. Если в начале 1990-х годов низкий уровень английского языка и недостаточная степень информированности женщин-иммигранток об условиях жизни в США не позволяли им полноценно использовать собственный коммуникативный ресурс (первая фаза культурного шока), то по прошествии времени ситуация постепенно менялась, и связано это было как с посте-

пенным привыканием к новой этнокультурной среде, так и с трансформацией собственной этнокультурной идентичности.

Одним из самых надежных путей «вживания» в новую реальность и обретения достойного профессионального статуса, минуя «нисходящий социальный лифт», в русскоязычной среде считалось трудоустройство в американские компании. Правда, среди женщин 1990-х – начала 2000-х годов по такому пути решались пройти только наиболее целеустремленные, женщины, не пожелавшие мириться с потерей своего советского интеллектуального и образовательного капитала. При этом самым главным своим достижением русские женщины-иммигрантки этого периода считали не возможность статусного роста или достаточно высокий уровень зарплаты, а стабильность рабочего места.

Но уже к середине 2000-х годов их приоритетом становится твердая установка на поиск работы по специальности и стабильный карьерный рост. Заметного успеха женщины-иммигрантки из постсоветской России достигают в преподавательской деятельности. Начиная с 1990-х годов в разных городах США ими были основаны Детский образовательный центр «Да Винчи», Школа русского языка (Ирина Ужанская), школа «Гармония» (Ульяна Бабанова) и др. Инициатива русскоязычных женщин-иммигранток помогла решить, в том числе, и такую проблему, как отказ детей разговаривать на русском языке. Дети ходят в американские школы, где все говорят на английском, все их друзья также общаются на английском, и они не хотят дома переходить на русский язык. В русских школах, активно создаваемых русскоязычными женщинами-иммигрантками в 1990-х – начале 2000-х годов, дети получили возможность не только разговаривать с родителями на одном языке, в прямом смысле этого слова, но в перспективе использовать отличное знание русского языка при поисках престижной работы. В последнее время многие американские работодатели проявляют определенную заинтересованность в русскоязычных сотрудниках. Так, например, в Бостоне врачи и юристы, говорящие на русском языке, имеют хорошие шансы найти высокооплачиваемую работу.

Высокая степень поисковой активности русскоязычных женщин-программистов позволяет им успешно преодолевать и множество таких проблем, которые связаны с гендерным измерением всего профессионального корпуса «айтишников» в США. В

немалой степени этому способствует сама американская политика, активно продвигающая идеи гендерного равноправия в стране. Русскоязычные женщины, наравне с афроамериканками или латиноамериканками, а также выходцами из Юго-Восточной Азии уже в середине 2000-х годов без особого труда и при минимальной профессиональной подготовке могли получить в американских IT-компаниях такую относительно хорошо оплачиваемую должность, как, например, тестировщик компьютерных программ (около \$ 2,5 тыс. в месяц).

Однако дальнейшее продвижение в сфере IT-технологий США для многих женщин оказывается более сложной задачей. И, прежде всего, это касается самих американок, которые, получив достаточно престижную должность в IT-компаниях, очень быстро начинают испытывать острый «синдром самозванца», то есть непреодолимое чувство своей неуместности, по сравнению с коллегами-мужчинами. По данным последних американских исследований, «синдром самозванца» и сегодня беспокоит не менее 22% женщин в США, работающих в сфере высоких технологий, несмотря на постоянно возрастающую активность американок в борьбе за тотальное гендерное равенство [1]. Кроме того, миф об отсутствии различий между мужскими и женскими возможностями профессиональной самореализации, продвигаемый многочисленными феминистскими организациями, в сфере высоких технологий сталкивается с феноменом «сломанной ступеньки», когда женская карьера, в отличие от мужской, не может достигнуть тех же высот. В конце XX в. женщины-руководители в США составляли около 14% от общей численности разработчиков программного обеспечения, что, по мнению феминистски ориентированных исследователей того времени, было недопустимо мало. Со временем гендерный разрыв в статусных позициях американских программистов хотя и сократился, но незначительно. Причины сохранения этой диспропорции в IT-секторе американские феминистки объясняют по-разному – от скрытой дискриминации женщин в целом до различия когнитивных способностей у полов и игнорирования преимуществ женщин, по сравнению с мужчинами [2].

Сегодня в политике США доминирует точка зрения, что женщины являются недооцененным ресурсом в IT-сфере, с помощью которого развитые экономики (и, в первую очередь, американская)

смогут решать свои проблемы кадрового голода. Такие компании, как IBM, Cisco, HP, Intel, Yelp и Texas Instruments осуществляют спонсорство, мониторинговые и коучинговые программы для женщин. В Yahoo! функционирует даже специальная группа Women in Tech, которая помогает женщинам развивать нужные для работы навыки. LinkedIn проводит ежегодный женский хака-тон («марафон хакеров» – *Н.Ш.*). В Salesforce работает программа поддержки Women Surge. Компания Palantir ежегодно вручает грант девушкам-разработчицам компьютерных программ. Google запустил целую серию мероприятий Women Techmakers и ориентированную на женщин кампанию Girls Who Code, в рамках которой к 2020 г. фактически прошли обучение программированию более миллиона девушек 13–17 лет по всему миру. Приоритетная цель проекта заключалась в том, чтобы способствовать появлению нового поколения женщин-программистов в сфере облачных технологий. Похожий проект (Women Who Code) до последнего времени поддерживался также Facebook и Twitter.

Но, несмотря на усилия множества крупных компаний, факты, приводимые на платформе для поиска рабочих мест Hired, а также ее отчеты под названием «Состояние неравенства в оплате труда на рабочем месте» свидетельствуют о том, что около трети женщин в IT-сфере США сталкиваются не только с более низким уровнем зарплаты, по сравнению с мужчинами, но и с некомфортной рабочей обстановкой или даже скрытой дискриминацией в «мужском сообществе программистов» – bro-grammer culture [4].

Одной из причин такого «гендерного противостояния» в IT-сфере, возможно, является тот факт, что под нажимом феминистских организаций изменения на этом рынке труда в США происходят излишне быстро и без учета должного уровня профессиональной подготовки соискательниц женского пола. В результате инициатив, продвигаемых крупнейшими компаниями (такими, например, как Ebay или Google), количество вакансий в IT-сфере, предназначенных для женщин, растет в разы быстрее, чем количество аналогичных позиций для мужчин. При этом уровень профессиональной подготовки у большинства соискательниц, изначально далекий от базового, позволял им трудоустроиваться лишь на позиции менеджеров проектов или менеджеров по продажам [3]. Эффект «сломанной ступеньки» в американской IT-индустрии, таким образом, был фактически predetermined еще в

начале второго десятилетия XXI в. и, по сути, продолжает оказывать влияние на сегодняшнюю ситуацию в этой сфере.

Различное отношение к труду женщин в IT-сфере США и России дезориентирует россиянок, создает для тех айтишниц, которые переезжают в Америку по профессиональной визе, дополнительную область напряжения и даже нарушение аутентичного для них культурного кода в гендерных отношениях. Айтишницы из России сегодня с непониманием относятся к выделению специальных курсов для женщин в США как особой области профессиональной подготовки, и считают такие программы не только неактуальными для IT -бизнеса в целом, но и проявлением своего рода сегрегирующей политики со стороны американской власти, акцентирующей внимание на якобы неспособности женщин адекватно воспринимать стандартный учебный материал. Единственным критерием своей успешности в IT-сфере как в России, так и в США, россиянки считают, согласно полученным мною интервью, собственный профессионализм, основанный на знаниях, энергии и личной инициативы без каких-либо скидок на «слабый пол». К этому можно лишь добавить, что если в самой России женщины сегодня являются активными разработчиками больших баз данных в области искусственного интеллекта, нейронных систем, солнечно-земной физики, *open-source библиотек DeepPavlov и dp-agent для создания чат-ботов* и т.п., то занижать уровень своего профессионализма в условиях американских реалий они явно не готовы.

Список литературы

1. *Daley S.* Women in Tech Statistics Show the Industry Has a Long Way to Go. URL: <https://builtin.com/women-tech/women-in-tech-workplace-statistics> (accessed: 05.05.2021).
2. *Tarr T.* By The Numbers: What Pay Inequality Looks Like for Women in Tech // Forbes. 04.04.2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/tan-yatarr/2018/04/04/by-the-numbers-what-pay-inequality-looks-like-for-women-in-tech/?sh=7f9cde8a60b1> (accessed: 09.02.2023).
3. *Sanders E.* Kevin Harmon and Eric Walden examine theories behind the IT sector's gender gap. URL: <https://news7h.com/why-is-computer-science-unpopular-among-women-texas-tech-today/> (accessed: 09.02.2023).
4. *Domosh M.* Sexing Feminist Geography // Progress in Human Geography. 1999. Vol. 23, No 3. P. 429–436.

РАЗДЕЛ 10
ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ,
ГРАЖДАНСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ
ИНИЦИАТИВАХ

Е.П. Кудрявцева

Москва, Институт российской истории РАН

Женщины в политике: Дарья Христофоровна Ливен

Дипломатическая карьера до недавнего времени оставалась недоступной для женщин. Должность посла, посланника, консула или секретаря посольства – ни в одной стране нельзя было встретить женщин на дипломатических постах вплоть до XX в. Однако способность проницательно анализировать политическую ситуацию, делать прогнозы и выстраивать оптимальную линию дипломатической работы была присуща некоторым представительницам аристократических русских кругов. Как правило, они являлись женами дипломатов, были в курсе всех политических событий и владели информацией, недоступной для других. Некоторые из дам-аристократок были хозяйками салонов, в которых обсуждались политические события, и мнения их завсегдатаев оказывали значительное влияние на решения действовавших государственных деятелей. По замечанию современного исследователя П.Ю. Рахшмира, в династической дипломатии своего времени светские дамы и их салоны играли важную роль для сбора информации, распространения слухов и даже выполняли некоторые разведывательные функции.

Говоря о женщинах-политиках первой половины XIX в., нельзя обойти вниманием супругу российского посла в Лондоне Х.А. Ливена – Дарью (Доротею) Христофоровну Ливен, урожденную Бенкендорф (1785–1857). По словам язвительного П. Долгорукова, сам Ливен «был человеком совершенно бездарным, не способным написать даже самой посредственной дипломатической депеши. Им управляла жена его, Дарья Христофоровна». Прожив практически всю жизнь за границей, будучи супругой посла в Берлине и Лондоне, а затем музой министра иностранных дел Франции Ф. Гизо, Дарья Христофо-

ровна, имея вкус к политике, не мыслила свою жизнь без политических интриг. «Дипломатическая Сивилла» своего времени пользовалась уважением ведущих политических деятелей Европы, имела талант сблизиться с ними и несомненные аналитические способности, позволявшие ей делать верные прогнозы. За это ее ценили при русском дворе, а когда она стала вместо мужа сочинять депеши в Петербург, то вице-канцлер К.В. Несельроде напрямую обращался к ней за советом и с инструкциями: в МИД прямо говорили, что в Лондоне пребывают «два посла» России. Ценили Ливен и в британской столице, она была на дружеской ноге с премьером Ч. Греем, лордом Абердином, Дж. Пальмерстоном; с явным недоброжелательством княгиня относилась только к А. Веллингтону. Французский посол в Лондоне Ж. Полиньяк считал, что влияние Ливен распространялось на короля Вильгельма IV, полагавшего, что она «сильнее всех в политике в этой стране». Сама Дарья Христофоровна считала, что ею правит «несчастливая страсть к событиям».

К советам Ливен прислушивались, с ней обсуждали самые важные государственные дела, она прекрасно ориентировалась в партийной парламентской борьбе, все это составляло основное содержание жизни княгини. В то же время, нельзя назвать ее космополиткой, утратившей всякую связь с родиной. Дарья Христофоровна постоянно подчеркивала, что она русская и защищает интересы России. «Я не могу не быть русской», – говорила она премьер-министру Ч. Грею. «Я поистине горжусь тем, что я русская, и испытываю от этого каждый день новое удовольствие», – признавалась княгиня в дни торжества России в Адрианополе. Мадам Ливен была силой, с которой или дружили, или считались, или враждовали, она знала всех и имела доступ в самые высокие сферы; одновременно ее дом был очагом русофильства. В это же время она отчаянно ссорилась с А. Веллингтоном, подозревая его, вслед за Пальмерстоном, в желании разрыва с Россией. Неприязнь была такова, что княгиня, по ее признанию, «была бы не прочь свернуть шею Веллингтону»; во время Восточного кризиса при встрече с герцогом ни он, ни она не произносили слова «Турция» ибо, по словам Дарьи Христофоровны, «если я когда-нибудь нарушу молчание, я уверена, что мы подеремся». Веллингтон желал устранения четы Ливенов из Лондона, считая, что они слиш-

ком здесь «зажились». Лорд Абердин говорил, что княгиня Ливен «является тем же, чем наш общий приятель Меттерних является в глазах некоторых континентальных правительств», а это свидетельствует о высокой оценке «профессиональных» качеств Дарьи Христофоровны. К недоброжелателям Ливен относился и Ш. Талейран – французский посол в Лондоне. Она подозревала его в излишнем интриганстве, а он, со своей стороны, признавая врожденный ум княгини, считал, что она мало образована и не имеет ни малейшего влечения к чтению чего-либо, что не касается политики.

Салон княгини Ливен, где бы в Европе она ни была, становился центром политической жизни. Не стал исключением и Веронский конгресс Священного союза, на котором Ливен присутствовала по личной просьбе Нессельроде. «Конгресс собирается каждый вечер у меня», – писала княгиня брату 1 декабря 1822 г. Неудивительно, что рядом со своей супругой князь Ливен порой выглядел заурядно, считался человеком скучным, неинтересным, даже «вполне ничтожным», обязанным жене своей дипломатической карьерой.

Дарья Христофоровна не смогла найти себе занятие на родине после возвращения из Лондона – все казалось скучным, она буквально страдала, будучи отлученной от «большой политики», к которой была причастна в британской столице. Покинув Россию и связав свою жизнь с Ф. Гизо, она вновь окунулась в вихрь политической жизни, теперь уже в Париже. Ее салон пользовался популярностью, но на родине отношение к ней сильно изменилось. Это было связано с упадком русско-французских отношений, которые претерпевали кризис после революции 1830 г. Российский император не смог принять изменений, произошедших во Франции, отказываясь называть Луи Филиппа своим «братом», как это было принято среди европейских монархов. Переписка Ливен с императрицей вызывала резко негативную реакцию Николая I. Император не раз призывал Дарью Христофоровну покинуть Францию и вернуться в Россию, угрожая лишить ее всей собственности и доходов.

Д.Х. Ливен, а также супруга австрийского посла в Петербурге Долли Фикельмон и жена канцлера К.В. Нессельроде Мария Дмитриевна Нессельроде – всех этих женщин весьма условно, но все же можно считать первыми женщинами-

политиками своего времени. К их эпистолярному наследию обращаются современные исследователи. Переписка княгини Ливен до сих пор остается ценным источником для изучения международных отношений в Европе, поскольку содержит весьма информативный материал, благодаря широкому кругу высокопоставленных корреспондентов княгини.

Т.Ю. Шестова

*Пермь, Пермский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы*

Женское лицо цареубийцы (к биографии Геси Мировны Гельфман)

Первый биографический очерк о Гесе Мировне Гельфман составил В.И. Иохельсон. Он проживал с ней четыре месяца в Петербурге на конспиративной квартире и слышал от самой Геси рассказы о ее жизни. Затем В.И. Иохельсон использовал воспоминания Е. Тумановой и С. Бардиной, проходившими вместе с Г.М. Гельфман по «Процессу 50-ти». В Женеве был подготовлен «Календарь Народной воли» с данной статьей. Некоторые сведения представил известный народник Л. Тихомиров. Очерк появился вслед за событиями в 1884 г., а затем получил последнее завершение в 1918 г.

Геся Гельфман родилась в 1855 году в г. Мозыре, Минской губернии. В еврейской ортодоксальной семье росло четыре девочки. В два года Геси умерла их мать. Отец женился снова, но с мачехой отношения не складывались. В 16 лет Гесю сосватали за незнакомого ей «талмудиста». Девушку в браке страшила перспектива, что муж будет «воплощать в семейном быту тот патриархальный идеал нравственности, который имеет своим краеугольным камнем полнейшее подчинение женщины». Геся ушла из дома, понимая, что ее фактически проклянут и вернуться она не сможет; что она «становится предметом ужаса и позора всех своих единоверцев; что от нее с негодованием отвернутся даже и те ее подруги, которые сами чувствуют, как она, но не имеют достаточно душевной чистоты и решимости, чтобы, как она, привести свою жизнь в унисон со своими чувствами» [1].

В 1871 г. Геся Гельфман приехала в Киев, нанялась работать к портнихе. В.И. Иохельсон неоднократно подчеркивал голод Геси. Малограмотная девушка свои силы направила на самообразование. Читала Геся мало, но великолепно усваивала прочитанное. Она посещала публичные лекции университетских профессоров, принимала участие в обсуждении общественных явлений. При этом она отстранялась, если кто-то нарочито демонстрировал ей превосходство в образовании. Г. Гельфман поступила на акушерские курсы и успешно закончила их в 1874 г. Курсы позволили ей соприкоснуться с университетской молодежью. Некрасивая брюнетка обладала большой эмпатией, деятельно стремясь помочь новым знакомым.

Близко к сердцу Г. Гельфман приняла идею швейных мастерских Н. Чернышевского. Весной 1875 г. в Киеве она встретилась с представителями московского кружка, судимыми затем по «Процессу 50-ти», и перешла к пропаганде социалистических идей среди рабочих. Вместе с московской приятельницей Г. Гельфман стала посещать рабочие артели, изучать быт рабочих. Обе девушки готовились к «хождению в народ», но осенью 1875 г. Г. Гельфман арестовали из-за нескольких перехваченных писем на ее имя.

Два года до судебного процесса Геся провела в тюрьмах предварительного заключения. «Процесс 50-ти» был один из первых судебных процессов, где обвиняемыми в революционном процессе проходило 16 женщин. Г. Гельфман была приговорена к 2 годам принудительных работ в Литовском замке в Старой Руссе [5, с. 207–208].

Замок имел отделения для непривилегированных сословий и дворянское отделение. Гесе пришлось соседствовать с нищенками и проститутками. Ее национальность также давала возможности персоналу для унижения. После посещения замка дамским комитетом Г. Гельфман перевели сначала в лазарет, а затем поручили вышивание и шитье солдатской формы. По окончании срока Гесю отправили в Старую Руссу под полицейский надзор. Ее раздражало, что знакомые прервали с ней общение, магазины отказывались принимать ее швейные изделия на реализацию [5, с. 207]. В результате Г. Гельфман бежала и вернулась в революционную организацию в Петербурге. Там Г. Гельфман вступила в гражданский брак с Н.Н. Колодкевичем, уроженцем Киева из дворянской семьи. Оба супруга были народниками, но никогда не

жили в одной квартире, поэтому о браке знали не все. Затем Геся становится последовательно хозяйкой трех конспиративных квартир от простого проживания до динамитной мастерской и типографии «Рабочей газеты». С февраля 1881 г. динамитная мастерская находилась на Тележной улице, где Г. Гельфман проживала с фиктивным мужем Н.А. Саблиным при подготовке к цареубийству. В самой процедуре цареубийства Геся участия не принимала, но при аресте квартиру пришлось брать штурмом. Н.А. Саблин застрелился на ее глазах. В квартире были найдены химикаты, прокламации и две бомбы [4, с. 11]. Г. Гельфман была арестована и отправлена в тюрьму Петропавловской крепости.

Суд над народовольцами начался 26 марта 1881 г. Адвокат А.А. Герке фактически отказывался от положительного результата своей деятельности. «Я не в состоянии представить такой защиты, которая по силе и по подробностям отвечала бы сильной и подробной обвинительной речи» Г. Гельфман понимала, что в любом случае сам факт участия в цареубийстве закончится для нее фатально. Виновной она себя не признавала. Она признала принадлежность к революционно-социалистической партии «Народной воли». Смягчающим обстоятельством могло быть то, что она уходила из квартиры с собраний, где обсуждалось цареубийство, что подтверждали показаниями Кибальчич и Рысаков [5, с. 207–208]. На суде фигурировала записка о конспиративных встречах, проводимых Г. Гельфман, что умело отвел адвокат.

После суда она подала два прошения о встрече с мужем Н.Н. Колодкевичем, но получила отказ. Вскоре после приговора о смертной казни она подала прошение о помиловании в связи с беременностью. Ситуация выходила из-под контроля. С просьбой об отмене смертной казни к Александру III обратились Л.Н. Толстой и В. Гюго, во Франции прошла манифестация в поддержку беременной женщины. Казнь заменили каторжными работами.

Роды Г. Гельфман принимал придворный лейб-акушер Баландин с акушеркой. Тюремному врачу отказали в действии защитить разрывы у женщины. Четыре месяца Г. Гельфман не получала медицинской помощи. За неделю до смерти у нее отобрали ребенка и увезли его в воспитательный дом [2]. Ребенка пытались взять на воспитание родители Н.Н. Колодкевича и Прибылёва-Корба, но всем было отказано [3, с. 162]. 1 февраля 1882 г.

Геся Гельфман умерла в 26 лет от гнойного воспаления брюшины. «Промежность представляет незаживший, неполный ее разрыв во время родов» – описывался процесс вскрытия [2]. Ребенок умер в течение года. Интересно, что в Февральскую революцию возник слух о том, что А.Ф. Керенский – приемный сын в семье и на деле является сыном Геси Гельфман.

Список литературы

1. *Иохельсон В.И.* Геся Гельфман: Биогр. очерк . Петроград: Былое, 1918. 21 с.
2. *Кравец А.* Ребенок № А-824. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/86/kravets.htm> (дата обращения 25.04.2024).
3. *Прибылёва-Корба А.П.* Народная воля. Воспоминания о 1870–1880 годах. М., 1926. 232 с.
4. Процесс I-го марта 1881 года. Спб.: Тип. Монтвида, 1906. 262 с.
5. Суд над цареубийцами. Заседание особого присутствия Правительствующего Сената по делу о совершенном первого марта злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Спб.: Тип В.В. Комарова, 1881. 260 с.

Л.И. Иволина

Смоленск

Смоленский государственный университет

Два образа Марысенки Собеской в польской политической полемике

Супруга знаменитого короля Речи Посполитой, победителя турок под Веной в 1683 г. Яна Собеского Мария Казимира д'Аркьен (Марысенка) оставила неоднозначный след в истории. В исторической литературе XX и начала XXI в. нередко отмечается, что Ян III любил супругу больше, чем трон, и порой слепо подчинялся ее мнению. Марысенка активно вмешивалась в мир политики, и за это ее критиковали современники. Несмотря на красоту и ум, она не пользовалась симпатией своих подданных. Ее политическая активность была несовместима со старопольскими представлениями о женщине и королеве, что повлияло на создание одного из ее образов.

Марысенька столкнулась с критикой еще до восшествия на престол Яна III. Ее предшественница Элеонора Австрийская из рода Габсбургов, жена короля Михаила Корибута Вишневецкого, покорила знать своей добротой и невмешательством в политику. Все сомневались, что новая королева продолжит ту же линию, зная, что она была фрейлиной *супруги короля Яна II Казимира Марии Людовики (в девичестве Марии Луизы Гонзага)*, которую поляки не любили. Эти опасения подтвердились ее активностью в Париже во время выборов короля в 1674 г., которые завершились возведением на престол под звон французского золотого супруга гетмана Собеского. Марысеньке пытались помешать надеть корону, ссылаясь на конституцию 1576 г., содержащую положение о том, что выбор королевы должен был быть согласован с Сенатом. Оппозиция считала, что Мария Казимира недостойна чести делить с Яном трон, поскольку в ней не текла королевская кровь, хотя французские генеалоги проследили род д'Аркьенов до времен Хлодвига I.

Новую королеву обвиняли в том, что она черпает вдохновение у Макьявелли, а ее политические методы называли «дьявольскими планами» и «хитроумными трюками» за спиной Сейма и Сената. Марысеньку часто сравнивали с Агриппиной, женой римского императора Клавдия, которая добилась политического влияния благодаря своим интригам. Оппозиция указывала на ее попытки создать собственную фракцию из жен видных сановников, чтобы влиять на решения, принимаемые их мужьями. На самом деле Марысенька одаривала своими милостями супруг политиков всех фракций, что позволяло ей получать сведения не только о тайнах двора, но и оппозиции. По словам авторов памфлетов, польская Агриппина заняла положение, почти равное положению короля, и могла контролировать работу сеймов. За спиной анонимных авторов стояли видные политики: канцлер Ян Великопольский, епископ Познани Ян Витвицкий, каштелян Вильнюса Богуслав Слушка, рефендарь великий Коронный Антоний Щука. Они полагали, что Ян Собеский, будучи в долгу перед женой за помощь в обретении короны, покорялся ей. Марысенька торговала должностями, а полученные средства тратила на украшения своих дворцов. Оппозиция просила короля положить конец правлению женщины.

Красивую француженку, носившую смелые иностранные наряды, всегда представляли как женщину сомнительной добродетели, которая вела двойную жизнь и изменяла мужу, несмотря на то, что личная переписка королевской четы показывает их глубокие чувства друг к другу и является ценным литературным и политическим наследием Европы.

Критике подвергался также фаворитизм королевы по отношению к своей семье и соотечественникам, о чем свидетельствовали блестящие политические карьеры ее отца и брата, а также выгодные браки ее сестер. Вместе с тем, Мария Казимира в духе своего времени окружала себя близкими и надежными людьми, что укрепляло положение королевской семьи. Сильную эмоциональную реакцию вызывала династическая политика Собеских, породнившихся с влиятельными домами Европы. Но этот аспект дипломатии двора соответствовал характеру европейских межгосударственных отношений того времени.

Нападки на Марысенку усилились после смерти супруга в 1696 г., когда опасались, что она станет реальной правительницей при новом короле (гетмане Яблоновском, которому она обещала новые владения), или что польский трон получит ее зять, курфюрст Баварии, или один из младших принцев. По этой причине оппозиция старалась отговорить шляхту от поддержки этих кандидатов в короли, обвиняя ее в ошибках ее мужа. Анонимные сочинения позволяли их авторам резко высказываться о Марии Казимире не только как о плохой королеве и неверной жене, но и как о равнодушной матери. Когда после смерти Яна III у нее возник конфликт с сыном Якубом, претендовавшим на корону, ей вменяли в вину сосредоточение на собственной власти и стремление найти нового мужа.

Огромное политическое влияние королевы-вдовы пугало до такой степени, что ее хотели заставить покинуть Польшу. Публиковались высмеивавшие ее сатиры. В одном из вымышленных диалогов пожилая мать с морщинами по всему телу рассказала Якубу о своих планах завоевать польскую корону, даже если ей придется пережить еще одни роды или ... выйти замуж за еврея. Марию Казимиру критиковали за быстрое прекращение траура, за то, что она не плакала, и даже за ее поблекшую красоту: подчеркивались ее «мешковатая грудь», «потухший взгляд» и «обвисшая шея».

Одновременно существовал и другой образ польской королевы. В королевской иконографии супруга Яна Собеского представляла как прекрасная и гордая основательница новой династии, как Аврора неземной красоты. Иногда по настоянию Марысенки король приказывал ответить на оппозиционные памфлеты. Авторы этих ответов убеждали шляхту в том, что Мария Казимира – нежная и поддерживающая короля жена, набожная католичка и правительница, которую волнует судьба своих подданных. В отличие от других женщин, писали ее апологеты, она не проводила время перед зеркалом, а как *Mater Patriae* заботилась о благополучии государства. Вместе с тем, в политической полемике не нашла отражения ее созидательная деятельность в области культуры – развитие придворного театра по итальянскому и французскому образцам, покровительство музыкантам, художникам и поэтам.

По сути, в критике супруги виноват и сам Ян III, и архаичский государственный порядок Речи Посполитой. Ориентируясь на западноевропейские образцы, он стремился к усилению королевской власти, что в Польско-Литовском государстве осуществить было невозможно, и безуспешно боролся с растущей оппозицией магнатов. Несмотря на свое стремление к власти и богатству, Марысенка Собеская являлась достойной спутницей своего супруга, мыслила с ним в унисон и проводила политику в духе своего времени. Во многом благодаря ей Ян III вззошел на трон и возглавил силы, давшие отпор турецкой агрессии в 1683 г. Однако конкуренция среди европейских государств в рамках формирующейся Вестфальской системы оставляла мало шансов Польше выдвинуться в разряд великой державы, о чем мечтала королевская чета.

С.М. Климова

Москва, НИУ «Высшая школа экономики»

Лев Толстой и Мария Цебрикова: письма Александру III

Несмотря на то, что русские люди традиционно живут по принципу: «до Бога высоко, а до царя далеко», в нашей интеллектуальной истории существует широкий пласт эпистолярной литературы, связанный с письмами властителям. В российской

историографии выделяют два типа писем к властям: «письма властителю» и «письма во власть».

Эпистолярный жанр в какой-то момент превратился в легитимный способ демонстрации социально-политических и религиозных умонастроений в России. В конце XIX – начале XX в. «письма во власть» приобрели массовый характер и стали одним из методов анализа общественного сознания. Обратимся к «письмам властителю». В XIX в. они носили избирательный характер, отражая специфику политического дискурса, характерного для того времени. Как правило, эти письма могут рассматриваться как вид публичного политического высказывания в форме индивидуального обращения одной личности к другой. При этом главным выступали не политическая, религиозная, или этическая составляющие текста, но экзистенциальный выбор пишущего, его смысло-жизненные установки. Такие письма – репрезентанты конкретных людей с сознательной гражданской позицией. Она представляет одну из главных характеристик этого жанра.

Рассмотрим три письма к одному и тому же лицу – императору Александру III (1845–1894), написанных в важный исторический период с 1881 по 1894 г. двумя знаменитыми (конечно, в очень разной степени) личностями: Л.Н. Толстым и М.К. Цебриковой.

Л.Н. Толстой написал императору два письма. Первое – в начале его царствования, в 1881 г., а последнее – в самом конце – в 1894 г. Оба письма носили частный характер, отражали религиозную установку писателя на христианское милосердие и авторское (толстовское) прочтение евангельских заповедей, таких как: непротivление злу насилием и любовь к ближнему. В первом письме он просил за террористов, убийц Александра II, говоря о недопустимости смертной казни, как формы юридического наказания; во втором письме просил за близких друзей – за семью толстовцев-Хилковых, у которых по личному распоряжению императора (с подачи К. Победоносцева) отняли малолетних детей. Хилковы не признавали таинств венчания и крещения, что аннулировало их брак с точки зрения церковного устава, сделав по закону их собственных детей «незаконнорожденными».

Толстовские письма властителю – сорт этического ультиматума одного христианина к другому, попытка вернуть человека Александра к азам подлинной христианской жизни. В этих письмах политика рассматривается как нечто малозначительное и производное от истинного христианства. Толстой опирается на авторскую интерпретацию Евангелия, пытаясь через веру достучаться до *Я* своего корреспондента. В тоже время – изменение религиозно-этического сознания должно, согласно Толстому, автоматически изменить его поведение как властителя, а, следовательно, всю политическую жизнь в стране. По сути, он призывает к само-отстранению императора от власти. Такой, казалось бы, аполитичный субъективный подход стал базисом христианского анархизма Толстого.

Другим корреспондентом императора стала не просто современница, но и знакомая Толстого по правозащитной и общественной деятельности, либеральная писательница и литературный критик – Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917). Письмо написано одной из первых феминисток того времени. Оно посвящено критике ошибочной государственной политики alexandrovских контрреформ; в нем также были даны настоятельные рекомендации по изменению управления. Текст важен открытой либеральной позицией, провозглашенной женщиной в тот момент, когда в России воцарилась мрачная реакция «победоносцевщины» (выражение С. Венгерова), и многие мужчины предпочитали молчать. В письме к другой либеральной деятельнице – Александре Михайловне Калмыковой Толстой указал на эту смелость: «проведение всех этих мер (контрреформ – С.К.) не встречало никакого противодействия, кроме протеста одной почтенной женщины (Цебриковой – С.К.), смело высказавшей правительству то, что она считала правдой».

Цебрикова текст письма Александру III тайно вывезла из страны и издала в нескольких экземплярах в женеvской типографии в 1889 г. Там же была отпечатана ее статья «Каторга и ссылка», содержание которой сделало ее одной из первых женщин-правозащитниц в царской России.

По содержанию письмо гендерно-нейтрально [2]. Оно носит ярко выраженный характер политической инвективы: системы

обвинений и категорических требований к власти по исправлению политического курса. Однако реакция на него имела не только в гендерный, но и эйджистский характер. Александр, как известно, не ответил ни на одно из писем своих корреспондентов. Однако в отношении Толстого не было сделано ни одного карательного или уничижающего жеста ясно выраженного недовольства. Молчание власти и внутренняя неприязнь к Толстому сосуществовали с пиететом и страхом перед силой и авторитетом великого писателя.

Что касается отношения к Цебриковой, то тут был продемонстрирован не только репрессивный механизм карательной системы, но и крайне пренебрежительное отношение к женщине, ее унижение по половозрастному признаку. «Ей-то что за дело», – написал император на ее письме. Цебрикова эту фразу прокомментировала так: «баба, знай свой шесток» [1, с. 105–107]. В момент создания письма Цебриковой пошел «шестой десяток», что по тем временам считалось «почтенной» старостью, и вкупе с ее «слабым полом» этот фактор оказался «смягчающим обстоятельством» при наказании «старой дуры» (эти слова приписывают Александру), которая, по непонятной причине, полезла не в свое дело. В итоге, ее сначала задержали, потом отпустили, но после публикации в *Times* отрывка из брошюры «Каторга и ссылка» она была вновь арестована и получила пожизненную ссылку, которую ей милостиво дали, вместо положенной за «преступление», каторги.

В этой истории отношение императора к женщине-политику – важный фактор, характеризующий женские политические практики в России. Его реакция – искреннее недоумение власти по поводу политического высказывания женщины, которая, как ему кажется, не имеет даже права на выражение своего мнения, и уж тем более – на открытую критику. По сути, ее наградили диагнозом «старческое слабоумие» только за сам факт публичного высказывания. Судя по этой реакции, политическое мышление самой власти в законодательном отношении к собственным гражданам, фактически было также слабо развито. В реакции Александра явно считается и пренебрежение, и ирония по отношению к автору письма. Он в ней не видит ни собесед-

ника, ни противника, ни личности, ни просто подданной, чье мнение его может заинтересовать. Можно предположить, что ее смелость и была в какой-то мере спровоцирована этим мужским пренебрежением. Возникает ощущение, что в условиях, когда в тебе не «видят» ни противника, ни субъекта права именно женщине высказываться оказалось несколько легче, чем политикам-мужчинам. В тоже время сам факт появления письма можно определить, как «практический феминизм» (А. Колточихина). Его суть в том, что речь не идет о борьбе за права женщин, (специфика феминизма), но письмо стало практической демонстрацией борьбы за права женщин на политическое высказывание, участие в политической жизни. При этом наказание за это оказалось реальным и достаточно суровым, и мало чем отличалось от наказания мужчин в то время.

Несмотря на гендерную нейтральность письма, в материалах, сопутствующих публикации, напротив, явны следы женского стиля, подчеркивается и пол автора, используются глаголы и прилагательные с женскими окончаниями. Остается предположить, что письмо для печати сознательно было написано в нейтральном (читай – мужском) стиле для преодоления априорно предвзятого отношения мужчины-правителя к автору-женщине.

Итак, можно утверждать, что эпистолярный протест Цебриковой имел явную политическую окраску, в отличие от христианского протеста Толстого. Несмотря на это, их объединяет общая этическая предпосылка для совершения акций подобного рода. В обращении к Александру они исходили из одного и того же основания – требований совести, невозможности промолчать в условиях репрессий. При этом Толстой четко «отделял» царя от человека, разоблачал «первого», чтобы добраться также и до совести и спасти «второго» от духовной гибели. Цебрикова, напротив, пытается соединить политику и этику, уйти от морализаторства и имперской вседозволенности, дерзко заявляя, что «помазание на царство не несет с собой и всеведение божества».

Ее письмо обладает многими элементами политического дискурса, без религиозных отсылок к этике и заповедям, характерным для писем Толстого. Для этого дискурса характерно

убеждение и побуждение адресата к активным действиям; *агитация* тех или иных идей; *эмоциональность* как способ воздействия на адресата; попытка выработать *коммуникативный консенсус*; подталкивание императора к принятию социально-политических решений в условиях *допущения (с его стороны) разных точек зрения* в обществе. Призыв Цебриковой к введению гражданских свобод в стране совпадает с обязательной предпосылкой политического высказывания как права на диалог и полемику. Стоит отметить, что, не имея этого фактического права в условиях имперского неравенства, она наделила им себя сама, исходя из презумпции свободы личности, категорического требования совести, личной смелости, чрезвычайно важных в условиях социально-политических репрессий в стране.

Толстой и Цебрикова, не совпадая методически, имеют общую платформу критики власти. Рекомендация либеральной писательницы властям преодолеть насилие в сфере управления можно считать разновидностью ненасильственной этики Толстого. Любопытно, что Толстой-христианин ищет в царе брата *по духу*, а Цебрикова специально подписывает письмо «русская» (единственный раз в письме появился женский род), стремясь пробудить в Александре III сочувствие к соотечественнице, сблизиться с ним *по крови*.

На примере письма Цебриковой мы видим, что несмотря на пренебрежение к женщинам в политике, они в своих проявлениях оказались более открыты, смелы и бескомпромиссны, чем мужчины.

Список литературы

1. Могиланский А.П. Новые данные о М.К. Цебриковой // Русская литература. 1971. № 1.
2. Трофимова В.С. Гражданская активистка и правозащитница. Новые ипостаси русской писательницы 1890-х М.К. Цебриковой // Женщина модерна. Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов. Коллективная монография / сост. В.Б. Зусева-Озкан. М.: Издательство Новое Литературное Обозрение, 2023.

Л.З. Чубукчиева
Бахчисарай, Бахчисарайский
историко-культурный
и археологический музей-заповедник

Участие мусульманок России в социально-политической жизни общества в начале XX в.

Начало XX в. для всего многонационального населения Российского государства было отмечено активной динамикой общественно-политического вопроса. В это время повсеместно были организованы и проведены съезды, конгрессы, курултай, в которых обсуждались вопросы политических прав и свобод. Крымская общественность на революционные столичные события откликнулась созывом 25 марта 1917 г. в Симферополе большого собрания представителей городов и сел, национальных и религиозных организаций. Весьма активно на революционные события 1917 г. отреагировали и мусульманки России. Необходимо отметить, что до февральских событий женщины были заняты в большей степени вопросами просвещения, духовного и культурного развития. Всеобщая атмосфера политических перемен изменила и направление женского движения. Энергичнее других на перемены откликнулись московские мусульманки. В начале марта они провели собрание, на котором было принято единогласное решение добиваться полного равноправия для мусульманок.

Известно, что именно представительницы женского движения Москвы и Казани выступили инициаторами проведения Всероссийского съезда мусульманок. Это был первый женский съезд такого уровня и масштаба.

Съезд проходил в Казани 24–27 апреля 1917 г. в здании «Нового клуба». В его работе участвовало более 150 делегатов из разных регионов России – Поволжья, Кавказа, Крыма, Туркестана, Сибири, Литвы. На съезд мусульманок от Крыма была приглашена и Ш. Гаспринская. Об этом свидетельствует документ из ее личного архива. В силу своей занятости Ш. Гаспринская не поехала в Казань, на съезде крымскотатарских женщин представляла Д. Булгакова и И. Токтарова. В этот же день было избрано Центральное бюро мусульманок России из пяти человек

и делегаты на предстоящий Всероссийский мусульманский съезд в Москве.

Представительницы из Крыма были не только избраны в состав делегации Всероссийского Московского съезда. Д. Булгакова была избрана в состав Центрального бюро мусульманок России, И. Токтарова возглавила Крымский Центральный мусульманский женский комитет.

Следующим серьезным шагом мусульманок в политической жизни общества стало их участие во Всероссийском мусульманском съезде (далее – ВМС) 1–11 мая 1917 г. в Москве. В работе ВМС участвовало свыше 900 делегатов из всех регионов России, из них 112 женщин (по другим источникам 120), 9 из которых представляли делегацию Съезда мусульманок России и его резолюцию. На съезд приехало 25 делегатов из Крыма, в составе крымской делегации были три женщины – Ш. Гаспринская, Д. Булгакова, З. Давидович.

Работа секции по женскому вопросу началась с небольшого доклада И. Токтаровой об итогах Казанского съезда. Рассказав о составе, работе, программе и решениях съезда, докладчица смело высказывала свои мысли касательно политических и гражданских прав мусульманки. Подобных докладов было несколько, в их числе доклады Ф. Кулахметовой, А. Мухитдиновой и С. Якубовой, и т.д. Все они высказывали свою позицию в отношении конкретных требований, в разрешении вопроса женской эмансипации в среде мусульманских народов России. Выступление решительно настроенных девушек вызвало бурю негодования со стороны консервативного духовенства. Они не были готовы к компромиссу и не желали прощаться с законами, которые их вполне устраивали. Высказывания против полигамии некоторых просто приводило в бешенство, мужчины воспринимали это как посягательство на их ответственность. По их мнению, и в вопросах наследования мусульманка не имела права быть равной. Их пугала экономическая независимость женщин. Но, несмотря на полемику, все-таки была принята резолюция касательно женского вопроса, которая, в целом соответствовала требованиям большинства прогрессивных участников ВМС, кроме того, полностью передавала содержание основных положений, установленных Казанским съездом.

Другим знаменательным событием в работе ВМС стало избрание женщины М. Буби членом Оренбургского духовного со-

брана, в состав которого, кроме нее, вошло еще 6 человек. М. Буби (1869–1937) была известна на всю Россию как заведующая и преподавательница знаменитого медресе «Буби», которое славилось уровнем преподавания, использованием нового метода обучения. В мае 1917 г. участниками ВМС М. Буби (заочно, т.к. она не принимала участие в работе данного съезда) была избрана духовным судьей (кади) в Центральное духовное управление мусульман России. Она ведала вопросами семьи, женского образования, дополнительно исполняла обязанности секретаря. Историк Я. Халили по этому поводу писал: «Мы не знаем такого явления в исламском мире. Даже в являющейся исламским государством Турции, как нам известно, нет такого. Это событие – избрание женщины казыем – стало возможным лишь под влиянием женского съезда, под воздействием голоса женщин. Этот факт, доказывающий конец затворничества женщин, равенство мужчин и женщин в делах и правах».

Следует отметить, что ни Казанский съезд мусульманок, ни Московский съезд, в работе которых женский вопрос дискутировался горячо и рьяно, не остались без внимания в общественно-политической жизни. Усилия, предпринятые со стороны мусульманок, в том числе и крымских татарок, были услышаны и частично претворены в жизнь. Однако это было первым шагом, даже прорывом в деле прогресса мусульманок России. Участники ВМС, вернувшись в свои города, стали активно проводить в жизнь решения, принятые на съезде в Москве. Крымскотатарские женщины во главе с Ш. Гаспринской и другими лидерами принялись за создание Центрального бюро мусульманок в Крыму. Под влиянием всех вышеперечисленных событий в Крыму стали создаваться женские комитеты, которые также активно занимались общественными, просветительскими, политическими вопросами.

Политические права, обеспеченные мусульманкам решениями Казанского и Московского съездов, стали активно использоваться женщинами Крыма. В архивных материалах государственного и частного фондов сохранилось несколько документов, в которых подтверждается участие крымских татарок в выборах местного уровня. Примечателен тот факт, что в этом же году среди списков кандидатов в гласные Бахчисарайской городской думы встречаются и женские имена. В июле 1917 г. по 8 избирательным участкам прошли выборы Бахчисарайской го-

родской думы. На них прибыл 901 человек, было избрано 30 гласных. Среди них две мусульманки: Ш. Гаспринская и З. Давидович. В истории крымскотатарского народа это был первый случай участия женщины в органах местного городского управления.

Известно также об участии мусульманок Крыма в I Курултае крымскотатарского народа, который начал свою работу 26 ноября 1917 г. как учредительное собрание крымских татар и продолжил ее как постоянно действующий орган – национальный съезд.

В выборах делегатов Курултая участвовало более 70% крымскотатарского населения, было избрано 77 человек, из них четыре женщины: от Симферополя – 19, от Ялты – 24, от Феодосии – 17, от Евпатории – 11, от Перекопа – 6 представителей. Из женщин-делегатов А. Боданинская представляла Симферопольский уезд, Х. Авджи и И. Токтарова – Ялтинский уезд, Ш. Гаспринская – Евпаторийский уезд.

Курултай заседал с перерывами 18 дней. План работы Курултая включал проблемы от государственного строя до реформ касательно религиозной, культурной, правовой сфер. Однако не остался без внимания и женский вопрос. Так, например, в утвержденной Курултаем Конституции в 18 ст. узаконивалось равенство между мужчиной и женщиной. Такое решение было поистине прогрессивным, либеральным, революционным шагом со стороны крымскотатарской интеллигенции. Попытки утверждения равноправия, предпринятые ранее на Казанском и Всероссийском московском съездах, были продолжены и доведены до логического завершения в работе крымскотатарского Курултая.

Ю.В. Савосина

Рязань, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Идеал Новой женщины: специфика британского суфражистского движения в первой четверти XX века

Период с 1903 г. по 1914 г. в современной литературе по истории женских движений рассматривают как «милитантский» период (от англ. Militant – воинствующий, боевой). Он характеризуется разделением суфражистского движения на два крыла,

появлением новых форм борьбы, а также окончательным разрывом женских организаций с либеральной партией.

Рост политического самосознания женщин постепенно меняет социальную базу и идеологию суфражистского движения. К началу XX в. в защиту своих прав начали выступать женщины-работницы, среди которых были популярны более радикальные идеи. Их требование касалось предоставления права голоса для всех женщин старше 21 года. Избирательное право рассматривалось ими как необходимое средство при решении социальных проблем женщин.

Кроме того, движение суфражисток приобрело массовый характер. В 1903 г. был основан Женский социально-политический союз (ЖСПС) (англ. Women's Social and Political Union) – активистская организация, ведущую борьбу за предоставление женщинам избирательных прав. Главой организации стала Эмелина Панкхерст, вдова известного общественного деятеля и сторонника женской эмансипации. Ее тактика базировалась на сознательном нарушении закона. Членство в ЖСПС ограничивалось только лицами женского пола, представительницы которого гордо именовали себя «суфражетками».

Британские женщины вели активную пропагандистскую работу, используя средства массовой информации – издавались газеты и журналы. Проблема женского избирательного права стала остро обсуждаться в британском обществе. Суфражистки, участвуя в общественном движении, стали постепенно вовлекаться в политику, начали создаваться политические союзы женщин в поддержку консервативной и либеральной партий.

В 1911 г. потерпела неудачу очередная попытка принять закон о предоставлении женщинам избирательных прав. Начинается активная кампания против британского правительства с применением насильственных методов.

Атаки реализовывались различными методами. Помимо ношения рекламных значков и издание предвыборных агитационных открыток, члены женского союза применяли крайние формы протеста: метания камней и железных банок в мужчин, поджог и подрыв зданий, порча государственной и частной собственности (уничтожались площадки для гольфа, винные погреба, дорогие магазины и т.д.). Многие женщины отказывались платить налоги, аргументируя это отказом правительства предо-

ставлять им право голоса: нет голоса, нет налогов. Даже одежду суфражистки не оставили без внимания: они ввели в обиход узкие юбки, и даже брюки.

В тюрьмах суфражистки добивались статуса политических заключенных, угрожая, в случае непризнания, голодовкой. Женщин пытались кормить насильно, т.к. правительство Великобритании не хотело смертельных исходов.

Число участниц женского движения растет, находились сочувствующие им мужчины-политики и государственные деятели, однако крайне агрессивные и незаконные методы вызвали осуждение в консервативном британском обществе: на них накладывали штрафы, сажали в тюрьмы, а зачастую и просто избивали на улице. Англиканская церковь осудила движение суфражисток, в ответ – стали происходить постоянные поджоги церквей.

К 1914 г. крупнейшая, но не единственная суфражистская организация Национальный союз суфражистских обществ насчитывала 53000 членов. На опыт британских суфражисток ориентировались женские организации, выступавшие за политические права женщин в других европейских странах, в том числе и в России.

Непримиримая борьба женщин-суфражисток и британского правительства окончилась внезапно. В 1914 г. Великобритания вступила в Первую мировую войну, которая и положила конец борьбе за политическое равноправие женщин. Большинство суфражисток, отдавая должное моменту, прекратили свои акции, хотя некоторые из них и считали себя пацифистками.

Через два дня после объявления Великобританией войны Германии ЖСПС объявил о приостановке своей деятельности. После переговоров с английским правительством, которое согласилось выпустить из тюрем всех арестованных суфражисток, ЖСПС заявил о переходе на патриотические позиции. В связи с мобилизацией мужчин в армию Панкхерст добилась для женщин права работать на военном производстве. Англиканская Церковь поддержала «перевоспитавшихся» суфражисток – архиепископ Кентерберийский возносил славу доблести женщин Англии, которые заменили на производстве ушедших на войну мужчин.

Многие обеспеченные англичанки шли на фронт работать медсестрами. Представительницы рабочего класса начали заменять мужчин во всех сферах деятельности. Женщины вообще быстро

освоили большинство мужских профессий. Правительство даже благосклонно отнеслось к новой моде – для удобства представительницы женского пола приспособили мужские костюмы, вначале как рабочую форму, затем как повседневную одежду.

Добровольное прекращение деятельности на время войны было по достоинству оценено политическими партиями Великобритании. 6 февраля 1918 г., после окончания Первой мировой войны, в Великобритании был принят новый избирательный закон – People Act of 1918. Женщины впервые получили право голоса, правда с некоторыми ограничениями: избирательницы должны были быть вписаны в Реестр местного самоуправления как главы домашних хозяйств или состоять замужем, а также быть старше 30 лет. Однако это была первая значимая победа суфражисток. Всеобщее и равное избирательное право было введено в Великобритании в 1928 г.

В.В. Мищенко

*Черняховск, Московский педагогический
государственный университет
(филиала МПГУ)*

Женщина в секте: воззрения на проблему хлыстовства православных миссионеров рубежа XIX–XX вв.

Роль женщины в русском мистическом сектантстве – актуальная тема для исследователей российских конфессиональных групп. Что привлекало женщин из народа в секты? Почему сектанты-проповедники стремились воздействовать на женщин?

Прежде всего, современники обращали внимание на эмоциональную сферу женщины, большее доверие к религиозным проповедникам в сектах. «Женщина в религии, как она ее понимает, может найти удовлетворение всем инстинктам своей природы. Происходит это, на наш взгляд потому, что, как существо чрезвычайно восприимчивое и интенсивное, женщина начинает верить в те иллюзии, которые создала ее собственная религиозная фантазия. А если женщину окружает невежественная среда, как это всегда бывает с хлыстовскими богородицами, то эта самая среда только способствует укреплению в сознании женщины представлений, какие она выработала на религиозной основе.

Женщина в порывах религиозного возбуждения совершенно перерождается: будучи поглощена одной тенденцией, женщина и для окружающей ее среды является не тем, чем она есть, и невольно заставляет признавать в себе иное неземное существо» [1, с. 52]. Все хлыстовские богородицы исключительно убеждены в своей великой мировой роли, и это убеждение естественно передается и их почитателям. И трудно уже чему-либо постороннему всколыхнуть женское сердце, остановившееся и как бы застынувшее на известной религиозной точке.

Священник А. Содовский в своей статье «Женщина – хлыстовка» замечает: «...женщина в постоянном брожении вечно волнуется, вечно ищет все новых и новых жертв своего дикого заблуждения. И в этом она нередко успевает, потому что всегда знает случай, когда можно пустить в ход хлыстовскую идею, знает повод, когда именно нужно провести в народ хлыстовскую тенденцию» [5].

Булгаков Н. писал «...женщина есть существо в высшей степени самолюбивое и тщеславное. Глубоко поучительна в отношении женской психологии история падения наших прародителей. Дьявол, желая склонить Еву к падению, старается польстить именно ее самолюбию. Враг человеческого рода хорошо знает, что искусительная его речь найдет для себя полный отголосок в душе праматери, еще не укрепившейся в добре. Демон получил полную власть над Тамарой, пообещав со страшными клятвами между прочим: “Тебя я, вольный сын эфира, возьму в надзвездные края, – И будешь ты царицей мира, подруга вечная моя!”.

Та же самая искусительная дьявольская речь слышится и в нравственном учении секты хлыстов. Это учение чрезвычайно обаятельно для женского сердца, постоянно ищущего себе поклонения и обожания в окружающей среде. Назначение каждого человека, говорят хлысты, состоит в том, чтобы здесь же на земле таинственно умереть, воскреснуть и сделаться ангелом, ибо все ангелы суть ничто иное, как отжившие люди, сподобившиеся таинственного воскресения» [1, с. 52].

Обаяние хлыстовского учения было настолько сильно, что в отдельных местах стали пропадать женщины. Впервые пропажу женщин и хлыстовство связали на Дону, в станице Мелеховской. «Они, увлеченные хлыстовским учением, покидали свои дома, детей, родственников и скрывались в пещеры. Потом через не-

которое время письмами склоняли к тому же и других своих знакомых» [3, с. 718]. В письмах женщины оправдывают себя, но при этом еще и занимаются пропагандой хлыстовского учения: «Вы думаете напрасно говорит Писание: тот, как сказал Спаситель, кто не оставит отца и мать, жену и чада, и не берет креста своего, и не следует за Мной, тот недостойн Меня» [3, с. 718].

Одним словом – хлысты прямо говорят: поступай в наше общество и ты будешь богом. Женщина обыкновенно не рассуждает, что тайна воплощения Бога в человеке единожды совершилась – а думает, что стоит только выполнить правила известного учения, чтобы достигнуть этой, никогда недостижимой для обыкновенного смертного, цели. Быть Богом, иметь ум и волю Христову, знать будущее, проникать в тайны вещей, не стесняться ничем внешним – какое широкое поле для воображения, какая сильная приманка для ума! «И вот ради этого дьявольского желания женщина бросает истинный и прямой путь веры и спасения и идет за теми же вождями, которые, обманываясь сами, обманывают и других обольстительною мечтою сделать всех своих последователей носителями Христа или Духа Божия» [1, с. 53].

Н.М. Никольский считает, что некоторые специфические черты хлыстовской обрядности отвечали именно психопатическим настроениям женской части. «Существовал чрезвычайный обряд, посредством которого открывалась богородица и одновременно продолжалось постоянное воплощение Христа. Обряд заключался в том, что в конце радений, когда все участники доходили до состояния полного умоисступления, происходило беспорядочное половое смешение участников и участниц. Забеременевшая после такого обряда девушка становилась “богородицей”; если у нее рождался сын, он объявлялся “христосиком”, если дочь – “пророчицей”» [4, с. 213].

Особое место женщины – «богородицы», «пророчицы» в хлыстовском вероучении формировалось под влиянием догмата о возможности прямого общения со «святым духом» и воплощения «святого духа» в наиболее праведных людях.

Но так ли это было на самом деле? Заманивая в секту возможностью стать Богом, каждая ли женщина, попавшая в хлыстовство, становилась богородицей?

Особенно показателен случай, произошедший в слободе Карповка (область Войска Донского). В слободе проживал

хлыст Фоцев, совративший в хлыстовство Прохора Скоробогатченкова. После смерти Фоцева, Прохор исчез на четыре года, вернувшись, провозгласил себя учеником Иоанна Кронштадтского. В слободе Карповка собрал подаяния в пользу отца Иоанна Кронштадтского и уехал в Кронштадт вместе с мещанином Иваном Землянским и крестьянской девкой Домной Близгаревой, сказав им, «что о. Иоанн зовет их к себе» [2, с. 234]. Но в августе 1902 г. Скоробогатченков снова явился в Карповку и уже в сопровождении не только Близгаревой и Землянского, но и крестьянской девицы Екатерины Трушониной, которая, как выяснилось следствие, слыла у хлыстов в Кронштадте скорбящею богородицею. Пропаганда началась через Д. Близгареву, которая говорила своим подругам в слободе: «теперь я только узнала, что я грешница; в Кронштадте мы живем у “отца”, отец нас и кормить, и поить, мы ничего не знаем, только Богу молимся» [2, с. 234]. Началось брожение в слободе, и 17 человек решили ехать в Кронштадт спасаться. Наконец-то о проделках хлыстов узнала гражданская власть, и все его последователи были в Кронштадте арестованы, но сам Прохор Скоробогатченков и Екатерина Трушнина избежали ареста, уехав из Кронштадта.

Интересны как раз показания бывших последователей Скоробогатченкова об их житье-бытье в Кронштадте, которые дают понимание иерархии женщин в общине хлыстов. Анна Лисицкая, девушка, 17 лет: «Когда нас привезли в Кронштадт, поселили нас сначала в катухе на дровах, во дворе дома Максимова (Медвежья улица угол), Екатерина же и Домна поехали в Новгород к старцу Назару. Живя в сарае, ели мы свои харчи, привезенные из дома. Так прожили дней семь. По возвращении Екатерины и Домны, нас водворили в дом Максимова... Скоробогатченков ночевал у нас, но спал с Екатериной в отдельной комнате. Сначала это смущало нас, но потом мы решили, что так нужно для спасенья. Екатерина Трушнина, по приказанию Скоробогатченкова, заставляла нас всех красть свечи в Кр. соборе, ходить по городу побираться. Все собранное отдавалось Екатерине, а кто мало приносил, получал от нее выговор. Кто побирается, учила Екатерина, тому Бог награду даст на небе. По временам приезжала к нам “старшая” богородица Параскева (немолодая уже)» [2, с. 234].

Итак, положение женщины в русском мистическом сектантстве оказалось двояким. С одной стороны – у женщины была роль дешевой рабочей силы и прислуги у богатых сектантов, с другой – роль женщины-богородицы, пророчицы. Богородицам воздавали фанатичное богопочтение под влиянием догмата о пребывании в них Духа Святого. Богородицам приписывались способности определения общей и частной судьбы Людей Божиих. Богородицы, пророчицы выполняли также административные функции в общине, занимаясь вербовкой новых членов секты, наказаниями сектантов, управлением делами общины. Простые сектантки могли улучшить свое положение в общине с помощью вербовки и воспитания детей в духе сектантского вероучения.

Список литературы

1. Булгаков Н. К вопросу о причинах обоготворения женщин у хлыстов // Миссионерское обозрение. 1901. № 1.
2. Миссионерское обозрение. 1904. № 1.
3. Миссионерское обозрение. 1904. № 11.
4. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.
5. Содовский А. Женщина-хлыстовка // Странник. Май. 1897.

Е.Л. Бадмацыренова

Улан-Удэ, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Красные юрты и кочевые организаторы: формирование советской повседневности женщин Бурят-Монголии в 1920-е годы

Несмотря на активную деятельность государственных и партийных органов по вовлечению женщин Бурят-Монголии в общественно-политическую и экономическую жизнь республики, к середине 1920-х годов большая их часть, особенно бурятки восточных аймаков, так и не была интегрирована в новые формы общественно-политической коммуникации. Кроме проверенных методов и форм работы с женским населением, таких как проведение беспартийных конференций, съездов, организа-

ция делегатских собраний требовались новые подходы к решению данной проблемы.

В соответствии с этим при Центральных Исполнительных Комитетах союзных и автономных республик были созданы комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока (КУТБЖ). В задачи комиссии входили практическая проработка вопросов по улучшению бытового, правового и экономического положения женщин, поиск новых методов и форм работы с женским населением.

В БМАССР такая комиссия была создана 13 февраля 1925 г. в составе трех секций: охрана материнства и младенчества, по борьбе с безработицей и проституцией, юридическая – по защите прав женщин. Председателем комиссии по положению являлся председатель БурЦИКа. Первым секретарем стала Л.Н. Пронина, приложившая значительные усилия к улучшению труда и быта женщин [5, л. 241].

В состав комиссии по улучшению труда и быта женщин входили представители целого ряда наркоматов и ведомств, органов просвещения и здравоохранения, партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Члены комиссии на практике изучали условия труда и быта женщин республики, занимались изучением роли женщин в традиционном хозяйстве, семье, бытовых традиций и суеверий, отражающих положение женщин, отношение их к религии. Кроме того, оказывали помощь безработным женщинам, одиноким матерям и детям, организовывали детские учреждения, столовые, пекарни, школы кройки и шитья, прачечные, столовые [4, с. 108].

В начале своей работы комиссия охватывала своей деятельностью женщин-буряток из восточных, наиболее отсталых аймаков республики, а также практиковалась просветительская работа среди семейских женщин [5, л. 26]. В дальнейшем вся работа была направлена только на женщин-буряток восточных аймаков.

Результатами совместной деятельности женотделов и КУТБЖ являлось внедрение новых методов и форм работы по вовлечению женщин Бурят-Монголии в общественно-политическую деятельность. С июля 1926 г. в Агинском и Хоринском аймаках начали работу кочевые организаторы по работе с женским населением. В отличие от волостного организатора, кочевой организатор часто разъезжал, и строил работу через

мероприятия практической помощи. Данный опыт работы показал положительные результаты и уже с ноября 1926 г. всех хошунных и волостных организаторов среди женщин перевели в кочевые организаторы, к 1926 г. их насчитывалось шесть человек. В Агинском аймаке работали два кочевых организатора, в Хоринском, Верхнеудинском, Баргузинском и Троицкосавском аймаках по одному организатору. Кроме того, окончивших в этом же году курсы, десять женщин-буряток назначили кочевыми организаторами в качестве практиканток. Таким образом, обслуживалось уже 10 хошунов.

Кочевые организаторы проводили свою работу на собраниях в форме бесед по программе делегатского собрания и занятия по домоводству, где обучали женщин выпечке хлеба, стирке белья, уходу за детьми, уборке жилища, мытью посуды, проводили беседы по животноводству. Населению разъяснялось значение детских яслей, тубдиспансера, коек для рожениц. Вовлекали женщин в кружки рукоделия, в работу изб-читален [5, л. 28].

Всего с ноября по июль 1926 г. было проведено 15 общих женских собраний, охвачено 643 женщины. В целом работа кочевых организаторов оценивалась положительно, но, в связи с ликвидацией хошкомов должность кочевых организаторов была сокращена. В 1927–1928 гг. из областного бюджета были выделены средства только на двух организаторов [5, л. 2].

Один из самых удачных методов работы с женским населением Бурят-Монголии являлась работа «Красной юрты». Первая красная передвижная юрта была открыта в Хоринском аймаке в 1927 г. [5, л. 23–24]. В задачи «Красной юрты» входило политическое воспитание буряток в целях вовлечения их в общественную работу, развитие общественно-культурных навыков, втягивание их в работу делегатских собраний, изб-читален, красных уголков, содействие вступлению их в партию, комсомол и кооперацию [5, л. 4].

«Красные юрты» на практике оказывали помощь в повседневной работе буряток, вели юридическую и медицинскую консультации, открывали кружки, ставили спектакли, вечера самодеятельности, содействовали открытию детских яслей, детских площадок, знакомили буряток со швейными машинками, сепараторами, русской печью для выпечки хлеба и т.д. В их штат входили заведующая юртой и патронажная сестра [5, л. 4–5].

Деятельность юрт была рассчитана на привлечение как можно большего числа женщин-буряток, продолжительность работы длилась от трех до семи месяцев. Открывалась она во время зимних стоянок, примерно с октября месяца, а заканчивала работу в марте-апреле [5, л. 128–129]. Радиус охвата юрты в сомоне составлял от 20 до 50 верст с женским населением от 15 до 500 человек. Среднее количество женщин во всех кружках было от 30 до 70 человек. По социальному положению это были преимущественно беднячки и середнячки [5, л. 32].

Опыт работы первой «Красной юрты» дал хорошие результаты. В 1929 г. в республике работало десять юрт – в Хоринском, Селенгинском, Агинском, Верхнеудинском, Баргузинском и Баунтовском районах. В 1932 г. работало уже 16 «Красных юрт» в 13 аймаках, а в 1933 г. их было 25 [5, л. 8]. В этих юртах в свое время работали В. Егорова, А. Барлукова, Е. Халтанова, О. Баранникова, Т. Никотеева, М. Рампилова и др. [2, с. 114–115].

Особую актуальность в процессе вовлечения женщин в общественно-политическую и экономическую деятельность имели «Красные чумы» в северных районах республики, где проживали малые народности Севера. Работа в чумах строилась так же, как и в «Красных юртах». Их организация давала реальную возможность приблизиться к населению, проводить работу по поднятию культурного уровня тунгусских женщин, способствовала внедрению навыков санитарии и гигиены, оздоровлению быта.

Первый «Красный чум» был организован в 1930 г. в Баунтовском аймаке под руководством Лаппо. В Северо-Байкальском аймаке он впервые был организован в 1931 г. [3, с. 63–65]. Одной из активных деятельниц работы «красных чумов» в 30-е годы XX в. являлась Вера Ринчиновна Боянова, в будущем министр здравоохранения БМАССР, которая по окончании Улан-Удэнского медицинского техникума была направлена Народным Комиссариатом здравоохранения республики в Северо-Байкальский аймак [1, с. 47].

В результате работы «красных юрт», «красных чумов» была ликвидирована неграмотность значительной части населения, повысился уровень политического и бытового сознания. Женщины, занимаясь в кружках по охране материнства и младенчества, по улучшению быта научились стирать белье, кроить и шить, готовить пищу, мыть полы, ухаживать за своими детьми.

При юртах каждое лето организовывались детские ясли, которые пользовались популярностью во всех аймаках.

Юрты завоевали достаточный авторитет и среди мужчин, которые также наравне с женщинами посещали «Красную юрту». Например, при обследовании работы Агинской красной юрты в отзывах со стороны населения было написано: «Красная юрта – это все для нас, о ней как культурном центре знают все буряты хошуна, приезжают смотреть и делиться опытом» [5, л. 6].

Деятельность работников юрт сталкивалась с рядом трудностей, такими как недооборудованность предметами быта (отсутствие сепараторов, фонарей, диапозитивов, швейных машинок, маслобоек), нехватка литературы на бурятском языке, недостаточное руководство и помощь со стороны партийных органов аймака, органов здравоохранения [5, л. 33].

К концу 1920-х годов постепенно стало меняться направление работы женотделов по всей стране. Руководство страны и республики стало больше интересоваться повышением производительности труда, участием всех слоев населения в коллективизации и индустриализации, выполнением планов. Хотя проблеме вовлечения женщин в советское строительство и уделялось внимание, но больше уже с точки зрения пополнения трудовых резервов.

Список литературы

1. *Бартанова А.А.* Женщины Советской Бурят-Монголии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952.
2. *Вампилова А.С.* Первые культурные очаги // Женщины Советской Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969.
3. *Доржиева В.В.* Изменение положения эвенкийских женщин в обществе в середине XIX – 90 гг. XX века (на материалах Бурятии) / автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Бурятский ун-т. Улан-Удэ, 1998.
4. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981). Документы и материалы / сост. Г.Л. Санжиев и др. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983.
5. НАРБ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 204. Л. 241.

Женщины в Тамбовском восстании 1920–1921 гг.

Изучение роли поколения «революционного перелома» в Тамбовском восстании 1920–1921 гг. актуализировало гендерный фактор проблемы. На основе архивного материала выяснено участие сельских женщин в повстанческом движении. Среди партизан их были единицы, а в качестве командира отряда лишь одна. Это крестьянка села Большая Липовица Тамбовского уезда Маруся Косова. Исследователь В.В. Самошкин предполагал, что в «антоновской» армии она возглавляла отряд, который занимался реквизициями, а также участвовал в боях [10, с. 67]. В воспоминаниях сельского коммуниста И.Е. Панкратова есть утверждение о том, что 22 апреля 1921 г. Мария Косова была им арестована и отправлена в губернскую ЧК, где и расстреляна [1, с. 109]. Другое упоминание о «тамбовских амазонках» находим в документах правительственных войск. Так, по сообщению разведки 5-го боевого участка (БУЧ) 20 мая 1921 г. вблизи села Чакино была обнаружена банда численностью в 120 всадников, среди которых замечены женщины [7, л. 162].

Фигурировали женщины и в качестве «боевых» подруг партизанских командиров. Так, по приговору революционного военного трибунала (РВТ) армии при командующем войсками Тамбовской губернии от 5 июля 1921 г. была расстреляна крестьянка Мария Салькина, 22 лет, жительница села Черняное Тамбовского уезда. Ее вина заключалась в том, что «она имела связь с бандой, а с ее командиром Дутовым находилась в интимных отношениях, и, разъезжая с ним по селу, агитировала против Советской власти» [9, л. 293]. Из показаний певицы и актрисы А.А. Дриго-Дригиной от 12 июля 1921 г. узнаем, что она была захвачена отрядом антоновцев 14 января 1921 г. в поезде на станции Ртищево. Став «походной» женой командующего партизанскими армиями Тамбовского края П.М. Токмакова, выполняла в канцелярии штаба роль машинистки и переписчицы, а по вечерам развлекала командиров повстанцев песнями и плясками. В конце апреля 1921 г., накануне Пасхи, наша героиня попала в плен 1-й кавале-

рийской бригады и стала «трофеем» красного командира Балычева, который сделал ее законной женой [4, л. 56, 59]. С женщиной связана и гибель руководителя Тамбовского восстания А.С. Антонова. Он и его брат Дмитрий были убиты 24 июля 1922 г. в ходе чекистской операции в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда. Они скрывались в доме крестьянки Наталии Ивановны Катасоновой, сожительницы А.С. Антонова [2, с. 584].

По свидетельствам местных жителей, они видели женщин в обозе отряда повстанцев, когда те занимали их села. О присутствии крестьянок в лесных лагерях партизан сообщали «красные» лазутчики. Пленные «бандиты» на допросах упоминали о том, в местах расположения их полков деревенские бабы осуществляли уход за больными и ранеными, готовили пищу, стирали обмундирование. Наличие женщин во время переходов повстанческих отрядов отмечено в сводках армейской разведки, донесениях осведомителей губернской чеки, отчетах пилотов аэропланов.

Содействие женщин повстанцам в районах оккупации выражалось в укрывательстве партизан, сборе и передаче разведывательной информации, хранении оружия и боеприпасов, снабжении провиантом. Из материалов выездных сессий РВТ следует, что за пособничество, шпионаж, сокрытие оружия их наряду с мужиками приговаривали к смерти. Порой расправу правительственные войска вершили и без решения трибунала. Например, в сводке штаба 6-го БУЧ сообщалось, что во исполнение приказа № 171 Полномочной комиссии ВЦИК была расстреляна на месте без суда крестьянка с. Карай-Салтыково Александра Федоровна Бородина, задержанная 22 июня 1921 г. за сокрытие оружия, принадлежащего ее мужу-бандиту [8, л. 2 об].

В ходе подавления восстания, наряду с мужиками, бабы в полной мере ощутили на себе всю жестокость репрессий. При оккупации «мятежных» сел «бандитских» жен в числе первых брали в качестве заложников. Так, только в двух селах Тамбовского уезда – Хитрово и Коптево в период с 5 по 10 июля 1921 г. карателями было арестовано 56 бандитских семей, в числе которых мужчин – 20 чел., женщин – 58 и детей – 53 [6, л. 544]. Женские имена находим и в списках расстрелянных заложников. Из содержания отчета военного отдела Больше-Лазовского районного революционного комитета следует, что за время его работы с 11 июля по 1 августа 1921 г. в волостях было взято в

качестве заложников 66 мужчин и 37 женщин, из них расстреляно 43 человека [6, л.156].

С целью принудить повстанцев сложить оружие военно-партийная администрация прибегала к аресту членов семей и временному содержанию их в концентрационных лагерях. Значительную долю заключенных в них составляли жены «бандитов» вместе с детьми, порой грудного возраста. Условия их пребывания там были ужасными. Например, комендант Моршанского концлагеря 27 сентября 1921 г. сообщал, что в числе содержащихся в отделении заложников «15 женщин и 37 детей, в том числе 8 грудных. Положение заключенных тяжелое, кормящих матерей и детей особенно» [5, л. 403]. Из акта обследования Лебедянского концлагеря от 1 октября 1921 г. узнаем, что «арестованные женщины содержатся в бараке совместно с мужчинами; гигиеническое состояние ввиду переполнения барака находится в самых худших условиях» [3, л. 98].

В силу маскулинности природы восстания участия женщин в боевых действиях было исключением. Но их роль в обеспечении надежности тыла партизанского движения была активной и значимой. Содействие сельских баб восставшим крестьянам было обусловлено родственными связями и солидарностью с их выбором. В ходе вооруженного противостояния они были заложниками, а в ряде случаев и жертвами репрессий коммунистической власти. Таким образом, наши «героини» разделили судьбу как поколения «революционного перелома», так и российской деревни в целом.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Список литературы

1. Антоновщина: Статьи, воспоминания и др. материалы к истории эсэро-бандитизма в Тамб. губ. Тамбов: Изд-во Тамб. губкома РКП(б) «Коммунист», 1923.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.
3. Государственный архив Российской Федерации. ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 51. Л. 98.

4. Государственный архив Тамбовской области. ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1717. Л. 56, 59.
5. ГАТО. Ф. Р.-394. Оп. 1. Д. 702. Л. 403.
6. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 13. Л. 156.
7. Российский государственный военный архив. РГВА. Ф. 34227. Оп. 1. Д. 141. Л. 162.
8. РГВА. Ф. 34228. Оп. 1. Д. 49. Л. 2об.
9. РГВА. Ф. 7709. Оп. 2. Д. 86. С. 293.
10. *Самошкин В.В.* Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005.

Е.В. Жбанкова

*Москва, Московский государственный
Университет имени М.В. Ломоносова*

«Женский вклад» в формирование государственной политики в области театра в первые годы советской власти

В первые годы советской власти в процессе становления государственной политики в области художественной культуры и искусства особое и большое значение имел «женский вклад». В данном сообщении хотелось бы обратить внимание на развитие театрального дела в советской России, на формирование такого нового театра, который будет эффективно внедрять идеологию государства диктатуры пролетариата в сознание граждан. Контролировал процесс становления театрального дела Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО НКП).

За период 1918–1921 гг. ТЕО возглавляли: О.Д. Каменева (июль 1918 – июль 1919 г.), А.В. Луначарский (июнь 1919 – февраль 1920 г.), В.Р. Менжинская (февраль – сентябрь 1920 г.) и В.Э. Мейерхольд (сентябрь 1920 – февраль 1921 г.) [3, с. 42]. Ольга Давидовна и Вера Рудольфовна, безусловно, значительно повлияли на процесс становления нового театра в целом и «театрального Октября» в частности.

Третьей женщиной, также внесшей весомый вклад в развитие театрального дела в первые годы советской власти, была Елена Константиновна Малиновская, не бывшая заведующей ТЕО НКП, но осуществлявшая в эти годы руководство Большим театром и оказавшая большое влияние на его дальнейшую судьбу.

Все три женщины были ближайшими родственницами видных партийных и государственных деятелей советской России, что, конечно, позволило им занимать руководящие посты, но в то же время, оставаться в тени более именитых мужчин. Поэтому хотелось бы отчасти восстановить историческую справедливость и отдать должное женщинам, в действительности внесшим весомый вклад в отечественную художественную жизнь.

Каменева Ольга Давидовна, девичья фамилия Бронштейн (1883–1941), революционер и общественный деятель, сестра Л.Д. Троцкого и первая жена Л.Б. Каменева. Родилась в богатой семье, получила хорошее образование в Швейцарии. Революционной деятельностью начала заниматься в Бунде. В 1902 г. познакомилась с Каменевым, под его влиянием перешла на позиции большевизма. Помогала мужу в России и в эмиграции (1908–1914 гг.).

После Октября 1917 г. вплотную занималась театральными делами, руководя ТЕО НКП и фактически осуществляя планы В.Э. Мейерхольда, с которыми была солидарна. Однако не всегда ее позиции совпадали с представлениями наркома просвещения А.В. Луначарского, с которым она часто дискутировала по вопросам перспективного развития советского театра. В результате была отозвана из ТЕО НКП на политическую работу. Служила в Отделе по работе среди женщин при ЦК РКП (б), который короткое время возглавляла после смерти его первой заведующей – Инессы Арманд. В 1920-е годы занималась культработой, служила в ВОКСе, руководила кинопрокатом в СССР.

Вера Рудольфовна Менжинская, родная сестра Вячеслава (Вацлава) Рудольфовича Менжинского, родилась в 1872 г. в семье профессора Римско-католической духовной академии в Петербурге. Окончила Мариинскую женскую гимназию, трехгодичные педагогические курсы, училась на Высших женских курсах П.Ф. Лесгафта. Преподавала в Василеостровском училище и на курсах за Невской заставой. Занималась революционной деятельностью, в 1905 г. вступив в РСДРП.

После Октября 1917 г. работала в Коллегии Наркомпроса, участвовала в разработке проектов основных принципов Единой Трудовой школы. Некоторое время возглавляла ТЕО НКП и способствовала формированию его структуры и деятельности. Однако ее личные взгляды на дальнейшее развитие нового теат-

ра были достаточно консервативными, поэтому Менжинскую отстранили от должности. Далее ей было поручено вести методическую и организационную работу по обучению иностранным языкам. Ею было составлено большое количество пособий и учебников, а с 1929 г. она стала директором Института иностранных языков и организовала Государственные курсы их заочного обучения.

О. Каменева и В. Менжинская оптимизировали работу ТEO НКП. ТEO составлял ряд секций, созданных для теоретической разработки вопросов в соответствующих направлениях для образования различных театральных учреждений показательного типа. Осенью 1918 г. таких секций было четыре: педагогическая, историко-театральная, репертуарная, театров и зрелищ [1, д. 1, л. 71–74].

Состав секций не был стабилен. По мере расширения своей деятельности ТEO образовывал новые секции, подсекции, группы и т.п. Например, летом 1919 г. в состав ТEO входили следующие подотделы: 1) секция Бюро военных комиссаров; 2) личного состава; 3) информационное бюро; 4) хозяйственная часть; 5) финансово-сметный; 6) бухгалтерия; 7) бюро театральной техники; 8) секция театрального образования; 9) секция педагогическая; 10) секция театрального образования; 11) секция театров и зрелищ; 12) коллегия национальных меньшинств; 13) секция репертуарная; 14) подотдел рабоче-крестьянского театра; 15) режиссерская коллегия; 16) обследования рабоче-крестьянского театра [1, д. 2, л. 41].

Изучение структурной организации ТEO НКП показывает, как по истечении совсем небольшого количества времени расширялся состав ТEO, как добавлялись не только специально-профессиональные или административно-хозяйственные подразделения, но и секции с явно идеологическими или военизированными установками. Это свидетельствует о все большем огосударствлении искусства, поставленного на твердую организационную основу. Если в сентябре 1918 г. в ТEO служило 7 человек, то к январю 1919 г. их было уже 160 [1, д. 3, л. 11].

Самым крупным официальным мероприятием, осуществленным государством в области театрального искусства в этот период, была национализация театра. 26 августа 1919 г. В.И. Ле-

нин подписал окончательный вариант, принятый СНК и названный «Об объединении театрального дела». [2, с. 69–73] Согласно декрету, все театральное имущество (здания, костюмы, реквизит и пр.), за исключением личных вещей актеров, становилось национальным достоянием. ТЕО получал право контролировать деятельность театров и давать им «указания репертуарного характера в направлении приближения театра к народным массам и их социалистическому идеалу» [4, с. 71].

Елена Константиновна Малиновская родилась в 1875 г., была активным революционером, советским государственным и общественным деятелем. Вышла замуж за архитектора Малиновского Павла Петровича, бывшего в первые годы советской власти гражданским комиссаром Кремля, председателем реквизиционной комиссии Моссовета, наркомом наркомата Имуществ Республики.

Е. Малиновская стала членом РСДРП в 1905 г. После Октябрьской революции была назначена председателем комиссии по охране памятников искусства и старины Москвы и Московской области. Затем была назначена комиссаром всех московских театров, тесно сотрудничала с ТЕО НКП. В 1920–1924 гг. была директором Большого театра и оказала большое влияние на его судьбу и в это время, и впоследствии в 1930–1935 гг.

К примеру, она привлекла к работе в Большом театре В.И. Немировича-Данченко и В.В. Лужского. В 1918 г. по ее инициативе при Большом театре была организована Оперная студия под руководством К.С. Станиславского (с 1928 г. – Оперный театр им. К.С. Станиславского).

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 24. Д. 1; 2; 3.
2. Декреты советской власти. Т. 6. М.: «Политиздат», 1973. 584 с.
3. *Ростоцкий Б.И.* К истории борьбы за идейность и реализм советского театра. М., изд-во Академии наук, 1950. 111 с.
4. Советский театр. Документы и материалы 1917–1921. М.: «Искусство», 1967. 256 с.

С.Р. Нагоева

*Майкоп, Адыгейский педагогический
колледж им. Х.Андрухаева*

Некоторые обстоятельства советизации адыгейки в ААО в первое десятилетие советской власти

Одним из важнейших вопросов устанавливавшейся советской власти в Адыгее, являлось вовлечение адыгейской женщины в общественно-политическую жизнь области.

Власти считали, что советизация адыгейки – важнейшая форма ее «раскрепощения». В реальности, вовлечение адыгейки в работу Советов проходило принудительно, но даже когда женщина входила в состав Совета, она нечасто могла участвовать в его работе, в силу своих убеждений и народной традиции. Предрассудки владели умами и женщин, и мужчин, что влияло на работу Советов.

Позитивный сдвиг в данном вопросе произошел в Адыгее в выборной кампании 1925 г. Вероятно, причиной этого было то, что накануне избирательной кампании 1925 г. ЦИК СССР дал указание: «считать неправомочными предвыборные собрания, на которых присутствовало мало женщин, кассировать выборы, проведенные без широкого участия избирательниц». Суровый указ «сверху» дал свои плоды: в 1925 г. в ААО депутатами сельских Советов стали 1055 человек, из них 96 женщин, в том числе 27 адыгеек. Работа с адыгейскими женщинами, была основной головной болью властей в реализации решения женского вопроса. Это подтверждает и первый председатель ААО Ш.Г. Хакурате в своем докладе 1926 г., по которому правительство ААО полагало, что «черкешенка» слабо подвергается советской агитации, большей частью советизация затронула русскую женщину.

С 1927 г. с целью вовлечения женщин в избирательную кампанию, в Тахтамукаевском районе создаются самостоятельные избирательные участки для адыгеек.

28 января 1927 г. в ауле Тахтамукай состоялось собрание женщин-адыгеек, на которое явились 67 замужних и 4 незамужние женщины. Организаторы собрания признавались, насколько было тяжело обеспечить даже такую явку. Вместе с активисткой Ш.М. Бекух, организаторы ходили по домам и приглашали жен-

щин на «свадьбу». Следовательно, женщины даже не знали, куда идут. Особую значимость в процессе привлечения женщин на собрания приобрел аул Габукай, в котором женщин на собрание звали сами мужчины и данное собрание было самым большим в ААО: на собрание явилось 80 человек в возрасте от 18 до 40 лет. В числе посетивших собрание были и мужчины. Женские собрания стали неотъемлемой частью перевыборов в Советы. Именно на них избирались кандидаты в депутаты Совета, т.к. в ходе женского собрания адыгейка чувствовала себя более раскрепощено.

Сельские Советы почти не вели работу среди женщин, считая, что это дело партийных организаций. На Первом областном съезде женщин, делегатки, главным образом адыгейки, заявляли, что в сельском Совете отсутствует благоприятная обстановка для работы адыгеек: насмешки мужчин, назначение собраний в вечернее и позднее время.

За этими цифрами стоят жизненные ситуации, одна из которых стала известна, благодаря воспоминаниям известной активистки-общественницы Шалихан Магометовны Бекух (1901–1982). Шалихан Магометовна во время очередных перевыборов в Советы была отправлена в аул Афиписип с целью пропаганды участия адыгеек в выборах. Методы пропаганды не отличались новизной: она должна была ходить по домам и уговаривать женщин к участию в выборах. Это была обычная практика, начало которой было положено еще представительницами женотделов. В день выдвижения кандидатов в депутаты в местном клубе собрались и женщины, и мужчины, но, по словам Ш.М. Бекух, «собрание приняло неожиданный поворот». Пожилой мужчина Ибрагим Чухо заявил: «Что же случилось, скажите мне? Чтобы женщина ходила на собрания, заглядывала в рот мужчинам, поучала их? Где это было видано, и что это за адыгейские обычаи? Женщинам на собраниях делать нечего, пусть дома варят кашу». Смущенные женщины устремились к выходу с намерением покинуть собрание, но Шалихан Магометовна, встав у выхода, парировала Ибрагиму, следующим заявлением: «Вы, уважаемый Ибрагим, утверждаете, что женщина не должна ходить на собрание, а если она вздумала учиться, то это позор, нарушение адыгейских обычаев. Тогда позвольте вас спросить, почему вы свою дочь отпустили в Кубанский медицинский институт? Если она выучится на врача, то разве не будет общаться

с людьми?». Собрание все же завершилось, и в ходе него, даже выдвинули двух кандидаток в депутаты местного Совета.

Это воспоминание, является важнейшей демонстрацией того, что партийные функционеры не преувеличивали влияние традиций и нежелание аксакалов, видеть женщину в иной ипостаси. Сопро-тивление женщины к участию в общественно-политических пери-петиях, базировалась не только на ее скромности и традицион-ных представлениях, но и, даже в первую очередь, на активном сопротивлении старших.

Само избрание женщин в сельсоветы было настоящим курьезом. На Первой областной конференции работников ААО делегатка из аула Асоколай Снахо о своем избрании говорит следующее: «Меня выбрали членом сельского совета, я была одна и не могла отказаться посещать заседания, т.к. все стеснялись. В этом году нас уже двое и теперь дело обстоит лучше». Активными членами сельских советов из адыгеек были в основном незамуж-ные женщины. Это подтверждают слова другой делегатки Куад-же: «В сельском Совете в этом году прибавилась одна женщина, но вышла замуж, и я одна». Многие мужчины не желали, чтобы их жены участвовали в работе сельских советов бесплатно.

Нужно отметить, что участие женщин в Советах зачастую было формальным, их избирали для «отчета». На конференции женщины утверждали следующее: среди женщин никакой работы не проводилось, женщины не знают структур совета и обществен-ных организаций, не знакомы с их повседневной работой. Пассив-ность женщины объяснялась с одной стороны таким отношением со стороны членов Советов, с другой ее нежеланием преодолевать вековые табу. Конечно же, играло роль и мнение ее семьи.

Таким образом, советизация адыгейки в ААО была частью политики «раскрепощения» женщин, проводившейся на Востоке, и в частности на Кавказе, но имела свои локальные трудности. Несмотря на изначальное понимание всех сложностей, кото-рые влекли за собой местные обычаи, власти не сразу осознали, какие методы будут эффективны для привлечения женщин на выборы. Сильнейшим препятствием в данном вопросе являлись традиции, включавшие не столько нежелание женщин участво-вать в советском строительстве, сколько препятствие со стороны мужчин, включая и ее семью, и аул, и сами местные Советы.

*Н.Н. Козлова
С.В. Рассадин*

Тверь, Тверской государственный университет

Социально-политические взгляды Р. Дунаевской

Рая Дунаевская (урожд. Шпигель) (1910–1987) – американский философ российского происхождения, которая внесла значительный вклад в политическую философию марксистского гуманизма. Основные социально-политические идеи Р. Дунаевской отражены в монографиях «Марксизм и свобода» (1958), «Философия и революция» (1973), «Роза Люксембург, освобождение женщины и философия революции Маркса» (1983). В центре исследовательского поля Р. Дунаевской – анализ трудов К. Маркса, Л. Люксембург, теории и практики построения социализма в СССР, общественных движений, вступающих за расширение горизонтов свободы (женщин, африканцев и др). В итоге американский философ предложила теорию государственного капитализма, новую гуманистическую интерпретацию идей К. Маркса, раскрыла вклад Р. Люксембург в марксистскую политэкономии, обозначила новые перспективы освободительных движений второй половины XX в.

Р. Дунаевская анализирует советский опыт социалистического строительства, приветствует большевистскую революцию [1, с. 236]. Однако Советская Россия и СССР трансформировались из рабочего государства в бюрократическое. Предложенная философией теория государственного капитализма основана на законе прибавочной стоимости, который гласил, что необходимо «платить рабочим по минимуму и выжимать из них по максимуму» [1, с. 279]. Политические процессы в 1935–1937 гг. мыслитель обозначает как «контрреволюцию», последствием которых являлось превращение СССР в тоталитарное государство [1, с. 273]. Р. Дунаевская отмечает, что и теория К. Маркса советскими политическими деятелями была в значительной степени трансформирована – в текстах Сталина и др. она видит отход от гуманизма и социализма. В противовес практики построения коммунизма в СССР Р. Дунаевская показывает рост движения рабочего класса по всему миру, что является подтверждением актуальности идей К. Маркса.

В данном контексте развития освободительного движения философ анализирует творчество Р. Люксембург. Р. Дунаевская

упрекает современное женское освободительное движение в невнимании к трудам Р. Люксембург как одного из идеологов немецкой социал-демократии. Аналогичный упрек Р. Дунаевская высказывает и представителям марксистской мысли. «Сегодняшнее женское освободительное движение привнесло новые и уникальные аспекты, ранее не поднимавшиеся ни немарксистами, ни марксистами. Но сам факт того, что задача остается незавершенной, указывает на необходимость дальнейшего изучения произведений Люксембург как одновременно и феминистских, и революционных», – указывает мыслитель, призывая принять революционное измерение Люксембург не ради истории, а ради своих требований дня [2, р. IX]. Р. Дунаевской была близка позиция Р. Люксембург, которая рассматривала женский вопрос в непосредственной связи с революционной борьбой, с обновлением общества, и которая «категорически отказалась от того, чтобы ее классифицировали» [2, с. 2] либо как феминистку, либо как революционерку. Кроме того, для американского философа принципиально также важно утвердить единство теории и практики, которое в работах Р. Люксембург проявляется со всей очевидностью: «Она раскрывает страсть к революции, а также к философии революции, которая обеспечила бы ее продолжение и после завоевания власти» [2, р. IX.]. В целом Р. Дунаевская рассматривает творчество Р. Люксембург в трех аспектах: как теоретика, активиста и интернационалиста. Дунаевская как один из теоретиков современного марксизма разделяет выводы Р. Люксембург относительно роли Первой русской революции 1905 г. Опора на массы, стихийность их выступления, с точки зрения Дунаевской, отличала позицию Люксембург от руководителей немецкой социал-демократической партии. Р. Дунаевская видит в Р. Люксембург выдающегося теоретика марксизма, выразившего не просто классовую природу революции, но и сформулировавшего своего рода идею перманентной революции в её авторском понимании как идею диалектики революции, давшей оценку русской революции как зародыша будущих революций: «С этой точки зрения, три буржуазные революции – Великая французская революция, немецкая мартовская революция и нынешняя российская – образуют непрерывную цепь развития, в которой процветание и конец буржуазной века отражены... » [2, р. 22].

Дунаевская анализирует и экономические труды Розы Люксембург. Она полагает, что немецкая революционерка одной из первых обратила внимание на империализм как новую стадию развития капитализма, что позволило ей выдвинуть гипотезу в отношении империализма как глобального сдвига в политике. Люксембург датировала начало сдвига 1905 годом, обозначая его как «Инцидент в Марокко», когда «европейская политика, движимая капиталистическими и государственными интересами, вторглась в Азию» [2, р. 5]. Одну из своих задач, поставленных в монографии, Р. Дунаевская видит в преодолении сложившихся мифов в отношении немецкой революционерки, ее отношений с коллегами по цеху. Американский философ стремится реабилитировать Люксембург в контексте ее «конфликта» с Лениным. Дунаевская прослеживает интерес Люксембург к «женскому вопросу». По мнению Дунаевской, речь Р. Люксембург в 1912 г. об избирательных правах женщин была направлена на «полную эмансипацию женщин» и связана со всеобщей забастовкой и революцией: «Борясь за избирательное право женщин, мы также приблизим тот час, когда нынешнее общество превратится в руины под ударами молота революционного пролетариата» [2, р. 95]. Американский философ подчеркивает масштаб личности Р. Люксембург, ее непреклонную волю, стойкость, способность отстаивать свою точку зрения, незаурядные организационные способности, яркую приверженность Марксу как экономисту, философу, антропологу, политическому стратегу, следование принципам социалистического феминизма, в сочетании которых она видит своего рода «люксембургский стиль». В то же время Дунаевская отмечает недопонимание Р. Люксембург принципов марксистской диалектики, ее сосредоточенность только на трудящихся массах как субъекта исторического процесса.

Таким образом, Р. Дунаевская успешно вскрывает теоретические и практические просчеты советских лидеров, отвергнувших базовые принципы марксизма в их попытке построить коммунистическое общество. Американский философ на основе анализа жизни и творчества Р. Люксембург демонстрирует потенциал ее мысли в единстве достижения социализма и феминизма. Прометеевское видение философии К. Маркса Р. Дунаевской дает надежду на построение более гуманного общества в исторической перспективе.

Список литературы

1. Дунаевская Р. Марксизм и свобода: С 1776 года до наших дней / пер. с англ. И.А. Рисмухамедова; под ред. А.В. Гусева. М.: НПЦ «Практикс», 2011. 418 с.

2. *Dunayevskaya R.* Rosa Luxemburg, Women's Liberation, and Marx's Philosophy of Revolution. New Jersey: Humanities press; Sussex: Harvester press, 1981. 234 p.

М.Б. Шенкао

Черкесск, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова

Участие женщин ЧАО в патриотических акциях в помощь фронту в годы Великой Отечественной войны

С самого начала Великой Отечественной войны и до ее окончания по всей стране проходили патриотические акции, инициаторами которых были труженики тыла, организовавшие сбор средств в помощь Красной Армии. После освобождения Черкесской автономной области от немцев население вновь активно включилось в патриотическое движение по оказанию всенародной помощи фронту.

Большую роль в организации, подготовке и проведении патриотических акций и начинаний в помощь фронту оказали женщины области, т.к. именно они составляли большинство населения. В сложный для всей страны период как перед населением всей страны, и в частности Черкесской автономной области стояла задача, не только работать с удвоенной силой на своих рабочих местах, но и принимать активное участие в оказании посильной помощи фронту. В этот период благотворительная деятельность населения приняла всенародный характер. Женщины всей страны, а в данном контексте женщины Черкесской автономной области принимали не просто активное участие, а зачастую становились инициаторами различных патриотических акций.

Еще в самом начале Великой Отечественной войны в Черкесском горкоме ВКП(б) было проведено совещание, на котором было принято решение создать в составе одной из дивизий Красной Армии свое подразделение – кавалерийскую сотню. На этом же совещании была обсуждена и поддержана инициатива рабочих мясокомбината

г. Черкесска, которые приняли решение об отчислении двухдневного заработка для пошивки обмундирования бойцам этой дивизии. Следует отметить, что большинство рабочих на предприятии составляли женщины, т.к. все трудоспособное население мужского пола находилось на фронте. Женщины не просто заменили на производстве ушедших на фронт мужчин, они в короткие сроки овладели мужскими специальностями и работали на производстве не жалея сил. На деньги, собранные от предприятий Черкесской автономной области, было пошито обмундирование для кавалерийской сотни и передано на фронт. До окончания Великой Отечественной войны все обмундирование кавалерийской сотни обеспечивалось населением области за счет добровольных отчислений и пожертвованной населением области.

Одной из форм сбора средств для пополнения фонда обороны страны повсеместно были субботники и воскресники. Все средства, которые были заработаны в ходе проведения субботников и воскресников передавались на добровольной основе в фонд обороны страны. Практически все информанты говорили о том, что в субботниках и воскресниках участвовало все население, невзирая на возраст. Старики, женщины, молодежь, подростки принимали активное участие, оказывая посильную помощь. Даже женщины с грудными детьми приходили на данные акции. Несомненно, что проводимые населением субботники и воскресники были ярким проявлением чувства патриотизма и желания помочь стране. В то время как мужское население воевало на фронте, на местах был открыт второй фронт – трудовой, где основной рабочей силой до самого конца Великой Отечественной войны оставались женщины, старики и подростки, которые совершали трудовые подвиги.

Одним из способов пополнения фонда обороны страны в годы Великой Отечественной войны стала патриотическая акция по добровольной сдаче золотых и серебряных украшений, предметов старины и т.д. Здесь следует отметить, что женщины осознанно шли на то, чтобы нет, не излишки, а именно то, что им принадлежало, и было дорого, иногда это были обручальные кольца, другие ювелирные украшения, принести в пункты сбора, чтобы внести свою лепту в оказании помощи фонду обороны страны. Можно было эти вещи отнести на базар, обменять на продукты или продать, ведь дома были голодные старики и дети, но чувство патриотизма и стремление помочь фронту были сильнее. Для успешного разгрома врага

солдатам, воевавшим на фронтах, необходима была всесторонняя поддержка, как в материальном плане, так и моральном. Фронт нуждался как в вооружении, боеприпасах, медикаментах, обмундировании, так и в продовольствии.

В годы Великой Отечественной войны еще одним из способов пополнения государственного бюджета страны стали дополнительные поступления денежных средств от населения в виде подписки на военные займы. Большой вклад в организацию, проведение и участие в государственных военных займах принимало население Черкесской автономной области. Женщины ЧАО активно включились в эту работу. Повсеместно на местах в городах и селах области создавались агитбригады, которые проводили разъяснительную работу среди населения и помогали в организации и проведении мероприятий в поддержку фронта. В основном агитбригады формировались из числа молодых девушек, часто это были учителя школ, работники библиотек и т.д. В состав агитбригады включали подростков и детей старшего возраста, которые во время проведения агитации читали патриотические стихи, пели песни и т.д. Были случаи, когда в составе агитбригады были и пожилые женщины, которые не остались в стороне и также активно вели разъяснительную работу среди населения.

Колхозники ЧАО работали не покладая рук, днем и ночью, чтобы обеспечить фронт необходимым продовольствием. Жители сел активно вели работу по сбору для фонда обороны страны из своих и без того скудных запасов зерна, молока, яиц и другого продовольствия. Кроме того, жители сел сдавали сырье (кожу, овчину) для изготовления теплой одежды. Благодаря хорошим климатическим условиям в области росло много дикорастущих фруктов. В городах и селах были организованы бригады, в основном состоящие из женщин и подростков, которые в сезон созревания дикорастущих фруктов, ягод занимались их сбором. Из собранных фруктов и ягод готовили заготовки на зиму, сушили и т.д. Также эти бригады занимались сбором и сушкой лекарственных трав, в которых нуждалась медицинская отрасль. После соответствующей обработки (сортировки, сушки) и упаковки собранных фруктов, ягод их отправляли на фронт. На местах в городах и селах были организованы специальные пункты, где от населения принимали свежие и сушеные фрукты, всевозможные съедобные растения.

Народная инициатива выдвинула множество форм помощи Красной Армии. Очень большую помощь приносил сбор теплых вещей,

вязаных шерстяных изделий, постельного белья. Инициаторами движения по сбору и отправке вещей стали именно женщины. По воспоминаниям информантов практически в каждом доме стали собирать вещи для отправки на фронт. Помимо этого, женщины на местах организовывали кружки по интересам, куда привлекали молодых девушек, где обучали их вязать, шить.

Еще одной формой патриотического направления, развернутого по всей стране, в том числе и в ЧАО была организация сбора и доставки подарков красноармейцам на фронт к различным праздникам. На местах в городах и селах организовывались пункты сбора, где день и ночь, по очереди сменяя друг друга, на добровольной основе работали женщины, при этом делали они это в свободное от работы время. Конечно же, в военное время, когда население тыла само жило в тяжелых условиях, не приходится говорить о каких-либо ценных подарках. Это были: продукты питания, одежда, нательное белье, предметы гигиены и т.д. После того, как формировался груз с подарками, его отправляли на фронт, иногда его сопровождала делегация из числа наиболее активных женщин.

В условиях продолжающейся войны из наиболее пострадавших районов страны, в том числе и в Черкесскую автономную области постоянно прибывали эшелоны с эвакуированными. Женщины области и здесь не оставались в стороне. Работая в детских дошкольных, школьных учреждениях они принимали активное участие во встрече и сопровождении и дальнейшем обустройстве эвакуированного населения.

И.З. Шаяхметова

Уфа, Региональный центр развития выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи Республики Башкортостан «Аврора»

Женщины в органах городского самоуправления Южного Урала в 1917–1991 гг.

Местное самоуправление в современной Российской Федерации имеет не слишком большую историю и практику, находится в состоянии реформирования и не очень быстро развивается. Целесообразно рассматривать местное самоуправление в дина-

мике развития при широкой вариативности форм, методов и механизмов его осуществления.

После революции 1917 г. советы являлись многопартийными органами власти, с начала 1920-х годов они стали однопартийными. В 1921 г. в составе депутатов горсоветов было 53% рабочих, членов ВКП(б) – до 73,5%. Наблюдался непрерывный рост представительства женщин. По официальным документам женщины в депутатском корпусе горсоветов должны были составлять не менее 15 – 20%. В 1922 г. их насчитывалось 9,8%, в 1923 г. – 13,1%, в 1924 – 1925 гг. – 18,54%, в 1925 – 1926 гг. – 22,15% и в 1927 г. – 27,5% по отношению к общей численности депутатов городских советов Южного Урала. В 1920-е годы женщины составляли 5,57 – 6,33% в общей численности депутатов городских советов Южного Урала.

В выборах советов в 1931 г. участвовало 63,2% всех избирателей, в состав горсоветов было избрано 41,1% рабочих от станка. Стало отслеживаться представительство женщин, в частности, в горсовете Челябинска в этот период всего работало 64 женщины, из которых 53 были квалифицированными сотрудницами, 7 – неквалифицированными и 4 являлись ученицами.

Представительство депутатов в горсоветах определялось партийными органами. Так, на заседании Президиума Башкирского обкома РКП(б) 16 октября 1924 г. был заслушан доклад Попова «О составе Уфимского городского Совета», по которому было вынесено решение: при перевыборах Уфимского горсовета рекомендовать провести в его состав 25% беспартийных кандидатов и 25–30% женщин.

Результаты выборов 1939 г. показали, что более 65,7% депутатов горсоветов Южного Урала были рабочими, 34,3% – служащими. Женщины составили 38,1% депутатского корпуса, члены ВКП(б) – 32,1%, члены ВЛКСМ – 12%. Большинство депутатов были русской национальности – 61,2%, татарской – 20% и башкирской – 17%, прочих было 1,8%. Среди депутатов коренной национальности представительство женщин было больше мужчин на 12,3%.

4 марта 1938 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О выдвижении беспартийных на руководящую советскую и хозяйственную работу». По итогам выборов в горсовет Магнитогорска Челябинской области было избрано 330 депутатов, в том числе 114

женщин и 216 мужчин; членов ВКП(б) и кандидатов в члены ВКП(б) – 165, членов ВЛКСМ – 49, беспартийных – 116. Сравнительное представительство беспартийных депутатов с предшествующим периодом, налицо увеличение их представительства на 1/3. Это происходило на фоне массовых политических репрессий.

В 1947–1957 гг. увеличился процент женщин в составе депутатов: с 34,8 до 39,4%, при одновременном снижении процента членов КПСС и кандидатов в члены КПСС: с 46,1 до 45,5%. Рост представительства женщин, по сравнению с довоенными десятилетиями, объясняется общей демографической ситуацией в стране: естественной убылью мужчин в годы Великой Отечественной войны.

В 1960-е годы пристальное внимание стало уделяться обновлению депутатского корпуса городских советов. Так, в 1959–1967 гг. процент обновления в городах Южного Урала колебался от 56,2 до 72,4%. В составе депутатов горсоветов в 1959 г. было 38,3% женщин, в 1967 г. – 42,8%, с ростом удельного веса лиц в возрасте от 30 до 39 лет (38,95%), в возрасте от 25 до 29 лет (14,15%), старше 50 лет (19,83%).

Застойные явления 1970-х – начала 1980-х годов стали следствием предшествующих периодов – конца 1920-х и всего десятилетия 1930-х годов. Именно в этот период сложилась командно-административная система.

В 1989 г. на съездах народных депутатов СССР и сессиях Верховного Совета РСФСР были приняты нормативные акты, предоставившие советам более широкие права. Им было дано право самостоятельного избрания судебных органов при согласовании своих решений с местными партийными органами. С 1989 г. все чаще в средствах массовой информации стало звучать, что малоэффективность работы советов связана с бюрократизацией государственного управления, чему в немалой степени способствовала КПСС. Вследствие этого в марте 1990 г. была отменена 6 ст. Конституции СССР 1977 г. о руководящей роли КПСС в обществе.

Свободные и демократические выборы возможны при соблюдении трех условий: их альтернативности, свободы проведения избирательной кампании и свободы волеизъявления избирателей. Все эти условия отсутствовали в СССР.

Избирательная практика открытого голосования и лишение части граждан избирательных прав до 1936 г., отсутствие выборов в городские советы в 1939–1947 гг. мало способствовали складыванию демократических выборных традиций у населения. Безальтернативность выдвинутых и проверенных партийными органами кандидатов в депутаты привела к формализации выборов. В 1936–1991 гг. граждане являлись на избирательные собрания, голосовали не за хорошо известные им личности, а за фамилии, должности, проставленные в избирательном бюллетене. Городские советы в этих условиях не смогли стать органами управления парламентского типа, в которых столкновение различных интересов и мнений приводит к определенному консенсусу. Они объявили себя выразителями народной воли, смысл которой виделся в выработке единственно правильного решения подавляющим большинством населения.

Депутаты горсоветов, представляя часть выборной номенклатуры СССР, были включены в элиту, но не в правящий класс. Со временем статус депутата местного совета любого уровня стало приятной и необходимой привилегией для карьерного роста.

Избирательная политика советского государства постепенно унифицировала облик народного представителя власти, превратив его в послушного исполнителя партийных директив.

Депутатами горсоветов становились не профессиональные политики (как правило, юристы), а люди из «гущи жизни» – в идеале представители всех социальных групп и национальностей. С точки зрения парламентаризма «подбор» состава городских советов не вполне оправдан. Однако, когда корпус депутатов состоит не из профессионалов, а из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, этот подход имеет глубокий смысл.

Представительство женщин в депутатском корпусе городских советов Южного Урала составляло не менее одной трети от общей численности депутатов, они были пролетарского происхождения, в возрасте до 39 лет, членами ВЛКСМ и кандидатами в партию. Со второй половины 1960-х годов увеличилось представительство женщин – членов КПСС и имеющих высшее образование. Статус депутата городского совета в послевоенные десятилетия стал необходимой ступенью карьерного роста.

Э.А. Онуфриенко
Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женский опыт создания казачьих организаций в Краснодарском крае: воспитание самобытности

Исследовательская работа проведена в рамках написания кандидатской диссертации по теме «Интеграция мигрантов в местное сообщество Краснодарского края на примере г. Краснодара».

Исследовательскими задачами проекта был опрос жителей Краснодара, интервью с экспертами касаясь изучаемых вопросов, а именно – региональной идентичности, ее трансформации, конструировании региональной идентичности посредством участия в женских казачьих организациях.

Краснодарский край является одним из регионов Российской Федерации – центров миграции, помимо обоих столичных городов и областей. Можно наблюдать не только большое этнокультурное разнообразие края, но и некое противостояние, происходящее между местным и прибывшим населением. Здесь нужно подчеркнуть, что уроженцам края присуща выраженная региональная идентичность, которая, впрочем, выступает в связке с общероссийской идентичностью.

Краснодарский край также является одним из «казачьих» регионов страны, что подпитывается не только извне – федеральными и краевыми организациями и властями – но и самими жителями края, будь то создание всевозможных кружков и объединений казачьей направленности. Казачество – в данном случае Кубанское – представляет собой определенную этнопрофессиональную прослойку населения со своим мировоззрением и традициями, которые, согласно мнению информантов, должны воспитываться в молодом поколении, скреплять казачье общество, объединять его, продолжая тем самым заветы предков. Поскольку казачество шагнуло не только во властные и правоохранительные структуры, но и в общественные (например, казачьи школы и классы), то необходимо изучить данный вопрос, а именно:

1. Выявить типологию женских казачьих организаций;
2. Отметить активность данных объединений;

3. Проследить, каким видится образ современной казачки глазами членов изучаемого сообщества и как этот образ можно воспитать.

Е.А. Коляскина

*Барнаул, Алтайский государственный
педагогический университет*

**Достояние советского прошлого: деятельность
женщин-агитаторов в селах Алтайского края
1960-х годов (по региональным изданиям)**

Исторические периоды интересны не столько совокупностью событий, сколько жизненными стратегиями и практиками, которые выбирали их участники. История повседневности подразумевает комплексное исследование образа жизни и его изменений у разных социальных слоев, их поведения на разные жизненные события [1, с. 3]. В данном случае является актуальным, в том числе в свете слабой изученности повседневность женщин-агитаторов, проживавших в сельской местности в первой половине 1960-х годов. Отдельные вопросы деятельности агитаторов в российской деревне рассмотрены преимущественно на региональных материалах 1920–1950-х годов. [2]. В монографии Л.Н. Денисовой уделено внимание участию в общественно-политической деятельности самих сельских жительниц в 1960–1980-е годы [3]. Таким образом, данная публикация обращает внимание на ранее не исследуемую проблему повседневности сельских женщин-агитаторов первой половины 1960-х годов на материалах Алтайского края.

Являясь рядовыми единицами низового уровня идеологической машины советского государства, они выстраивали повседневность своей общественно-политической деятельности, придавая ей «женские» черты. Поскольку как субъект социальных отношений мужчины/женщины участвуют в конструировании повседневности, пытаясь приспособить окружающую среду и жизненное пространство к своим целям и потребностям [4, с. 118].

Аналізу подверглись материалы региональной печати [5–6], посвященные деятельности агитаторов в Алтайском крае. Инте-

рес представляли прежде всего статьи, описывающие модель «передовых», «успешных» женщин-агитаторов, которые содержат сценарии их общественно-политической повседневности. Часть публикаций носит автобиографичный характер. В целом следует отметить преимущественно «женский» и «сельский» облик агитатора. Так в краевой многотиражке за год было упомянуто 45 агитаторов [5], из которых 32 – женщины, 21 из них проживала в селе. Значительная часть сельских женщин агитаторов были представительницами сферы просвещения: 6 – учителя, 3 – библиотекари. При этом лишь две из них являлись «коммунистками», а одна кандидатом в члены партии.

Выделяется ряд сценариев в описании повседневности женщин-агитаторов:

– Превращение собственного жилого пространства в публичное – «Дом агитатора». Так М.М. Васильева из Михайловского района в своей квартире отвела комнату для собраний, увеличила количество стульев, сделала дополнительную розетку для фильмоскопа, перенесла библиотечку, газеты и журналы [5, № 4, с. 24]. В с. Метели Шипуновского района таким образом поступили Н.П. Старкова и П.Д. Быкова. Еще в двух случаях Дома агитаторов были созданы в квартирах коммунистов-пенсионеров, но в них работали женщины-агитаторы, одна из которых являлась снохой хозяина дома [6].

– Привлечение своих детей или учеников в качестве помощников для подготовки учебных пособий [5, № 2, с. 27], новостных обзоров, номеров художественной самодеятельности [6, с. 14, 18]. При этом приглашались родители выступавших детей. Таким образом, материнство и родительство использовались как коммуникативный ресурс в деятельности женщин-агитаторов.

– Помощь в решении бытовой проблемы своих подшефных для нахождения с ними «контакта»: добиться у руководства колхоза оборудования уголка отдыха для доярок на ферме; организовать распространение газет, написать письмо, «хлопотать о пенсии», о приезде сестры из Парагвая [5, № 10, с. 40–45]; рассказать родителям «как начался учебный год в школе... у их ребятишек» [6, с. 18].

– Метод мягкого «принуждения», склонность к индивидуальному подходу – «простоте» в общении, узнаванию инте-

ресов, проблем. Залог успеха агитаторов – знать запросы и нужды «своих людей», войти в их доверие, поговорить с каждым, выслушать его замечания [5, № 11, с. 9–15].

– Разнообразие форм работы: чтение лекций, беседы, чтение литературы, ответы на вопросы, обсуждение новостей, просмотр диафильмов, кинофильмов.

– Обращение за помощью в случае «некомпетентности» к различным специалистам – руководителям артели, сельского Совета и т.д.

Традиционно в сельском социуме женщина не обладает авторитетом в публичном пространстве, ее сфера – приватность. Женщина-агитатор в своей общественно-политической деятельности задействовала личные ресурсы, включая имущество, образование, способность к эмпатии и т.д.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>

Список литературы

1. *Пушкарева Н.Л.* Предмет и метод изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
2. *Васеха М.В.* Вовлечение сибирских крестьянок в советскую общественно-политическую деятельность // Традиционная культура русского народа в период 1920-1930-х годов. М., 2016. С. 61–82; *Романишина В.Н.* Роль участницы гражданской войны Г.И. Окуловой в создании школы агитаторов и инструкторов ВЦИК // История и архивы. 2020. № 3. С. 12–18; *Филипчук И.В.* Работа агитаторов с населением в ходе избирательных кампаний 1940-1950-х гг. (на примере Горьковской области) // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-3 (40). С. 102–104 и др.
3. *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003. 336 с.
4. *Людке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 117–126.
5. Блокнот агитатора. Барнаул, 1963. № 1–24.
6. *Харевин А.* В доме агитатора. Барнаул, 1965. 24 с.

Н.А. Птицына

*Иваново, Институт социально-экономических наук
Ивановский государственный университет*

**«Общественная работа – это дополнительная
возможность помогать людям»: на материале анализа
женских интервью о работе в комсомоле в 1970–1990 гг.**

В условиях масштабных экономических и социально-политических перемен важное значение приобретает изучение наследия советской эпохи. Как в научной среде, так и за ее пределами не прекращаются споры о соразмерности позитивных и негативных сторон вклада общественно-политических организаций в жизнедеятельность страны, роли женщин в сохранении и развитии ее культурного наследия. Примером может служить противоречивая оценка деятельности Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ) – одной из массовых общественно-политических организаций, численность которой, по данным на 1 июля 1991 г., составляла около 21,3 млн человек [1]. Оживление дискуссии, как правило, связано с юбилейными датами комсомола [2, 3, 4]. В это время появляется немало публикаций, в которых сторонники нового прочтения отечественной истории акцентируют внимание на недостатках молодежной организации (формализм, бюрократизм, инструмент построения карьеры, лицемерие и др.), забывая и/или умалчивая о событиях и достижениях, имеющих непреходящее значение для нашего времени (формирование у молодежи активной гражданской позиции и духовных ценностей, воспитание нравственности и патриотизма). По мнению известных отечественных исследователей молодежного движения, пока еще не написана справедливая история комсомола [5, 6], в том числе не получила комплексного освещения тема участия и роли женщин в молодежной организации. В связи с этим изучение женского наследия советской эпохи на основе анализа опыта непосредственных свидетелей ушедшей в историю жизни и судьбы ВЛКСМ представляет научный интерес.

Выводы основаны на анализе данных авторского социологического исследования «Общественная деятельность как фактор профессиональной социализации женщин» (Иваново, 2021–

2023). В качестве информантов выступили 20 женщин с высшим образованием, в возрасте от 49 до 67 лет; высоко квалифицированные специалисты, продолжительность трудового стажа которых варьирует от 26 до 42 лет, имеющие опыт работы в комсомоле (секретари первичных комсомольских организаций, райкомов и обкома ВЛКСМ). Среди опрошенных – представители государственной и муниципальной власти, научные и педагогические работники, сотрудники органов и учреждений социальной сферы. Более половины женщин имеют многолетний опыт работы на руководящих должностях. Основной метод качественного исследования – полуструктурированное глубинное интервью, проведенное по телефону. Отбор производился методом «снежного кома».

Основываясь на личных впечатлениях, женщины вспоминают время работы в комсомоле как яркий и плодотворный период в своей жизни, наполненный интересными встречами и событиями, реальными общественно значимыми делами, а также наличием возможностей для реализации смелых идей и планов. Практически во всех интервью комсомол называется школой жизни, в рамках которой у молодежи формировались ответственность и взаимовыручка, организационные и коммуникативные навыки, умения работать в команде. Большое внимание, по мнению опрошенных, придавалось повышению образовательного уровня и личностному развитию, что оказало существенное влияние на дальнейший профессиональный выбор.

Приведем ряд фрагментов интервью.

«Да, это и есть начало моей трудовой биографии. Учебная аудитория и студенческий отряд, практика в школе и шефство над детским домом... Школа жизни, где развивались навыки командной работы, объединения усилий сверстников для решения общих задач. Конечно, ответственность, юношеский энтузиазм и... (смеется) первая любовь» (Ж., 59 лет).

«Когда говорят о комсомоле как о школе жизни, не стоит воспринимать это как громкую фразу, пафос. Это действительно школа в самом высоком значении этого слова. Школа коллективизма, взаимовыручки, побуждения к образованию и труду. Комсомол привил навыки организаторской работы, управления, воспитал чувство ответственности, что потом сослужило мне огромную службу. Я приобрела друзей, соратни-

ков на всю жизнь. Все, с кем я работала в комсомоле, остались моей опорой и в жизни, и в работе» (Ж., 67 лет).

Рассказывая о комсомольской юности, женщины с теплом и уважением отзываются о своих друзьях и коллегах. Причем, отмечают, что им удавалось не только успешно учиться и трудиться, но и находить время для личной и общественной жизни. Почти половина опрошенных встретили будущих супругов в период работы в комсомоле. Вопреки бытующим сегодня патриархальным рассуждениям о том, что женщина не должна заниматься общественно-политической деятельностью, поскольку ее удел – это семья и дети, наши информанты, в тот период молодые советские женщины, занимали активную гражданскую позицию, совмещая личные и общественные интересы.

В ходе интервью женщины неоднократно подчеркивали роль семьи и детей в своей жизни. Необходимо отметить, что семья доминирует в иерархии жизненных ценностей опрошенных, они считают семью основой своего благополучия, а заботу, внимание и поддержку близких людей – условием успешной профессиональной карьеры. Наряду с семьей женщины придают большое значение здоровью, работе (в том числе результатам своего труда), наличию надежных друзей и спокойной обстановки в стране.

Формирование активной жизненной позиции, по мнению опрошенных женщин, происходило в период пионерской и комсомольской юности. До сих пор женщины продолжают участвовать в общественной деятельности, выступая в роли организаторов, лидеров, активистов. Среди мотивов выполнения разнообразной неоплачиваемой работы (участие в деятельности общественных организаций, советов, благотворительных фондов и др.) преобладают «состояние души и образ жизни», а также «желание и готовность помогать людям».

«Почему сейчас занимаюсь общественной работой? Так, я и не переставала это делать. Работаю в социальной сфере. Обращаются соседи, друзья, знакомые. Чем могу, помогаю... это образ жизни...» (Ж., 52 года).

«В природе женщины помогают, заступаться, сочувствовать. И общественная работа – это дополнительная возможность помогать людям. Эта работа заставляет двигаться вперед, не оставаться равнодушным к окружающим, к их социальным проблемам. Это общение с единомышленниками, об-

ширные возможности для обретения новых знаний, навыков, умений» (Ж., 67 лет).

Вспоминая о комсомольской юности, женщины сокрушались и о том, что у современной молодежи уже нет такой возможности. Дети и внуки с интересом слушают рассказы мам и бабушек о комсомольской дружбе, задают вопросы и не всегда понимают: что же так тянет ветеранов на комсомольские «тусовки». В чем причина ностальгии по тем временам? Ответы на эти вопросы нередко дают сами респонденты:

«Помните, на встрече, посвященной столетию комсомола, зал встал в едином порыве, приветствуя лидеров комсомола? А пели как? Как встречали друг друга! Ведь не заставишь искусственно радость изображать! Это какая-то особая связь, дух поколения, который был пронизан идеологией. Можно по-разному оценивать те времена, историю сейчас “перекроили”, идеологию опорочили. Я сама историк, смотрю на эту ревизию с болью. Но мы искренне верили в лучшее, хотели построить счастливое будущее для всех» (Ж., 58 лет).

Безусловно, тема актуальная, требует комплексного изучения, поскольку анализ коллективного женского опыта, выяснение предпосылок и факторов, способствующих формированию высокой культуры отношений как признака гражданского общества, позволит минимизировать вызовы и риски в современных условиях.

Список литературы

1. Комсомол / Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/komsomol-c2f974> (дата обращения: 27.04.2024).
2. День рождения комсомола: о чем вспоминают члены ВЛКСМ / Московский комсомолец. Официальный сайт. 29.10.2021. <https://www.mk.ru/politics/2021/10/29/den-rozhdeniya-komsomola-o-chem-vspominayut-chleny-vlksm.html> (дата обращения: 28.04.2024).
3. Лизунов Ю. Комсомол: почему распалась самая массовая «субкультура» XX века / МИР24. Официальный сайт. 7.12.2017. URL: <https://mir24.tv/articles/16281164/komsomol-pochemu-raspalas-samaya-massovaya-subkultura-hh-veka> (дата обращения: 27.04.2024).
4. Емельянов И. Начинали с героев, а закончили олигархами: Как же так, комсомол? (105 лет назад в СССР родился коммунистический

Союз молодежи) / Комсомольская правда. Официальный сайт. 29 октября 2023 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27574.5/4843948/> (дата обращения: 27.04.2024).

5. *Криворученко В.К.* Комсомолу – 90. Каким и зачем он был: уроки из его истории. URL: <https://комсомол37.рф/catalog?id=95> (дата обращения: 27.04.2024).
6. *Ручкин Б.А., Мухамеджанов М.М.* Непознанное наследие комсомола (к 90-летию создания ВЛКСМ) /Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepoznannoe-nasledie-komsomol> (дата обращения: 27.04.2024).

С.А. Орешин

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Участие женщин в политических процессах в Чечне в конце 1980-х – начале 1990-х годов

Несмотря на декларируемое в советское время равенство мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни, в политической системе Чечено-Ингушской АССР женщины были представлены слабо. Особенно это касалось чеченок и ингушек. Практически все номенклатурные должности республиканского и районного уровней занимали мужчины. Тем не менее, начавшаяся в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов политика «перестройки» оказала определенное влияние на женщин Чечено-Ингушской АССР, способствовал вовлечению части их в политическую борьбу. Отдельные женщины, представленные в высших органах власти, примыкали к реформаторской части обкома КПСС и ВЛКСМ, старались поддерживать возникшие в среде интеллигенции демократические общественно-политические инициативы.

Так, заведующая отделом студенческой молодежи Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ Л.Н. Банкурова оказывала покровительство возникшему в конце 1987 г. научно-просветительскому обществу «Кавказ». В начале 1989 г. активисты общества «Кавказ» развернули массовую критику концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Попытки консерваторов добиться запрета деятельности этого общества были

пресечены во многом благодаря энергичной деятельности Л. Банкуровой.

В 1988–1989 гг. женщины начали принимать участие (хотя и весьма ограниченное) в митингах, которые организовывали в Грозном ведущие оппозиционные организации – Народный фронт ЧИАССР и Народный фронт содействия перестройке.

После избрания первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС в июле 1989 г. этнического чеченца Д.Г. Завгаева, во главе идеологических органов Чечено-Ингушетии оказалась либеральная «вузовская группа» преподавателей Чечено-Ингушского государственного университета и педагогического института. Среди них видное место занимала председатель Чечено-Ингушского республиканского комитета профессионально-технического образования Г.Б. Эльмурзаева. Она показала себя как решительный сторонник дальнейшего развития процессов демократизации в республике.

В марте 1990 г. в Чечено-Ингушетии состоялись выборы в Верховный Совет. Из 170 избранных депутатов только 8 были женщинами, которые составили лишь 4,7% депутатского корпуса. Среди избранных женщин наибольшей политической активностью отличалась Г. Эльмурзаева. Она стала одним из лидеров оппозиционной фракции «Демократическая инициатива», которая выступала с критикой политики, проводимой обкомом КПСС. Однако, будучи малочисленной, эта фракция не могла влиять на отлаженную правящей бюрократией машину голосования в Верховном Совете.

В Верховный Совет СССР от Чечено-Ингушетии была избрана всего одна женщина – бывшая электросварщица завода «Красный молот», депутат Грозненского городского Совета и член Президиума Верховного Совета ЧИАССР С.З. Умалатова. В Верховном Совете СССР она проявила себя ревностной коммунисткой-сталинисткой, сторонницей сохранения Советского Союза, что было, конечно же, нетипично для чеченской политической элиты. Она критиковала политику, проводимую М.С. Горбачевым, с консервативных марксистско-ленинских позиций. Впрочем, в политических процессах в самой Чечено-Ингушетии С. Умалатова принимала мало участия.

24 марта 1990 г. был утвержден состав Совета министров ЧИАССР. Из 6 заместителей председателя Совмина только одна

была женщиной – член КПСС русская Р.И. Зыгалова. Однако она не проявляла большой политической активности на этой должности.

В конце 1990 г. среди активистов оппозиционного движения в Чечено-Ингушетии выделилась юрист, работник республиканской прокуратуры Э.А. Шерипова. Она участвовала в создании Комитета социальной защиты ЧИАССР, выступала за реабилитацию всех незаконно репрессированных в сталинский период и осуждение преступлений советского тоталитарного режима. В ноябре 1990 г. она была делегатом Первого Чеченского национального съезда, а в декабре 1990 г. была избрана членом Президиума Исполкома Общенационального Конгресса чеченского народа и председателем Юридического комитета ОКЧН. Э. Шерипова примыкала к наиболее радикальному крылу чеченского этнополитического движения, выступавшего за отстранение правящей бюрократии от власти.

В отличие от Э. Шериповой, Г. Эльмурзаева, также избранная членом Исполкома ОКЧН, придерживалась более умеренных позиций, выступала против попыток насильственного захвата власти и отказа от диалога с Завгаевым. Она была в числе подписавших т.н. «заявление 16-ти», в котором говорилось неприятии политики генерала Д. Дудаева и его сторонников, которые вели дело к силовой конфронтации с республиканскими властями. В июле 1991 г. Г. Эльмурзаева вышла из состава Исполнительного комитета ОКЧН и присоединилась к занимавшему центристские позиции Движению демократических реформ Чечено-Ингушской Республики.

В августе-сентябре 1991 г. в Грозном начались массовые митинги, организованные радикальной оппозицией. Поначалу они проходили под лозунгами противодействия путчу ГКЧП, потом среди протестующих стали доминировать антикоммунистические лозунги и идеи национальной независимости Чечни. В этих митингах впервые активное участие принимали чеченские женщины. Среди них были представительницы интеллигенции, горожанки, занятые в сфере умственного труда, а также сельские женщины, работавшие в колхозах или в личном подсобном хозяйстве. Хотя большинство митингующих составляли мужчины, женщины вели себя весьма активно, участвовали в сооружении баррикад и даже столкновениях с милицией.

Впрочем, после победы «Чеченской революции 1991 г.» и прихода к власти Д. Дудаева представительство женщин в органах власти Чечни было по-прежнему минимальным. В верхушку нового правящего слоя попала фактически только Э. Шерипова, которая в октябре 1991 г. была назначена генеральным прокурором Чеченской Республики.

В ставшей де-факто независимой Чечне стали возникать женские общественно-политические организации. В ноябре 1991 г. наиболее активные сторонницы Д. Дудаева создали Ассоциацию женщин при президенте Чеченской Республики во главе с М. Домбаевой. В программных документах Ассоциации большое внимание уделялось вопросам социальной справедливости и равенства, что позволило ей приобрести определенное влияние среди наиболее обездоленной части сельского населения. Из числа активисток АЖПЧР был сформирован «женский батальон» Национальной гвардии Чечни, который затем стал оперативной группой по проверке магазинов и торговых баз. В ходе ревизорских рейдов бойцы батальона разоблачали факты спекуляции, заставляли продавать скрытые товары, контролировали работников торговли. В декабре 1991 г. М. Домбаева вошла в Оргкомитет по созданию общественно-политической организации «Дом кавказского содружества», объединявший активистов националистических партий Северного и Южного Кавказа.

Э. Шерипова совместно с префектом Гудермесского района С.Б. Радуевым создала Движение в поддержку независимости «Нохчийчо». Эта организация придерживалась лозунгов радикального чеченского национализма, выступала за выход Чечни из состава России и оказывала безусловную поддержку курсу президента Д. Дудаева.

В то же время возникли женские общественно-политические организации, оппозиционные дудаевскому режиму. Среди них наибольшим влиянием пользовался Независимый союз женщин Чеченской Республики (председатель – юрист А. Магаматхаджиева). Этот Союз выступал с критикой президента и правительства Чечни, призывал к усилению борьбы с преступностью. К антидудаевской оппозиции примкнуло движение «Женщины Чечни», которое возглавила Г. Эльмурзаева. Интересы русскоязычных женщин Чечни представляла Ассоциация женщин Чеченской Республики во главе с Л. Лобановой. В

1992 г. эта Ассоциация вошла в Этнический союз Чеченской Республики.

Впрочем, влияние женских организаций на развитие политического процесса в Чечне было крайне ограниченным, и уже в 1993 г. в условиях установившейся диктатуры Дудаева почти все они сошли с политической арены.

М.Ю. Милованова

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

Женская память как основа интегративной гражданской инициативы

***(на примере реализованного Международного конкурса
фотографии «Герои Первой мировой.
Фотографии из личных архивов»³)***

«Одни и те же области мозга (гиппокамп) дают возможность визуализировать перед мысленным взором как прошлое, так и будущее, совершить трансфер во времени и в прошедшее, и в предстоящее, позволяя, в конечном счете, быть дальновидными. Категории темпорального и мемориального сближаются содержательно с категориями исторического и футурологического. Не случайно, изучение ретроспективы и перспективы зачастую тесно связаны между собой и составляют суть анализа исторического процесса», – пишет А.В. Белова, показывая интегративную природу женской социальной памяти [1, с. 39–40]. Описанный механизм в полной мере сработал в ситуации, когда в 2014 г. – год 100-летия с начала Первой мировой войны – для автора возникла необходимость сгенерировать идею для социально-патриотического проекта. Основой стала единственная фотография из семейного архива – портрет видного светлоглазого мужчины с красивыми усами, моего прадеда⁴. Эта фото-

---

³ Страница Международного конкурса фотографии «Герои Первой мировой. Фотографии из личных архивов» <https://spravedlivo.ru/wwi.html>

⁴ Конкурсная работа на странице Международного конкурса фотографии "Герои Первой мировой. Фотографии из личных архивов" https://spravedlivo.ru/71_116.html

графия послужила мотивом для реализации Международного конкурса фотографии «Герои Первой мировой. Фотографии из личных архивов», применению социального проектирования как технологии, состоявшегося конкурса как гражданской инициативы с интегративным эффектом.

Для теоретического осмысления уместно дать понятие «структурация», введенное Э. Гидденсом [2], позволяющее описать взаимовлияние структур и социального действия для эффективного продвижения гражданских инициатив и достижения инициативной группой поставленных задач. Главное значение в структуризации составляет рассмотрение объективной и субъективной сторон социальной реальности с точки зрения «дуальности», что означает их взаимозависимость и взаимовлияние, т.е. структуры делают возможным социальное действие, а социальное действие создает эти же структуры, а определение субъекта действия или социального агента. Понятие «агент» предусматривает людей, способных изменить своими действиями окружающую среду и воспроизвести ее. Деятельность агента непосредственно связана с системами и институтами. Так, первое же обсуждение идеи дало импульс формированию инициативной группы, постановке задач и целей проекта. При этом можно выделить три уровня воздействия социального агента: мотивация, рационализация, рефлексивный мониторинг. Уровень мотивации действия – это доля духовного мира человека, принадлежащего к сознательным и бессознательным желаниям, которые побуждают агента к действиям. Уровень рационализации действия – способность индивидов взвешенно действовать и понимать собственные действия. Уровень рефлексивного мониторинга действия – это постоянное и непрерывное отслеживание индивидом своих собственных действий, действий других людей, а также физических и социальных условий действия [3, с. 100]. Кроме этого для субъектов гражданских инициатив характерно коммуникативное поведение, положенное в основу «жизненного мира» Ю. Хабермаса. По его мнению, коммуникативное поведение позволяет достичь взаимопонимания в обществе, наладить диалог для разрешения политических кризисов, когда этого не могут сделать официальные структуры. Современный ум анализирует мир, разделяя объективное, субъектив-

ное и социальное, что свидетельствует о более рациональном мировосприятии [5, с. 11].

Гражданские инициативы не рождаются в вакууме, они развиваются и прогрессируют под влиянием политического и культурного контекста, в рассматриваемом кейсе предопределило задачи нашей гражданской инициативы: сохранение памяти о Первой мировой войне, о славе и мужестве солдат и офицеров России, исполнявших воинский долг; противодействие фальсификации истории России; развитие и укрепление духовно-нравственных, культурных и исторических ценностей России; содействие формированию патриотических чувств граждан, уважения к истории России, к старшим поколениям.

Результатом гражданской инициативы стал ее интегративный эффект через рефлексию семейной истории на основе сохраненных фотографий к развитию чувства социальной солидарности, соединение памяти поколений в единый жизненный мир семьи. На наш взгляд в данном случае применим подход в изучение гражданских инициатив как гетерономных и автономных локальных систем О. Яницкого, а именно в части характеристики автономной (локальной) системы, регулируемой низовыми (восходящими) инициативами сообщества на всех стадиях разработки и имеет широкий спектр участников [6]. Рассматриваемая гражданская инициатива стала актуальна и востребована с точки зрения важности формирования исторического сознания как одного из определяющих конструкторов формирования этнического и гражданского самосознания. При этом сохранение фотографий, оформление семейных альбомов отмечалась как женская гендерная роль. Участниками церемонии награждения стали победители и лауреаты конкурса из более чем 20 регионов России, зарубежных стран, приславшие около 100 интересных жизненных историй и эксклюзивных фотографий, сотрудники РГБ, представители экспертного сообщества и СМИ. В программе мероприятия состоялась презентация двухтомника В.М. Мешкова «Роковая война России: путеводитель по книгам о Первой мировой». Мультипликационный эффект интеграции был получен благодаря политической платформе партии для реализации, о чем сказал при подведении итогов лидер политической партии С.М. Миронов: «Идея о том, чтобы показать историю через судьбу любого человека, который был свидетелем

или непосредственным участником событий тех лет, – это безусловно очень познавательно, интересно и очень трогает всех. Нужно было найти фотографии из личного архива и рассказать о судьбе людей, изображенных на них». По его словам, история никого не оставила равнодушным: ни тех, кто принимал участие в конкурсе, ни тех, кто оценивал [4, с. 90]. Социальные сети, безусловно сыграли свою роль и в течение трех месяцев шло интернет-голосование на приз зрительских симпатий на сайте (<http://www.spravedlivo.ru>), вызвавшее большую активность со стороны сторонников и участников конкурса. Заявки продолжали поступать до последнего момента, что свидетельствовало об интересе общества, гражданской значимости подобной работы. К церемонии награждения оргкомитетом был подготовлен буклет и диск с песней «Солдаты Первой мировой», автором которой стал один из участников конкурса – В.Н. Бурдин. В его руки случайно попали обрывки записей солдата Первой мировой войны, которые он расшифровал буквально под увеличительным стеклом.

Безусловно, конкурс попал в русло новых направлений научных исследований, позволил поставить в центр изучения исторического процесса образ человека на войне, его простую и одновременно сложную судьбу, взаимоотношения власти и общества во время военных и социальных конфликтов. Организационная и конкурсная работа объединила разных людей – политиков, ученых, профессиональных фотографов, энтузиастов-краеведов, любителей истории, бережно относящихся к любому типу артефактов. Буквально по крупицам сформировалась материальная основа конкурса – фотографии 1914–1918 гг., сохранившиеся в личных архивах.

Список литературы

1. Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3(47). С. 39–51. DOI 10.33876/2311-0546/2019-47-3/39-51. EDN WEKABZ.
2. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.
3. Милованова М.Ю. Гражданские инициативы женских общественных объединений: основные ресурсы для достижения результативности

// Женщина в российском обществе. 2013. № 3(68). С. 98–106. EDN RENOMJ.

4. Милованова М.Ю. «Герои Первой мировой. Фотографии из личных архивов». Библиоковедение. 2014. № 6 (88–90). URL: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2014-0-6-88-90>
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Сляднева; послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000; Яницкий О.Н. Гражданские инициативы и самодеятельность масс. М.: Знание, 1998.

Д. Г. Чубукова
Москва, Институт этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Герои(ни) и антигерои(ни) в крымской истории: гендерный аспект (по материалам экспедиции 2023–2024 гг.)

Memory studies – одно из наиболее динамично развивающихся направлений междисциплинарных исследований. В фокусе исследований – механизмы формирования и передачи представлений о прошлом, включая восприятие истории в современном обществе, а также в различных исторических периодах и культурах. Один из выдающихся лидеров направления memory studies – Пьер Нора – представил в 1984 г. концепцию «мест памяти» (*les lieux de memoire*). «Местами памяти» Нора называет «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации» [1, с. 26]. Понятие «место памяти» не относится исключительно к материальным объектам. «Местом памяти» может быть человек, являющийся символическим элементом наследия коллективной национальной памяти, например, Жанна д'Арк во Франции.

Летом 2023 г. с целью изучения восприятия крымчанами политики памяти, проводившейся Украиной до 2014 г. и проводимой Россией после 2014 г., была организована антропологическая экспедиция на полуостров. Наряду с множеством других вопросов, одно из центральных мест при интервьюировании респондентов (которые в основной массе были не случайными людьми, а представителями научного сообщества, сотрудниками музейных учреждений, преподавателями и учителями, а также обще-

ственными деятелями, то есть акторами процесса выработки и трансляции исторических нарративов) занимал вопрос о том, какие исторические личности кажутся им наиболее значимыми для истории полуострова (требовалось назвать минимум 5 персоналий). Анализ полученных ответов дает интересные результаты.

Результаты исследования показывают [2], что на ответы респондентов влияли как коллективные представления о героях в крымской истории, так и индивидуальные предпочтения. Кроме того, нельзя не сказать о тенденциях, обусловленных профессиональной деятельностью и этнокультурными особенностями. Так, респонденты археологи называли имена Митридата Евпатора и Скилура (скифского царя), историки справедливо вспоминали, что история Крыма начинается не с присоединением территории Крымского ханства к Российской империи, а с греческой колонизации. Что касается этнокультурных особенностей, то крымские татары предпочитали называть среди выдающихся персонажей в истории Крыма – крымских татар, русские и украинские респонденты – общенациональных исторических деятелей, политиков и героев войн.

Так, среди наиболее часто упомянутых персон собеседники называли Екатерину II и Потемкина, героев Крымской войны и севастопольской обороны Корнилова, Истомина и Нахимова, а вместе с тем и современников – Путина и Аксенова. Хрущова, Кучму, Ельцина и Януковича вспоминали как антигероев. Как нетрудно заметить, среди важных для истории Крыма исторических персонажей упоминались почти исключительно мужчины, и только Екатерина II выбивается из общей картины. Этот факт обусловлен действительно выдающейся ролью российской императрицы в истории полуострова, причем далеко не для всех эта роль трактуется как положительная. Для респондентов из числа крымских татар Екатерина II – скорее отрицательный персонаж.

Как бы то ни было, Екатерина II оказывается по сути единственной женщиной в истории Крыма из числа персонажей соответствующего уровня. Это в очередной раз свидетельствует о том, что до недавнего времени доминирующее положение в политической и, тем более, военной сфере занимали мужчины. Однако картина становится чуть более разнообразной, если мы из высокой сферы государственных деятелей и полководцев опустимся чуть ниже, что называется к героям из народа.

Судить об этом мы можем на основании того, что, во-первых, не все респонденты на вопрос о выдающихся личностях в истории Крыма указывали общеизвестных персонажей, масштаб которых выходил далеко за пределы истории собственно Крыма. Некоторые, наоборот, старались называть имена людей, значимых именно для локальной истории. А во-вторых, в ходе исследования задавался дополнительный вопрос о том, кто, по мнению респондента, достоин установки памятника, но пока в этом смысле не отмечен должным образом. Это позволило выявить дополнительный круг имен, значимых для истории Крыма, и, хотя среди них продолжают доминировать мужские персонажи, однако появляются и новые женские имена. Кто они?

Прежде всего необходимо указать имя Даши Севастопольской, первой российской сестры милосердия, разбавляющей женским началом плотный строй героев обороны Севастополя времен Крымской войны. Она получила широкую известность непосредственно во время тех событий, успев получить медаль от императора Николая I. Сейчас ее имя, наряду с адмиралами Корниловым и Нахимовым, матросом Кошкой и другими, неразрывно связано с нарративом Первой Обороны.

Еще одной героиней обороны Севастополя была Екатерина Бакунина, также сестра милосердия. В отличие от Даши Севастопольской, ее имя не было так «распиарено» современниками, ее образ не был легендирован, хотя после Крымской войны она активно занималась благотворительностью, в том числе во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Несмотря на это, имя Екатерины Бакуниной было упомянуто респондентами среди тех, кто достоин памятника.

Другой значимый женский персонаж в истории Крыма – Алимэ Абденанова, советская разведчица крымско-татарского происхождения, действовавшая на оккупированной нацистами территории Крыма. В 1944 г. ее разведгруппа была раскрыта, она попала в плен, была подвергнута пыткам и, в конце концов, расстреляна. В послевоенные годы ей посвящали поэмы, называли ее именем улицы и парки. В 2014 г., после перехода Крыма в состав Российской Федерации, она была посмертно удостоена звания Героя России. Вслед за тем появились мемориалы и памятники. Наряду с Амет-Ханом Султаном Алимэ Абденанова занимает важное место в политике памяти, проводимой совре-

менными российскими властями в Крыму, поскольку позволяет противопоставить мифу о повальном коллаборационизме крымских татар истории героев войны из их числа.

Марина Карповна Байда была удостоена звания Героя Советского Союза в 1942 г. за совсем не женский подвиг. Участница обороны Севастополя, она в одном из боев убила двадцать немцев, в том числе четверых в рукопашной, забив прикладами, захватила вражеский пулемет и спасла девятерых сослуживцев, включая командира. В дальнейшем она, будучи раненой, попала в плен, прошла через концлагеря и была освобождена американскими войсками, после чего вернулась в Крым и много лет проработала в ЗАГСе. Хотя после смерти в 2002 г. ее именем был назван один из парков Севастополя, имя Марины Байды в настоящее время выпало из поля зрения основных акторов политики памяти в Крыму. Однако респонденты ее имя упоминают, для крымчан память о ее подвиге остается актуальной.

Женские персонажи в истории Крыма связаны не только с войнами, не только с двумя оборонами Севастополя, но и с мирной жизнью. Несколько респондентов указали на личность знаменитой украинской поэтессы Леси Украинки, много раз бывавшей в Крыму, чтобы облегчить течение туберкулеза, от которого она страдала всю жизнь. Она отразила в своих стихотворениях не только природу полуострова, которая произвела на нее сильное впечатление, но и жизнь крымских татар, вызывавшую у нее неподдельный интерес. Несмотря на текущую политическую конъюнктуру, имя Леси Украинки по-прежнему является частью актуальной исторической памяти крымчан.

Летом 2024 г. планируется новая экспедиция в Крым, исследование исторической памяти крымчан продолжится и наверняка позволит выявить новые женские имена, значимые для истории полуострова. Возможно, с этой целью будут внесены некоторые изменения в опросник, используемый для проведения интервью.

Список литературы

1. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
2. Полевые материалы автора – 2023 (данные экспертных интервью в городах Республики Крым и г. Севастополе).

И.А. Снежкова
*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН*

Трансформация традиционного в социальном поведении жен и подруг участников СВО

По официальным данным в Вооруженных силах России служит более 300 тыс. женщин. При этом только 40 тыс. из них – военнослужащие, остальные 270 тыс. – гражданский персонал [1].

Служба в армии дает немало льгот военнослужащим: обеспечивает их жильем, продовольствием, бесплатной качественной медициной, санаторным лечением, военной ипотекой. Также можно получить бесплатное высшее или среднее профессиональное образование после трех лет работы по контракту, увеличить количество отпускных дней в году и раньше выйти на пенсию (при выслуге 20 лет). Также служба в армии по-прежнему ассоциируется с высоким социальным статусом и стабильностью. Согласно опросу ВЦИОМ, за 2020 г., родители хотели бы видеть дочерей на службе в армии, потому что она дисциплинирует, дает стабильность, а также вызывает уважение.

В СВО по данным на 2023 г. принимало участие примерно 1100 женщин, среди них преимущественно русские, но есть и небольшое количество мусульманок. Часто они являются родственниками или друзьями воюющих на фронте бойцов. Естественно, призыва на фронт женщин нет, более того в настоящее время их неохотно берут воевать, предлагая работу в тылу или в качестве волонтеров. Однако, несмотря на ограничения, количество женщин растет. Для тех, кто все-таки стремится на передовую существуют на основании постановления правительства Российской Федерации № 719 от 27 ноября 2006 г. ряд направлений, куда женщины могут попасть: связь, оптические и звукометрические средства измерения и метеорология, картография, вычислительная техника (операторы ЭВМ), медицина (дезинфекторы, медсестры, фельдшеры, врачи). Часто женщины на СВО находятся в качестве поваров, переводчиков. В настоящее время женщины овладевают новой профессией, связанной с наблюдением за продвижением беспилотников.

Среди женщин, находящихся на передовой, а это особая категория, – разведчицы, артиллеристы, снайперы, медсестры, а также корреспонденты.

Исключения, когда женщин не берут на фронт:

- если ее близкий родственник нуждается в постоянном уходе и является инвалидом I группы;
- если она является единственным опекуном или попечителем несовершеннолетних детей;
- признана временно не годной по состоянию здоровья;
- имеет одного и более детей до 16 лет;
- беременность;

Выплаты участникам СВО

Единовременная сумма при поступлении на службу – 195 тыс. руб.

Жалование от 204 до 250 тыс. Выплата зависит от стажа, должности и звания.

Добавки – от 8 до 50 тыс. руб. за дни наступления или уничтожение вражеской техники.

Суточные – 4 240 руб.

Соцвыплата – 37 тыс. руб.

Волонтерское движение

Женщин, желающих помогать армии, часто направляют в волонтерские организации. Они там могут быть заняты во всяческой поддержке семей военнослужащих и бойцов СВО. Женщины плетут маскировочные сети, делают окопные свечи, шьют одежду бойцам и вяжут теплые вещи. Также они участвуют в решении многих других важных задач, собирая средства для снабжения бойцов необходимой амуницией и бытовой техникой. Назовем некоторые конкретные благотворительные организации – например, волонтеры «Интербригады» помогают медикам Донбасса лечить раненых. Волонтеры «Цеха 80» из Донецка шьют амуницию для фронта, участницы патриотического проекта «Звезда и лира» из Самары шьют специальные шевроны для бойцов СВО, исповедующих православие.

Представители «Союза женщин Дагестана» из города Иванова работают в прифронтовой зоне медсестрами, а также собирают средства на покупку квадрокоптеров. Участницы «Союза

мусульманских женщин Татарстана, Оренбуржья, Тюмени» плетут маскировочные сети, приобретают теплую одежду и продукты бойцам СВО.

Самочувствие женщин на фронте

Самоощущение женщин в экстремальных условиях отличается повышенной эмоциональностью. Большое внимание уделено механизмам формирования «образа врага». На примере обеих мировых войн опыт показал, как от предвоенного образа-стереотипа, воспитанного пропагандой, их участники постепенно приходят к личностно-эмоциональному представлению о противнике. При этом исходный и конечный образы оказываются различными. В военных столкновениях с украинской стороной для россиян присутствует образ врага не столько со стороны украинцев, сколько со стороны США и коллективного Запада.

Среди женщин и мужчин наблюдается рост религиозности. «На войне нет атеистов» – это расхожая фраза на фронте. Участницы СВО часто делятся о Божьей помощи в бою. Кто-то из женщин рассказывает о чуде не разорвавшейся мины, кто-то вспоминает о прошедшей по касательной, или не ставшей смертельной пуле из-за нательного креста. Многие регулярно посещают церковные службы в военно-полевых храмах. Замечено, что потери в зоне СВО у подразделений, которые перед боем становятся на молитву, снижаются в разы. Помимо христианских священников на фронт приезжает мусульманское духовенство, окормляющее мусульманских бойцов.

Кроме того, на фронте среди женщин и мужчин существует много примет. Например, обязательное ношение крестика христианами или счастливой для человека одежды или оберега. Нельзя ругаться перед боем и показывать на себе места, куда был ранен товарищ, не принято дарить никому ничего перед боем, плохой приметой считается присваивать вещи убитого, пользоваться спальным местом погибшего в течение 40 дней после его гибели [2].

Условия жизни

Женщины на передовой живут в домах и блиндажах. У кого есть возможность – селятся в домах, покинутых жителями, но основная масса проживает в блиндажах. В первом случае быт

обустроивается довольно неплохо: из покинутых местными жителями домов берется посуда, другие бытовые предметы. Это не считается мародерством. Собственно, мародерствовать смысла нет, ибо таможня и военная полиция достаточно быстро реагирует на жалобы гражданских.

Блиндажи, как правило, строятся в 2–3 наката. В хороших подразделениях они уже электрифицированы благодаря генераторам. У хороших хозяев блиндажи могут быть обшиты изнутри. Главная их проблема – протекание во время дождей. Причиной течи может быть множество факторов: выбор неправильно-го места, недостаток строительного материала, а также мыши, стремящиеся попасть к пищевым запасам [3].

Гигиена женщин в фронтовых условиях

Для женщин особенно важно иметь возможность помыться. Полноценно бойцы могли помыться после полноценной ротации, когда уезжали с передовой. Летом можно было искупаться в близлежащем водоеме. Осенью кое-где была возможность помыться в автобане. Баня часто располагалась на базе грузовика и иногда имела парилку. Но в течение зимы все подразделения обзаводились самодельными банями той или иной степени комфортности у ближайших источников воды. Важную роль играли влажные салфетки, особенно для женщин в условиях недостатка воды. Некоторые даже привыкли их использовать вместо туалетной бумаги или прокладок во время менструации. Стирка осуществлялась, в основном, вручную. Иногда, там, где позволяла ситуация, можно было отвести одежду в стирку в прачечную госпиталя, но такая возможность встречалась не часто. Обилие белья из гуманитарной помощи многих развратило: ношеное белье уже не стирали, а сразу отправляли в печку. Санузлов в блиндажах, по понятным причинам, не было. Поэтому в качестве туалетов женщины и мужчины использовали ямы и кусты [4].

Питание

Хорошая еда на СВО не менее важна, чем наличие снарядов, подчеркивали военнослужащие. При этом полевые кухни, на которых работали, как правило, женщины были далеко не на всех направлениях. Многим «камбуз» заменял ИРП (индивидуальный рацион питания). Туда входило филе курицы, консервы, крупы,

каши, сухое молоко, шоколадная паста и др. Самыми желанными продуктами женщины называли шоколадки, фрукты и мороженое.

Любовь на фронте

Как бы ни была сурова реальность СВО, там есть место не только подвигу, но и любви. И часто именно это светлое чувство помогает людям выстоять перед самыми тяжелыми испытаниями. На передовой корреспондент «МК» пообщалась с мобилизованными военнослужащими, которым удалось построить семейное счастье вопреки не самым подходящим для этого условиям. Молодожены рассказали, как познакомились, как боевая обстановка меняет привычные каноны завоевания женского сердца и какие планы у новой ячейки общества после окончания СВО [5].

В заключение хочется сказать, что в поведении женщин, находящихся на фронте, имеет место жертвенность и забота, присущие женскому полу во все времена и выражающиеся в том числе в профессии (медсестры, санитарки), а также в последнее время все активнее проявляется готовность ими осваивать новые военные виды деятельности (операторы ЭВМ, наблюдатели за беспилотниками), что является проявлением трансформации традиционного поведения в условиях военных действий.

Список литературы

1. Названа численность женщин военнослужащих в ВС России РИА Новости 05.03.2024. URL: <https://crimea.ria.ru/20240305/nazvana-chislennost-zhenschin-voennosluzhaschikh-v-vs-rossii-1135422056.html?ysclid=luzh7a0qd1752588340>
2. *Сенявская Е.С.* Человек на войне Историко- психологические очерки ИРИ РАН. М., 1997. С. 36–95.
3. *Волкова Е.Ю.* Решение повседневных проблем женщин в годы ВОВ. //Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 72–81.
4. Банька в полевых условиях. Как живут героини специальной операции в блиндажах. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27463/4718956/URLhttps://www.kuban.kp.ru/daily/27463/4718956/?ysclid=luzhh7y1is6137951>
5. Корсак Л. «Я ее даже поначалу побаивался»: танкист рассказал, как нашел свою любовь на СВО. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/09/09/ya-ee-dazhe-ponachalu-pobaivalsya-tankist-rasskazal-kak-nashel-svoyu-lyubov-na-svo.html?ysclid=luvb9r32j4810564990>

А.А. Турыгин

к.и.н., доцент кафедры истории ФГБОУ ВО
Костромской государственной университет

**«Частное как политическое» в колониальном дискурсе:
травелог Фриды фон Бюлов (1857–1909)**

Одним из локусов истории женщин, возникшей и представлявшей во второй половине XX в. вполне самостоятельное и самодостаточное историографическое направление, практически сразу стала «политика» и формы политического участия женщин. Это стало возможным вследствие продолжавшейся международной дискуссии о границах «политического» и подтверждалось достаточным количеством фактов уже концептуализированной и признанной научным сообществом истории борьбы женщин за политические права равные с мужчинами.

Новое направление, в частности, с самого начала обращало внимание исследователей на тот факт, что традиция историописания категорически выталкивала женщин из политической сферы и методически воспроизводила их историческое исключение [11, с. 26, 46]. Если политика – это только то, что обсуждалось и решалось в парламентах и правительственных кабинетах, то женщины были формально исключены из нее до начала XX в. В этих обстоятельствах политическая история с феминистской точки зрения давала много больше. Во-первых, она проблематизировала борьбу женщин за инклюзивность и процесс формирования защитных стратегий мужчин в политической сфере. Во-вторых, феминистский взгляд на политику фокусировался на внутренней логике принятия политических решений в разные исторические эпохи, которая выражалась, в том числе и через гендерное своеобразие (семантика, метафоры, интерпретации). Таким образом, можно было бы показать, что модели политического поведения учитывали не только мужские роли, но и формировались с учетом защитных стратегий от женского влияния и участия. Наконец, в-третьих, женский взгляд на политику позволял изучить предполагаемые границы между политическим и неполитическим, которые часто уточняли границы между публичной и частной политикой [10, с. 171–231]. Дискуссии под девизом «Частное как политическое» 1980-х го-

дов инициировали обсуждение таких тем, которые ранее считались аполитичными (коммуникация, символы, ритуалы, церемонии в политике). Они показали, что границы политического исторически изменчивы и что определение «политики» и того, что может быть политикой, является специфическим. Одним из важных итогов дискуссией стало принятие того, что «политическое» формировалось не только решениями и действиями одних, но и зависело от готовности других воспринимать их как политические решения и действия [9, с. 157–158].

Одним из примеров, иллюстрирующих взаимосвязь «личного» и «политического», в истории Германии является колониальный роман как специфический литературный жанр. Многие из колониальных романов были написаны в условиях инокультурного окружения женщинами-путешественницами на основании травелогов [1; 2; 3]. Многие из них, написанные в период «колониального бума» (1880-е годы) апологизировали активный колониализм, способствуя формированию в немецком обществе экспансионистских политических настроений.

Фрида фон Бюлов (1857–1909), баронесса, путешественница и участница африканских экспедиций, сторонница идей колониализма, признанная основоположницей немецкого колониального романа, была известна еще и своей активной общественно-политической позицией, как основательница Женского общества колониальных медсестер (1888) и член правления Германского восточноафриканского евангелического миссионерского общества. Героем ее травелогов и колониальных романов был ее современник и «пионер» немецких колоний – Карл Петрес (1856–1918) [4, с. 261–276]. Исследования показывают, что баронесса была влюблена в К. Петерса, что, соответственно, не только сформировало ее видение Германии как сильной колониальной империи, но и склонило ее к активной общественно-политической деятельности в поддержку колониальных проектов своего кумира [8].

Интерес представляет то, как через героев своих главных романов «Консул» [5], «Тропическая лихорадка» [7] и «В земле обетованной» [6] Ф. фон Бюлов находит оправдания колониальным захватам Германии в Африке. Иной мир, находящийся за пределами европейской цивилизации, Ф. фон Бюлов видит исключительно как полное необыкновенных опасностей, тайн и

загадок пространство для приключений, которые кажутся притягательными для привыкших к стабильности, традиционному укладу и комфорту европейских авантюристов. Вместе с тем, образы туземцев, возникшие в воображении автора как первобытное зло, рисуются как помехи и препятствия на пути добра, которое несут остальному миру потомки Зигфрида. Призывы к активному колониализму, имеют своей целью пробудить национальный характер в созданном Бисмарком национальном государстве. В то же время сопротивление канцлера активной колониальной политике, идущей вразрез с созданным им с большим трудом европейским равновесием, вступают в явное противоречие на арене публичной политики и общественных настроений.

Фрида фон Бюлов, побывав в Восточной Африке вслед за К. Петерсом, пыталась убедить немцев в достоинствах колонизации публикацией серии романов о его колониальном опыте. Восторженная поклонница приключений стремится познакомить читателя с теми, без кого, по ее мнению, Германия осталась бы без колоний. Эта решимость была особенно очевидна в отношении К. Петерса. В романе «Консул» он предстает в образе барона Макса фон Зюльфа. Барон был назначен консулом в Восточную Африку для развития коммерции и распространения немецкого языка (для удобства заключения торговых сделок). Однако в силу личных качеств и способностей, барон вскоре значительно расширил круг своих обязанностей, проявив себя, как независимый и самостоятельный лидер. Своими несогласованными с правительством рейха действиями (самостоятельным заключением торгового договора с одним африканским вождем), он вызвал массу упреков и был отозван в Берлин. Главная героиня романа – Нелли – влюбленная в барона, оставшись без своего возлюбленного, рассуждала о границах свободы действий мужчин и женщин в колониях. Нелли, безусловно, недовольна попытками правительства контролировать каждый шаг сильного лидера, действующего в интересах рейха.

Рассуждения о патриотизме Петерса обоснованы гендерной спецификой. Патриотизм – всего лишь прикрытие мужского эгоизма. Когда возможности его проявлять оказывались исчерпанными, мужчины старались найти способ компенсации в виде силы, которую направляли на все что угодно, считая это своим по праву [5, с. 73]. В действиях барона отражаются многие ре-

альные события и идеи, актуальные для Германии второй половины XIX в. Например, торговые противоречия с Великобританией, прежде всего в колониях, в романе выражаются отношениями между консулом и купцом, предпочитавшим иметь дела с британцами, а не с другими немцами, плебеями, по его мнению [5, с. 76]. Зажиточные немцы, разбогатевшие на торговле с британцами, предпочли сменить свои имена (с «Иоганна Фридриха» на «Джона Фридрикса»), что отражает неразвитость связей между Берлином и заморскими территориями рейха, безразличие к судьбам немцев, живущих за пределами отечества (идеи, позже воспринятые пангерманцами). К числу одного из первых благородных поступков барона автор романа относит совет еврейскому купцу переименовать заведение с французского restaurant на немецкий Wirtshaus. Вслед за этим в рассуждениях барона появляется антисемитская риторика. Он задается вопросом о еврейском лицемерии на грани презрения к самим себе, о хитрости и злобе, таящихся в душе евреев [5, с. 80]. Барон пытается покончить с модой на все иностранное, вызывая своими действиями одновременно и раздражение Лондона, и опасения Берлина. Гордость и независимость барона, качества, которым симпатизирует автор романа, в конечном итоге приводят его к потере должности, но моральной победе. Местное население колонии играет второстепенную роль в романе, в основном присутствуя в виде черных слуг с широкими улыбками на лицах, способных от природы только «смеяться и петь» [5, с. 71–72].

Список литературы

1. *Афанасьева А.Э.* Английские женщины-путешественницы второй половины XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 2. С. 28–32.
2. *Пономарев Е.Р.* Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2(144). С. 33–44 и др.
3. *Пургина Е.С.* Колониальный дискурс в женском травелогe: «Письма из Индии» Элизы Фей // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4 (169). С. 84–98.
4. *Турыгин А.А., Зимина Е.В.* Британский «джинго» и немецкий «винкинг»: образ «героя колоний» Сесила Родса и Карла Петерса в ли-

- тературе и публицистике // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 261–276.
5. *Bülow F.* Der Konsul. Vaterländischer Roman aus unseren Tagen. Berlin: F. Fontane & Co, 1891.
  6. *Bülow F.* Im Lande der Verheißung. Ein deutscher Kolonial-Roman. Dresden: Carl Reißner, 1914.
  7. *Bülow F.* Tropenkoller. Episode aus dem deutschen Kolonialleben. Berlin: F. Fontane, 1896.
  8. *Decker K.* Meine Farm in Afrika. Das Leben der Frieda von Bülow. Berlin, 2015.
  9. *Frevert U.* Neue Politikgeschichte // Joachim Eibach; Günther Lottes (Hrsg.): Kompass der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 2002. S. 157–158.
  10. *Kühne T.* Staatspolitik, Frauenpolitik, Männerpolitik: Politikgeschichte als Geschlechtergeschichte // Hans Medick; Anne-Charlotte Trepp (Hrsg.): Geschlechtergeschichte und allgemeine Geschichte. Herausforderungen und Perspektiven. Göttingen, 1998. S. 171–231.
  11. *Scott J.* Gender and the Politics of History. New York, 1988. P. 26, 46.

Н.С. Нижник

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет

МВД России

Н.В. Сивкова

Санкт-Петербург, Гимназия № 148 им. Сервантеса

Служба в полиции – женское дело (об опыте обеспечения кадрами полиции Испании)

Сектор безопасности традиционно считается сферой мужского доминирования. По данным ООН, 97% военных миротворцев и 90% полицейских в мире – мужчины [1; 2]. Несмотря на то, что женщины пока продолжают составлять небольшую часть полицейских сил, их роль в осуществлении полицейской деятельности стремительно растет.

Государством, в котором доля женщин среди сотрудников полиции является одним из самых высоких в мире, является Королевство Испания.

Первые попытки создать эффективные силы безопасности в Испании были предприняты Карлом III еще в 1759 г., когда для

обеспечения безопасности испанских портов и доков был создан Королевский корпус хранителей. Но органы, осуществляющие полицейскую деятельность на территории всей Испании, были созданы только в XIX в., в соответствии с королевским указом Фернандо VII о создании генеральной полиции – «гарантии добра и общественной безопасности» (13 января 1824 г.).

Закон «О полиции» от 4 декабря 1978 г. закрепил существование в Испании двух профессиональных корпораций – Высшего полицейского корпуса и Национального полицейского корпуса. Реализуя принцип равенства, закрепленный в Конституции Испании, женщинам было предоставлено право служить в полиции: в 1979 г. 42 женщины впервые были приняты в Высший полицейский корпус, а в 1984 г. 53 женщины появились в числе сотрудников Национального полицейского корпуса [3].

За 200 лет развития и трансформаций правоохранительной системы Испании сформировалась трехуровневая система органов полиции, включающая подразделения с компетенцией национальной, автономной (относящейся к автономным провинциям) и местной (относящейся к муниципалитетам) юрисдикции. Сегодня в Испании существуют ведомства, обладающие полномочиями для полицейской деятельности: Национальная полиция и Гражданская гвардия, находящиеся в подчинении Министерства внутренних дел.

Действующая Конституция Королевства Испании (ст. 104) для Национальной полиции и Гражданской гвардии установила единые цели и задачи – защита прав и свобод человека, обеспечение общественного порядка на территории государства.

Деятельность Национальной полиции (Policia Nacional) направлена прежде всего на противодействие уголовной преступности, защиту жизни, личной собственности и имущества граждан, охрану общественных зданий и должностных лиц, обеспечение внутри государства безопасности и общественного порядка, преследование злоумышленников, расследование преступлений, арест подозреваемых лиц и защиту свидетелей. Национальная полиция контролирует выдачу паспортов, удостоверительных документов, миграционные процессы и азартный бизнес. В 2020 г. Policia Nacional насчитывала более 87000 сотрудников.

Гражданская гвардия (*Guardia Civil*) была создана для борьбы с разбойниками, наводнившими страну после войн с Наполеоном и последовавших за ними гражданских войн (1844 г.). Сегодня деятельность Гражданской гвардии направлена на обеспечение общественного порядка на земле, на воде и в воздухе, на предотвращение преступлений, организацию фискальной защиты государства от контрабанды и мошенничества. Гвардейцы осуществляют патрулирование территорий и регулирование дорожного движения, борьбу с киберпреступностью и терроризмом, поисково-спасательные работы и дезактивацию взрывчатых веществ. 75 000 офицеров *Guardia Civil* обслуживают сельские общины Испании, более 10 000 работают в отделе дорожного движения, контролирующем автомагистрали страны.

Сложная структура правоохранительных органов не позволяет избежать дублирования функций, и в борьбе с организованной преступностью и терроризмом оба ведомства действуют совместно.

Муниципальная полиция (*Policía Municipal*) подчиняется мэрии; следит за сохранностью зданий и музеев, частной собственности, организует парковку и дорожное движение при проведении публичных мероприятий, разрешает частные конфликты.

Политика гендерного равенства и программы обучения в Испании в XXI в. реализуются так, чтобы гарантировать женщинам продвижение по службе и карьерный рост во всех подразделениях полиции. Женщины выбирают службу в полиции, оценивая прежде всего ее стабильность и устойчивость. В 2019 г. в *Policía Nacional* женщины составляли 14,87 % всех сотрудников полиции, а к началу 2023 г. – уже 16,92% [4]. МВД поставило перед собой цель – к 2030 г. добиться 40% присутствия женщин в сфере продвижения по службе. Для достижения этой цели были приняты меры по содействию равным возможностям и набору женщин в Национальную полицию [5].

Одна из них – отмена минимального требования к росту, которое до сих пор составляло 160 см. Высший судебный орган страны вынес вердикт по иску подданной королевства, которой было отказано в трудоустройстве в полицию в 2017 г. из-за того, что ее рост был на 4 см ниже необходимого, указав, что это требование – косвенная дискриминация женщин по сравнению с мужчинами, требования к которым по минималь-

ному росту (165 см) гораздо мягче, т.к. доля женщин, имеющих рост ниже 160 см, – 25%, а мужчин ростом ниже требуемый для трудоустройства в полицию – лишь 3% от всего мужского населения страны [6].

Женщинам, желающим поступить на службу в Национальную полицию, сегодня разрешено откладывать сдачу отборочных экзаменов в случае беременности, родов и в послеродовом периоде. Лица, вынужденные отложить свое зачисление на вступительный курс из-за беременности, рождения, усыновления или воспитания несовершеннолетнего, могут быть зарегистрированы в качестве государственных служащих, проходящих обучение, без уменьшения их стажа на государственной службе.

По данным МВД, в 2019 г. 738 женщин (28,3%) из 2606 утвержденных кандидатов поступили в Национальную полицию, в 2021 г. их доля выросла до 32,6% (758 женщин из 2328). Аналогичные тенденции выявлены и в обеспечении кадрами Гражданской гвардии. В ходе кампании по набору персонала на должность боролись 26915 кандидатов, 8531 из которых – женщины (31,7%), в том числе имеющие университетское образование (6178 кандидатов). Эти показатели – самые высокие с тех пор, как женщины впервые были приняты на службу в Гражданскую гвардию. Эти тенденции свидетельствуют об успехах политики обеспечения гендерного равенства в правоохранительных органах Испании.

200-летие Национальной полиции в 2024 г. явилось в Испании событием, вызвавшим исключительный общественный интерес. Программа поддержки участников празднования была разработана на 2022–2025 гг. и предусматривала множество мероприятий, включая налоговый режим для некоммерческих организаций и налоговые льготы за меценатство [7]. На празднике в честь 200-летия Национальной полиции в Мадриде (8 мая 2024 г.) присутствовали Король Фелипе и Королева Летиция [8]. В рамках программы празднования Королевский монетный двор Испании 2 февраля 2024 г. на Всемирной денежной ярмарке в Берлине представил коллекционную монету €2 «200-летие Национальной полиции» [9].

Не остались в стороне от празднования спортсмены: Ла Лига отметила важную роль полиции в футболе и спорте. Ла Лига и Национальная полиция активно борются с пиратством, пресекая незаконную трансляцию спортивного контента. Незаконные

трансляции спортивных матчей – частая проблема. Спортивные организации и провайдеры внедряют шифрование трансляций и защиту авторских прав, чтобы предотвратить несанкционированное распространение. Полиция помогает пресекать подобные правонарушения и выявлять лиц – организаторов соглашений о результатах футбольных матчей в Испании, Гибралтаре и Андорре, в том числе и футболистов, которых подозревали в использовании своего положения для вмешательства в исход игр. Операцию «Operation Conifera» Национальная полиция проводила совместно с Европолем и Интерполом. Полицейским пришлось проверить 30 матчей и выявить прибыль от этих махинаций на матчах более чем в 500 тыс. евро [10].

В течение своей двухвековой истории Национальная полиция стремилась обеспечить безопасность граждан и их благополучие. Сегодня она является одним из наиболее значимых государственных институтов. А женщины-полицейские составляют в Испании особую гордость, что было продемонстрировано на гала-концерте в честь 40-летия включения женщин в состав Национальной полиции [11], о чем свидетельствуют и стремление испанских властей увеличить число женщин в полиции введением различных льгот для сотрудниц, и обусловленные привлекательностью службы женщин в полиции новые тенденции в сфере кадрового обеспечения. После того, как в марте 2023 г. парламент Испании одобрил поправки в законодательство, позволяющие людям старше 14 лет менять пол без постановки медицинского диагноза гендерной дисфории и позволяющие ограничиваться лишь заявлением о своей новой идентификации в местные органы, силовики стали документально менять пол, надеясь на бонусы и продвижение по службе. Уже более 40 сотрудников армии и полиции официально идентифицировали себя как женщин, даже не меняя своего имени. «Внутри я лесбиянка», – заявил капрал испанской полиции Роберто Пердигонес, идентифицировавший себя как женщину [12], но продолжающий носить бороду. Офицеры-мужчины стали менять свой юридический пол с надеждой на продвижение по службе. «После смены пола моя пенсия увеличится, потому что женщины получают больше ... [А сейчас] я получаю на 15% больше заработной платы за то, что я мать», – объяснил(а) Р. Пердигонес [13].

Полиция Испании приобрела женское лицо.

Список литературы

1. Доклад Генерального секретаря ООН о женщинах, мире и безопасности. 2015. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_annual_report_2023_ru.pdf (дата обращения: 19.03.2024).
2. Доклад Генерального секретаря о работе Организации (A/78/1, семьдесят восьмая сессия) / Издание Организации Объединенных Наций. New York 10017, 2023.
3. Portal web de la Policía Nacional. URL: https://www.policia.es/_es/tupolicia_conocenos_timeline.php (дата обращения: 17.03.2024).
4. Jurispol. URL: <https://www.jurispol.com/mujeres-en-la-policia-nacional-analisis-por-categorias-y-especialidades/> (дата обращения: 19.03.2024).
5. Ministerio del Interior. URL: <https://www.interior.gob.es/opencms/gl/detalle/articulo/Interior-apuesta-por-medidas-de-accion-positiva-para-alcanzar-el-40-por-ciento-de-mujeres-en-el-acceso-a-Policia-Nacional-y-Guardia-Civil/> Jurispol. URL: <https://www.jurispol.com/mujeres-en-la-policia-nacional-analisis-por-categorias-y-especialidades/> (дата обращения: 11.03.2024).
6. URL: <https://russpain.com/rynok-truda/ispaniya-zhenshhiny-korotyshki-poluchili-pravo-rabotat-v-policii-v-sude-124417> Jurispol. URL: <https://www.jurispol.com/mujeres-en-la-policia-nacional-analisis-por-categorias-y-especialidades/> (дата обращения: 19.03.2024).
7. URL: <https://www.policia.es/miscelanea/bicentenario/RD665-2022.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
8. URL: <https://ru-royalty.livejournal.com/11155822.html> (дата обращения: 16.05.2024).
9. URL: <https://vk.com/@reverscoin-policiay> (дата обращения: 14.04.2024).
10. URL: <https://sputnik24.tv/news/sport/la-liga-i-ee-klubi-13-yanvaryapozdravyat-natsionalnuyu-politsiyu-ispanii-s-200-letiem> (дата обращения: 11.05.2024).
11. Ministerio del Interior. URL: https://www.policia.es/_es/tupolicia_conocenos_eventos_detalle.php?tipo=4&subtipo=16#Gala40AniversarioIncorporaci%C3%B3ndelamujeralaPolic%C3%AdaNacional (дата обращения: 16.05.2024).
12. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/1965154-policia/> (дата обращения: 16.05.2024).

13. Испанские полицейские меняют пол, чтобы получать льготы для женщин URL: https://www.reddit.com/r/Pikabu/comments/1b7cnhv/испанские_полицейские_меняют_пол_чтобы_получать/?rdt=43324 (дата обращения: 16.05.2024).

*Н.С. Нижник
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
университет МВД России*

Вопреки стеклянным потолкам (об опыте обеспечения гендерного равенства в полиции Мексики)

Служба в полиции Мексики традиционно считается мужской профессией, несмотря на законодательно закрепленное равенство в правах мужчин и женщин. Гендерное равенство предполагает беспристрастность в рамках служебных отношений. К мужчинам и женщинам, служащим в полиции, предъявляются единые (дифференцированные) требования по физической и иной служебной подготовке; мужчины и женщины в одинаковом качестве участвуют во всех мероприятиях по охране правопорядка. Единственное формальное отличие правового статуса женщины-полицейского – отпуск по беременности и родам. Но на пути реального обеспечения гендерного равенства в силовых структурах Мексики много трудностей и препятствий.

Мексиканские женщины идут служить в полицию по разным мотивам. Потому что нравится работа с людьми, которая позволяет оказать помощь нуждающимся; потому что в полиции служат члены семьи; потому что службу в полиции рассматривают как основу экономической стабильности. Стремление к экономической устойчивости приводит на службу в полицию матерей-одиночек. Понимание, что профессия полицейского сложна, требует ограничений в личной жизни и особой организации жизни семьи, может приходиться не сразу. Для того, чтобы женщине налагать на себя такие ограничения, она должна иметь стремление к освоению профессии и осознавать, что служба в полиции – «это не просто работа, а призвание» [2, р. 49], и «быть женщиной не является ограничивающим фактором для участия в учреждении, которое считается мужским» [7].

Служба женщин в полиции Мексики осуществляется в объективно трудных условиях: она сопряжена с риском для жизни и здоровья; серьезные опасности в повседневной жизни, невысокая заработная плата, посменная служба, суточные дежурства, служба во время национальных праздников, личных и семейных торжеств, необходимость тратить деньги на обмундирование дополняются трудностями, связанными с реформированием правоохранительной системы Мексики, попытками правительства кардинально трансформировать деятельность полиции, которая под мощным прессингом со стороны преступного мира погрязла в коррупции и злоупотреблениях.

Несмотря на это, женщины несут службу в различных подразделениях полиции, составляя четверть от ее кадрового состава. В меньшем количестве – в отделах оперативной работы, где очевиден наибольший риск для жизни и здоровья. Это оправдано социальной ролью женщин в обществе, необходимостью обеспечения их безопасности. Но если женщина делает осознанный выбор в пользу такой сферы полицейской деятельности и соответствует необходимым квалификационным требованиям, она служит и в таких подразделениях.

Помимо объективных трудностей, женщины сталкиваются с дополнительными препятствиями – от признания приоритета физической силы, распространенной психологии мачизма, сексуальными домогательствами со стороны мужчин-коллег и требований выполнять работу, которую полицейские-мужчины считают рутинной и второстепенной.

Полицейские учреждения, по утверждению мексиканских исследователей, – «пространства, в которых исторически доминировали мужчины и культура, в высшей степени маскулинизированные» [8, р. 4]. В условиях иерархической структуры и дисциплины, допускается, а иногда и становятся обыкновениями дискриминация в отношении женщин-полицейских, домогательства и злоупотребления [2, р. 59]. Эффективных механизмов предотвращения такого поведения и наказания за них в Мексике нет. Результаты обращения женщин-полицейских в Управление внутренних дел полиции с заявлениями о злоупотреблениях и домогательствах, ожиданиям заявительниц не соответствуют и на реалии служебных отношений влияния не оказывают. Страх возмездия и фактическое отсутствие наказания виновных со-

здают повседневность, когда «женщины признают, что насилие по отношению к ним является нормой, потому что это – часть жизни в полиции» [8, р. 15].

Отказ от своей идентичности и демонстрацию мужского поведения женщины-полицейские признают обязательным условием завоевания признания коллег и начальства и продвижения по служебной лестнице. Получить руководящую должность в сфере общественной безопасности – одна из самых сложных задач для женщины-полицейского. Сталкиваясь с явным гендерным неравенством, имея минимальные шансы подняться в звании и преуспеть, женщина может оказаться в различных ситуациях: от видения себя той женщиной, которая возглавляет зону безопасности, до отказа продолжать свою деятельность и ухода из полиции.

В последние годы наметилась благоприятная тенденция для карьерного роста женщин в полиции, которую связывают с увеличением числа женщин в полиции, их большим стремлением к обучению. Основой стеклянного потолка для продвижения женщин по службе в полиции продолжают оставаться стереотипы, закрепляющие гендерное неравенство и допустимость дискриминации по признаку пола.

Женщины уже смогли добиться разнообразных успехов. В Федеральной полиции (1999–2019) 135 женщин занимали высшие руководящие должности, 162 женщины – должности директоров, генеральных директоров, координаторов и руководителей подразделений, 3845 женщин – должности руководителей департаментов и отделов [3].

Общественность и средства массовой информации внимательно следили за судьбой Марисоль Вальес Гарсиа, названной «самым молодым начальником полиции в мире» [5]. События с ее участием разворачивались в мексиканском городке Гуадалупе штата Чиуауа, через который проходит один из самых прибыльных наркотрафиков в США. Этот штат стал местом боевых действий, которые правительство страны в 2007 г. начало вести против наркомафии. Война наркокартелей в Мексике в 2007–2010 гг. унесла около 28 тыс. жизней, в том числе жизни 11 мэров мексиканских городов. В сводках ежедневно была информация о гибели полицейских. Начальник полиции Гуадалупе Мануэль Кастро был убит. Без вести пропал мэр города Густав

Санчес. Его нашли погибшим от пыток в подвале одного из брошенных домов.

Именно в такой атмосфере 20-летняя студентка Марисоль Вальес Гарсия, осваивавшая криминалистику, получила предложение работать в полиции. М.В. Гарсия была единственной, кто согласился занять этот смертельно опасный пост. 18 октября 2010 г. она стала шефом полиции, и испанская газета «El País» назвала Марисоль «самой храброй женщиной в Мексике» [6]. На церемонии приведения к присяге М.В. Гарсия заявила, что полиция сосредоточится на программах профилактики преступности в школах и содействии улучшению отношений между соседями, высказала идею о создании велосипедной полиции. «Почти сразу же после того, как я заняла свой пост, мне позвонил представитель одного из картелей с предложением работать на них. Когда я отказалась, они стали звонить с угрозами мне и моей семье» [6]. М.В. Гарсия продержалась на своем посту шесть месяцев. Под давлением наркокартелей и прессом жизненных обстоятельств ей пришлось покинуть свой дом и бежать из страны. В день ее побега ее дом был разгромлен – наркокартели «не проявляют милосердия к женщинам, работающим в правоохранительных органах» [1].

Несмотря на наличие различных подходов к оценке службы женщин в полиции, целесообразность их вовлечения женщин в полицейскую деятельность в Мексике сомнений уже не вызывает. Подтверждая это, Мексика стала единственной страной, которая включила женщин-полицейских в состав обеспечивающих безопасность на чемпионате мира по футболу в Катаре (2022).

Сегодня признано, что в Национальной гвардии Мексики при оказании поддержки гражданам, женщины проявляют большую чуткость; женщины-полицейские лучше справляются с разведывательной работой, общением с общественностью и выявлением случаев жестокого обращения с несовершеннолетними.

За счет привлечения женщин в различные сферы общественной безопасности полиция Мексики добилась роста и значительных успехов. Это не означает, что мужчины плохо справляются со своей работой, равно как и то, что женщины не могут быть вовлечены в коррупцию или иную преступную деятельность, речь идет об устранении социальных предрассудков, не

позволяющих укрепить гендерное равенство при осуществлении полицейской деятельности.

Расширение прав и возможностей женщин в сфере обеспечения общественной безопасности – реальность XXI в., которая требует предоставления равных для мужчин и женщин возможностей в решении социально значимых задач, создании благоприятных условий для профессионального и личностного развития женщин. Избавление от представлений о том, что служба в полиции – дело исключительно мужское, – обязательный шаг на этом пути.

Список литературы

1. *Adams Otis G.* Las valientes of Mexico. URL: <https://nypost.com/2011/01/30/las-valientes-of-mexico/> (дата обращения: 24.04.2024).
2. *Almeyda S.N.S.* Mujer policía: retos y desafíos al mando de la seguridad pública Police woman: challenges and challenges in command of Public safety // Universidad de Ciencias de la Seguridad. Estudios de la Seguridad Ciudadana. 2023. Vol. 7. Año 6.
3. URL: criteriohidalgo.com/dia-internacional-de-la-mujer/policia-federal-135-mandosmujeres (дата обращения: 11.05.2024).
4. *Hernández G., Monroy C., García R.* Violencia hacia la mujer en la función policia // Hernández C. Criminología feminista. México: Tirant lo Blanch, 2022.
5. URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Marisol_Valles (дата обращения: 10.06.2024).
6. URL: <https://drugoi.livejournal.com/3392459.html> (дата обращения: 11.05.2024).
7. *Palacios G.* Formación policial. México: Trillas, 2020.
8. Ser mujer policía: breve estudio de las condiciones laborales de las mujeres policías en Estado de México y Nezahualcóyotl. México, 2021. 195 p.

РАЗДЕЛ 11

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И МЕЦЕНАТСТВА В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю.А. Ольховская

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Из истории русской женской благотворительности (XVIII–XX вв.)

История благотворительности в женском лице начинается с русских императриц, которые оставили наследие творить добро и оказывать заботу об обездоленных, малоимущих и страдающих людях. Литературные источники богаты яркими страницами о благотворительных процессах среди этих великих женщин, которые изменили отношение к благотворительности в обществе, сделав ее интересом своей жизни [2, 4, 5].

Одной из первых благотворительниц в России стала Мария Федоровна, которая после вступления на престол своего мужа Павла I получила титул императрицы. И, проявив блестящие организаторские способности, она начала свою активную благотворительную деятельность в области просвещения, здравоохранения, оказания помощи детям и престарелым людям.

Благотворительный путь, которая начала Мария Федоровна, продолжили и другие императрицы, создавая предпосылки, затрагивающие важные вопросы по решению многих социальных проблем в обществе, а также на уровне нравственного воспитания человека, в чем аспекты развития склонности к благотворительности позволяют создавать условия для его духовного совершенствования. Так, глубоко гуманные благотворительные поступки русских императриц стали наследием государства, где благотворительность стала голосом в защиту прав человека, который унижен и угнетен в силу разных жизненных обстоятельств, сделавших его страждущим [4].

В настоящее время наследие благотворительности отражает и факторы справедливости на социальном уровне, как и в разные исторические эпохи страны. Благодаря благотворительности все-

гда поддерживалась жизнедеятельность и повышалось качество жизни нуждающихся людей. Наследие благотворительных трудов великих женщин прослеживается и в создании условий воспитательного характера, где с детства развивалась мотивация помогать окружающим и нуждающимся в этом людям. Данное обстоятельство стало значимым явлением, которое позволило воспитать поколение женщин – продолжательниц наследия русских императриц в их благотворительных делах, как и в прежние года, в современном обществе. И это также позволяет отражать как государственные задачи по обеспечению стабильности в стране, так и фундаментальные аспекты религиозного мировоззрения, продиктованного в морально-нравственном устое человека [1].

Также, подавая личный пример социальной активности, русские императрицы ввели практически «правила» для жен высокопоставленных мужей и благородных дам заниматься благотворительной деятельностью, создав предпосылки развития традиционного сознания, сделав наследием факторы наличия человеческой потребности помогать ближнему и нуждающемуся [2].

Наследием благотворительных дел стала и Марфо-Мариинская обитель, созданная в начале XX в. Великой княгиней Елисаветой Феодоровной Романовой. Уже более века в ней оказывают помощь нуждающимся, она стала приютом для многих обездоленных людей, в том числе и детей. Имея чистое и милосердное сердце, Елизавета Федоровна мечтала создать обитель, где будет служить Богу, оказывая помощь ближнему, отдавая все свои силы, доброту и любовь. Именно в неустанном служении ближнему она видела свое предназначение. Все насельницы обители, следуя ее примеру, являются примером сестер милосердия, продолжая оставленное им наследие благотворительных дел Елисаветы Феодоровны [3].

Сейчас настоятельницей обители является игумения Елисавета (Елена Позднякова в миру), и она непреклонно выполняет завет Великой княгини Елисаветы Феодоровны, продолжая путь служения ближнему, сохраняя и продолжая дело ее жизни, бережно храня ее наследие на современном этапе развития общества. В обители проживают как сестры милосердия, так и монахини, которые посвятили свою жизнь заботе о нуждающихся. В своей жизни они ежедневно сталкиваются с жертвами бездушия, которое привело к падению человека на социальное дно. И

только их труды в сострадании и человечности позволяют человеку в сложной жизненной ситуации вновь обрести надежду на восстановление своего облика достойного члена общества.

Сестры милосердия Марфо-Мариинской обители, забывая о себе, милосердно и бережно ухаживают и заботятся о страждущих, забытых всеми людьми, бездомных, одиноких, больных, даря им свою ласку и попечение. Внутреннее рвение оказать помощь нуждающемуся помогает им находить силы и мужество преодолеть неверие и отчужденность этой группы людей, вселяя в них новую веру в добро и, в особенности в добрых людей, которые, живя по заветам Елисаветы Феодоровны, сделали помощь другим задачей своей жизни. Их ежедневная благотворительная работа позволяет продолжать наследие истоков благотворительности, заложенной русскими императрицами и в настоящее время [5].

Так, великая роль женщин в благотворительности начинается с русских императриц, которые оставили в наследие свои примеры благотворительной деятельности, большой сострадательной любви к ближнему, что ими активно реализовывалось на практике как в личных аспектах оказания различной помощи нуждающимся, так и на уровне создания многих благотворительных организаций, имеющих социальные и религиозные основы.

Таким образом, женское наследие благотворительности создало пространство в социуме для представления благотворительной деятельности в современном обществе, которая помогает решать социально значимые вопросы.

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Список литературы

1. Азерникова И.П. Вклад императрицы Марии Федоровны и ее ведомства в развитие благотворительности в России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2011. №. 3. С. 29–35.
2. Зубанова С.Г. Благотворительность и социальное служение женщин в дореволюционной России // Теория и практика общественного развития. 2015. №. 17. С. 128–134.

3. *Мартыненко Н.* Опыт женской благотворительности в дореволюционной России как фактор либерализации общества // Вестник Волжского университета им. ВН Татищева. 2013. №. 3 (13). С. 154–161.
4. *Мусатова М.В.* Социально-благотворительная деятельность монастырей в контексте культуры России второй половины XIX века // Вестник славянских культур. 2008. Т. 10. №. 3–4. С. 82–87.
5. *Шафажинская Н.Е.* Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова и Марфо-Мариинская обитель милосердия: историко-культурное значение // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. №. 5. С. 45–51.

С.Н. Брежнева

*Санкт-Петербург, г. Пушкин, Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина*

«Первые леди» туркестанских областей и их роль попечительниц детских приютов на рубеже XIX–XX вв.

Туркестанское генерал-губернаторство являлось национальной окраиной Российской империи, ее фронтальной территорией. Хотя законы империи неукоснительно соблюдались, образование соответствующих учреждений несколько запаздывало. Так было и с созданием областных попечительств детских приютов, которые начали появляться в Туркестане с 1870-х годов. Формально они возглавлялись военными губернаторами как «почетными попечителями». Соответственно их жены, «первые леди» области становились почетными попечительницами детских приютов. Как показывают архивные документы, дамы с большим воодушевлением брались за работу и очень ответственно к ней относились.

Внутреннее управление приютом распределялось следующим образом. Общий надзор возлагался на попечительницу, надзор за здоровьем детей, за их питанием и за денежной отчетностью – на директора. За детьми следила смотрительница, которая должна была быть «благонадежной» особой. Все назначения обязательно согласовывались с Главным управляющим СЕИВК по учреждениям императрицы Марии Федоровны, к которому относились детские приюты. Однако помощниц могли избирать себе сами попечительницы. Состав служащих приюта

тоже был женским. Личный состав служащих приюта составляли надзирательница, ее помощница, две няни, прачка, она же была просвирней и дворником [4, л. 5].

Супруги военных губернаторов туркестанских областей не только контролировали деятельность приютов, украшая своим присутствием ежегодные их посещения, но и самым непосредственным образом участвовали в их работе. Отчеты областных попечительств детских приютов сохранили немало свидетельств неравнодушного отношения попечительниц к своим подопечным.

Так, например, о попечительнице приюта в г. Самарканде в 1897 г. супруге Военного губернатора Николая Яковлевича Ростовцева графине Татьяне Валентиновне сказано, что она кроме наблюдения за воспитанием детей, заведовала хозяйством приюта, «на что конечно употребляла массу времени, и оставила в сердцах детей, видевших такую отеческую о них заботу, неизгладимую память» [3, л. л. 8–8 об.]. В наведении порядка в приюте в этот период большое содействие оказывала взявшая на себя эти обязанности добровольно и безвозмездно жена начальника телеграфа Самаркандско-Андижанской железной дороги Александра Капитоновна Галахова, принесшая также большое денежное пожертвование. В обустройстве приюта и воспитании детей самое энергичное участие принимала помощница попечительницы Марья Федоровна Истцицкая [4, л. 9].

После смерти Н.Я. Ростовцева, умершего в 1897 г. и отзыва его супруги в течение двух лет до октября 1899 г. непосредственное наблюдение за воспитанием детей в самаркандском приюте осуществляла попечительница приюта, супруга военного губернатора Я.Д. Федорова Анна Ивановна [3, л. 8]. В 1899 г. ею было устроено народное гулянье, принесшее доход около 2000 рублей. Ее помощницами в этом деле стали, как следует из отчета «класные дамы местной женской гимназии» [3, л. 11 об.]. В отчете за 1899 г. о А.И. Федоровой сказано, что она все свободное время посвящала этому делу «относилась к детям с искренне материнской нежностью, любила детей как своих и пользовалась взаимно любовью детей и в этом отношении призретаемые дети понесли трудно вознаградимую потерю» [3, л. 11 об.] в связи с ее отъездом. После ее отъезда попечительницей была избрана жена действительного Статского Советника Евгения Спиридоновна Пржецлавская. С 1904 г. попечительницей прию-

та стала М.А. Черневская, которая совместно со своей помощницей О.Ф. Дрешь и казначеем И.С. Добровольским (позже П.Р. Крошковым) заботилась о приобретении средств, правилах ведения хозяйства и воспитании детей [4, л. 5].

Председателем Самаркандского попечительства детских приютов с 1908 по 1911 г. являлся военный губернатор Самаркандской области генерал-лейтенант Александр Семенович Галкин, соответственно его супруга Евгения Дмитриевна была попечительницей приюта. После перевода А.С. Галкина в Сырдарьинскую область вместе с ним Самаркандскую область покинула и его супруга. Как было сказано в отчете, вступив в должность 13 сентября 1908 г., «она застала средства приюта совершенно истощенными и долг в 12 тыс. руб.». За время ее управления приютом долг был не только ликвидирован (к 1 января 1912 г.) [5, л. 3 об.], но и образовалась свободная сумма в 3 тыс. руб. При ней приют был приведен в образцовое состояние, поэтому было принято решение избрать ее почетным членом Самаркандского областного попечительства детских приютов [2, л. 7].

Как свидетельствуют документы, попечительницы приютов заботясь о благе своих подопечных настойчиво обращались за соответствующей помощью в самые высокие инстанции. Так, например, в 1911 г. попечительница Верненского приюта супруга военного губернатора Семиреченской области Е.И. Фольбаум отправилась в Санкт-Петербург просить ходатайства о скорейшем разрешении вопроса строительства нового здания приюта. Это было вызвано увеличением притока детей после землетрясения 22 декабря 1910 г., которое явилось причиной смерти многих родителей, оставивших детей сиротами. В написанной ею Памятной записке помимо констатации увеличения количества детей в приюте, содержалось обоснование постройки дополнительного флигеля, на что необходимо 20000 рублей, тогда как приют располагает только 11 тыс. Попечительница писала о том, что после прошедшего землетрясения надеяться на жертвования частных лиц не приходится и адресовала свою просьбу председателю комитета Главного попечительства детских приютов князю Д.П. Голицыну [1, л. 98].

В 1912 г. Семиреченское попечительство приступило к строительству нового корпуса в Верненском приюте. 1 мая 1913 г. вновь произошло разрушительное землетрясение в Семиречен-

ской области, и пришлось объявлять сбор пожертвований [1, л. 127–128], чем вновь занялась Е.И. Фольсбаум.

Подобных примеров самоотверженной работы попечительниц детских приютов, являвшихся женами военных губернаторов туркестанских областей можно привести довольно много. «Первые леди» искренне переживали за своих подопечных, стараясь сделать все необходимое для того, чтобы облегчить жизнь осиротевших детей.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 763. Оп. 2. Д. 1787.
2. РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1954.
3. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 53.
4. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 245.
5. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 677.

С.В. Зайцева

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина*

Вклад женщин в организацию детских заведений Санкт-Петербургского общества «Ясли» в конце XIX – начале XX в.

В конце XIX в. стал особенно актуальным вопрос социальной поддержки работниц промышленных предприятий, в частности, работниц-матерей с маленькими детьми. Необходимость постоянного присмотра за детьми делала практически невозможным устройство матери на поденные работы и трудновыполнимой – работу на дому. На помощь таким работницам приходили специальные учреждения – ясли или убежища, которые в значительном количестве стали открываться в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX в.

Успешно наладило устройство и работу подобных детских учреждений Санкт-Петербургское Общество «Ясли». Его устав был утвержден 25 января 1893 г. [12, с. 1]. Общество быстро

набрало популярность: в первые месяцы после открытия количество членов насчитывало около 70, к концу первого года существования – 213 членов и 7 сотрудников (при этом более половины составляли женщины). Председательницей Правления была избрана княжна М.С. Щербатова, кроме того, в члены правления и в кандидаты были избраны 20 человек (из них 12 человек – женщины) [5, с. 3]. Таким образом, ключевую роль в организации деятельности Общества и его заведений стали играть дамы. В 1894 г. Общество было принято под покровительство Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны [2, с. 1].

Для открытия первого убежища для детей был выбран район Санкт-Петербурга Пески, где проживало бедное фабричное население. Убежище стало принимать детей в возрасте от 4-х недель до 7 лет [5, с. 4]. В целом режим работы детских убежищ Общества был одинаков. Ежедневно, кроме праздничных дней, в 6 утра начинался прием в ясли. Надзирательница приводила всех детей «в полный порядок», собирала их на общую молитву и завтрак (ячменный кофе с хлебом и молоком). В 12 часов следовал обед из двух блюд (суп с мясным фаршем и молочная каша), затем – сон на 1,5–2 часа. Вечером, в 5 часов, детям предлагался ужин (каша, ячменный кофе с молоком). Матери по возможности приходили и сами кормили своих детей. Нередко в убежище с детьми проводили занятия либо члены Общества, либо приглашенные учительницы. В 8 часов матери забирали детей домой. Если мать приводила больного ребенка, то ей давали специальный бланк и направляли в детскую больницу, где врач давал советы и бесплатные лекарства, при необходимости помещали ребенка в больницу до полного выздоровления [5, с. 5–8].

С самого начала работа Общества и детских учреждений была организована четко и продуманно. Помимо активного вовлечения новых членов, поощрения материальных и вещественных пожертвований, проведения различных благотворительных мероприятий, в непосредственную работу детских заведений были вовлечены ответственные, активные и увлеченные члены Общества, что проявилось в результатах его работы.

В марте 1894 г. было открыто 2-е Убежище в Нарвской части Санкт-Петербурга, в октябре 1894 г. – 3-е Убежище на Охте [2]. В июле 1895 г. при 1-м Убежище благодаря пожертвованиям

Е.И. Храповицкой и деятельности помощницы попечительницы М.А. Любимовой был открыт ночлежный приют для бездомных детей [3, с. 19]. Впоследствии приют стал готовить из своих подопечных девочек нянь для работы в убежищах [8, с. 13]. В 1899 г. на средства графини Мордвиновой был открыт ночлежный приют при 2-м Убежище [7, с. 10], впоследствии – приют для мальчиков. В июне 1896 г. появилось 4-е Убежище на Васильевском острове [4, с. 11]. В 1897 и 1902 г. при этом заведении был открыт временный ночлежный приют для детей, пострадавших во время наводнения [11, с. 4; 10, с. 62]. В апреле 1898 г. было открыто 5-е Убежище в селении Охтенских Пороховых заводов [1]. Ежегодно на содержание этого заведения Военное министерство, в ведении которого находился завод, ассигновало 1300 р. [14]. При приюте были выстроены баня, сарай, молочная ферма, а также школа и мастерская [13; 6, с. 17]. На средства от продажи молока в 1901 г. открылся ночлежный приют не только для бездомных детей, но и за плату [8, с. 23]. В 1899 г. на средства княгини М.В. Масальской и местных фабрикантов было открыто 6-е Убежище на Петроградской стороне [7, с. 1]. В августе 1902 г. недалеко от железнодорожной станции Удельная, при Городской больнице Св. Пантелеймона, было открыто 7-е Убежище [9, с. 31].

Во многом такой успешной и разносторонней деятельности Общество «Ясли» было обязано своим вдохновительницам, которые в течение многих лет активно занимались работой в заведениях Общества, а также привлекали самые разные учреждения и широкий круг лиц для реализации своих идей, тем самым оказывая непосредственную помощь детям из беднейших семей Санкт-Петербурга. Среди них – княжна М.С. Щербатова, являвшаяся на протяжении многих лет председателем Общества; княгиня М.В. Масальская, попечительница 2-го и 6-го Убежищ; М.А. Любимова, помощница председательницы, вдохновительница и попечительница 1-го Убежища, своим примером многолетнего служения делу Общества вдохновлявшая многих других женщин; А.И. Долганова, надзирательница 2-го Убежища на протяжении 15 лет; женщина-врач М.А. Жеребятьева-Красильникова, благодаря усилиям которой было открыто 5-е Убежище при Охтенском Пороховом заводе; М.И. Смелова, бессменная попечительница 7-го Убежища, и многие другие. Большое количество идей, ко-

торое выдвигали активные участницы Общества, наталкивалось на материальные трудности, на сложности с поисками помещений и их содержанием, но многие предложения удавалось осуществить.

Важность и необходимость существования подобных детских заведений настолько признавалась столичным обществом, а также самим рабочим населением окраин, что после событий 1917 г. открытые обществом «Ясли» убежища для детей, приюты, школы не были закрыты, а перешли в ведение заводов или местных органов власти и продолжили свою работу.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

Список литературы

1. Клюева Е.А. Деятельность общества «Ясли» при Охтинском пороховом заводе в конце XIX – начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России, Санкт-Петербург, 14 февраля 2014 года / отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 5. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 84–88.
2. Отчет о деятельности С.-Петербургского Общества «Ясли» за 1894 г. СПб.: Типография училища Глухонемых, 1895. 34 с.
3. Отчет о деятельности С.-Петербургского Общества «Ясли» за 1895 г. СПб.: Тип. Р.Голике, 1896. 40 с.
4. Отчет о деятельности С.-Петербургского Общества «Ясли» за 1896 г. СПб.: Тип. Р.Голике, 1897. 42 с.
5. Отчет о деятельности С.Петербургского Общества «Ясли» за время с 17 Марта 1893 г. по 1 Января 1894 г. СПб.: Типография училища Глухонемых, 1894. 30 с.
6. Отчет по состоящему под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны С.-Петербургскому Обществу «Ясли». СПб.: Тип. Р. Голике, 1899. 51 с.
7. Отчет по состоящему под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны С.-Петербургскому Обществу «Ясли» за 1899 г. СПб.: Тип. Р. Голике, 1900. 50 с.

8. Отчет по состоящему под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны С.-Петербургскому Обществу «Ясли» за 1901 год. СПб.: Печатня Р. Голике, 1902. 64 с.
9. Отчет по состоящему под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны С.-Петербургскому Обществу «Ясли» за 1902 г. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1900. 57 с.
10. Отчет по состоящему под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны С.-Петербургскому Обществу «Ясли» за 1903 г. СПб.: Тип. Родевича, 1904. 81 с.
11. Отчет правления Общества «Ясли» за 1897 год. СПб.: Тип. Р. Голике, 1898. 55 с.
12. Устав состоящего под покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны Общества «Ясли». СПб.: Типография училища Глухонемых, 1894. 11 с.
13. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 700. Оп. 1. Д. 2.
14. ЦГИА СПб. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 79.

М.Б. Буланова

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

**Благотворительница
графиня Варвара Николаевна Бобринская**

Варвара Николаевна Бобринская (Львова) родилась в московской дворянской семье 30 апреля 1864 г. Родители (Н.А. Львов и М.М. Челищева), обеспеченные люди, пользующиеся заслуженным уважением в высшем обществе, сумели дать достойное домашнее образование своей дочери. Интересен тот факт, что в процессе обучения молодая девушка получила знания в объеме мужской гимназии и была готова приносить пользу своему Отечеству, а не только стать хранительницей семейного очага. Возможно поэтому Варвара Николаевна заклю-

чила брак в сравнительно позднем принятого для замужества в то время возрасте – в 25 лет.

Пример удачного сочетания семейной и общественной жизни показали сами родители. Будучи тонким ценителем живописи, Николай Александрович Львов собрал более сорока картин отечественных и зарубежных художников. После его смерти, согласно завещанию, эти картины были подарены в 1899 г. женой Марией Михайловной Румянцевскому музею г. Москвы. В 1903 г., продолжив семейную традицию, дочь Варвара Николаевна передала в тот же музей и библиотеку Львовых (401 том русской и иностранной литературы). В дальнейшем в ее жизни будет немало благотворительных дел.

Избранником Варвары Николаевны Львовой оказался человек состоявшийся и состоятельный – граф Алексей Алексеевич Бобринский (1864–1909), сын государственного деятеля А.П. Бобринского, владельца сахарного завода и родовой усадьбы в Богородицке Тульской губернии. Мать Алексея Алексеевича – А.А. Бобринская (Писарева) также занималась благотворительной деятельностью – она организовала в своем имении ткацкие мастерские. Таким образом, оба супруга были воспитаны в традициях помощи нуждающимся и стяжании благотворительных дел. После своей свадьбы в 1889 г. Бобринские уезжают на два года в Богородицкую усадьбу, а затем – в имение Бутырки той же Тульской губернии. Именно там Варвара Николаевна получает возможность заняться благотворительной деятельностью.

Устроенные на благотворительных началах детская воскресная школа и школа обучения чтению взрослых вполне отвечали ее просветительским идеям. В своих воспоминаниях о том времени графиня писала, что вначале это был показ картинок с помощью «волшебного фонаря» (проектора), а также организация передвижной библиотеки. Для того, чтобы взрослые могли учиться, Варвара Николаевна открыла группы дневного пребывания маленьких детей с воспитателями. И воспитателям, и учителям графиня сама оплачивала работу, а день выплаты использовала для проведения чтений по обсуждению новинок литературы и просветительских бесед. Впоследствии на селе появи-

лась постоянная библиотека, а благотворительница взяла на себя снабжение ее книгами и наглядными пособиями [1].

В 1892 г. Тульскую губернию охватил голод, и опять проявились огромные организаторские таланты Бобринской. Под ее руководством и на ее средства содержался приют на 75 человек, открылась бесплатная столовая, в которой питались жители всех ближайших к имению деревень.

В 1899 г. супруги Бобринские покидают имение Бутырки и переезжают в Москву, но благотворительная деятельность графини продолжается. В 1901 г. графиня организовала женский рабочий клуб, преобразованный в «Общество попечения о молодых девицах» из деревни, которые переехали в город и устроились работать на московские фабрики и заводы. При Обществе действовали курсы, где девушки получали возможность изучить математику, письмо, пение, домашнее рукоделие; открылось общежитие и дешевая столовая.

Однако Варвару Николаевну волновали не только деревенские девушки, но и жители «социального дна» – обитатели Хитровского рынка. Для решения их проблем графиня решает использовать силу прессы. В 1902 г. она пишет статью, которую публикует в «Русских ведомостях». Общество откликается на зов помощи – поступают пожертвования в пользу несчастных людей, а вскоре под председательством В.Н. Бобринской организуется Совет попечительства Хитрова рынка при Московском Городском Попечительстве. При участии графини Попечительство 7 марта 1909 г. открывает шестизэтажный солидный Ночлежный дом для размещения 1500 человек [3, с. 2–3].

Продолжением просветительских проектов, начатых графиней на селе, можно считать организацию журнала «Северное сияние». Варвара Николаевна становится главным редактором издания, в котором помещается калейдоскоп русской жизни: от рассказов А.П. Чехова до лубочных картинок и очерков о проблемах пьянства.

В 1909 г. Бобринская руководит Комиссией заграничных и русских экскурсий. Ее главная цель – дать возможность учителям из народа путешествовать в целях собственного образования и повышения культуры. Только в первые два года воспользовались такой возможностью около 2 тыс. человек. Варвара

Николаевна формирует штат экскурсоводов, один из которых, писатель М.А. Осоргин, в дальнейшем оставит воспоминания о жизни этой замечательной женщины-благотворительницы [2].

Мысль о том, чтобы нести культуру сельским и городским жителям не оставляет графиню. С этой целью она открывает специальную музыкальную секцию в Московском обществе народных университетов, целью которой становится организация концертов и театральных спектаклей в деревнях, а также в городе – на фабриках. Помогает ей в этом благородном деле художник Василий Поленов. В первый год существования данной секции только в деревнях было поставлено 50 спектаклей [4].

Революцию 1917 г. Бобринская принять не смогла. В 1918 г. она уезжает в Пятигорск, где продолжает заниматься привычными ей делами с помощью городской управы: она вкладывает свои средства в открытие социальных учреждений (детский приют, ночлежный дом, общественная столовая). В 1920 г. она переезжает в Константинополь, но и там не сидит без дела: в Городском справочном бюро она регистрирует беженцев из России, т.е. создает в нашем современном понимании базу, помогающую найти потерявшихся родственников и друзей. При справочном бюро появляется ночлежный дом и общежитие [1].

Однако собственные средства графини уже на исходе. Помощь приходит издалека – от американского промышленника Ч.Р. Крейна. Скончалась В.Н. Бобринская в 1940 г. в Бельгии, успев сделать при жизни еще много дел, которые предстоит изучить нашим современникам.

Список литературы

1. *Бобринская В.Н.* Хроника моей жизни. Воспоминания. 1864–1930 гг. Рукопись. ГАРФ. Ф.5819. Оп.1. Д. 5.
2. *Осоргин М.М.* Воспоминания. 1861–1920 / отв. ред. А.Л. Налепин. М.: Рос. фонд культуры, 2009.
3. Отчет Совета Городского Попечительства о бедных Хитрова рынка. О деятельности ночлежного дома им. Ф.Я. Евмакова за 1909–1910 г. М.: Городская типография. 1912.
4. Секция содействия устройству деревенских и фабричных театров при Московском обществе народных университетов. Отчет о деятельности Секции с 1 сентября 1913 по 1 сентября 1914 г. М.: Типография В.М. Саблина, 1915.

Е.Ю. Колебакина
Архангельск, САФУ им. М.В.Ломоносова,
ВШСГНиМК

Женщины в благотворительности Архангельска в XIX – начале XX в.

В XIX в. благотворительность становится престижной и общественно значимой в разных социальных группах и открывает для женщин возможность проявить свою активность и социальную значимость, не только не навлекая на себя общественного недовольствия, но и значительно повышая статус своей семьи в глазах общественности. Заботиться о детях, стариках и больных теперь женщины могли уже не только на семейном, но и на общегородском уровне, создавая благотворительные общества.

В Архангельске в начале XX в. было более 30 благотворительных обществ и учреждений, во многих из которых женщины были или организаторами, или дарителями, или помощниками.

Самым ярким примером такого благотворительного общества в Архангельске можно считать деятельность *Архангельского женского попечительного общества о бедных*. Женское попечительное общество о бедных, учредилось в Архангельске в 1857 г., а деятельность свою открыло с момента утверждения министром внутренних дел 14 февраля 1862 г. устава общества [1]. Учредительницей и первой председательницей его стала супруга губернатора Варвара Ивановна Арандаренко. Общество ставило своей целью – «помощь всевозможными способами всем истинно нуждающимся» [2], особенно престарелым, больным, сиротам и многодетным семьям. Главными принципами существования общества были добровольность и безвозмездность. Председательницами Архангельского женского попечительного общества о бедных в разные годы были жены губернаторов, вице-губернаторов и городских чиновников. Общество состояло под покровительством губернатора и местного епархиального начальства, которые являлись почетными попечителями.

Для выполнения своей основной цели Архангельское женское общество использовало самые разнообразные способы.

Для продовольствия нуждающихся общество содержало 3 бесплатных столовых для бедных в Архангельске [3]. Предостав-

ление нуждающимся крова решалось посредством организации в городе ночлежного приюта. Ночлежные приюты, основанные в 1883 г. архангельским полицмейстером Ю.Н. Ахвердовым [4] в Соломбале, Кузнечихе и в I части города, пользовались большой популярностью среди бедного и приезжего населения. В марте 1889 г. приют в первой части города был передан в ведение Архангельскому женскому попечительному обществу о бедных.

В конце 1880 г. обществом в губернском городе была открыта мастерская с целью доставления бедным женщинам «возможности снискивать средства к существованию своим рукоделием» [5]. Это учреждение быстро упрочилось и давало хорошие заработки многим бедным женщинам, а также стало школой для бедных девушек по обучению их различным рукоделиям. Организация мастерской отражала новую тенденцию в социальной работе, идею трудовой помощи.

Призрение и воспитание сирот и детей неимущих родителей осуществлялось обществом через деятельность подведомственного ему детского приюта Святого Петра. Он был основан в 1857 г. и вначале являлся приютом для призрения нищих. В 1880-е годы, как дополнение к приюту Св. Петра, общество содержало Кузнечевское дневное убежище для мальчиков, которое было открыто в 1872 г. [6]. В нем призревались мальчики 8–15 лет неимущих родителей, в то время пока они работали. Кузнечевское убежище первоначально было дневным. Полагая, что большая часть просящих милостыню детей живет в семьях, а, следовательно, не нуждается в ночлеге, основательница его, Л.К. Заранек, открыла убежище с целью дать им приют в течение дня, кормить их, учить и, таким образом, отвлекать от нищеты.

Для дневного призрения младенцев женское попечительное общество о бедных организовывало в летнее навигационное время колыбельни в Архангельске. Для большинства беднейшего городского населения летние работы на судах и в порту являлись единственным источником дохода. Но многие бедные матери не могли получить и эту работу, т.к. не с кем было оставить маленьких детей. В колыбельнях, организуемых обществом в 1870–1880-е годы в гавани и на буяне, за детьми присматривала специально нанятая женщина и врач. Заведовала ими председательница общества К.Х. Невядомская [7].

Призрение престарелых осуществлялось обществом посредством, основанной 20 мая 1878 г., Алексеевской женской богадельни [8]. Она была рассчитана на ежегодное содержание 35 женщин православного вероисповедания от 30 до 90 лет, вдов и дочерей чиновников, мещан, духовных лиц, крестьян, но больше всего было солдаток.

Женщины Архангельска принимали участие и в других благотворительных обществах города. Наиболее активное участие в деятельности учреждений императрицы Марии (1840), Архангельском обществе «Яслей» (1907), обществе борьбы с детской смертностью «Капля молока» (1910), общине сестер Красного Креста (1890) Архангельском отделении Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом (1911).

Любое общество, любое благотворительное дело, это прежде всего конкретные люди. И хотелось бы подробнее остановиться на нескольких женских именах наиболее известных в благотворительности города Архангельска.

Лидия Ивановна Суркова (1858–1915) была одной из самых известных в городе благотворительницей. В 1878 г. вышла замуж за купца Альберта Суркова. Известно, что уже в 1889 г. Лидия Ивановна была попечительницей детского приюта Святого Петра и Алексеевской богадельни. В 1905 г. она член попечительного совета Дома трудолюбия в Архангельске, а в 1907 г. – член губернского попечительного совета ведомства императрицы Марии, в ведении которого находились детские приюты. Была она также попечительницей общества «Всеградские ясли» с 1911 г. – учреждения, оказывающего помощь в содержании детей работающим матерям [9].

Куйкина Екатерина Ивановна (1786–1871). Урожденная Плотникова. Потомственная почетная гражданка Архангельска. В 1865 г. распорядилась отчислять на вечные времена из процентов от капитала в 10 тыс. руб. пожертвованного ею с благотворительной целью в городской Общественный банк, по 300 рублей серебром в год в пользу бедных учениц Архангельского училища. Она пожертвовала 2000 рублей серебром на устройство Епархиального училища для девиц духовного звания и 4000 руб. серебром на устройство приюта Св. Петра для бедных детей. Это только самые крупные пожертвования Е.И. Куйки-

ной, кроме этого, она принимала участие во всех благотворительных мероприятиях и сборах в городе [10].

Плотникова Екатерина Кирилловна (1850 – после 1920) родилась в семье архангельского купца 2 гильдии, потомственного почетного гражданина Кирилла Шингарева. После смерти отца и мужа Екатерина Кирилловна стала вести дела сама. Екатерина Кирилловна и ее мать **Павла Михайловна Шингарева** (1829–1898) ремонтировали и строили за свой счет церкви Архангельска, Архангельского и Холмогорского уездов. В 1881–1882 гг. Павла Михайловна пожертвовала 100 рублей на питание нищих в трех бесплатных столовых Архангельского женского попечительного общества о бедных. Купчихи содержали пансионерок в женской гимназии, женском епархиальном училище и Алексеевской богадельне. Всего семья пожертвовала на благотворительность более 80 тыс. руб. [11].

Таким образом, можно отметить, что архангелогородки активно участвовали в благотворительности. Они понимали, что в одиночку простой милостыней нищим социальные проблемы в городе не решить и поэтому объединялись в благотворительные общества, которые старались решать эти проблемы комплексно.

* Исследования проведены при финансовой поддержке РФФ, проект 24-28-20340 «Благотворительность как социокультурный феномен на Европейском Севере в XIX – начале XX века: фундаментальные идеи и практики»

Список литературы

1. Отчет Архангельского женского попечительного общества о бедных за 1912 год. Архангельск, 1914. С. 2.
2. Отчет Архангельского женского попечительного общества о бедных за 1882 год. Архангельск, 1883. С. 2.
3. АГВ. 1876. № 10. 15 февраля. С. 2.
4. АГВ. 1886. № 92. 15 ноября. С. 2.
5. АГВ. 1881. № 64. 12 августа. С. 2.
6. *Шнерк Ф.Ф.* Краткий очерк народного образования в городе Архангельске. Архангельск, 1905. С. 74.

7. Отчет Архангельского женского попечительного общества о бедных за 1883 год. Архангельск, 1884. С. 8.
8. ГААО. Ф.1. Оп. 5. Д. 1810. Л. 5(об).
9. Отчет о состоянии и деятельности Архангельских всеградских «Яслей» за 1911 год. Архангельск, 1912. С. 3.
10. *Поромов Н.* Супружеский юбилей П.К.Куйкина // АГВ. 1861. № 5. 4 февраля. С.35–37; *Добрая память благотворительной деятельности Е.И.Куйкиной* // АГВ. 1871. № 77. 25 сентября. С. 2.
11. *Зеленина Т.В.* История семьи Плотниковых-Шингаревых // Научно-исследовательская работа в художественном музее. Вып.1. Архангельск, 1998. С.148–168.

Н.А. Коблова

Пенза, Пензенский государственный университет

**Женское лицо пензенской благотворительности:
формы духовно-нравственного служения
во второй половине XIX – первой четверти XX в.**

На разных этапах исторического развития российское, прочно христианское общество, сохраняло и развивало традиции милосердия и помощи нуждающимся. Тем не менее масштабирование благотворительности относится к периоду российской эмансипации: Россия периода после Великих реформ и до Революции представляет собой почву, на которой расцветает феномен духовно-нравственного подвижничества. Мотивация участия широких слоев населения в благотворительной деятельности объяснялась тем, что «социальное служение ... было направлено на христианское совершенствование и преобразование культуры русского общества» [2, с. 18–19].

Вопрос участия женщин в отправлении благотворительных дел все активнее занимает отечественных исследователей. Мужская благотворительность рационально обоснована, ее базовые мотивы – гражданский долг, необходимость социальных изменений. Женская благотворительность более эмоциональна, а ее основным базовым мотивом является милосердие [3, с. 53].

Сословная принадлежность женщин определяла возможности их участия в благотворительности. Тем не менее известны раз-

личные формы участия женщин в благотворительной деятельности: социальное служение в женских монастырях, подготовка сестер милосердия, жертвования на раненых больных, а также забота о нуждающихся в среде представительниц знатных родов.

Развитие благотворительности в Пензенской губернии во второй половине XIX в. тесно связано с именем Марии Михайловны Киселевой. Ее жизненный путь сформировал эталон, средоточие понимания духовности в провинциальном обществе. Мария Михайловна принимала самое деятельное участие в процессе становления Императорского Православного Палестинского общества с 1882 г. и до своей смерти в декабре 1887 г. За этот период пензенская благотворительница передала обществу свыше 56000 руб. в форме разовых выплат. Крупные пожертвования были сделаны русскому Андреевскому монастырю, построено два храма в Палестине [1, с. 56]. Одним из наиболее выдающихся дел М.М. Киселевой является устройство ею богадельни в городе Пензе. Официальное открытие состоялось 13 сентября 1859 г. в присутствии Варлаама, епископа Пензенского и Саранского [5]. Целью учреждения Киселевской богадельни было предоставление безвозмездно призрения всем нуждающимся лицам без различия сословия, вероисповедания и пола. Пензенская Киселевская богадельня просуществовала до 1918 г., оказывая посильную помощь нуждающимся губернии.

Духовно-нравственная служба получила свое распространение и в среде пензенского купечества. Особую память в истории пензенского благотворительства оставила предпринимательская династия Очкиных. Нравственную традицию заложил Михаил Петрович Очкин, купец 1-й гильдии, который щедро жертвовал большие денежные суммы на приобретение церковной утвари. Его дело продолжил Алексей Федорович (1782–1819), купец 3-й гильдии, в 1817 г. построивший Всехсвятскую церковь. Но жертвенную службу купеческой фамилии несла и женская линия. В 1858 г., по прошению вдовы Алексея Федоровича купчихи Татьяны Алексеевны Очкиной (1785–1861), церковь во имя Всех Святых была причислена к приходу Николаевской церкви. Татьяна Алексеевна завещала своим детям ежегодно выделять со своей части унаследованного капитала подношение Всехсвятскому храму в размере 22 руб.

Охотно жертвовали на церковные нужды жена состоятельного и именитого купца А.Ф. Карпова Прасковья Васильевна (1827–1896), мать известного мецената Ф.Е. Швецова Варвара Яковлевна и другие.

Широкую благотворительную деятельность безусловно разворачивала Церковь. В этом отношении интересна деятельность настоятельницы Пайгармского монастыря игуменьи Евпраксии. Евпраксия (в миру Евдокия Петрова, с. Лемжи, Инсарского уезда) вступила в общину в 1865 г. на 20-м году своей жизни, а в 1895 г. поставлена во главу обители. Неутомимая, энергичная и предприимчивая мать Евпраксия при той массе работы, которая выпала на ее долю, не забывала просветительные и благотворительные цели. Помимо школы – приюта для девочек – сироток при самом монастыре, выстроены три церковно-приходские школы. «В тяжелые годы народных испытаний, как это было в Русско-японскую войну, пожертвовано 2000 р. на Красный Крест, а в нынешнюю великую войну (Первую мировую – *прим. автора*) одновременно деньгами 1000 руб., лучшая гостиница отведена под лазарет и оборудована совместно с Инсарским земством на 200 коек, больные и раненые воины пользуются от обители хлебом, молоком, овощами и прислугой». Приходила она со своею помощью и окрестным крестьянам; в неурожайные годы она раздавала им хлеб, муку, зерно и открывала столовую для голодающих; в случаях пожаров выдавала готовые срубы и лес для сений и двора [4].

Примером массового духовно-нравственного служения стало вступление женщин в Общину сестер милосердия, образованную в Пензе 17 мая 1894 г. Община способствовала социальной реализации женщин через их подготовку к участию в военных действиях и ликвидации бедствий.

В мирное время сестры работали безвозмездно в госпиталях и гражданских больницах, ухаживая за больными. Деятельность общины сестер милосердия явилась новой страницей в истории благотворительности Пензенской губернии, истории, в которой главную роль играли женщины.

Итак, на примере деятельности женщин Пензенской губернии в дореволюционной России можно проследить женский духовно-нравственный подвиг. Пензенские женщины проявляли свое милосердие независимо от своего социального статуса и

финансового положения, реализуя свои нравственные качества в различных формах благотворительности.

Список литературы

1. *Горайко А.В.* История Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского общества через призму деятельности М.М. Киселевой (по материалам историографии) // *Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии.* 2022. № 4 (26). С. 45–61.
2. *Зубанова С.Г.* Влияние Русской Православной Церкви на развитие культуры российского общества в XIX в. // *История государства и права: Федер. Журнал: Научно-правовое издание.* 2009. № 14. С. 18–22.
3. *Кея И.А.* Женская благотворительность как особый элемент российской благотворительности в XIX – начало XX в. // *Genesis: исторические исследования.* 2014. № 5. С. 53–77.
4. Пензенские епархиальные ведомости. Орган Пензенской епархии. 1917. № 1. – С. 27–28.
5. РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 65.

А.А. Подобедова

Москва, Московский гуманитарный университет (МосГУ)

Женская благотворительная деятельность в диаспорах в конце XIX – начале XX в.

Начиная с середины XIX в., практически во всех губерниях Российской империи были организованы разнообразные филантропические общества. Особо выделялись общества помощи, Дамские комитеты и иные филантропические организации, в которых оказывали помощь нуждающимся женщинам. В них была распространена практика «самопомощи» [1], когда женщина, получившая благотворительную помощь, сама распространяет ее в дальнейшем для других женщин.

При этом среди женских благотворительных обществ можно выделить диаспорные общества, организованные в регионах Северного Кавказа, в Ставропольской и Кубанской губерниях.

В создании и открытии диаспорных филантропических обществ одной из первых проявила активность местная армян-

ская община. В 1907 г. было организовано армянское женское благотворительное общество в Пятигорске. Его учредительницами являлись жена священника О.Д. Шхиньянц, жена потомственного гражданина Н.С. Попова и жена купца М.Л. Оганова [4]. Работа Общества была организована по национальному признаку: главной его целью было оказание материальной, моральной и иной помощи для женщин их диаспоры. В Обществе выделялись нуждающимся единовременные или периодические выплаты; помимо этого, помощь могла выдаваться «натурой».

В последующем были организованы дамские национальные благотворительные общества и в других городах. Это Екатеринодарское Дамское Евангелическое лютеранское благотворительное общество, Екатеринодарское Дамское армянское благотворительное общество и Майкопское женское армянское благотворительное общество. [4].

Еще одним направлением деятельности стали *«прогрессивные»* филантропические общества. Их еще называли «дамские кружки». При этом определение *«дамский комитет»* чаще было применимо к женским обществам, организованным в тот период при Российском Отделении Красного Креста (РОКК). Огромную роль в категории «прогрессивной» благотворительности играли женские общества, организовавшие или окормлявшие женские учебные заведения или курсы [4, 5]. Общества открывали женские учебные заведения: воскресные школы, женские прогимназии и гимназии, реальные училища. Помимо обучения эти заведения помогали в формировании самосознания женщины.

В 1859 г. в Темир-Хан-Шуре по инициативе А. Лосевой и В. Есиповой было открыто учебное заведение для девушек, в 1864 г. супруга градоначальника Е.Г. Джемарджидзе открыла в Дербенте начальное училище для 20 малолетних девочек из мусульманского населения, а в 1875 г. была там же открыта женская прогимназия.

Стоит отметить, что с увеличением процента вовлеченных женщин в деятельность женских филантропических обществ, вырос и процент недовольных мужчин, которые оказались не готовы к тому, что женщины вышли из дома и стали небольшими темпами входить в общественную жизнь. Появились негативные воззвания, протесты против открытия такого рода учи-

лиц и Дамских кружков, а в местной периодической печати появились карикатуры на их участниц.

Но Общества и учебные заведения продолжали организовываться: были открыты просветительские общества в Тифлисе и Георгиевске, по их примеру в Екатеринодаре 21 апреля 1912 г. было заявлено о создании «Женского клуба» «группой прогрессивных женщин». 17 мая 1912 г. состоялось учредительное собрание этого клуба в количестве 30 женщин, желавших «проявить себя общественно, заниматься самообразованием, устраивать развлечения и отдых от мелочей повседневной жизни». Ответственным распорядителем клуба были С. Глинская и Ю. Маглиновская. В клубе состояло 152 человека [4].

Изначально членами таких просветительских обществ были представители местного высшего общества: жены атаманов, сотников и градоначальников, жены и дочери генералов и офицеров, женщины из купеческих семей. В конце XIX – начале XX в. число членов «Дамских кружков» росло. В них также вошла местная интеллигенция: актрисы, женщины-врачи, учительницы, местные писательницы, телефонистки и другие. Была и еще одна тенденция: получившие образование с помощью этих учебных заведений, девушки и женщины – мещанки, крестьянки, представительницы местных кавказских народностей – повышали свой социальный статус, и впоследствии становились не только активными участниками общественной жизни, но и составляли большой процент членов Дамских кружков и Дамских обществ, которые помогли им получить «дорогу в жизнь». Именно эти женщины становились самыми социально активными: они «могли реально влиять на общественную жизнь региона, на изменение гендерного традиционализма в северокавказском обществе» [4] и на изменение собственного положения в патриархальном строе.

Усилия благотворительниц из диаспор упали на благодатную почву: женщины остро нуждались в обучении минимальному числу дисциплин как для ведения домашнего хозяйства, так и в реализации своего профессионального потенциала. К 1910 г. на Северном Кавказе было организовано 18 женских и 11 мужских гимназий [3]. Также в статье закона «Об изменениях некоторых узаконений о женских прогимназиях, гимназиях и других средних учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» были внесены изменения. В измененных статьях шла речь

о том, что число изучаемых дисциплин в женских учебных заведениях должно было быть равным числу изучаемых дисциплин в мужских учебных заведениях. Полное увеличение курса женских гимназий до уровня мужских гимназий или реальных училищ может быть введено не иначе как для всех обучающихся [2].

Итогом деятельности данных обществ являлось то, что помимо увеличения числа образованных женщин в диаспорах, увеличилось и число «прогрессивных женщин», которые стремились проявить себя в общественной жизни городов Северного Кавказа, а также Ставропольской и Кубанской губерний.

Список литературы

1. *Бальфур К.Л.* Жизнь трудящихся женщин последнего полувека // Рассвет. 1860. Март. С. 447–478.
2. ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
3. Отчет о деятельности учебных заведений Кавказского учебного округа за 1910 год. Тифлис, 1911.
4. *Шафранова О.И.* Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: дис...канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 327 с.
5. *Шафранова О.И.* Женское среднее образование на Северном Кавказе во II половине XIX – начале XX в. // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 3. С. 130–141.

А.Ю. Федотова

*Казань, Институт международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Благотворительность как способ женской профессиональной реализации во второй половине XIX – начале XX в.

Дворянка Казанской губернии Наталья Петровна Куприянова в начале XX в. в сведениях о лице, привлеченном к дознанию, в графе «занятие или ремесло (средства к жизни) и последнее место службы» написала «благотворительница» [9, л. 18]. Можно предположить, что она считала это своим местом службы, своей профессиональной деятельностью.

Во второй половине XIX – начале XX в. женщины стали занимать должности попечительниц различных социально значимых учреждений.

В Казани в период правления Александра II главной попечительницей детских приютов (Николаевский и Александринский сиротские приюты), относящихся к Ведомству императрицы Марии, и попечительницей Мариинской женской гимназии являлись жены губернаторов. Так, в 1858–1863 гг. губернатором был генерал-майор П.Ф. Козлянинов, а попечительницей его супруга – А.Я. Козлянинова, в 1863–1866 гг. губернатор – член Свиты Его Величества, генерал-майор М.К. Нарышкин, попечительница – Л.К. Нарышкина, в 1866–1880 гг. губернатор – действительный статский советник Н.Я. Скарятин, попечительница – П.И. Скарятин [14, с. 60; 15, с. 9, 54; 16, с. 4, 26; 1, с. 3, 19; 2, с. 3, 19; 3, с. 8, 47].

В 1853–1882 гг. попечительницей Александринского приюта выступала жена купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Казани, городского головы С.Е. Александрова – Анна Михайловна Александрова, а с 1882 г. их дочь – Ольга Сергеевна Александрова – Гейнс. Помощницей попечительницы являлась жена другого крупного казанского предпринимателя, потомственного почетного гражданина Лидия Андреевна Алафузова. С 1881 по 1917 г. Ольга Сергеевна была почетной попечительницей Ксенинской женской гимназии в Казани, получив утверждение в этом звании от Государыни Великой княгини Марии Павловны. С 1889 г. являлась Председателем Общества вспомоществования недостаточным ученицам данной гимназии [1–5; 14–22].

Ольга Андреевна Месетникова, жена казанского купца (старообрядца) 1-й гильдии, общественного деятеля и мецената П.А. Месетникова, в 1875 г. была одной из попечительниц Рукодельной для обучения призреваемых в бесплатных квартирах девочек, подведомственной Благотворительному дамскому отделению, а в 1881–1885 гг. – попечительницей Николаевского приюта [3, с. 31; 4, с. 16; 21, с. 298].

Мария Кондратьевна Санина (уроженка Казанской губернии), выйдя замуж за самарского купца-старообрядца И.Л. Санина, в Самаре являлась попечительницей Мариинского приюта для детей воинов, Самарского общества попечения о бедных, членом местного комитета общества Красного Креста [10,

с. 188]. В 1913 г. в Казани она открывает Бесплатную столовую имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных [6, л. 8, 23, 26], почетной попечительницей которой она оставалась до конца своих дней.

Агриппина Хрисанфовна Шамова, жена купца-старообрядца Я. Шамова, после смерти мужа достроила больницу, став председателем строительного комитета, укомплектовала ее и обустроила территорию и подъезды к ней. Больница открылась в апреле 1910 г. и была передана в ведение города, а сама она сохранила за собой пост почетной попечительницы [8, л. 142 об. – 143 об.].

Дворянка Казанской губернии Наталья Петровна Куприянова (1868–1950 гг.) не только выступала попечительницей и членом различных благотворительных обществ, но и была их организатором. Свою деятельность Наталья Петровна начала еще в конце XIX в., продолжая работу своих родителей.

В конце XIX в. Елизавета Викторовна Куприянова (мать Натальи Петровны) была попечительницей частного четырехклассного женского училища в Казани [17, с. 57]. В начале XX в. Наталья Петровна являлась попечителем XXIV городского начального училища, одной из старшин Общества любителей изящных искусств под Высочайшем Его Императорском Величестве государя императора покровительством, членом правления Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Казанской губернии [3, с. 150, 174, 268]. В ноябре 1905 г. по инициативе Натальи Петровны был организован Комитет общественной помощи голодающим, который в январе 1906 г. был преобразован в Казанское отделение Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе [13, с. 4, 7].

Осенью 1906 г. жены профессоров Казанского университета создают Дамский благотворительный комитет, в состав которого входили организационное бюро, продовольственная и ревизионная комиссии. Позднее он вошел в состав Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе [12].

С осени 1906 г. самостоятельную работу начинает Академический дамский комитет по оказанию помощи пострадавшему от неурожая населению Казанской губернии, открытый под председательством супруги инспектора Казанской духовной

академии Р.Н. Виноградовой. Он состоял из жен профессоров и преподавателей академии [7].

Таким образом, «благотворительница» как профессия в женской среде появляется в середине - второй половине XIX в. Женщины Казанской губернии работали в качестве попечительниц в социально значимых учреждениях (детские приюты, женские учебные учреждения, столовые, благотворительные организации), а в начале XX в. начали выступать инициаторами создания таковых. Благотворительность, как одна из допустимых форм женского общественного участия, давала возможность заниматься административной работой, осваивать не традиционные для женского пола социальные роли и доказывать состоятельность женщин на руководящих должностях.

Список литературы

1. Адрес-календарь служащих в Казанской губернии лиц. Казань, 1871.
2. Адрес-календарь служащих в Казанской губернии лиц. 1872 г. Казань, 1872.
3. Адрес-календарь служащих в Казанской губернии лиц. Казань, 1875.
4. Адрес-календарь по Казанской губернии на 1881 г. Казань: Типография губернского правления, 1881.
5. Адрес-календарь. Памятная книжка Казанской губернии на 1903 г. / под. ред. Д.П. Малова. Казань, 1903.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 4674.
7. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10885а.
8. ГАРТ. Ф. 98. Оп. 6. Д. 810.
9. ГАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1435.
10. *Карташева Е.И.* Благотворительность купцов – старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX в. // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность. 2010. Вып. 4. С. 172–217.
11. Краткий список лиц, служащих в Казанской губернии. В 2-х частях. Казань: Типография губернского правления, 1896.

12. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБУ КФУ). Ед. хр. 2564.
13. Отчет Комитета по оказанию помощи голодающим, состоявшего при Императорском Вольном экономическом Обществе // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1908. № 1–2 (январь – апрель). Т. 1. С. 2–7.
14. Памятная книга Казанской губернии на 1861–1862 гг. Казань, 1862.
15. Памятная книга Казанской губернии на 1866–1867 гг. Казань, 1866.
16. Памятная книга Казанской губернии на 1868–1869 гг. Казань, 1868.
17. Памятная книжка Казанской губернии за 1889–1890 гг. В 2-х частях. Казань: Типография губернского правления, 1890.
18. Памятная книжка Казанской губернии за 1891–1892 гг. В 2-х частях. Казань: Типография губернского правления, 1892.
19. Памятная книжка Казанской губернии за 1893–1894 гг. В 2-х частях. Казань: Типография губернского правления, 1894.
20. Памятная книжка Казанской губернии на 1905 г. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1905.
21. Список лиц, служащих по всем ведомствам Казанской губернии. Казань: Типография губернского правления, 1885.
22. *Ульянова Г.* Александрова – Гейнс О.С. URL: <https://rusfond.ru/encyclopedia/31> (дата обращения: 19.03.2021).

*О.А. Сухова
В.Н. Паришина*

Пенза, Пензенский государственный университет

**Женское начало имперской модерности:
благотворительность и социальное волонтерство в
российской провинции на рубеже XIX–XX вв.
(на материалах Пензенской губернии)**

Поляризация мнений о российской модерности, объединение или противопоставление идей Империи и Свободы задает определенное направление исследовательских поисков [1]. Одним из ракурсов рассмотрения проблемы выступает обусловленность специфики имперской модерности, особенно в российской провинции, укорененностью начал православной духовности. В

этом контексте переход к обществу модерна обернется религиозным ренессансом и масштабированием практик духовного и социального служения.

Последнее обстоятельство во многом объясняет, почему именно женское движение оказалось на острие современных трендов, в центре областей свободы, где формировались установки нового раскрепощенного сознания. И именно здесь наиболее ощутимо проявятся устремления и практики, соотносимые с российской модерностью. В эпоху эмансипации женская благотворительность раскрывается, прежде всего, в сфере образования. Так, в 1873 г. по инициативе Л.А. Татищевой, жены пензенского губернатора, были созданы Общество для поощрения трудолюбия и ремесленная школа для девочек, разместившаяся вскоре в отдельном двухэтажном особняке на ул. Троицкой г. Пензы [2, с. 125]. Для пензенского сообщества Лидия Арсеньевна стала неформальным лидером, центром притяжения многих начинаний эпохи Великих реформ, настоящим подвижником в деле утверждения ценностей социального партнерства и благотворительности. И в годы службы мужа А.А. Татищева на посту пензенского губернатора в 1872–1887 гг., и после отъезда из Пензы она продолжала оставаться председателем и попечительницей многих благотворительных обществ в Пензе. По инициативе Татищевой в губернском центре были созданы: отделение Русского музыкального общества и классы при нем (1882 г.), общество вспомоществования при женской гимназии (1878 г.). Согласно ее завещанию, на содержание ремесленной школы поступило 20000 рублей [3, с. 199].

Час пробуждения российской провинции приходится на время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сопряженное с ростом патриотического сознания. В 1876 г. Лидия Арсеньевна Татищева возглавила Пензенское отделение Общества попечения о больных и раненных воинах Красного Креста. Спустя год при созданном госпитале Общества и при отделении земской больницы, назначенном для раненных и больных воинов, состояло 18 сестер милосердия [4, л. 54, 61]. На устройство «временного госпиталя в г. Пензе» и оказании помощи «нуждающимся семействам нижних чинов, призванных на службу» 21 апреля 1877 г. Л.А. Татищева пожертвовала 1000 рублей. За свои труды на ниве социального служения 11 августа 1878 г. Лидия Арсень-

евна была удостоена знаком отличия Красного Креста первой степени [5, л. 1; 6, л. 5].

По постановлению управления от 5 ноября 1877 г. на базе госпиталя открываются курсы для желающих стать сестрами Красного Креста, и после испытаний кандидатки допускались к уходу за ранеными и больными воинами. Сестрам милосердия полагалось определенное содержание (по 15 руб. в месяц и по 5 руб. 50 к. столовых).

Из 55 поступивших на имя председательницы Пензенского общества заявлений к «слушанию курсов» было допущено 19 человек. Экзамен на звание «сестры Красного Креста», состоявшийся 22 февраля 1878 г., выдержали 8 человек, в числе которых встречаем представителей всех сословий [4, л. 95–96].

Необходимо отметить, что для многих представительниц провинциального общества социальное волонтерство представляло собой исключительную возможность выбраться из нищеты и получить хотя бы пищу и кров, о чем красноречиво свидетельствует содержание обращений [4, л. 2–3, 19]. Вместе с тем, нельзя отрицать значения деятельности Общества как ключевого фактора формирования и распространения практик социального служения. Так, крестьянская девица с. Соболевки Чембарского уезда У.И. Семина свое прошение начала словами: «В виду настоящей войны противу турок я при сорока летнем возрасте и удовлетворительном здоровье желала бы составить некоторую пользу нашего Отечества – поступить в сестры милосердия» [4, л. 17].

В сентябре 1877 г. «Ввиду заявленного многими дамами Пензенского общества желания принять на себя дежурство в здешних госпиталях для раненых и больных воинов» Л.А. Татищева как председатель местного управления Красного Креста принимает решение об учреждении «ежедневного дежурства из дам», оформленного позже как дамский кружок в составе 11 человек, включая саму Лидию Арсеньевну [7, л. 16]. Отметим четкую регламентацию деятельности волонтеров: утверждение обязанностей (инструкций), ведение расписания дежурств (в две смены с 11 до 3 часов, с 3 до 8 часов; расписание печаталось в Пензенских губернских ведомостях) с момента поступления первых раненых и больных военнослужащих в лечебные заведения региона [7, л. 1–1 об., 14]. И только позже подобные инициативы с мест получили одобрение Августейшей покровитель-

ницы Общества Красного Креста, обратившей внимание на желательность возникновения обществ «по примеру Киевского дамского кружка» в других местах [8].

Личный пример Л.А. Татищевой открыл новую страницу в пензенской истории и заложил традиции благотворительности и социального волонтерства, что в дальнейшем проявится в деятельности общины сестер милосердия во имя Св. Ольги Российского общества Красного Креста, созданной в 1894 г., и дамского комитета в период Русско-японской войны. В этом контексте эталонные практики служения представительниц провинциального сообщества на начальном этапе российской эмансипации выступили необходимым условием формирования имперской модерности.

*Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI в.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.

Список литературы

1. Бородкин Л.И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX – XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 6–15.
2. Паршина В.Н. Профессиональные женские учебные заведения в России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Пензенской губернии) // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки. 2008. № 9 (13). С. 124–129.
3. Татищева Лидия Арсеньевна // Тюстин А.В., Шишкин И.С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие Т. 2. (М–Т). М.: Локус Стэнди, 2012. 216 с.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 84. Оп. 1. Д. 10.
5. ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38.
6. ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 93.
7. ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22.
8. Пензенские губернские ведомости. 1877 г. № 118. 6 октября.

О.Л. Помалейко

*Минск, Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка*

**Женские имена в истории благотворительности
и меценатства в Минской губернии Российской империи
на рубеже XIX–XX вв.**

Больше всего публикаций в рамках заявленной темы посвящено меценатке Магдалене Радзивилл. Среди ценных источников о деятельности благотворительниц, помимо немногочисленных архивных материалов, воспоминания писательницы П. Венгеровой.

Предложенные тезисы написаны автором на основе многолетнего исследования различных аспектов социальной активности женщин в Беларуси.

Одна из самых щедрых благотворительниц – княгиня *Мария Магдалена Радзивилл*, урожденная Завиша-Кежгайло (1861–1945). Овдовев в 1895 г., посвятила себя заботам о бедных, больных, сиротах и стариках. Щедрое пожертвования от нее регулярно получали богадельни, приюты, храмы. В 1903 г. Магдалена Радзивилл выступила организатором строительства нового здания госпиталя Минского общества благотворительности. Благодаря ее инициативе на это были пожертвованы значительные суммы, в том числе и 6000 руб. графиней *Э. Чапской*. Княгиня открыла ряд приютов для детей-сирот, семь начальных белорусскоязычных школ и финансировала их; в Узде организовала ремесленное училище для крестьянских детей. Ее финансовая поддержка выходила далеко за пределы Минской губернии (Петербург, Варшава, Лондон). М. Радзивилл поддерживала издательство «Загляне сонца ў наша аконца», газеты «Наша ніва» и «Віеіагу». Оказывала материальную помощь в издании книг ряда белорусских писателей.

Благотворительную деятельность Магдалены Радзивилл не прервали ни Первая мировая война, ни преждевременная гибель ее любимого мужа (во втором браке с 1906 по 1914 г.). Княгиня основала в Минске благотворительное общество помощи семьям призванных в армию. Финансово оказывала помощь детскому дому, организованному в этом же городе в связи с потоком беженцев [2, с. 42, 47, 106].

Купчиха **Софья Иосифовна Брауде** (1852(?)–19??), оставшись вдовой с двумя детьми, с 1893 г. руководила одной из самых влиятельных банкирских контор Минска. Спустя годы, передав дела повзрослевшему сыну, занялась благотворительностью. Стала одним из учредителей и спонсоров Общества охраны женщин. Входила в попечительские советы ряда учебных учреждений.

Активную деятельность в Минске с 1909 по 1914 г. вела супруга генерал-адъютанта **Надежда Ильинишна Новосильцова**. Она возглавляла ряд общественных организаций. К примеру, председательствуя во 2-м Минском благотворительном обществе, открыла две бесплатные столовые, увеличила выдачу пособий и расширила все виды помощи, при приюте Св. Ирины для беспризорных детей основала одноклассную церковно-приходскую школу.

Возглавив в 1912 г. правление Минского попечительного общества о доме трудолюбия, выступила с инициативой учреждения сельско-ремесленной мастерской для детей из минских приютов, выхлопотала у Министерства торговли и промышленности необходимую сумму денег для постройки школы, открыла швейную мастерскую и подыскивала для нее заказы. Как отмечали ее современницы, «организаторский талант этой женщины сказывался как в той быстроте, с которой она уясняла себе своевременность того или другого благотворительного или просветительного начинания и придавала конкретные формы идеям, зарождавшимся в умах общества и в том умении сгруппировывать вокруг себя достойных сотрудников и вдыхать в них энергию и самоотверженность, которыми так ярко выделялась она сама» [2, с. 94–95].

Графиня **Екатерина Васильевна Барановская**, урожденная Сабашникова (1859–1926), проживала в поместье Сутково, возле Лоева Речицкого уезда Минской губернии. Воспитывая 5 детей, будучи по своей инициативе в разводе, умело вела хозяйство и имела хороший доход. На свои средства открыла и содержала две школы, а также лечебницу (с 1877 г.), куда пригласила работать из Москвы своего знакомого талантливого врача Е.В. Клумова. По данным на начало XX в., в общей сложности в ней пролечились стационарно 450, амбулаторно 12230 человек [2, с. 57].

Екатерина Васильевна также стояла у истоков знаменитого в империи научного издательства М. и С. Сабашниковых. Первые его книги были выпущены с обозначением «Издание Е.В. Барановской» [1].

Особо значима была помощь благотворительниц детям. Так, еще в 1887 г. **Софья Осиповна Нисневич**, в девичестве Окунь, обратилась к попечителю Виленского учебного округа Н.А. Сергиевскому с прошением о выдаче ей разрешения открыть в Минске частное училище для глухонемых и заикающихся еврейских детей обоего пола. Официальное открытие его состоялось 30 сентября 1888 г. Было рассчитано на 50 детей. Воспитанники находились на круглосуточном содержании. Мальчиков обучали резьбе по дереву, гипсовой и лепной работе. Уже после смерти супруга, в 1890 г., Софья Осиповна открыла мастерскую кройки и шитья для девочек. Известный русский врач М.В. Богданов-Березовский в исследовании «Положение глухонемых в России» писал: «Софья Осиповна Нисневич сделала не только совершенно все, но даже более того, что может сделать единичная личность для общественного дела и притом такого трудного...». Учредительница содержала это учебное заведение по 1906 г., и как свидетельствуют архивные документы, «обязанности по обучению и воспитанию глухонемых детей исполняла с любовью и знанием дела» [2, с. 43].

Следующий яркий пример – деятельность **Паулины Юлиевны Венгеровой**, урожденной Песи Юдковны Эпштейн (1833–1916). Ее благотворительность связана также с вышеуказанным городом. Она принимала участие в функционировании основанной ее мужем ремесленной школы для мальчиков. Спустя некоторое время, будучи уже вдовой (муж умер в 1892 г.), она с некой Каплан основала ремесленную школу и для девочек. Опекала ее до своего отъезда в Германию в 1906 г. К этому времени в ней обучалось 140 учениц. П. Венгерова вспоминала, что эта школа «давала возможность выходцам из бедных, обездоленных семей зарабатывать себе на хлеб, занимаясь почетной, продуктивной работой» [2, с. 49–50].

В 1905 г. **Вера Капитоновна Зморвич** открыла народный детский сад, в котором детей рабочих и бедных минчан, находящихся на полном бесплатном обеспечении, обучали чтению и навыкам ручного труда [2, с. 44].

Безусловно, ценна помощь благотворительниц и в сфере здравоохранения. К примеру, княгиня **Мария Владиславовна Радзивилл**, урожденная Браницкая (1863–1941) в Несвиже в 1894 г. открыла приют для пожилых, немощных, увечных христиан. Все обращающиеся находились на полном бесплатном попечении.

В 1905 г., уже будучи вдовой, открыла хирургическую лечебницу для бедных. Она состояла из амбулатории и стационара. Была отлично оснащена. Мария Владиславовна сама безвозмездно работала там, показывая пример неформального отношения к делу. В амбулатории, к примеру, за первые пять лет было принято 18956 больных. На содержание этого лечебного учреждения княгиня выделяла значительные суммы, например, 5000 руб. в 1913 г., и это при том, что всего на медицину в Несвиже было затрачено 5155 руб.

В 1914 г. вместе со старшим сыном Альбрехтом открыли лазарет для раненых с фронта. Замок был переоборудован под госпиталь [2, с. 57, 60].

Графиня **Екатерина Павловна Хрептович-Бутенева**, урожденная Баранова (1858–1945), в им. Щорсы Новогрудского уезда открыла амбулаторию, родильный дом, хирургическое отделение. Установлено, что только на роддом ежегодно она выделяла 8000 руб. [2, с. 57].

Женская благотворительность в Минской губернии, как и в целом по Российской империи, была во многом обусловлена социально-статусными мотивами. Большинство из упомянутых благотворительниц, несмотря на личные трагедии, находили в себе силы и возможности помогать нуждавшимся.

Список литературы

1. *Семашко К.В.* Сутковское имение и его владельцы в опубликованных воспоминаниях Михаила Васильевича Сабашникова. URL: <http://louev.museum.by/node/51893> (дата обращения 4.04.2023).
2. *Помалейко О.Л.* Социально ориентированная общественная деятельность женщин в Беларуси на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2021.

А.А. Журавлёв
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО Первый
Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. академика И.П. Павлова

**Благотворительность женщин в деле развития
Петербургского Женского медицинского института
в начале XX в.**

Стремление женщин к получению высшего образования нашло широкий отклик в российском обществе. Женщины стремились получить материальную независимость, которую давала профессия врача. Первое заседание «Общества для усиления средств Санкт-Петербургского Женского медицинского института» состоялось в феврале 1896 г. Почетным председателем «Общества» стала Л.А. Шанявская, пожертвовавшая еще в начале 1870-х годов значительную сумму на открытие «курсов ученых акушерок» при Императорской Медико-хирургической академии, впоследствии – Женских врачебных курсов.

В столице работу общества возглавила баронесса В.И. фон-Гильдебандт. В марте 1898 г. состоялся музыкально-литературный вечер в пользу слушательниц Женского медицинского института, на котором выступили В.Г. Короленко, Н.К. Михайловский, К.М. Станюкович и другие. Известная актриса М.Г. Савина взяла на себя инициативу по сбору средств на стипендии для будущих врачей-женщин.

В 1897 г. в столице Российской империи был открыт Женский медицинский институт, который явился абсолютно новым учебным заведением, созданном на средства частных пожертвований. Во-первых, это было первое специальное высшее медицинское учебное заведение, до этого времени существовали только медицинские факультеты при университетах, а также Императорская Военно-медицинская академия. Во-вторых, в институт принимали только женщин, тем самым была нарушена существующая традиция о недопущении женщин к высшему образованию. Было положено и существование одного из старейших специализированных учебных заведений.

Для успешного процесса подготовки врачей необходимы были клинические базы. Для этой цели Петербург передал часть

коек в различных клиниках для учебных целей. Их количество было явно недостаточно для учебного процесса, и Правление института обратилось к благотворителям. Первой постройкой явилась клиника детских болезней, согласование ее строительства с министерством народного просвещения и городским самоуправлением завершилось успехом. Были собраны средства необходимые для строительства, их дала С.В. Оржевская. Она предоставила 27000 руб. в виде Государственных билетов, кроме этого наличные средства, собранные обществом для оказания помощи Женскому медицинскому институту в размере 3034 руб. 50 коп. Но средств было недостаточно для начала строительства. Обратились к городскому самоуправлению, которое решало свои цели в деле обеспечения медицинским обслуживанием населения Петербургской стороны.

Городской голова петербургский купец 1-ой гильдии П.И. Лелянов обратился с письмом к директору института. В нем он писал, что «относясь со своей стороны с полным сочувствием к этому благовому делу ... необходимо безотлагательно сделать в этом направлении надлежащие шаги, при чем ходатайство должно быть, возможно, полнее мотивировано» [4, л. 9]. После переговоров было принято решение предоставить институту пособие в размере 9000 руб. на постройку детской клиники. Городская Дума потребовала от института выполнение ряда условий. Во-первых, детская клиника должна не прекращать прием и лечение больных в течение летнего каникулярного времени. Во-вторых, в новом здании должны быть отведены помещения для администрации и прислуги. 8 ноября 1903 г. директор института направил письмо городскому голове П.И. Лелянову, в котором просил выделить средства на содержание «20 человек больных, 1 врача, 2 фельдшерниц и соответствующего числа прислуги» [4, л. 17]. Клиника была построена и освящена 9 ноября, получив название клиника «имени С.В. Оржевской» при Петропавловской больнице. Постройка детской клиники обошлась в 43 928 руб. 59 коп.

Последней постройкой, сделанной на частные пожертвования, являлось строительство амбулатории клиники детских болезней. Капитал в 25 000 руб. пожертвовала А. Вешнякова, с условием, что амбулатория будет названа в честь Сергея Осиповича Шульте-на. По ее воле, амбулатория должна была иметь приемную для бедных детей, с лабораторией для приготовления молока и дру-

гих веществ, она просила, чтобы «имя жертвовательницы было сохранено в тайне» [3, л. 2]. В январе 1913 г. архитектору института было поручено, совместно с архитектором городской Петропавловской больницы, осуществили осмотр места, где могло быть возведено здание. В июле 1913 г. строительная комиссия приступила к работе, и в январе 1914 г. здание было построено. На строительство и оборудование амбулатории было истрачено 23 051 руб. За вспомогательные работы и за составление проекта и сметы, в том числе и за технический надзор пришлось уплатить 9% от стоимости постройки, что составило 2074 руб. В итоге общая сумма затрат составила 25 126 руб. 50 коп. [3, л. 62].

Одним из крупных пожертвований стало строительство акушерской клиники при институте. Директором института был Д.О. Отт и многие направляли средства, зная его профессионализм в деле оборудования клиники по последнему слову техники. В 1898 г. Попечитель учебного округа сообщил директору, что «пожертвованные Варварой Алексеевной Морозовой 50 000 руб. в пользу Женского медицинского института, по мере их поступления, не расходовались на содержание института, а наращивались бы процентами на постройку при институте акушерской и детской клиники» [2, л. 1]. Всего было собрано 150 000 руб., и клиника называлась «Московской» до 1922 г. Одной из задач благотворительности являлось привлечение новых членов к важному делу. В стенах клиники устанавливались портеры и памятные доски о лицах, пожертвовавших средства для помощи нуждающимся. В 1909 г. по просьбе «Общества усиления средств Санкт-Петербургского Женского медицинского института», просившее сообщить о памятных досках и портретах известных жертвователей в пользу института. Общество было проинформировано, что «в Московской клинике имеется в настоящее время 5 палат, в которых помещены на стенах доски с именами жертвователей, а именно: палата №1 – женщин-врачей, потрудивших в пользу Женского медицинского института; палата №5 – в память Алексея Федоровича Родственного, горного инженер-полковника; палата №8 – вдовы коммерции советника А.К. Медведниковой; палата №9 – имени вдовы полковника А.И. Родственной; палата №11 – потомственного почетного гражданина А.А. Шапошниковой». Кроме этого, в части Московской клиники, отошедшей к факультетской акушерско-

гинекологической клинике, имеются три палаты с досками их жертвователей: в память А.Т. Спримон, урожденной Морозовой; в память А.Т. Назаровой, урожденной Морозовой; в память П.В. и О.И. Берг. Всего, следовательно, институтом получено и помещено на стендах здания московской клиники восемь досок, из них в собственно московской клинике помещается пять. Что касается портретов, то таковых развешено ныне по стенам московской клиник (все в коридорах третьего этажа) – шесть, а именно: Алефтина Тимофеевна Спримон; Анны Антоновны Шапошниковой; Александры Тимофеевны Назаровой; Аполлинии Ивановны Родственной; Павел Васильевич Берг и Ольга Ивановна Берг [5, л. 38–42].

Некоторые женщины в своих завещаниях указывали о перечислении сумм в пользу института. В 1907 г. директору института сообщили о завещании: «завещанная часть имения состоит почти из 450 десятин земли, и при самой скромной оценке за нее можно выручить 150 000 руб. Если из этой суммы исключить 30 000 руб. долга Киевскому дворянскому банку, то на учреждение стипендий останется около 120 000 руб.» [1, л. 7]. Институт планировал получить от этой сделки сумму в размере 55 000–70 000 руб., но в итоге желания не оправдались. В мае 1912 г. права на имение были проданы за 60 000 руб., и институт получил наличными только 35 000 руб., [1, л. 216] то есть в два раза меньше чем рассчитывал.

Подводя итог, следует отметить, что женщины не только активно участвовали в деле благотворительности, но их поступки пропагандировались как предмет добродетельности и бескорыстному служению обществу.

Список литературы

1. О капитале, завещанном Огранович // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГИА СПб.) Ф. 436. Оп 1. Д. 14805.
2. О пожертвовании Варварой Морозовой 50000 рублей Женскому медицинскому институту в 1898 году // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14621.
3. О постройке амбулатории клиники детских болезней на частные пожертвования // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14961.

4. О постройке клиники детских болезней при Женском медицинском институте в 1901 году // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14660.
5. Разная переписка за 1909 год. // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14823.

*Т.А.Титова
К.Р. Кураמיшина
Казань, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Татарские женщины-благотворительницы и их вклад в развитие общественной жизни в первой половине XX в.

В татарском обществе ислам был движущим фактором в развитии благотворительной деятельности, которая во многом проявлялась на рубеже веков и в первой половине XX столетия, совпавшая с ростом национального самосознания среди татар и повлиявшая на улучшения качества женского образования, развитие татарской периодической печати и публицистики, медицины, а также культурной и просветительской жизни татарского народа в целом.

Меценаты и благотворители активно жертвовали свои деньги на строительство мечетей, открытие медресе, женских школ и гимназий, больниц, приютов, а также на печать татарских газет и журналов, создание стипендиальных программ по оплате обучения для подающих надежды учеников.

Стоит отметить, что институт мусульманской благотворительности не был исключительно мужским делом. Татарские женщины также принимали активное участие в благих делах.

Татарские благотворительницы часто жертвовали деньги, оставшиеся у них с родительского наследства или с продажи собственных драгоценностей, а также преданное в большинстве своем на улучшение качества женского образования, которое постепенно, но очень медленно стало выходить за рамки исключительно религиозного, бытовавшее в традиционно-консервативном татарском обществе в прошлые времена.

Школы для татарских девочек стали открываться в центральной части Российской империи лишь во второй половине XIX в. До первых школ татарок обучали дома преимущественно чте-

нию сур Корана, не все могли написать свое имя и считать. Получить качественное и разностороннее образование на дому являлось большой удачей для татарской девушки, которое зависело, по большей мере от ее семьи, а также прогрессивности или консервативности воспитания.

Мусульманское меценатство знает и помнит фамилии целых татарских династий: Аитовых, Акчюриных, Апанаевых, Хусаиновых, Юнусовых и многих других.

Особо деятельных татарских женщин, активных участниц общественной жизни, которые радели за развитие татарской культуры и просвещения, поборниц за права татарок на образование, освобождение их из-под домашнего гнета в народе прозвали «Милэт аналары» («Матери нации»). Общественный вклад некоторых самых известных из них мы описываем далее.

Одна из самых активных деятельниц-благотворительниц – это Фатиха Аитова, которая благодаря своей настойчивости, упорству открыла в Казани первую татарскую частную женскую гимназию в 1916 г., добившись специального разрешения. Ученицы школы изучали не только русский, но и татарский языки, географию, естествознание, обучались чистописанию, пению, рисованию. Особое внимание уделялось педагогической деятельности.

Жена Галимжана Баруди (основателя медресе «Мухамадия») Магруй абыстай из своих средств выделила деньги на расширение данного медресе и открыла двухклассную школу для девочек, в которой преподавала лично, а также небезызвестная для татарского просвещения Лябиба Хусаинова. Позже Лябиба ханум открыла новометодную, джадидистскую школу, располагавшуюся напротив голубой мечети. Обучение новым методом позволяло в кратчайшие сроки научиться чтению. Школа существовала за счет пожертвований, а экзамены носили публичный характер, что позволяло популяризировать получение знаний, продвигая тем самым образование в народные массы. В 1913 г. в школе Лябибы Хусании обучалось уже 170 учениц разных возрастов. С этого же года в школе разрешили преподавать русский язык.

Хотелось бы отметить еще одну личность, благотворительницу, на средства которой издавалась газета «Тәрджимән» («Переводчик») – жена основателя джадидизма Исмаила Гаспринского – Зухра Акчурина. Она была одной из первых та-

тарских журналисток. Вместе с мужем публиковала материалы, касающиеся проблем татарских женщин, на страницах газеты и готовила ее к выпуску. Джадидизм, как идеолого-реформаторское движение, сыграло значительную роль в вопросе развития образования у татар.

Говоря об известных татарских благотворительницах нельзя не отметить еще одну выдающуюся личность, просветительницу, поборницу за права татарских женщин, в том числе и на образование, первую женщину-судью шариатского суда (казыя) – Мухлису Буби. В 1914 г. она, заручившись поддержкой местных татарских купцов, открывает женское медресе в Троицке, а став судьей переезжает с одним из братьев в Уфу, где вместе с ним открывает гимназию. В 1917 г. во время первого Всероссийского съезда мусульман Мухлиса избирается на пост судьи и переизбирается в последующие несколько лет.

На военные годы Первой мировой пришелся всплеск благотворительности. Женщины разных сословий, вероисповеданий, так же, как и татарки-мусульманки оказывали всяческую благотворительную, медицинскую помощь и поддержку фронту, раненым или беженцам. Жертвовали свои сбережения, делали свой посильный вклад. Так, Фатиха Аитова пожертвовала деньги на покупку кроватей для медицинского госпиталя, а ученицы ее школы готовили вещевые мешочки для отправки необходимого на фронт.

25 сентября 1914 г. Гайша Барудия была выбрана председателем «Мусульманского благотворительного комитета» в Казани, на первом собрании которого присутствовали 100 женщин. Гайша ханум призывала женщин способствовать развитию благотворительности, поддерживать мужей в благом деле. Благодаря усилиям страждущих удалось собрать 50 тыс. руб. на госпиталь, который удалось открыть 2 ноября этого же года в Казани. Татарские женщины служили здесь в качестве сестер милосердия: помогали врачам, ухаживали за больными.

Военные годы показали необходимость эмансипации женщин, что стало закономерным явлением в общественной жизни, когда им пришлось заменять мужей, отцов и братьев на фабриках, заводах или при проведении сельскохозяйственных работ.

Известно, что татарские женщины также принимали активное участие в деятельности мусульманских благотворительных обществ, а иногда их возглавляли. Одно из первых татарских благотворительных обществ было создано в Петербурге в 1867 г. и носило название по фамилии создателя – Бекбулатовское общество взаимной благотворительности касимовских татар. С течением времени общества стали гендерноориентированы, то есть создавались специализированные общества, которые были направлены на помощь именно женщинам. В 1907 г. в Уфе было создано «Уфимское мусульманское дамское общество» и его председателем была выбрана Султанова Марьям Тимербулатовна. В 1913 г. в Москве открывается общество Московских мусульманских женщин, которое базировалось в доме мецената Шамси Асадулаева. В Казани тоже действовало «Женское отделение при Казанском попечительном комитете о бедных ведомства Императорского Человеколюбивого общества», но в просмотренных отчетах ведомства, в составе ее членов не было замечено имен и фамилий татарок-мусульманок.

В советское время мусульманские общества и объединения стали постепенно закрываться. Так, к примеру, указанное выше общество «Московских мусульманских женщин» просуществовало на протяжении четырех лет и закрылось в 1917 г. Но в годы Великой отечественной войны активизировалась деятельность женсоветов, которая имела благотворительный характер, и консолидирующих женщин для всесторонней помощи фронту, а также эвакуированным гражданам на территорию ТАССР.

Таким образом, подводя итог вышесказанному отметим, что татарская женская благотворительная деятельность была направлена преимущественно на развитие начального и среднего женского образования, но в особо кризисные и тяжелые в социально-экономическом и политическом плане времена, татарки-благотворительницы в целом оказывали помощь нуждающимся на открытие больниц, госпиталей, специальных столовых и их содержания для единоверцев-мусульман, как лично, так и в составе дамских благотворительных обществ.

О.С. Поршнева
Екатеринбург, Уральский Федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Н.Н. Кайдышева
Нижний Тагил, Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт
(филиал) Российского государственного
профессионально-педагогического университета

**Крестьянки как акторы благотворительной
деятельности в условиях Первой мировой войны
(на материалах Пермской губернии)**

Проблема участия крестьянства в национальной мобилизации в России в годы Первой мировой войны в разных контекстах рассматривается в современных исследованиях [1; 14; 15]. Одной из форм национальной мобилизации было широкое благотворительное движение, в котором участвовали представители всех сословий, социальных слоев и групп российского общества.

Благотворительному движению в России в годы войны посвящен ряд трудов, выполненных на общероссийском и региональном материале [2; 5; 7; 16]. В них участие крестьянства в благотворительности, в отличие от других социальных страт российского общества, характеризуется, как правило, фрагментарно. Еще в меньшей степени в этих работах показаны мотивация и формы участия крестьянок в благотворительности, что определяет актуальность исследования темы.

После проведения всеобщей и частичных мобилизаций, основным источником которых была деревня, крестьянки заменили мужчин в производстве сельскохозяйственной продукции, участвуя в помощи фронту своим трудом.

Широкое распространение в деревне получила практика пожертвований сельскими обществами хлеба из своих запасов на нужды армии [8, с. 195]. Сельское население Пермской губернии жертвовало рожь, овес, масло, холст, теплые вещи раненым воинам, солдатским семьям, беженцам и населению пострадавших от войны окраин [11, № 35, с. 34]. Сельские общества выделяли также денежные средства на устройство лазаретов для больных и раненых воинов [4, л. 4]. В деревнях Пермской гу-

бернии в первые месяцы войны происходил сбор средств на создание Крестьянского лазарета. К октябрю 1914 г. пожертвования сельских обществ и волостных сходов на эту цель составили более 72 тыс. руб. [10, с. 22], 30 октября 1914 г. лазарет был отправлен на театр военных действий [Там же].

Крестьянки, как и представительницы других сословий, вступали в ряды сестер милосердия. Они составляли значительную долю персонала медсестер в лазаретах Пермского управления Российского общества Красного Креста, о чем свидетельствует «Список медицинского персонала лазаретов г. Перми и Пермской губернии» [3, лл. 20об, 21, 21об, 22, 22об, 23, 23об].

Важнейшей организационной формой вовлечения крестьянок в благотворительность было их участие в работе церковно-приходских Попечительных советов. Попечительные советы стали первичными ячейками благотворительности в сельской местности, направляя и аккумулируя инициативу крестьянского населения. К концу 1915 г. попечительные советы были созданы во всех 438 приходах Пермской епархии и в 445 приходах Екатеринбургской епархии (всего в Екатеринбургской епархии действовал 471 приход) [6, с. 64]. Советы занимались не только выдачей дополнительных к казенным пособий семьям призванных, но и помощью в уборке урожая, сбором и изготовлением белья и теплой одежды для воинов действующей армии, помогали беженцам, сиротам. Весомая часть этой работы ложилась на плечи крестьянок.

В состав церковно-приходских Попечительных советов входили, наряду со священнослужителями, представители сельской и заводской интеллигенции, сельского и волостного управления, а также по одному или по два представителя от каждой деревни данного прихода [13, № 5, с. 110–111]. Вот как об участии крестьянок в благотворительности под эгидой Попечительных советов писали «Пермские епархиальные ведомости»: «...крестьянские женщины и девушки с достойным всяческой похвалы усердием трудились по кройке и шитью белья, вязке носков, перчаток, напульсников и по исполнению других работ, направленных к достижению высокой и святой цели удовлетворения неотложных нужд военного времени. Кроме оказания помощи семействам воинов деньгами, хлебом и разного рода вещами, приходские попечительные советы всеми мерами старались располагать прихожан к оказанию помощи этим

семействам натурою: уборкой созревших хлебов, обсеменением озимых полей, рубкою и возкою дров из леса, сена с лугов и сжатого хлеба с полей для молотьбы» [Там же, с. 114]. Как отмечает П.П. Щербинин, в деревнях главным образом женщины оказывали помощь семьям, оставшимся без кормильцев [17, с. 229].

Немалые пожертвования собирались во время крестных ходов, в ходе которых активно жертвовали женщины-крестьянки. Только в процессе двух крестных ходов зимой 1915 г. в Чердынском и Соликамском уездах было собрано около 2 тыс. руб. Средства поступили в пользу жителей Сербии, Бельгии и юго-западного края России [Там же]. В «Пермских епархиальных ведомостях» было отмечено особенно трогательное пожертвование крестьянки Осинского уезда – Пихтовниковой, передавшей «в пользу воинов, боевых товарищей и соратников убитого на поле святой брани своего героя-мужа, принадлежавшее последнему стеганное одеяло» [Там же, с. 113]. Попечительные советы в качестве помощи семьям воинов участвовали в финансировании яслей, повсеместно создававшихся в сельской местности в годы войны для солдатских детей [9, с. 15].

Практически при всех попечительных советах создавались дамские кружки, которые стали новой для крестьянок формой вовлечения в благотворительность. Именно дамские комитеты и кружки организовывали и осуществляли изготовление и заготовку крестьянками белья, теплых вещей и подарков для отправки в действующую армию [12, с. 2; 13, № 8-9, с. 269; 11, № 5, с. 26]. Вот как описывалось в земской прессе создание дамского кружка в с. Ново-Пышминское Камышловского уезда: «Наш захолустный уголок горячо откликнулся на нужды родины... Составился дамский кружок для изготовления теплой одежды на передовые позиции действующей армии, и к 1 декабря было уже приготовлено и отправлено по назначению 385 шт. рубашек, кальсон, полотенец, носков, рукавиц и т.п.» [11, № 5, с. 26].

Важным значением работы Попечительных советов и создаваемых при них дамских кружков было то, что они компенсировали недостаток отделений других общественных организаций в сельской местности и вовлекали в благотворительность население деревни, в том числе крестьянок, получавших таким путем опыт общественной деятельности.

Таким образом, в период Первой мировой войны социальная активность крестьянок проявилась, среди других форм, в их значимом для дела национальной мобилизации участии в благотворительной деятельности. Основными институтами, обеспечивавшими вовлечение крестьянок в благотворительность, стали церковно-приходские Попечительные советы и дамские кружки, создававшиеся при них. Направления благотворительной и милосердной работы включали заботу о семьях призванных в армию, помощь больным и раненым воинам, солдатам действующей армии, военнопленным, детям нуждающихся семей или оставшимся без родителей. При этом благотворительность выражалась как в добровольном безвозмездном труде, так и в денежных и имущественных пожертвованиях, оказании поддержки нуждающимся и жертвам войны. Определяющей мотивацией участия крестьянок в благотворительном движении было стремление материально и морально поддержать мужей, сыновей и братьев, сражающихся на фронте, милосердие и сострадание жертвам войны, религиозные убеждения.

Список литературы

1. *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914–нач. 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
2. *Булгакова Л.А.* Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб.: Издательство: Лики России, 2001. С. 313–323.
3. ГАПК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 81.
4. ГАРФ. Ф. 102. ДП 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108 т. 2.
5. *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.): Опыт помощи пострадавшим от военных действий. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2008. 17 с.
6. Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. дек. 1916. вып. № 16. Петроград, 1917.
7. *Казакова-Апкаримова Е. Ю.* Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX–начало XX в.). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008. 287 с.

8. *Мацузато К.* Сельская хлебозапасная система в России. 1864–1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185–197.
9. Отчеты о деятельности санитарных врачей Пермского губернского земства за 1914 г. Пермь. Электротипография Губернского земства. 1916.
10. Пермская земская неделя. 1914. № 44.
11. Пермская земская неделя. 1915. № 5, 35.
12. Пермские губернские ведомости. 1914. № 250.
13. Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 5, 8-9.
14. *Поршнева О.С.* Российское крестьянство в условиях национальной мобилизации 1914–1916 гг.: гендерный аспект // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории». 2023. № 84. С. 178–191.
15. *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года: (На материалах Саратовской губернии). Саратов: Изд-во СГУ, 2002. 156 с.
16. *Семенова Е.Ю.* Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914–начало 1918 гг.). Самара: Сам. гос. пед. ун-т., 2000. 60 с.
17. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII–начале XX века. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.

А.Ю. Чердникова

Москва, Московский международный университет

Волонтерское наследие великой княжны Татьяны Николаевны Романовой в годы Первой мировой войны

Тема данной работы выбрана неслучайно. Интерес к изучению истории царской семьи, причисленной к лику святых в составе Собора новомучеников и исповедников Российских, явленных и неявленных, не утихает многие десятилетия. Взаимоотношения в семье между ее членами, трепетное отношение Александры Федоровны и Николая Александровича друг к другу, воспитание детей, великая вера и христианская любовь, патриотизм и самоотверженность стали предметом дискуссий и междисциплинарных исследований. Переломным моментом в жизни царской семьи, как и многих их соотечественников, подданных

Российской империи, явилась Первая мировая война. Именно этот период в истории нашей страны обнажил все самые человеческие и сердечные стороны личностей последних Романовых.

Самоотверженность и сопричастность к происходящим в стране событиям не только родителей, но и детей царской семьи зачастую являют собой пример истинного патриотизма. На плечи императорской семьи легло неподъемное бремя ответственности за судьбы страны и народа. Это очень остро ощущали дочери Романовых. Прежде всего речь идет, конечно, о великих княжнах Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Особое внимание в нашей работе было уделено именно Татьяне Николаевне, с ее неутомимой волонтерской работой на госпитальном и благотворительном поприще. Схожие ситуации с современными российскими реалиями, актуальность волонтерского движения, направленного на удовлетворение нужд страдающих от войны мирных людей, беженцах, помощь раненым и получившим увечья военным, только подтвердили актуальность данного исследования и поставили целью обозначить основные направления волонтерского наследия Татьяны Николаевны.

Сегодняшняя Россия, находящаяся в жесточайших условиях специальной военной операции, нуждается в переосмыслении целого ряда вопросов, связанных в том числе с реалиями Первой мировой войны, участием тыла страны в поддержании боеспособности фронта и гражданского общества, помощи пострадавшим от военного катка. Как и сейчас, тогда, в 1914 г., война требовала от правительства и общества безотлагательных и конкретных действий именно в отношении гражданского населения и раненых военнослужащих, которые после ранений и невозможности вернуться на фронт вливались в ряды гражданского населения.

И действительно, как пишет А. Грачев, «проблемы призрения и благотворительности приобрели иной масштаб, а число нуждающихся в помощи увеличилось до сотен тысяч. Это были, прежде всего, раненые и увечные воины, беженцы и беспризорные дети. Вынужденные депортации населения из прифронтовой зоны и стихийное бегство создали неконтролируемую ситуацию в стране, для разрешения которой требовалось создание специальных органов и организаций» [3]. В этом направлении и реализовалась одна из сфер волонтерской деятельности великой княжны Татьяны Николаевны. Это – инициативное

учреждение и патронаж Комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Он был создан с целью реальной помощи гражданскому населению, способствовал мобилизации городских сил на организацию данной помощи по всей России [3; 9; 10]. Носил общественный характер, но финансировался преимущественно из государственной казны, средств благотворителей по всем губерниям России, средств самих членов царской семьи, включая детей. «В течение всей войны, каждое Рождество и Пасху, всем раненым царскосельского района выдавались великолепные подарки на личные средства Их Величеств, – как например, серебряные ложки и вилки с гербами, и кроме этого, еще устраивались елки с угощением. Их Величества не ограничивались общественной благотворительностью: значительные суммы раздавались нуждающимся раненым так что, наверно, многие из них и не подозревали, откуда идет им помощь» [5].

Сформированный фактически в начале войны (14 сентября 1914 г.) и функционировавший практически до отречения Императора Николая Александровича от власти (февраль, 1917 г.), Комитет занимался оказанием единовременной материальной помощи пострадавшим, содействовал воссоединению семей и отправлению беженцев на место постоянного жительства, обеспечением работой трудоспособных, заботой и призрением в богадельнях, больницах и приютах нетрудоспособных, устройством детей в учебные заведения, организацией собственных приютов [1; 4; 9]. Т.Е. Мельник-Боткина, дочь лейб-медика Николая Александровича Е.С. Боткина, соседка семьи по Царскому Селу, вспоминала: «Были открыты комитеты – Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны (помощь семьям запасных) и Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны (помощь беженцам), и Великие Княжны лично председательствовали на заседаниях и входили во все дела» [5, с. 12]. Правда, деятельная и активная Татьяна Николаевна недолюбливала работу в Комитете, считала ее скучной и рутинной: «В среду у меня будет мой скучнейший комитет, и я при мысли о нем потею. Ужас как не люблю эти комитеты», – писала она в письме Николаю Александровичу [7, от 05 апреля 1916 г.].

Личность Татьяны Николаевны, конечно же и прежде всего, характеризуют ее поступки и мысли, которыми она делилась в письмах и дневниках [2; 6; 7; 8]. Однако достаточное количество свидетельств с описанием ее нрава и характера, внешности и интересов оставили современники, учителя [8; 11; 12; 13]. «Татьяна Николаевна от природы скорее сдержанная, обладала волей, но была менее откровенна и непосредственна, чем старшая сестра. Она была также менее даровита, но искупала этот недостаток большой последовательностью и ровностью характера. Она была очень красива, хотя не имела прелести Ольги Николаевны... Своей красотой и природным умением держаться в обществе она затеняла сестру, которая меньше занималась своей особой и как-то ступшеывалась», – вспоминал Пьер Жильяр, наставник и учитель детей царской семьи [12]. Учитель английского языка, ставший впоследствии православным священником в Англии, известным под именем архимандрит Николай, Чарльз Сидней Гиббс, писал годы спустя: «На мой взгляд, Государыня любила ее больше, чем остальных дочерей. Любой поблажки или поощрения можно было добиться лишь через Татьяну Николаевну» [12].

С первых дней после объявления Германией войны России (19 июля 1914 года) царская семья включилась в работу по заботе и уходу за ранеными воинами. Татьяна Николаевна вспоминает 22 июля, вторник: «До обеда работали и после. Это мы все заготавливаем для раненых белье...» [8, с. 8]. 12 августа, вторник: «В 10 часов Ольга, Аня и я поехали в дворцовый госпитальный отдельный барак. Мы там каждая по очереди перевязывали по одному больному. У меня был ратник 44 лет, звали его Феодор Богданов. У него воспаление ногтевого ложа, на ноге. Когда мы все перевязали, пошли к Папа кирасиру раненому офицеру. Со всем молоденький, бедный. Потом пошли назад к ним, измерили температуру, пульс, смотрели и дыхание. В 12 часов вернулись пешком домой» [8, с. 14]. 19 августа, вторник: «Утром был урок. В 10 часов поехали к “Знамению”, оттуда в барак. Там я всех моих перевязывала. Потом были на операции одного офицера, которому вырезали пулю. Потом прошли в больницу, где проходили палату с ранеными...» [8; 16]. Это были со временем ставшие привычными для нее, Александры Федоровны и многих родственниц царской семьи тыловые будни.

Т.Е. Мельник-Боткина вспоминает: «...Великая княжна Татьяна; например, она, прежде чем ехать в лазарет, встает в семь часов утра, чтобы взять урок, потом едет на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лазаретов, а как наступит вечер... сразу берется за рукоделие или за чтение... Доктор Деревенко, человек весьма требовательный по отношению к сестрам, говорил мне уже после революции, что ему редко приходилось встречать такую спокойную, ловкую и дельную хирургическую сестру, как Татьяна Николаевна» [5, с. 12, 14].

Старшая сестра Императорского Дворцового лазарета Валентина Чеботарева вспоминала про Татьяну Николаевну: «...Татьяна Николаевна всегда трогательно-ласкова, помогала даже в заготовке, сидела в уголку, чистила инструменты, а 4-го приезжала вечером переваривать шелк, сидела самостоятельно в парах карболки...» [13]. 4 декабря 1915 г. она записала в своем дневнике следующее: «Татьяна Николаевна – чудная сестра. 27-го, в день возвращения Веры Игнатьевны [*первая дипломированная женщина-хирург княжна Гедройтц Вера Игнатьевна* – прим. автора], взяли Смирнова в перевязочную. Температура все держалась, пульс скверный, решен был прокол после пробного укола. Игла забилась сгустками гноя, ничего не удавалось высосать, новый укол, и Вера Игнатьевна попадает прямо на гнойник; потек густой, необычайно вонючий гной. Решают немедленно прорез. Забегали мы, я кинулась фильтровать новокаин и кипятить, Татьяна Николаевна самостоятельно собрала и вскипятила все инструменты, перетаскивала столы, готовила белье. Через 25 минут все было готово. Операция прошла благополучно. После разреза сперва с трудом, а потом рекой полился невероятно вонючий гной. Первый раз в жизни у меня был позыв к тошноте, а Татьяна Николаевна ничего, только при жалобе, столах личико подергивалось, да вся стала пунцовая» [13].

Помимо деятельности сестрой милосердия и ухода за ранеными, Татьяна Николаевна наряду со старшей сестрой Ольгой Николаевной, матерью, Александрой Федоровной, и другими сподвижницами курировали обустройство госпитальных поездов, работу церковей при лазаретах (например, Дворцовый лазарет), собственно работу и оснащение самих лазаретов и госпиталей. Так, в письмах к своему «ПапА», Татьяна Николаевна очень часто упоминает о своей этой деятельности: «...И мы с

Ольгой осматривали наши военно-санитарные поезда, ужас хорошо и уютно устроено, так бы сама и поехала в нем (от 22 октября 1914 г.)...»; «...Мы только что вернулись с освящения пещерной церкви Дворцового лазарета. Ужасно было хорошо. Очень было много народа, раненные были кто на костылях, кто с палкой, и все в разных формах. Одни в рубашках, другие в кителях, а третьи в халатах... Ужасно хорошо нам удалась поездка в Лугу. Никто, по-видимому, нас не ждал. Мы массу ездим по здешним лазаретам» (от 26 октября 1914 г.); «...Сегодня мы все пять были в нашем лазарете, и Алексей присутствовал на всех перевязках и даже держал на одной таз, куда стекал гной из раны (от 30 октября 1914 г.) [7].

Уже находясь в заточении в Царском Селе, Татьяна Николаевна будет очень скучать по своей работе в лазарете и переживать за свою работу, за раненых, за то, кто же теперь делает перевязки. В своем письме В.И. Чеботаревой от 9 апреля 1917 г. она пишет: «Грустно, что теперь, поправившись, не можешь снова работать в лазарете. Так странно бывать утром дома, а не на перевязках. Кто теперь перевязывает? Вы ли на материале и старшей сестрой? А врачи все на месте и сестры солдатского отделения? ...» [2].

В заключении к этому беглому портрету великой княжны Татьяны Николаевны Романовой, которой на момент начала Первой мировой войны исполнилось всего 17 лет, отметим не просто яркий пример волонтерской деятельности, сопричастности к помощи своей стране, своему страдающему от войны народу, но чрезвычайную самоотверженность, стойкость, мужество, трудолюбие и бесконечной любви к ближнему. Татьяна Николаевна, дочь самой родовитой и знатной семьи России, царская дочь, – образец искреннего и истинного служения Отечеству.

Список литературы

1. Бахурин Ю.А. Татьянаинский комитет. 1914–1917 // Старый Цейхгауз. 2013. №8. С. 48–53.
2. Великая княжна Татьяна Николаевна – письма из заточения. URL: <https://www.pravmir.ru/velikaya-knyazhna-tatyana-nikolaevna-pisma-iz-zatocheniya/> (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)

3. *Грачев А.* Победа ковалась в тылу. Благотворительная деятельность духовенства и Татьянинского комитета по оказанию помощи армии и беженцам в Пензенской губернии (1916 г.). URL: <https://culture-province.ru/news/pobeda-kovalas-v-tylu> (доступ к ресурсу: 30.04.2024)
4. Комитет великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Петроград. 1914–1917. ЦГИА СПб. Ф. 261. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgia/261> (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)
5. Мельник-Боткина Т. Воспоминания о Царской Семье. file:///C:/Users/%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0/Desktop/vospominaniya-o-carskoj-seme-tatyana-melnik-botkina_16769.pdf (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)
6. *Мендес Р.* Серьезная, спокойная, любящая. Ко дню рождения Великой княжны Татьяны Николаевны Романовой. URL: <https://monastery.ru/zhurnal/svyatye/serezpnaya-spokoynaya-lyubyashchaya/> (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)
7. Письма Татьяны Николаевны. Августейшие сестры милосердия / сост. Н.К. Зверева. М.: Вече, 2006.
8. Романовы. Избранная переписка. Дневниковые записи Великих княжон Ольги, Марии, Татьяны, Анастасии и их письма к отцу императору Николаю II (1914–1917). М., 2016. URL: https://azbyka.ru/fiction/wp-content/uploads/bg_forreaders/dnevnikovye-zapisi-velikih-knjazhon-1914-1917.pdf (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)
9. *Карпова Н.В.* Деятельность Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет) в Псковской губернии на примере Новоржевского уездного отдела // Материалы Вторых Псковских архивных чтений, 29–30 октября 2007 г. Псков, 2008. С. 209–216.
10. *Тишкина К.А.* Реализация крупных благотворительных акций Татьянинского Комитета в Якутской области (1915 г.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-krupnyh-blagotvoritelnyh-aktsiy-tatyaninskogo-komiteta-v-yakutskoy-oblasti-1915-g> (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)
11. Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991.
12. Царская Семья в воспоминаниях верноподданных (Часть 2). URL: <https://obitel-minsk.ru/chitat/den-za-dnyom/2021/carskaya-semya-v-vospominaniyah-vernopoddannux-2> (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)

13. *Чеботарева В.* В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918. Новый журнал. Кн. 181, 182. Нью-Йорк, 1990. URL: https://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Vosp_Chebotarevoy1.htm (доступ к ресурсу: 30.04.2024 г.)

О.В. Зарецкая
*Архангельск, Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова*

Трансформация взглядов на материнство в Советской России и деятельность А.М. Коллонтай на посту наркома общественного призрения в 1917–1918 гг.

Октябрьская революция 1917 г. привела к кардинальным изменениям во всех сферах жизни общества, в том числе и социальной, что потребовало создания специальных органов власти. 29 октября руководитель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин подписал постановление о создании Народного комиссариата государственного призрения, а 30 октября вручил А.М. Коллонтай мандат: «Республиканское Правительство Совет Народных Комиссаров уполномочивает товарища А.М. Коллонтай наркомом общественного призрения» [6, с. 25]. Таким образом, впервые в истории женщина стала членом правительства.

На министерском посту Александра Михайловна пробыла совсем недолго, но сделанное ею произвело своего рода революцию. А.М. Коллонтай предстояло наладить работу большого количества организаций и решать непростые социальные вопросы: проблемы приютов и беженцев, больниц, санаториев, колоний для прокаженных, воспитательных домов, родовспомогательных и гинекологических приютов, институтов, клиник, домов для слепых и т.д.

Занимая пост наркома, А.М. Коллонтай активно приступила к реформам и одной из первых была проведена реформа брачного законодательства, осуществленная в декабре 1917 г. В соответствии с декретом «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», церковный брак был заменен гражданским, установлено равенство супругов, в том числе в праве на общую семейную собственность и на свои доходы, а также

уравнивание незаконнорожденных детей с детьми, рожденными в браке. Отцовство устанавливалось по заявлению матери [2].

Приоритетной задачей своей деятельности А.М. Коллонтай считала организацию и реорганизацию тех учреждений, которые облегчили женщинам тяготы материнства, а также борьбу с высокой детской смертностью. В декабре 1917 г. Коллонтай издает декрет об образовании коллегии, которой было поручено создание отдела по охране материнства и младенчества. Отдел должен был создать сеть учреждений, которые обеспечивали воспитание духовно и физически сильных и здоровых граждан, включая полноценную медицинскую помощь всем будущим матерям за государственный счет.

Существующие в начале XX в. проблемы материнства имели огромную актуальность в обществе и вряд ли могли быть поставлены под сомнение или быть оспорены со стороны политиков. А.М. Коллонтай считала, что в обществе существует конфликт несовместимости профессионального труда женщины и материнства, а для его решения существует только два пути: «1) либо вернуть женщину в дом, запретив ей какое бы то ни было участие в народнохозяйственной жизни; 2) либо добиться проведения таких социальных мероприятий, включая сюда и широкопоставленное страхование материнства и попечение о младенцах, которое дало бы возможность женщине, не бросая своих профессиональных обязанностей, не лишаясь своей экономической самостоятельности и не отказываясь от активного участия в борьбе за идеалы своего класса, все же выполнить свое естественное назначение» [4, с. 171].

Первую возможность Коллонтай исключала, т.к. считала, что это уже пройденный этап. А вторую возможность можно реализовать только при условии, что забота о здоровье женщины и обеспечение детей станет обязанностью государства. По словам Л.М. Млечина, «экономическая самостоятельность и полноценное участие в политической и общественной жизни представлялись Коллонтай еще и средствами избавиться от унижительной для женщины необходимости вступать в брак с нелюбимым человеком только для того, чтобы родить и прокормить ребенка...» [5, с. 66]. Таким образом, Коллонтай обозначила проблему, решение которой было абсолютно неожиданным и новым в обществе,

тем самым она рушила сложившуюся установку о том, что совмещение понятий «работница» и «мать» невозможно.

При ее участии были разработаны положения об отпусках по беременности и родам, о пособиях молодым матерям, созданы специальные курсы, готовившие рабочих и крестьянок для работы в детских учреждениях. В ведение наркомата общественного призрения перешли все ясли, консультации и приюты для детей, созданные до революции различными благотворительными обществами. За 1917–1918 гг. в 16 губерниях были организованы 46 домов матери и ребенка, 66 родильных домов, 59 консультаций, 47 молочных кухонь, 409 яслей [3].

Осенью 1919 г. с целью уравнения прав женщин и мужчин, по ее инициативе был создан ряд женотделов ЦК РКП (б). К основным задачам женотделов относилось информирование о новых условиях труда и организации семьи, борьба с неграмотностью среди женского населения. По словам современной исследовательницы И.В. Алферовой, женотделы «на протяжении своего существования обладали относительной самостоятельностью, согласуя свои решения и деятельность с орготделами и агитпропами, что являлось базой для возникновения “ликвидационных” настроений, а в конечном итоге и привело к их закрытию» [1, с. 18]. Женотделы прекратили свою деятельность в 1930 г.

18 марта 1918 г. А.М. Коллонтай была освобождена от должности наркома общественного призрения из-за протеста против ратификации мирного договора с Германией (Брест-Литовский мирный договор).

Можно сказать, что Александра Коллонтай стала воплощением «нового» человека, обладающего необходимым образованием, опытом публичных выступлений и прекрасным ораторским талантом, и что не маловажно обладала индивидуальностью и харизмой, которая проявлялась в особой энергетике, интонации голоса, взгляде, жестикуляции и приковывала к Коллонтай внимание общественности. Таким образом, высказанные еще до революции идеи о равноправии женщин и мужчин, необходимости государственной поддержки материнства и детства получили свое воплощение в первые месяцы существования советской власти. За короткий срок своего пребывания на должности наркома, Александра решила множество проблем, которые находились в стадии разработки десятилетиями. Прогрессивные взгляды Кол-

лонтай находили отклик в европейских и в особенности в скандинавских государствах, что послужило предпосылкой ее назначения на дипломатический пост и успешной карьеры в будущем.

*Исследования проведены при финансовой поддержке РНФ, проект 24-28-20340 «Благотворительность как социокультурный феномен на Европейском Севере в XIX – начале XX века: фундаментальные идеи и практики».

Список литературы

1. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.): Автореф. дис...доктора ист. наук. СПб., 2011. С. 18.
2. Декрет о гражданском браке, о детях, и о ведении книг актов состояния//Сайт «МГУ им. М.В. Ломосносова». URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 23.04.2024).
3. Долидович О.М., Катцина Т.А. Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы частной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 г. – 11 марта 1918 г.) // ЖИСП. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-sotsialnogo-obespecheniya-pod-rukovodstvom-a-m-kollontay-ot-sfery-privatnoy-v-rossiyskoy-imperii-k-prostranstvu> (дата обращения: 30.04.2024).
4. Коллонтай А.М. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1972. С. 171.
5. Млечин Л.М. Коллонтай. М.: Молодая гвардия, 2013 г. С. 66.
6. Млечин Л.М. Ленин. Соблазнение России. СПб.: Питер, 2012. С. 25.

З.Н. Гаджиева

*Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РНФ*

Айшат Магомедова и ее гуманитарный проект благотворительной больницы как феномен постсоветского Дагестана

История врача Айшат Магомедовой, в 1990-е годы открывшей уникальную благотворительную больницу для женщин из горных сел и оказавшей помощь десяткам тысяч горянок, представляет собой увлекательную тему, которая заслуживает вни-

мания научного сообщества. Айшат Магомедова стала известной благодаря своей нелегкой жизни и бескорыстной помощи нуждающимся. Жизненный путь Айшат Магомедовой бесспорно оказал значительное влияние на общество, вдохновляя людей к добрым поступкам и поддержке окружающих.

Родилась Айшат Магомедова в 1944 г. в высокогорном селе Годобери Ботлихского района. От Махачкалы до Годобери 158 км – три часа езды на машине, но когда Айшат была ребенком, Махачкала казалась другим концом Земли. Мать Айшат одна воспитывала троих детей и много работала, поэтому девочка часто жила у дальних родственников.

В школе Айшат была круглой отличницей, в 14 лет она твердо знала, что хочет стать женским врачом. Не просто врачом, а оперирующим хирургом. В то время в институт поступали единицы, девушки в основном сразу после школы выходили замуж. Замуж она категорически не хотела, часто повторяя, что ее призвание – это помощь людям.

В 1962 г. из Годобери в вузы поступали четыре человека, из них поступила только Айшат. Мать Айшат, еле сводившая концы с концами, не в состоянии была отправлять дочери деньги, помогал старший брат. По окончании медицинского института, Айшат направили работать в Казбековкий район. Там она встретила своего будущего мужа, вышла замуж. Семейная жизнь Айшат не сложилась. Айшат вернулась в Махачкалу и устроилась акушером-гинекологом в отделение патологии беременных центральной больницы. А позже стала заведовать этим отделением.

Оставив работу в государственной клинике, Айшат в начале 1990-х годов создала «Лигу защиты матери и ребенка», одну из первых общественных организаций в Дагестане, чтобы оказывать бесплатную медицинскую помощь женщинам из малообеспеченных семей. А чуть позже решила открыть в Махачкале благотворительную больницу для женщин.

История благотворительной больницы – целая эпопея. Магомедова после долгих хождений по инстанциям добилась, чтобы ей передали расположенное в центре Махачкалы заброшенное здание бывшей ветеринарной лечебницы. Волонтеры помогли сделать в помещении ремонт. Госкомимущества Дагестана издал распоряжение, согласно которому здание было пе-

редано больнице в бессрочное и бесплатное пользование. Айшат стала лично выезжать в районы и убеждать женщин, лечь на обследование в ее больницу. На самые сложные случаи в районы вылетала на вертолете – оказывала помощь на месте, в районных больницах, либо вывозила пациенток в Махачкалу. Так, в больницу стали приезжать пациенты не только из Дагестана, но и со всего Северного Кавказа. Всего за время ее работы в больнице получили бесплатную медицинскую помощь около 40 тыс. женщин [2].

Необходимое оборудование и медикаменты приобретались за счет пожертвований и грантов. Первое время Айшат приглашала узких специалистов на консультации. Одни соглашались лечить горянок бесплатно, другие просили за работу деньги. В таких случаях она платила из своих личных сбережений.

Необычная инициатива стала привлекать людей, А. Магомедовой начали помогать бизнесмены, состоятельные дагестанцы, проживающие в Москве и за границей, помогали и обычные люди. Даже после того, как больница зажила стабильной жизнью, Айшат продолжала «гореть» на работе. Возвращалась поздно вечером, а рано утром бежала обратно: «Моя душа там» повторяла она. И так все 14 лет. Когда ремонт завершился, в больнице было 11 палат, кабинет Айшат, столовая, молебная комната, смотровая, кабинет УЗИ, учебные комнаты для девочек, которые получали образование младших медсестер (позже там открылись курсы милосердия для санитарок) [1].

В больницу выстраивались очереди. Айшат никому не отказывала. Все ее работники получали инструкцию. Если сельские женщины приехали, а мест нет, принимали и размещали, где придется. Люди приезжали из горных районов, не у всех была возможность ночевать в гостиницах. Пациенток Магомедовой поражало, что она сама каждое утро подходила, справлялась о самочувствии. Когда женщине некуда было деть детей на время лечения, Айшат принимала с детьми, организовывала для них досуг [2].

Аборты Магомедова делала только по медицинским показаниям. Айшат очень любила и хотела детей, но Бог ей не дал возможности стать матерью. Возможно, поэтому она много говорила о том, что ребенок – это дар, что важно его сохранить [2].

Поток пациенток с годами увеличивался, врачи, медсестры и прочий персонал работали за очень скромную оплату. Айшат

находилась в постоянном поиске дополнительного заработка на нужды больницы, в результате чего, на базе самой больницы была открыта пекарня, следом – швейная мастерская и прачечная. Хлеб выпекали на продажу и для больницы, готовили на заказ пироги. По утрам по территории разносился запах свежеиспеченного хлеба. Все, кто вспоминает больницу, в один голос повторяли: что там всегда пахло хлебом и домом.

Швейной мастерской стала заведовать односельчанка и близкая подруга, Хадижат Гитинова, учительница труда из Годобери, которую Айшат пригласила на работу. Здесь молодые девушки из нуждающихся семей обучались швейному ремеслу, а заодно шили для больницы занавески, постельное белье, униформу для медперсонала и халаты для пациентов. Брали и частные заказы.

В начале двухтысячных у Айшат Магомедовой начались проблемы с «неверно» оформленными документами: договор, по которому ей передали больницу в бессрочное пользование, оказался с юридической точки зрения с большими дырами. В итоге Минимущества издало указ об отмене решения о бесплатном предоставлении здания больницы фонду Айшат Магомедовой. Ей пришлось пройти через многочисленные суды, что сказалось на ее здоровье.

Умерла Айшат Магомедова 26 декабря 2010 года в одной из больниц Махачкалы. Ей было 66 лет.

«Горы всегда заставляют тебя думать о большем. Когда достигаешь вершины небольшой горы, ты видишь более высокую, поднимаешься и думаешь, что достиг самой большой высоты – а за ней еще одна. Поэтому люди гор всегда стремятся достичь вершин во всем, они сильные и выносливые. Но главное – они с детства знают, что надо помогать другим людям. В горах, когда приходит гость – это честь для хозяина, гость проделал трудный и часто опасный путь, и его, не спрашивая ни о чем, надо кормить, ухаживать за ним, оказать ему должный прием. Я получила в наследство от своих родителей, от своей бабушки, понимание того, что самое ценное – это человек» [1].

Интерпретируя данные, можно отметить, что ключевыми чертами личности Айшат Магомедовой являются бескорыстие, вера и непоколебимая решимость помогать нуждающимся. Ее

пример показывает, что один человек способен изменить жизнь многих людей и внести значительный вклад в общество.

Список литературы

1. *Рыльникова И.* Горы заставляют думать о большем // Женщина Плюс. 2001. № 2.
2. ПМА (полевой материал автора).

РАЗДЕЛ 12
ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ГОЛОСА, СУДЬБЫ, ПРОБЛЕМЫ

С.В. Бабкина

*Москва, Российский государственный
гуманитарный университет*

**Женские ритуалы в истории про встречу Ципоры с Богом
(Исх. 4:24-26) и их роль в формировании традиции обряда
обрезания**

В Танахе есть две истории об установлении обряда обрезания. Одна связывает его происхождение с Авраамом, которому Бог предписал сделать обрезание себе и всем потомкам в знак особого завета (Быт. 17); вторая рассказывает об обрезании, которое Ципора, жена Моисея, делает своему сыну, в тот момент, когда ночью по дороге в Египет из земли Мадямской, на них нападает Господь и хочет умертвить кого-то из путников (Исх. 4:24–26).

В последующей традиции именно первая история становится основополагающей, поскольку Авраам входит в традицию как праотец Израиля и первый носитель завета, распространяющегося на всех евреев. Она хорошо вписывается в базовый миф иудаизма, миф о воле Бога, полностью соответствует определяемой им картине мира, связанной с основами идентичности.

Вторая история воспринимается как что-то не совсем понятное и архаичное, скорее противоречащее как самому сюжету (Бог посылает Моисея в Египет, чтобы вывести оттуда сынов Израиля, но тут же пытается его (?) убить), так и некоторым принципам монотеистического мифа (Господь/некто, как дух дорог, пустынь, перекрестков, бродов нападает на путников ночью, но останавливается после того, как женщина совершает ритуал, связанный с кровавым приношением). При этом поразительно, но из истории не следует никакого вывода. Этот маленький сюжет словно бы входит из ниоткуда и уходит в никуда.

Понять смысл и происхождение текста можно, если рассмотреть несколько уровней: исторический-текстологический, лингвистический, контекстный и богословский. Подобные исследования предпринимались неоднократно [3; 4; 5], но мало кто об-

растал внимание на то, что ключевым оказывается именно понимание роли Ципоры, главной героини сюжета. Ципора, – мадианитянка, дочь священника, не теряется при нападении на ее ребенка ночью некой страшной силы, а точно знает, что в данной ситуации нужно делать; более того, у нее под рукой оказывается каменный нож, с которым она умеет обращаться, она знает сам ритуал, ритуальную формулу и, в конечном итоге, совершает все хорошо и быстро, спасая детей и мужа.

Если все это собрать воедино, то, возможно, мы получим архаичное предание о происхождении обрезания, представлявшем собой древний, мадиамский обряд, целью которого была защита младенцев и который сохранялся внутри конкретной религиозной группы, связанной с Моисеем. Если так, то обряд этот был гораздо более древним, чем религиозная традиция, соединившая его с монотеистической идеей и циклом преданий о патриархах.

Как эта история соотносится с рассказом о том, что обрезание было заповедано Аврааму? Вероятно, по мере формирования монотеистической традиции, связанной с праотцами и заветом, возникла необходимость вписать в нее древний, прочно укорененный в культуре обряд. Он был «перенесен» в историю патриархов, произошло изменение связанной с ним терминологии, и история про Авраама вытеснила историю про Ципору. Форма обряда сохранилась, а интерпретация его изменилась. Но остается вопрос о том, почему история про встречу Ципоры с Богом не уходит полностью? Ответ на него связан с ответом на вопрос о том, почему Танах вообще сохраняет достаточно много следов древнего, языческого мира и культа в самых разных пластах текста. Можно предположить, что это связано с особенностями формирования культурной памяти. Прежде всего, с тем, что в большое эпическое повествование об Исходе встраиваются древние мифы, благодаря которым эпос оживает, обретает реальность и силу. Эпос сохраняет миф, подпитываясь им. С другой стороны, примеры многих культур, древних и современных, показывают, что просто так взять и стереть прежнюю традицию, заменив ее новой невозможно [3, С. 88–92]. Скрытая, запертая, она будет тлеть внутри, создавая потенциал для внутреннего конфликта. Но встраивание старого в новое, переосмысление его, как бы «архивирует» прежнее [1, С. 33–38],

лишая его эмоциональной окраски и конфликтности. Прежняя традиция, сохраняясь, отрывается от идентичности.

Ровно это происходит с преданием о Ципоре. Миф, связанный с ритуалом обрезания, целью которого была защита жизни младенцев, стал частью эпоса и превратился в частный случай, в рассказ о важности своевременного совершения обряда, обусловленного идеей завета с патриархами. Но даже в такой, «разбитой» форме, спустя много веков он сохраняет не только смысл, но и способность вызвать эмоцию от ощущения соприкосновения с чем-то очень древним, значительным и сокровенным.

Важнее всего то, что священный текст, проходя через все этапы канонизации, сохраняет архаичное представление об особенной роли женщины, обладавшей сакральной силой и знанием ритуалов, способных сохранить мужчин, маленьких и взрослых. Таким удивительным образом Танах сохраняет женское наследие внутри, казалось бы, совершенно мужского ритуала обрезания.

Список литературы

1. *Ассман А.* Забвение Истории – одержимость историй / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
2. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. 2004.
3. *Десницкий А.* «Ты жених крови у меня» – как можно истолковать исход 4:24–26? // Альфа и Омега. 2004. № 40. С. 59–72.
4. *Frolov S.* The Hero as Bloody Bridegroom: on the Meaning and origin of Exodus 4,26 // *Biblica*. Vol. 77 (1996), fasc. 4., pp. 520–523.
5. *Propp W.H.* That Bloody Bridegroom (Exodus IV 24-6) // *Vetus Testamentum*. Vol. XLIII. № 4. 1993. P. 495–518.

Л.В. Дерябкина

Кобулету, Грузия, независимый исследователь

«Феминистка ли?...» Дневник Джудит Монтефиоре как методологическая дилемма включения подобных нарративов в феминистскую историческую литературу

С того времени как «женские исследования» возникают в академических программах университетов и других научных

центрах формируется историография гендерных исследований. Сложность заключается в определении того, какие тексты считать феминистскими, а какие нет. Поэтому к концу 1960-х годов считалось, что феминистскими работами можно считать любое произведение, написанное женщиной и высвечивающее социальные, экономические проблемы женского сообщества в самом широком понимании в различные эпохи. В дальнейшем историковедческая и историографическая база расширялась, в 1980-е годы стали массово появляться феминистские архивы, которые включают разнообразные материалы, мемуары, дневники. И постепенно происходит смещение от автор(ки) – феминист(ки), или все-таки текст можно приобщить к работам с феминистской оптикой, направленной на изменения и слом патриархатного контракта в обществе. Хотя, возможно, сам автор не идентифицирует себя с феминистским сообществом или не имеет представления о данном общественно-политическом движении.

Одним из таких ярких примеров является личный архив Джудит Монтефиоре. Дочь Леви Барента Коэна и Лидии Диамантшляйфер, состоявшая в отдаленном родстве с небезызвестной семьей Леви Мордехай (Марксы) – Джудит Барэнт Коэн была активисткой, меценаткой и яркой защитницей прав еврейских женщин. Ее часто включают в еврейские феминистские энциклопедии, упоминают о ее меценатстве и общественной деятельности в отношении женщин. Однако, насколько уместно говорить о ней как о феминистке, учитывая, что в своих произведениях она отрицала гендерное равенство. Кроме того, можно возразить, что Джудит родилась в 1784 г., и ее взросление пришлось на начало XIX в., когда движение за права женщин лишь стали набирать свою популярность. Благодаря дневникам Джудит и ее супруга, стоит попытаться разобраться о целесообразности включения данных текстов в феминистские нарративы. Перефразируя слова Э. Левинаса, «феминистская этика – это оптика» и необходимо через нее переосмыслить тексты Д. Монтефиоре.

Семья Джудит имела еврейско-нидерландское происхождение и носила фамилию Коэн. Они жили в Амстердаме, а затем переехали в Англию, где и родилась Юдит (Джудит). В то время для английской еврейской общины конца XVIII в. открывались большие перспективы, т.к. высокая бизнес-активность Британской империи и относительно демократичные законы позволяли

евреям из различных стран связывать надежды именно с этой страной. В 28 лет Джудит вышла замуж за Мозеса Монтефиоре, что потрясло еврейскую английскую общественность. Семья жениха соблюдала сефардский нухас (литургический канон), а семья Коэн – ашкеназский. Монтефиоре переехали из Италии, но не исключено, что в свое время были изгнаны из Испанского королевства после эдикта 1492 г., ища новое пристанище в Галлуте (диаспоре). По крайней мере, в хронике семьи Монтефиоре бытует именно данная легенда.

Возвращаясь к личности Джудит Коэн Монтефиоре, ознакомившись с «официальной» биографией, можно увидеть, что она была выдающейся и ищущей себя персоной в английском и еврейском сообществах. Во-первых, Джудит и Мозес были ровесниками и по меркам того времени для девицы Коэн это был поздний брак. Во-вторых, в самой церемонии бракосочетания (хупа) использовались элементы ашкеназской традиции наряду с сефардской, что говорит о почтении семьи жениха к Коэнам. В-третьих, у четы Монтефиоре не было детей, но это не мешало очень крепким и дружеским отношениям между супругами. В-четвертых, Джудит почти во всех поездках сопровождала Мозеса. Супруг подстраивался под потребности жены, т.к. ее слабое здоровье порой увеличивало время путешествий и количество остановок семьи Монтефиоре. В-пятых, Джудит написала кулинарную книгу еврейских рецептов, адаптированных к английской кулинарной традиции и спустя два года после издания призналась в ее авторстве перед общественностью, что делало ее безусловно личностью особенной, в консервативном еврейском сообществе. В-шестых, она создала ряд организаций, помогающих именно еврейским женщинам в непростых ситуациях. Ее действия, вероятно, могут вписаться в образ профеминистской женщины XIX в.

Однако ее воспоминания, ее дневники, ее переписка подчеркивают патриархатный уклад жизни Джудит Монтефиоре. В переписке с подругой она утверждает, что школа для девочек необходима для осознания ими их социальных ролей в семейной жизни, традиционном религиозном обществе. Проанализировав ее работы, мы видим, что, будучи весьма образованной женщиной, Джудит знала на высочайшем уровне французский, немецкий, итальянский, иврит, арабский, увлекалась литературой, филологией. Наряду с вышеперечисленным отметим, что в ее за-

писях весь быт, вся ее жизнь выстроена вокруг интересов Мозеса. Безусловно, исходя из патриархатного уклада семьи, преждевременно считать леди Монтефиоре предвестницей еврейского феминистского движения, но ее активность была очень часто сопряжена с индивидуальной деятельностью и принятием решений без участия супруга.

Исходя из анализа источников, интересно посмотреть не только сами дневники семьи Монтефиоре, но и проанализировать процессы и развитие историографического материала, который начал формироваться еще при жизни знаменитой англо-еврейской семьи и продолжается до сегодняшнего дня, что позволяет переосмыслить роль женщин еврейского происхождения в иудейской общине.

Список литературы

1. Левинас Э. Трудная свобода. Очерки по иудаизму. 1952. Избранное: Трудная свобода / пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
2. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.
3. Diaries of Sir Moses and Lady Montefiore. Comprising Their Life and Work as Recorded in Their Diaries from 1812 to 1883. Chicago: Belford-Clarke Co. 1890.
4. Montefiore J. Notec from a Private Journal of a Visit to Egypt and Palistain, by of Italian and Mediterrian. London: Wertheimer & Co. 1885.

О.Ю. Минкина

Санкт-Петербург, независимый и исследователь

Эго-нарративы еврейских женщин в российском уголовном судопроизводстве первой половины XIX в.

Материалы уголовных дел первой половины XIX в., связанные с еврейками как правонарушительницами, свидетельницами, родственницами преступников [3; 1; 2], освещают не только темные стороны жизни того времени, но и позволяют представить систему ценностей этих женщин, их судьбы, увидеть тексты, созданные ими самими либо при их участии. Тексты, со-

зданные женщинами-представительницами еврейской традиционной культуры и отражающие женские ценности, представляют собой ограниченный круг источников [5, Р. 37]. Исследуемую выборку можно рассмотреть в сходном контексте, как часть женского наследия российской «черты оседлости».

Насколько нам известно, специального исследования еврейских женских эго-нарративов на материалах российского уголовного делопроизводства первой половины XIX в. не проводилось. Эти эго-нарративы представлены прошениями евреек, а также передачей показаний еврейских женщин в постановлениях судебных органов разных инстанций, записках, «экстрактах» и т.п. [3; 1; 2]. В делах отложились также конфискованная личная переписка евреек, либо переводы и пересказы этих писем. Сама специфика делопроизводства того времени, когда при представлении дела в вышестоящую инстанцию тексты документов могли дублироваться почти без сокращений, представляет благоприятную для исследователя ситуацию в отношении труднодоступных или утраченных материалов. В прошениях самих женщин указывается (не всегда) авторство текста: это мог быть нееврей: мелкий чиновник, шляхтич и т.п. Но встречаются и тексты, созданные и написанные самими еврейками. Прощения позволяют также судить о грамотности евреек: кто-то мог подписаться по-русски, кто-то на иврите (отметим, что термин иврит для письменного языка евреев Российской Империи первой половины XIX в. не очень удачен и условен), за кого-то как на русском, так и на иврите подписывались родственники-мужчины или по их просьбе мужчины-евреи или неевреи, а в каких-то случаях это можно предположить и без указания авторства подписей. Стратегии защиты и риторика эго-нарративов могли «подсказываться» еврейкам в ходе следствия, если они были достаточно состоятельны, чтобы заплатить своим «помощникам», либо, наоборот, находились в зависимой позиции, и нарратив диктовался им следствием. Нужно учитывать, что от обвиняемых женщин старались добиться признания, и что на практике могли применяться разные меры давления, на что указывали и сами еврейки в своих прошениях и показаниях. При этом не следует недооценивать и роль самих евреек в защите своих интересов, степень их правовой грамотности, и в ряде случаев аккультурации, и возможность для исследователя все-таки различить в документах и собственный

«голос» евреек, учитывая их активную роль в еврейской экономике, а зачастую и в социальной жизни общины, как и обусловленное их деловой активностью знание как минимум разговорных нееврейских языков и активные контакты с нееврейским окружением. Апелляция от имени евреек к знанию законов и указания на нарушения судопроизводства встречается в нашей выборке гораздо чаще, чем ссылки на то, что, как женщины, они не осознавали юридических последствий своих действий.

Даже пытаясь отклонить те или иные обвинения в их адрес, еврейки демонстрировали, например, что их активная позиция в социуме и определенная степень агрессии по отношению к мужьям, кагальным, неевреям и т. п. считалась ими нормальной и естественной. Также ярко звучит тема защиты личной чести и собственного достоинства обвиняемой как еврейской женщины, защиты ее идентичности, включавшей идентичность религиозную. Последняя понималась не как следование галахическим правилам в узком смысле слова, а как верность совокупности обычаев, принятых среди женщин данной общины. Достоинство еврейской женщины могло пониматься и в терминах нееврейского окружения, как «честь благородной дамы», чье «благородство» оспаривается, поскольку она еврейка.

Еврейки в исследуемых материалах – это представительницы всех сословий: от жен 1-й гильдии купцов и замужних женщин и вдов, ведущих самостоятельную масштабную деловую активность до нищих, проживающих в хекдеше-богадельне. Еврейки предстают в документах не только как жены, матери, сестры, но и как женские аналоги распространенных мужских еврейских «типов»: подрядчика и агента властей, заканчивающего переходом в христианство, или противостоящего общинной верхушке «активиста из низов».

Уголовные дела, связанные с еврейскими женщинами, также в определенной мере отражают сексуальную мораль евреек и общностей, к которым они принадлежали, такой, какой она была на практике. В своих показаниях, прошениях, переписке еврейки были вынуждены в силу сложившейся нестандартной и, безусловно стрессовой для них ситуации, обсуждать семейные конфликты, проблемы своего внебрачного секса, беременности, деторождения, детоубийства, причем не в занимавшемся данной проблематикой раввинском суде, а перед представителями рос-

сийской власти, до которой евреи традиционно старались не доносить и гражданские денежные тяжбы.

Таким образом, мы имеем дело с чрезвычайно интересной группой источников по еврейской женской истории. Эти материалы предоставляют возможность подтвердить, как какие-то существующие на основании других групп источников стереотипы [4; Р. 219–240] относительно еврейских женщин Российской империи первой половины XIX в., так и взглянуть на них под другим углом.

Список литературы

1. Жребий доносчика. Прошения Урки Шнайборка из Вильно и его матери Розы Бениаминовой в Пятый департамент Сената / Публикация, вступительная статья и комментарии О.Ю. Минкиной // Архив еврейской истории / гл. ред. О.В. Будницкий. Т. 9. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
2. Конокрады. Из жизни еврейских маргиналов в Белоруссии начала XIX в. / Публикация, вступительная статья и комментарии О.Ю. Минкиной // Архив еврейской истории / гл. ред. О.В. Будницкий. Т. 8. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
3. *Минкина О.Ю.* Нормы и аномалии: к вопросу о еврейской женской преступности в Российской империи первой половины XIX в. // Роль женщины в еврейском мире: (Коллективная монография) / отв. ред. Л.Р. Хлебникова; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020.
4. *Petrovsky-Shtern Y.* The Golden Age Shtetl. A New History of Jewish Life in East Europe. // Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2014.
5. *Rosman M.* The History of Jewish Women in Early Modern Poland: An Assesment // Polin. Studies in Polish Jewry. 2005. Vol. 18.

Л.Р. Хлебникова

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

Наследие Эммы Гольдман ее собственными словами: голос неповиновения

Эмма Гольдман, рожденная в ортодоксальной еврейской семье Российской империи, вошла в историю как идеолог политического анархизма. Она оставила большое письменное наследие, состоящее из эссе, статей и мемуаров, которые до сих пор пере-

издаются в анархистских кругах и не только. В этих трудах прослеживается переплетение ее теоретической и практической деятельности как еврейской женщины-анархистки. Автобиографический нарратив позволяет увидеть ее жизнь ее же глазами, что, с одной стороны, представляет особый интерес для анализа, а с другой, требует дополнительного критического осмысления прочитанного.

Для Э. Гольдман важнейшую роль в жизни сыграла либертарианская идеология, к которой она постепенно пришла. В первые дни ее прибытия в Нью-Йорк она встретилась со сторонниками идей либертарианства и вошла в их круг. И здесь ключевым моментом стала «Хеймаркетская резня»⁵ (1886), однако, она никогда не присутствовала ни во время самой резни, ни на суде над анархистами после нее, но рассказы об этом сильно повлияли на ее мировоззрение. В идеологии анархизма, в основе которого лежит идея о свободном и добровольном объединении людей в противовес власти государства, основанной на жесткой вертикальной иерархии и репрессивных проявлениях, Эмма Гольдман нашла свое призвание. Она отважно использовала любую возможность высказаться, бороться и протестовать против дискриминации, бесправия и любого угнетения везде, в семье или на работе. Она была современницей М. Бакунина и П. Кропоткина, известных и признанных идеологов анархизма, которые доказывали, что естественным для человека является именно кооперация. «Красная Эмма», как ее называли еще при жизни, сама внесла лепту в развитие политической философии анархизма. При этом она поддерживала и «пропаганду действием», которая приводила к порой радикальным и даже насильственным актам. Сама она не была обвинена в таких действиях, но сидела в тюрьме по обвинениям в другой не законной на тот момент деятельности. Часто ее слова и действия воспринимались как чрезмерно радикальные и не всегда поддерживались другими анархистами.

---

⁵ Хеймаркетская резня – это мирная демонстрация рабочих за восьмичасовой рабочий день и против жестокости полиции в Чикаго 4 мая 1886 г., которая окончилась провокацией в виде взрыва бомбы, что привело к жесткому ответу полиции. Ряд анархистов были осуждены и казнены. Личность бросившего бомбу в толпу так и не установлена. Это событие стало толчком для дальнейшего развития анархистского движения.

Немаловажно было и то, что в творчестве Э. Гольдман много уделено ее опыту как женщины. В мемуарах «Проживая жизнь» Эмма Гольдман подробно описывается свое прошлое и жизнь в дисфункциональной семье с отстраненной матерью и отцом, применяющим насилие к детям [1, с. 13]. Ее негативный опыт отразился на отношении к мужчинам, в целом, о чем она открыто пишет в своих работах. Тем не менее ее связывали отношения с другими анархистами и еврейскими иммигрантами из Российской империи, в частности с Александром Беркманом. Одним из ее актов неповиновения в этой личной сфере был отказ от брака в пользу отношений, построенных на любви и доверии⁶. Более того, она была одной из первых, кто связал репродуктивные права с политическими и экономическими. Так, Эмму Гольдман часто считают одной из представительниц идеологии анархо-феминизма. Она много раз сама сталкивалась с сексизмом и стереотипами о женщинах даже среди идеологических союзников. У Э. Гольдман есть отдельные работы про необходимость эмансипации женщин, где она осмысляет права женщины на равную зарплату и сексуальную свободу. Одновременно с этим Гольдман критиковала суфражизм за элитарность и за отсутствия фокуса на внутреннем освобождении женщины: «Право голоса или равные гражданские права – достойные требования, но действительная эмансипация начинается не у выборной урны и не в суде. Она начинается в сердце женщины» – так писала Э. Гольдман [1, с. 75]. Современные исследователи не всегда согласны в том, корректно ли ее включать к феминисткам первой волны, все же взгляды Э. Гольдман на «женский вопрос» исходили из анархистских воззрений на мир. И здесь выявляется одна из проблем, оценивания ее наследия: «ее часто даже не включают в обсуждение анархистской теории (поскольку она феминистка) или феминистской теории (потому что она анархистка)!» [2, р. 16].

Красной нитью через деятельность и творчество Э. Гольдман проходит ее опыт как еврейской женщины. Она выросла в традиционной еврейской среде, ее собственный брак и развод были оформлены по ортодоксальным канонам. Несмотря на то, что сама она не сталкивалась напрямую с антисемитизмом, ее семья

---

⁶ Сама Гольдман была в браке дважды, первый брак был с Я. Кершнером несчастливый, а второй был по взаимному расчету.

была вынуждена покинуть Санкт-Петербург именно из-за невыносимых условий жизни для евреев. Взгляды и деятельность Э. Гольдман развивались, пока она жила в общине, и здесь также проявился ее бунт против религиозной ортодоксии. После развода с первым мужем она не смогла жить больше в еврейском квартале: «всё еврейское население Рочестера тотчас подвергло меня остракизму» [1, с. 27]. Впоследствии Эмма Гольдман, как и многие анархисты, отвергла религию, лишь в культурном плане она сохранила свою еврейскую идентичность, но никогда не фокусировалась на ней.

Наследие Гольдман можно рассматривать в нескольких плоскостях, и в них она предстает перед нами, прежде всего, как активистка-анархистка, далее борец за права женщин и, наконец, еврейская женщина, которая осмелилась не повиноваться. Оставленные ею письменные нарративы являются не только документом эпохи, но и ценным источником для анализа деятельности такой сложной и интересной личности, как Эмма Гольдман.

Список литературы

1. *Гольдман Э.* Проживая свою жизнь // «Планета Земля». 2011 (б.и.)
2. *Weiss P.A., Kensinger L.* (eds). *Feminist interpretations of Emma Goldman* // Philadelphia: The Pennsylvania State University, 2007.

Г.А. Элиасберг

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Клара Юнг – легенда еврейской музыкальной комедии и оперетты первой половины XX в.: творческий путь актрисы в отражении мемуарных источников, театральной прессы и архивных документов

Творческий путь Клары Юнг, одной из ярких актрис мировой еврейской сцены 1900–1930-х годов, поистине уникален. Ее гастролы 1910-х – начала 1930-х годов отражают географию крупнейших еврейских центров в Европе и Америке, но особую роль в ее судьбе сыграли две страны: Россия, где она неоднократно выступала и провела последние десятилетия своей жизни, и США,

где сформировалась как актриса идишского театра. Клара Юнг сыграла в трехстах опереттах, из которых наиболее популярными были «Шестая жена», «Лейбеле-одессит», «Джейкеле-блوفر» («Лгунишка»), написанные для нее Б. Юнгицем, а также «Американка» М. Шора и И. Румшинского, «Олрайтники» А. Шомера. Ее искусством восхищались ведущие театральные деятели, еврейские писатели Менделе Мойхер-Сфорим, И.-Л. Перец, Х.-Н. Бялик, русские актеры В. Качалов, И. Москвин, О. Книппер-Чехова, М., Е.В. Потопчина, а также знаковые фигуры эпохи: А.В. Луначарский, А.И. Рыков, К. Радек и даже Г. Распутин [6].

Важнейшим источником сведений о ее театральной карьере стала книга ее мужа, режиссера и актера Б. Юнгица «Моя жизнь в театре» (1950), отражающая три десятилетия их совместного творчества вплоть до переезда К. Юнг в СССР в 1934 г. [7]. Источниками для реконструкции творческого пути актрисы служат рецензии 1900–1940-х годов, опубликованные в Нью-Йорке, Варшаве, Москве, Петрограде-Ленинграде и других городах СССР, а также мемуары артиста балета А. Динера и театрального критика О. Любомирского, содержащие сведения о последних годах жизни актрисы в Москве.

Карьера Клары Юнг началась в 1890-е годы в Америке, куда шестилетнюю девочку из Галиции привезли к родственникам после смерти отца. Ее настоящее имя – Хая-Рися Шпиколицер, и первые театральные впечатления связаны с детством в Злочеве. Вопрос о годе рождения К. Юнг остается открытым (упоминаются 1876, 1877, 1878, 1882 и 1888 г.). В Нью-Йорке Клара училась в нескольких театральных студиях, выступала в труппах З. Фейнмана, И. Золотаревского. В 1896 г. познакомилась с актером Боазом (Бернардом) Юнгицем (сценическое имя Боаз Юнг), уроженцем польского городка Новы-Двур. Он стал ее мужем и антрепренером, написал для нее несколько музыкальных комедий.

С 1910-х годов и до 1934 г. Юнг успешно выступала в Америке и Европе. В 1911 и 1912 г. состоялись ее гастролы в Варшаве, где ее искусство высоко оценил И.-Л. Перец. В 1914 г. после гастролей в Лондоне, Вене и Берлине Юнги вновь отправились в Россию. Начало Первой мировой войны застало их в Варшаве, но они приняли решение отправиться в Одессу, среди их зрителей были Менделе Мойхер-Сфорим, Д. Фришман, М. Спектор, Х.-Н. Бялик. Летом 1916 г. они добились разрешения на гастро-

ли в Москве и Петрограде, об их успехе свидетельствуют рецензии критиков и отклики в еврейской печати [1].

Февральская революция застала их в Одессе, Октябрьская – в Гомеле. В 1918–1919 гг. актеры оказались в центре злоключений военного времени [7, р. 297–313]. В 1920 г. по американскому паспорту Боаз смог добраться до Нью-Йорка, Клара вернулась в США в 1921 г.

В 1924 г. в период НЭПа они получили приглашение на гастроли в СССР и в 1925 г. приехали в Москву, чтобы сформировать труппу. Так возник театр под руководством Б. Юнгвица, были созданы хор, балет и оркестр. После спектаклей в Москве они отправились на гастроли по Украине, выступали в Баку. Для московской премьеры 1927 г., учитывая идеологические требования, Юнгвиц переработал пьесу Г. Бодера «Дэм ребенс нигун» («Мелодия ребе»), которую поставил под названием «Ша! Дер ребе форт!» («Тихо! Ребе едет!»). В комедии высмеивались наивная вера и преданность хасидов своему «ребеню», которого играла К. Юнг. Исполняя роль 15-летнего ребе, она разъезжала по сцене на роликовых коньках [5, с. 154–159].

Отношение советской критики к театру Юнгов было противоречивым, их упрекали в «потакании буржуазным и мещанским вкусам», но все признавали талант актрисы. В 1927 г. вышла брошюра «Клара Юнг» с откликами на гастроли 1925 г., приуроченная к 50-летию еврейского профессионального театра А. Гольдфадена, где была помещена статья А.В. Луначарского, в СССР она стала для Клары Юнг своеобразным оберегом [4].

В начале 1930-х годов еврейский театр в США переживал кризис, но актриса не хотела оставлять сцену и согласилась приехать в СССР. Гастроли 1934 г. были организованы Государственным объединением музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий, тогда же Юнг вступила в профсоюз работников искусства, стала ведущей актрисой Еврейского театра музыкальной комедии. В январе 1937 г. «Литературная газета» и «Moscow Daily News» сообщили о том, что актриса остается в СССР; в апреле ей был вручен советский паспорт [6, с. 137–138]. Важным событием для К.М. Юнг стали ее концерты в Москве в Колонном зале в январе 1937 г.

Подписи Клары Юнг стоят под двумя «Обращениями к мировому еврейству», принятыми на Первом (24 августа 1941 г.) и

Втором (24 мая 1942 г.) антифашистских митингах еврейской общественности в Москве [3]. В годы войны она выступала в Башкирии и в Центральной Азии. Благодаря помощи Михоэлса осталась в Ташкенте и подключилась к эстрадным бригадам. Ее концертная деятельность и сложные бытовые условия жизни отражены в монографии М.И. Вексельмана [2]. В архиве К. Юнг сохранились отзывы коллективов заводов и госпиталей, свидетельствующие о зрительской признательности [РГАЛИ. Ф. 2682. Оп. 1. Ед. хр. 61].

После войны Юнг выступала с эстрадными программами. На время ее пребывания в СССР пришлось и годы войны, и гонения позднесталинского периода, о ее переживаниях в конце жизни вспоминал Любомирский [6, с. 137]. В мемуарах Динера сохранились свидетельства о прощании с актрисой в апреле 1951 г. [5, с. 162]. Несмотря на все трудности, Кларе Марковне Юнг удалось продлить свою жизнь на сцене и дарить зрителям свое искусство в самые трагические десятилетия XX в., оставаясь связующим звеном нескольких эпох в истории еврейского театра.

Список литературы

1. *Биневич Е.М.* Еврейский театр в Петербурге. СПб.: Еврейский общинный центр, 2003. С. 99–110.
2. *Вексельман М.* Еврейские театры (на идиш) в Узбекистане: 1933–1947. Иерусалим: Филобиблон, 2005. С. 114–120.
3. Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история / отв. ред. Ш. Редлих, сост. И.А. Альтман и др. М.: Международные отношения, 1996. С. 36–39, 61–64.
4. Клара Юнг / Статьи А. В. Луначарского, Н. Д. Волкова, С. А. Марголина, М. Б. Загорского. М: Моск. театр. издательство, 1927.
5. *Элиасберг Г.А.* Клара Юнг в воспоминаниях Акивы Динера // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки, информация. РГБИ, 2018. С. 147–164.
6. *Eliasberg G.A.* Warsaw, St. Petersburg, and Moscow in the life of the Yiddish Actress Clara Young // Three Cities of Yiddish: St Petersburg, Warsaw and Moscow / Ed. G. Estraikh Cambridge: Legenda, 2017. P. 124–140.
7. *Youngvitz B.* Main lebn in teater. NY: IKUF, 1950.

Роль горско-еврейских активисток в движении по спасению «родного» языка

В 2010 г. язык горских евреев (иранский по происхождению) попал в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», составленный под эгидой ЮНЕСКО, и получил статус «угрожаемого» (*definitely endangered*). Постепенно зафиксированная на общемировом уровне кризисная тенденция стала находить отклик у общинных институций (главным образом, благодаря московскому фонду СТМЭГИ), что привело к созданию за последние годы разветвленной международной инфраструктуры по изучению, популяризации и стимулированию повышения престижности «родного» языка вне зависимости от географического местопребывания потенциальных носителей [1, с. 14]. Довольно успешно в этот процесс оказались включены (а в некоторых случаях даже актуализировали его) активистки из числа горских евреек с варьируемым профессиональным бэкграундом.

Такой расклад весьма любопытен, если учитывать, что еще на рубеже XIX–XX вв. в местах традиционного горско-еврейского расселения на «имперском» Кавказе женщин отстраняли от образовательных практик, как правило, тесно переплетавшихся не со светской, а с религиозной традицией (синагога, ешива, хедер), которая для них была табуирована и ограничивалась соблюдением предписаний иудаизма сугубо в домашней (профанной) сфере. Советский курс на коренизацию путем «культурного и языкового строительства», ликвидации безграмотности, женской эмансипации способствовал старту гендерного поворота, но в 1920-х–1930-х годах судьба языка горских евреев, унифицируемого в плане письменности и литературной нормы, находилась преимущественно в «мужских руках» [см.: 2]. Известными на тот момент пионерами языкового активизма являлись Н.-Ц.А. Анисимов (Москва), Я.М. Агарунов (пос. Красная Слобода / Баку), К.И. Гилядов (Нальчик), З.Ю. Худайнатов (Грозный) и др. Лишь в позднесоветский период начинает ощущаться определенный «слом» гендерной асимметрии в данной области за счет приобщения горско-еврейских женщин к педа-

гогической (шире – гуманитарной) специализации. Так, в 1982 г. филолог Л.Х. Давыдова защищает в Москве кандидатскую диссертацию «Язык татов Северного Кавказа», которая находится на хранении в Российской государственной библиотеке и до сих пор не опубликована [8, с. 234]. На современном этапе, особенно в первое десятилетие 2000-х годов вышли в свет целые словарные издания, составленные исследовательницами-горскими еврейками [3; 10], хотя словари и учебные пособия авторства их коллег-мужчин, по-прежнему, численно доминируют.

Экстренная ситуация, вызванная возможностью утраты в будущем «родного» языка и соответствующими поисками комплексного решения проблемы, мотивировала рост женского лидерства в рамках спасительного движения. Среди таких знаковых фигур отдельного внимания заслуживают истории трех героинь – Е.М. Назаровой, Ф.Б. Юсуфовой и И.Х. Михайловой. Евгения Моисеевна Назарова (1957 г.р., Махачкала; ныне проживает в Москве) – квалифицированный лингвист, филолог-иранист, окончившая Дагестанский государственный университет и аспирантуру Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (диссертация «Структурно-типологическая характеристика атрибутивного комплекса в еврейско-татском языке» была готова еще в 1986 г., но так и не защищена). Евгению Моисеевну по праву можно назвать идеологическим вдохновителем движения, сочетающим общинную и академическую деятельность: после многолетнего перерыва она публикует свои научные статьи-«манифесты» [7; 8], в которых не просто излагает детальный историографический обзор по изучению языка и его социолингвистическую специфику, но и формулирует идею «родного» языка как символа и защиты группового единства, смерть которого может повлечь за собой культурную гибель самого сообщества. Еще одним направлением борьбы активистка считает преодоление последствий болезненной «татизации» через официальную смену в российской повестке некорректного лингвонима «татский» на единственно верный термин «джуурй», соответствующий самосознанию горских евреев. Сотрудничество с Институтом языкознания РАН и Российским государственным университетом им. А.Н. Косыгина позволили Е.М. Назаровой при поддержке общинных лидеров реализовать локальные исследовательские и образовательные

проекты. В частности, на базе последнего под ее руководством в 2021 г. была открыта магистерская программа «Язык и культура еврейских диаспор» с акцентом на горско-еврейский кейс.

Не менее яркой активисткой можно назвать Фриду Борисовну Юсуфову (дев. Евдаева, 1949 г.р., родилась в Грозном, в детстве с семьей переехала в Баку, где прожила вплоть до репатриации в Израиль в 1990 г.). Будучи инженером по профессии, Фрида Борисовна долгие годы возглавляет «Всемирный конгресс горско-еврейских женщин», пополняет и экспонирует личную этнографическую коллекцию, репрезентирующую материальную культуру горских евреев, занимается творчеством – пишет стихи и прозу на русском и «родном» языках, рисует картины, увлекается прикладным искусством. В 2009 г. она выпускает толковый словарь, в котором приведены трактовки собранных ею горско-еврейских лексем и их эквиваленты на иврите [10]. Спустя ровно десять лет, осенью 2019 г. совместно со сподвижниками ей удается запустить чат *Zuhin dedei* (букв. «материнский язык») в мессенджере WhatsApp, предназначенный для коллективного обучения и сохранения языка предков заинтересованными энтузиастами. Объединяя на расстоянии горских евреев из разных стран, чат не просто существует по сей день как коммуникативный инструмент, но и позволяет конвертировать многолетние онлайн-штудии его участников в оффлайн-достижения – переводную литературу, детские книги, сборники рассказов и т.д. Отметим, что во время пандемии активистки чата проводили открытые тематические уроки на Zoom-платформе [9].

Уроженка Дербента Ирина Хаимовна Михайлова (дев. Рабаева, 1963 г.р.) наряду с врачебной практикой занимается исследованиями горско-еврейского фольклора и генеалогии, восстанавливает историю еврейской части города, составляет обширные поименные перечни ветеранов военных событий [4; 5; 6]. По ее инициативе в пространстве большой дербентской синагоги обустроен и функционирует этнографический/краеведческий музей; также она привлекается к общинным мероприятиям как один из знатоков языка (консультация молодых исследователей, редактирование учебной литературы, ведение языковых марафонов/фестивалей). Вместе с супругом Ирина Хаимовна выпускает двуязычную (на «родном» и русском языках) газету «Ватан»

(«Родина», gazetavatan.ru), которая позиционируется как преемница главного советского печатного органа горских евреев – газеты «Захметкеш» («Труженик»).

Помимо рассмотренных частных сюжетов, возрастающая роль активисток в масштабном движении по спасению «родного» языка наблюдается и при формировании педагогических коллективов в общинных подразделениях. Более того, за три года набора в упомянутую выше магистратуру, ориентированную на подготовку дипломированных специалистов с целью благоустройства языкового сегмента, в числе магистрантов явно преобладают студенты-женщины. По сравнению с описанной обстановкой век тому назад, присутствие горских евреек в деле сохранения и спасения «своего» особого вернакуляра заметно укрепляется и расширяется, т.е. его судьба плавно переходит из «мужских рук в женские».

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-00106 «Западнокавказский культурный ареал горских евреев: история, идентичности, общинные структуры», организация финансирования – Южный федеральный университет.

Список литературы

1. Агабабян А.Г. #Savejuhugi: актуализация дискурса о «спасении» языка горских евреев // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии / сост.-ред. С.Х. Анчек. Майкоп: Магарин О.Г., 2020. С. 12–17.

2. Агарунов М.Я. Культура и письменность горских евреев в первые два послереволюционные десятилетия // История и культура горских евреев / науч. ред. Е.М. Назарова, И.Г. Семенов. М.: ГБПринт, 2018. С. 208–227.

3. Изгияева Э.Б. Татский язык горских евреев Кавказа. Татско-русский и русско-татский словари. Махачкала: Юпитер, 2005.

4. Михайлова И.Х. Горские евреи в Великой Отечественной войне. М., 2015.

5. Михайлова И.Х. О чем молчат дома: сведения о некоторых еврейских домах Дербента и их владельцах. М., 2017.

6. *Михайлова И.Х.* Фольклор горских евреев. Израиль: Sholumi, 2019.

7. *Назарова Е.М.* Терминологическая ситуация с названием языка горских евреев // *Judaic-Slavic Journal*. 2020. № 2 (4). С. 60–85.

8. *Назарова Е.М.* Язык горских евреев в сравнительно-исторической перспективе // *История и культура горских евреев* / науч. ред. Е.М. Назарова, И.Г. Семенов. М.: ГБПринт, 2018. С. 228–248.

9. Полевой дневник автора. Наблюдения за открытыми Zoom-уроками участников чата Zuhun dedei (март 2021 г.).

10. *Юсуфова Ф.Б.* Золотые россыпи. Язык горских евреев, созвучный с языком иврит. Толковый словарь. Хайфа, Кирьят-Бялик: МАК, 2009.

Ю.Д. Будман

Москва, Российский государственный университет им.

А.Н. Косыгина, Москва

Ю.А. Маккаеева

Москва, Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Техила Хакими: писатель, поэт, инженер

Современное израильское общество состоит в основном из потомков репатриантов. У каждой общины и каждой семьи есть своя история, касающаяся не только страны исхода, но и жизни в Израиле, а это зачастую травматичный опыт, особенно у восточных евреев: они рассчитывали стать полноправными членами общества, но сталкивались с социальной несправедливостью и даже расизмом. Не менее травматично и то, что дети, говорящие на иврите, не понимали язык бабушек и дедушек, что породило разрыв между поколениями [1].

Если в середине XX в. о проблемах мизрахим было не принято говорить в СМИ, то XXI в. принес свободу самовыражения для всех израильтян. Стали популярными такие тенденции, как самоидентичность, фиксация исторической памяти, язык и традиции предков. Особенно ярко темы, связанные с семьей, звучат в творчестве авторов-женщин, к опыту которых добавляется еще и дискриминация по гендерному признаку.

Техила Хакими – литератор восточного происхождения, родившаяся в 1982 г. в Тель-Авиве. Ее бабушки репатриировались в 1950-х годах, одна из Ирана, другая – из Марокко [12]. Дома они говорили на фарси и марокканском арабском. Родители Техилы учились в школе для одаренных детей, что позволило им поступить в университет и улучшить свой социальный статус [5].

Итак, в семье считалось важным иметь профессию, которой можно заработать на жизнь. Поэтому, хотя Техила хотела изучать литературу и историю, она по совету родителей выбрала более стабильную профессию инженера-механика [5]. Однако позднее Техила занялась и литературой, и теперь на личном сайте она презентует себя так: «Техила Хакими. Писатель, поэт, инженер» [9].

Первые публикации стихов Техилы Хакими связаны с деятельностью группы «Арс поэтика», созданной в 2013 г. поэтесой-мизрахит Ади Кейссар. Поэты-мизрахим стали выступать и издаваться вместе; среди них была и Техила [3]. Однако она оставалась самостоятельной творческой личностью, которой было о чем писать за рамками коллективных сборников. Начиная с 2014 г. Техила опубликовала несколько книг: сборник стихов «Завтра мы будем работать» (מחר נעבוד, 2014), графическую новеллу «В воде» (במים, 2016), а также прозаические произведения, самое известное из которых – «Компания» (חברה, 2018). Техила получила несколько престижных наград: Премию от министерства культуры Израиля – как начинающий поэт (2015), литературную Премию Бернштейна (2015), Премию премьер-министра за произведения на иврите (2018), а также стала участником писательской программы Университета Айовы [10].

По словам Техилы, для нее поэзия стала приглашением в писательство: именно поэзия «дает возможность понять, где ты и на чем стоишь» [4; 8]. Техила говорит, что живет в интересное время, в стране, где разные проблемы дают много тем для дискуссий: это «плохое время для жизни, но хорошее для писательства» [11].

Стихи Техилы, как и стихи Ади Кейссар, повествуют не только об этнической, но и о социальной самоидентичности, о требованиях, которые предъявляет женщинам современное общество. Например, в стихотворении «רוצים אותך אישה» (2014), название которого можно перевести как «Они хотят, чтобы ты была женщи-

ной», Техила перечисляет: ты должна быть тихой, ты должна быть замужем, ведь так удобнее государству, и в то же время ты должна быть успешной на работе и т.д., и в конце концов «они» убивают тебя: женщина, лежащая в земле, молчит [7].

В прозаической книге «Компания» Техила описывает свой опыт женщины-мизрахит, работающей в сфере, где большинство сотрудников – мужчины-ашкеназы. Название содержит игру слов: на иврите חברה – это и компания, и общество в целом. Замысел родился у Техилы под впечатлением от книг и фильмов, в которых с героем происходят разные события, но непонятно, где он работает и на что живет. Она решила сменить парадигму: писать только о работе и не показывать персонажей в их частной жизни.

В целом, по мнению Техилы, работа в компании создана для мужчин, и женщина там – изначально чужеродный элемент, объект для манипуляций и притеснений; именно работающую женщину интереснее описать, хотя бы потому, что у женщины «другой внутренний цикл». О себе она говорит, что долго не мечтала о любви, потому что работа истощает и не остается желания с кем-то знакомиться [5].

Вторая часть «Компании» посвящена труду уборщиц из числа новых репатриантов, оказавшихся в зависимом, почти рабском положении. Грязь, гниль, мусор – это метафора гниения общества в целом, и ясно, что усилий эмигрантов недостаточно, чтобы с этим справиться [2].

Также Техила с сестрой Эфрат организовали выставку «Looking for a village», посвященную родной деревне их бабушки в Марокко, в настоящее время разрушенной [6]. Фотографии для выставки были предоставлены израильскими архивами, т.к. в семье Хакими ничего не сохранилось. Это событие – часть восстановления общей истории мизрахим, фиксация исторической памяти, ранее замалчиваемой.

Список литературы

1. Левин З. Мизрахим: неашкеназские еврейские общины в Израиле № 1 // YouTube 01.04.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S146oSaw8ig&t=2299s> (дата обращения: 27.04.2024).

2. *Amit N.* Isha bikhluv zahav [иврит] // Politically corret 21.12.2018. URL: <https://politicallycorret.co.il/companytehila-hakimi/> (дата обращения: 27.04.2024).
3. *Ars Poetica 30 – Tehila Hakimi* // ArsPoetica. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h9G3lkG9EAY> (дата обращения: 23.04.2024)
4. *Conversación con Tehila Hakimi* // YouTube: Museo Malba 20.07.2022. URL: <https://youtu.be/mDiq52qfSfU?si=1vCeT3uKQTrp8wbei> (дата обращения: 27.04.2024).
5. *Elia A.* «Bahura atsmá'it, im miktso'a gavri, shemarviha kesef – ze meayem» [иврит] // Ynet 15.12.18. URL: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5424735,00.html> (дата обращения: 27.05.2024).
6. *Hakimi E.* Looking for a village // Efrat Hakimi personal site. URL: <https://efrathakimi.com/Looking-for-a-Village> (дата обращения: 27.04.2024).
7. *Hakimi T.* Rotsim otah isha [иврит] // Tehila Hakimi: poet/writer/engineer (personal site) 06.02.2017. URL: <https://tehila-hakimi.wordpress.com/2017/02/06/%d7%a8%d7%95%d7%a6%d7%99%d7%9d-%d7%90%d7%95%d7%aa%d7%9a-%d7%90%d7%99%d7%a9%d7%94/> (дата обращения: 27.04.2024).
8. *Hakimi T.* The Fulbright Experience // YouTube: Fulbright Israel 01.02.2019. URL: <https://youtu.be/VtGgJATM8So?si=3Fei8uAnkRhJGIih> (дата обращения: 27.04.2024).
9. *Tehila Hakimi: poet/writer/engineer (personal site)* 08.02.2017. URL: <https://tehilahakimi.wordpress.com/> (дата обращения: 27.04.2024).
10. *The International Writing Program: Hakimi, Tehila* // The University of Iowa. URL: <https://iwp.uiowa.edu/writers/hakimi-tehila> (дата обращения: 25.04.2024)
11. *On the Map 2018: Tehila Hakimi (Israel)* // YouTube: International Writing Program 21.02.2019. URL: <https://youtu.be/qcMZ2Xq7On8?si=09fUcNf9UXTJ3LTE> (дата обращения: 27.04.2024).
12. *5Q Interview: Tehila Hakimi, 2018 IWP Resident* // IOWA The Writing University. URL: <https://writinguniversity.org/news-archive/2018/09/5q-interview-tehila-hakimi-2018-iwp-resident> (дата обращения: 27.04.2024).

*Ю.Н. Кондракова,
Москва, Российский государственный
университет им. А.Н. Косыгина
Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова
Москва, Московский городской педагогический
университет*

Женщина-Мессия в сакральных иудейских текстах и в романе Дины Рубиной «Вот идет Мессия»

В современной мировой литературе мессианская проблематика, связанная одновременно с цивилизационной историософией и с пророчествами о возможном будущем, очень актуальна и часто связана с этнокультурной мифосемантикой со значением «богопосланник» или «спаситель».

Нарративная семантика «мессианских» художественных текстов референциально выводит в философский контекст религиозных систем, соотносимых с идеей прихода Мессии в человеческий мир. Принято считать, что это авраамический религиозный код, наиболее системно и концептуально проявленный в иудаизме, христианстве и исламе. Сакральную семантику мессианских авторских концепций, одновременно конгениальных и не коррелирующих с древнерелигиозными смыслами можно обнаружить в референциальном контексте художественных произведений. Так, на наш взгляд, ближе к концу XX в. в творчестве Дины Рубиной предпринята сложнейшая попытка выстроить полемически-неканоническую мессианскую концепцию, но все-таки на основе интерпретации сакральных еврейских текстов. И важнейший вопрос «Кто тот Мессия, что уже идет?» решается писателем в особом «карнавальном» хронотопе (в бахтинском прочтении).

У Бога нет гендерной атрибуции: мужчина это или женщина – сказать невозможно [4, с. 12–13]. Тем не менее испокон веков к Богу обращаются как к существу мужского пола, редко – женского. Мессианский образ в прозе Рубиной нетипичен не только в силу отсутствия метафизичности, но и потому что связан с той линией провиденции о грядущем Мессии, которая пророчит именно приход Спасителя-женщины. На самом деле таких предсказаний в истории мирового мессианства много. Нострадамус предрекал второе пришествие Пророчицы (Великая Двубраз-

ная (Двулика) Дама); Иоанн Иерусалимский ждет Мессию-женщину – Мать этого тысячелетия; о Великой Пророчице вещает Раньё Неро и т.д. Интересной представляется концепция мессианства Рене Генона. В главе «Грядущий Мессия» [3, с. 221–228] он утверждает исключительную мессианскую роль Теософского общества, манифестатором которого была Елена Блаватская. В книге также подчеркнута важнейшая провиденциальная миссия таких женщин, как г-жа Безант, Герцогиня де Помар и др. И уже в XXI в. появляется информация о том, что один из известнейших раввинов-каббалистов Израиля Раввин Ицхак Кадури пророчествовал, что Мессия – будет Женщиной.

Мессианская тема в двух романах Дины Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра» и «Вот идет Мессия!» развернута в системе женских персонажей и выстроена на основе карнавального архетипа. В обоих текстах травестированы сакральные персонажи иудейской мифологии – Шехина и Машиах. Присутствие Бога, или Божий промысл, в иудейской традиции именуется женским именем Шехина, за ним закреплен любящий, веселый, материнский, с одной стороны, и страдающий, оплакивающий «функционал», с другой [4, с. 17]. Рафаэль Патай сообщает, что по сей день в синагогах в пятницу вечером Шехину приветствуют словами «Приди, невеста!» [4, с. 18]. Шехина приходит: к больным и нуждающимся в утешении [4, с. 101], хвалит, хулит и прощает [4, с. 107] – так подтверждается мысль о возможном женском начале Бога [4, с. 135]. Шехине присущи кровожадность, распутство и материнская забота, целомудрие, она может любить и тут же ненавидеть, с ее ведома умножаются стада и богатства, она помогает зачатию, обеспечивает легкие роды и молоко кормящей женщине – неспроста каббалисты считают Шехину богиней [4, с. 142–145].

В романе «Вот идет Мессия!», написанном в период эмиграции в Израиль и изданном в 1996 г., Рубина пророчествует о грядущем через призму переоценки имагологического настоящего женщины, живущей ожиданием прихода Спасителя. Роман о жизни эмигрантов из России в современном Израиле словно собирает в единую судьбу множество «личных мифов» людей, ощущающих себя всегда иными/другими – и на чужой земле, и на родной. Но иные не всегда чужие. Преодолевая в себе синдром «расщепленного сознания», герои романа пытаются обре-

сти надежду, метафорическую сакральную «землю обетованную» как условие гармонии внутреннего и внешнего счастья. Рубина показывает, как вернувшиеся на свою землю постепенно обретают мессианское спасение в настоящем.

В романе показана израильская повседневность с ее бесконечным ожиданием Мессии и чередой прихода лжемессий (см.: [6, с. 82–90]). Все готовы – ежедневно – встретить Мессию. От лжемессий в израильской повседневности нет отбоя. По словам Г.Т. Гариповой, «Невозможность предвидения прихода Спасителя ложится в основу антиутопического предчувствия-пророчества конца мира и “домысливания” гипотетического образа Мессии» [1, с. 61].

Одна из героинь этого «мессианского» карнавала – Ангел-Рая, семантика ее имени подчеркнута дабл-приемом. Ее «функционал» в сюжете – сродни Таисье: «Жар-Птица, семикрылый серафим, являющийся на всех, без исключения, перепутьях, перед всеми, без исключения, томимыми жаждой...» [5, с. 66], с улыбкой «радиоактивного свойства» [5, с. 67]. Ее называли гениальным режиссером, способным устраивать грандиозные шоу на фоне Иудейской пустыни, и тогда, согласно пророчествам, «растут горы, выйдут потоки из Иерусалима, и соберутся в долине Иосафата все народы Земли...» [5, с. 87].

Внезапно Ангел-Рая умерла, а затем воскресла – с одной стороны, она метаморфизировалась по законам карнавализации, работающим в поэтике романа, с другой стороны, по законам «промежуточных обрядов», исследованных А. ван Геннепом. И с третьей стороны, воскресение случилось по высшим законам.

Как утверждает Арнольд ван Геннеп, «обряды перехода встречаются... в обрядах воскрешения и перевоплощения. Действительно, если душа была отделена от живых и приобщена к миру мертвых, она может затем перемещаться в обратном направлении и появиться среди нас либо сама по себе, либо по принуждению. Механизм этого очень простой: достаточно, чтобы душа поместилась в *женщину* и вновь появилась в образе новорожденного ребенка» [2, с. 147] (курсив наш. – *Авт.*).

Таким образом, Д. Рубина, создав повседневный круг образов, претендующих на мессианство, и череду «Мессий», а также лик «Бога», отдает предпочтение женским образам, что соответствует каббалистической «божественной женственности иудаизма».

Список литературы

1. *Гарипова Г.Т.* Концепция мессианства и божественного языка в русской литературе XX века (каббалистическая семиотика) // Иудаика в системе современного образования: Сборник материалов Международной научной конференции. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2021. С. 53–70.
2. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской; послесл. Ю.В. Ивановой. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
3. *Генон Р.* Восточная метафизика. М.: Академический проект, 2023. 341 с.
4. *Патай Р.* Иудейская богиня / Пер. с англ. Л.И. Володарской. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 368 с.
5. *Рубина Д.И.* Вот идет Мессия!: Роман, эссе. СПб.: Ретро, 2001. 429 с.
6. *Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешифдинов Ш.Р.* Транскультурная литература XXI века. М.: Юрайт, 2024. 235 с.

С.Н. Амосова

*Москва, Институт славяноведения РАН /
Еврейский музей и центр толерантности*

Е.С. Фоменко

Москва, Еврейский музей и центр толерантности

Женские устные биографические нарративы как примеры репрезентации горских евреек

Наши материалы были записаны в Пятигорске во время экспедиций 2022–2023 гг. Мы записали более 30 биографических интервью с женщинами от 1940-х до 1990-х годов рождения. Сами экспедиции направлены на комплексное исследование современного состояния местной общины горских евреев, однако в какой-то момент нам стало ясно, что женские устные нарративы представляют особый исследовательский интерес: с одной стороны, они демонстрируют трансформирующее влияние социально-экономических потрясений и активных миграционных процессов на социальные роли представительниц традиционных сообществ и их представления о себе, с другой, именно в устной беседе, а не в письменном тексте, эти изменения легче идентифицировать.

Пытаясь определить рамки для описания самопрезентации женщин в устных рассказах (неструктурированные или полуструктурированные интервью), мы обратились к моделям, которые выделяют исследователи письменных источников – автобиографических текстов и мемуаров. Здесь основным методологическим подспорьем оказалась книга Лорны Мартенс [2], где автор в числе прочего делает подробный обзор исследований, посвященных анализу женского автобиографического письма, и отмечает выделяемые различными исследователями модели и особенности того, как женщины из различных эпох, социальных слоев и стран писали о себе, что считали важным, что незначительным, на чем делали акцент, а о чем умалчивали.

Ряд этих моментов мы сочли полезными и для описания устных нарративов – с поправкой на индивидуальные черты информанток, культурные особенности общины горских евреев Пятигорска и условий ее формирования. Далекое не все факторы, выделяемые для предназначенных для публикации письменных текстов применимы для описания интервью, а некоторые взаимосвязи (например, взаимосвязь агентности рассказчицы с ее социальным статусом и уровнем образования) не подтверждаются или подтверждаются лишь частично.

На данный момент, анализируя полученный материал, мы выделили две основные модели нарративов, характерные для наших информанток:

- Женщина предпочитает рассказывать «важную» историю – историю своей семьи, общины, региона, традиции, религиозные сюжеты – практически полностью исключая из нее себя, собственную агентность, жизнь, мнения, мысли и впечатления. В таких интервью рассказчица чаще использует местоимения «мы» или даже «они», тем самым подчеркивая высокую значимость общественной истории по сравнению с ее личной.
- Рассказ сильно ориентирован на субъектность рассказчицы: она рассказывает о себе, своей семье (но обязательно с указанием своего места в ней), личном опыте, идеях, переживаниях и стратегиях. В таких случаях, как правило, преобладает местоимение «я», позиция и действия информантки выходят на первый план, а события преподносятся не в виде выученного знания, а от лица их свидетельницы и зачастую активной участницы.

Стоит отметить, что в первом случае интервьюерам значительно чаще приходилось поощрять рассказчицу, задавать направление беседы. Нередко даже на прямые вопросы об их собственном опыте информантки отвечали уклончиво и стремились перевести беседу на что-то, с их точки зрения, более значительное, важное и интересное. Данные стратегии зачастую не зависят от образования и даже социального статуса женщины.

Первая модель:

[24.05.2023 г.. Инф.: 1 – за 60, 2 – за 40 лет]

Инф. 1: Мы жили у нас был двор – все двоюродные все. У нас в семье был культ детей. Я брату говорила взрослая: мне всегда казалось, что меня любят больше всех. А он: а мне тоже так казалось.

Инф. 2: Мы с братом маленькие спорили, кто продержится неделю без сладкого – только сахар можно было. Сейчас все продается на Пасху, а у нас тогда дома не было хлеба, кусковой сахар. И это шло с детства. Мама прививала. Мы стараемся детям прививать. Основные заповеди, родители обязаны исполнить для мальчика: обрезание, бармицва, хупа [1].

Эти информантки – представительницы разных поколений, у обеих среднее медицинское образование. С удовольствием рассказывают «правильную» семейную историю о предках-равнинах и преемственности поколений. Несколько настороженно, видимо, опасаясь, что скажут «что-то не то», описывают традиции и обычаи. Про себя рассказывают довольно неохотно за исключением описания мистических переживаний после встречи с религиозными лидерами. События из жизни семьи объясняют не собственными решениями или интересами, а стечением обстоятельств.

Вторая модель:

[23.08.2022. Инф.: 1959 г.р.]

Ну, уехали из Дагестана, как-то было, мы уехали как-то муж по работе. Мы в начале переехали в Нефтегорский район, а потом не захотели возвращаться в Дагестан, и мы переехали сюда и когда открывалась школа, я с Сережей была и был представитель Мидраш Сфаради [нрзб.]. Он как-то за меня зацепился, давай, я тебя прошу, переезжай. < . . > И сразу меня назначил завучем, а через два года директором [1].

Эта информантка – яркий пример агентной рассказчицы. Ее биография рисует нам классический портрет женщины с успешной карьерой. Она уверенно и с удовольствием рассказывает о себе, ставит себя в центр истории – и при рассказе про карьеру, и при рассказе про семью. Что показательно, местоимение «я» она использует заметно чаще, чем «мы».

Так, каждое женское интервью – это не просто рассказ о женской повседневности и биографии. Родившиеся и выросшие в различных регионах Северного Кавказа, наши героини, каждая по-своему, демонстрируют, как роль женщины в условиях сложных социально-экономических процессов, даже в достаточно традиционной горско-еврейской среде, активно выходит за пределы определяемой ей сообществом сферы домашнего пространства. Оставаясь без мужей и старших родственников-мужчин в силу различных жизненных обстоятельств, а иной раз и сохраняя за собой традиционные роли жены и хозяйки, эти женщины получают образование, делают карьеры, занимают руководящие посты и нередко оказываются в роли главы семьи. Важно при этом, что каждая из наших собеседниц не противопоставляет себя традиции, а напротив, подчеркивает свою принадлежность к своей общине и приверженность к обычаям горских евреев. Таким образом, наши героини собственным примером подтверждают гипотезу, выдвинутую Светланой Адоньевой и Лорой Олсон [3], о том, что формирование новой женской субъективности и собственного «я» не обязательно протекает в оппозиции к традиции: «принимая, адаптируя или отвергая традиционные практики и нарративы, мы принимаем на себя определенные социальные роли и создаем собственные биографии».

Список литературы

1. Медиаархив Еврейского музея и центра толерантности.
2. *Martens L. As Told By Herself: Women's Childhood Autobiography, 1845–1969. University of Wisconsin Press, 2022.*
3. *Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. Новое литературное обозрение, 2021.*

Бухарские еврейки Нью-Йорка (просветительская роль женщин в процессе адаптации мигрантов)

Бухарскоеврейская община в Нью-Йорке состоит в основном из мигрантов, покинувших республики Средней Азии в 1970-х–1990-х и в 2000-х годах. В Нью-Йорке бухарские евреи осели в соседствующих друг с другом районах боро Куинс. Кроме Нью-Йорка, довольно многочисленные их общины проживают в штатах Флорида и Аризона. Отчасти такая специфика расселения связана с тем, что организация (UN International Organization for Migrations), занимавшаяся переселением бухарских евреев в 1990–2000-е годы, и местные НПО, помогавшие иммигрантам на начальных этапах жизни в новой стране, способствовали тому, чтобы большинство иммигрантов оказались в двух-трех штатах и в сравнительной близости друг от друга.

За годы жизни в США бухарские евреи в общем включились в общественную жизнь, но большое внимание члены общин уделяют развитию общины и сохранению традиционного образа жизни. Большинство членов нью-йоркской бухарскоеврейской общины придерживаются сефардских религиозных традиций и достаточно консервативных вкусов, совмещающих в себе как обычаи, привезенные из Узбекистана, так и заимствованные в Израиле и даже у ашкеназских евреев Бруклина. К примеру, религиозные женщины, которые после замужества покрывают голову, лишь изредка используют платки (как это делали в Узбекистане). В основном они носят специальные головные уборы (по примеру многих религиозных израильтянок), иногда – обычные шапки и шляпы, и часто – шейтль (парик), как делают ультраортодоксальные хасидки.

Ранее при изучении бухарских евреев уделялось внимание адаптационным процессам [1]. Но уже тогда было важно выделить роль женщин в новых условиях, способы и стратегии их выживания. Из опыта известно, что чаще всего мы узнаем об этом из мужских уст. Однако зачастую именно женщины выполняют важную роль в адаптации к новым условиям. На их плечи ложатся бытовые дела (установка отношений с соседями, обустройство дома

и повседневного быта), и поддержание привычного уклада жизни, передача навыков и традиций молодому поколению [2].

Как же складывалась жизнь еврейской женщины в новых условиях? Принято считать, что долг еврейской женщины – в том, чтобы прежде всего быть хорошей женой, заботливой матерью и соблюдать все религиозные предписания. Но современные вызовы не способствуют замыканию женщины только в пределах дома и семьи. Переехав в США, молодое поколение быстрее, чем родители, осваивало английский. Учеба в школах, а затем в колледжах способствовала этому. Получив образование, наши информанты работают бухгалтерами, врачами, некоторые имеют спа-салоны и детские сады. Многие участвуют в общественных делах, занимаются благотворительностью.

Важную роль женщины играют в религиозной жизни общины. Мириам Якубова, мать раввина синагоги Ор-Натан в Куинсе, не просто помогает проводить религиозные праздники или обряды, но под ее руководством уже 28 лет выходит русскоязычный журнал «Дружба» [3]. Эта женщина позиционирует себя как хранительница традиций и обрядов бухарских евреев. Журнал печатает не только новости общины, рецепты традиционных блюд, но и выдержки из Торы, а также советы как правильно соблюдать различные предписания и обряды.

Главный редактор другого журнала – «Женский мир» [4] врач Зоя Максумова является президентом женской организации «Эстер-а-Малка» при Конгрессе бухарских евреев США и Канады. Получив диплом медика в 1971 г. и докторскую степень в 1979 г., она активно занимается медициной, пишет научные статьи, публикуясь в США и странах бывшего СССР. Помимо медицинской практики, Максумова оказывает помощь женщинам и иного рода, в своем офисе на Юнион-Сквер (Манхэттен). Именно для этого она создала, первый в США ежемесячный журнал для русскоязычных женщин (издается с 1999 г.). Журнал проводит ежегодный конкурс «Женщина года». Специально избранное жюри номинирует кандидатов еврейского происхождения, отличившихся в различных сферах. Так на обложке «Женского мира» за 2012 г. красовалась очередная победительница конкурса – учительница из Калифорнии Нина Гулькарова. Организация и журнал, демонстрируя все многообразие интересов женщин общины, способствуют развитию еврейской культуры и образования.

Еще один яркий и талантливый человек – Малика (Мазол Яшуваевна) Калантарова, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии Таджикской ССР им. Рудаки. С детства она занималась в детской студии т.н. еврейского театра им. Маяковского при Доме культуры. В 1965 г. Малику приняли в танцевальный ансамбль, несмотря на юный возраст. Вместе с ансамблем Калантарова объездила весь Советский Союз. Первые зарубежные гастроли проходили в Бельгии, где публика очень тепло ее приняла. Позже ее искусству аплодировали на сценах Японии, Афганистана, Испании, Турции, Индии. А танец «Шодиён» попросил поставить М. Калантарову в 1979 г. директор Государственного ансамбля песни и пляски СССР, известный советский хореограф Игорь Моисеев, который считал, что она «сделала революцию в восточном народном танце». Впоследствии артистка стала постановщиком всех восточных номеров труппы Моисеева. С танцем «Горянки Таджикистана» ансамбль объездил много стран мира.

После переезда в Нью-Йорк в 1993 г. Малика осуществила свою многолетнюю мечту, открыв школу восточного танца. Это было не просто, но семья ее поддерживала. И несмотря на то, что США ей пришлось испытать много сложностей, сегодня школа “Malika Dance School” успешно функционирует. В школе обучают народным таджикским, бухарскоеврейским, узбекским, индийским танцам, практикуют латиноамериканские танцы [5].

Основатели Книжного клуба бухарскоеврейских женщин Илана Юабова и Ирина Аронова, создавая свою общественную организацию, преследовали другую важную цель – женское самообразование. В клубе собираются женщины разных профессий, где они делятся своими навыками и умением. Обсуждая книги (на одной из встреч обсуждалась книга Франсин Клагсбурн «Львица Голда Меир и народ Израиля»), высказывая свое видение различных вопросов, проводя мастер классы, эти женщины доказывают, что они на многое способны и талантливы. И как процитировала слова Голды Мейер основательница книжного клуба: «Я не могу сказать, лучше ли женщины мужчин, но могу сказать, что они точно не хуже» [6].

Женщинам бухарских евреев Нью-Йорка принадлежит решающая роль в сохранении и передаче культурных традиций их группы.

Список литературы

1. *Емельяненко Т.* Бухарские евреи Нью-Йорка: особенности адаптации // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 41–60.
2. *Кузнецова Р.Ш., Кузнецова Н.И.* Между «русским миром» и Израилем: этнокультурное развитие нью-йоркских бухарских евреев // Израиль в борьбе: грани противоречий в политике, экономике, обществе / науч. ред. Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2023. С. 89–110.
3. <https://fliphtml5.com/cjds/bslz/basic>.
4. Официальный сайт журнала «Женский мир». <https://ladiesw.org/>
5. <https://www.asiaplustj.info/ru/news/life/person/20230902/kak-malika-kalantarova-pokorila-mir>.
6. Юабова Б. Книжный клуб ВJW: женщины, которые вдохновляют. URL: <https://ladiesw.org/knizhnyy-klub-bjw-zhenshchiny-kotorye-vdohnovyayu.html>.

Е.Э. Носенко-Штейн

Москва, Институт востоковедения РАН

М.М. Рожанская: наследие, идентичность, память

На протяжении многовековой истории евреев женщины оставляли в ней значительный след. Они были пророчицами, воительницами и правительницами, писательницами и философами, актрисами, художницами и др. Они также вносили и вносят значительный вклад в науку. Среди них была Мириам Михайловна Рожанская (1928–2014), кандидат физико-математических наук и доктор исторических наук, известный специалист по истории науки, автор более 150 научных работ, в том числе семи монографий [1; 5]. Ее научной деятельности посвящены пока еще немногочисленные работы [2; 4], сама она тоже написала краткие воспоминания о своей научной деятельности [6].

В докладе рассматривается ранний этап жизни М.М. Рожанской: ее детство и юность, поскольку именно события этого периода оказали огромное воздействие на формирование ее самоидентификации как еврейки, а затем на ее научную деятель-

ность. Это события начала Великой Отечественной войны и Холокоста, а также антисемитские кампании позднесталинской эпохи и научный интерес к Востоку. Об этих событиях М.М. Рожанская рассказала мне в своем интервью в 2010 г. [7], и память о них эта удивительная женщина сохраняла всю жизнь.

Родители М.М. Рожанской происходили из еврейского местечка в Литве, впоследствии этот городок стал называться Купишкис. Оба были из бедных и больших традиционных семей, им помогали более богатые родственники из Ковно, благодаря которым мать Мириам окончила в этом городе русскую гимназию, а потом поступила в Киеве в педагогический институт, который не окончила, т.к. надо было помогать младшим братьям и сестрам. После 1918 г. Часть семьи оказалась в СССР, часть в Литве. В семье отца все получили высшее образование, о чем, в том числе об их удивительных судьбах и знакомстве своих родителей информантка подробно рассказывала мне [7].

Мириам родилась и выросла уже в достаточно аккультурированной и безрелигиозной еврейской московской семье, в которой сохранялись остаточные элементы еврейской традиционной культуры (музыка, кухня). Антисемитских проявлений, по ее словам, до начала войны она не ощущала.

В начале лета 1941 г. Мириам с матерью поехали в присоединенную к СССР Литву, чтобы повидаться с ее родственниками. 20 июня мать Мириам уехала в Москву, а дочь оставила у родных на каникулы. После начала войны большинство евреев, проживавших в этом городке, решили не уезжать, разделяя распространенное тогда представление о немцах как о «культурной нации» и помня, что во время Первой мировой войны они евреев не трогали [3]. Но 12-летняя Мириам понимала, что надо уходить, и она ушла вместе с русской молодой женщиной (Клавдией Зайцевой) – женой офицера Красной Армии и ее трехлетним ребенком. Терпя всевозможные лишения, они больше месяца добирались до Москвы, где у обеих были родители, уже считавшие дочерей погибшими. А в Купиштисе были уничтожены почти все евреи, кроме успевших тем или иным образом скрыться. Об этом и пособничестве части местных жителей в нацистском геноциде Мириам и ее мать узнали позднее, и эти страшные события оказали огромное воздействие на ее еврейскую самоидентификацию.

Впоследствии Мириам окончила исторический факультет МГУ, блестяще сдала экзамены в аспирантуру Института этнографии АН СССР, но ее туда не взяли из-за начавшейся антисемитской кампании. В 1951 г. Мириам вышла замуж за В.Н. Рожанского (впоследствии известного математика), окончила мехмат в Ростове-на-Дону, где жили родные мужа, и стала преподавать математику в школе, потом перевелась на механико-математический факультет МГУ. Впоследствии дети и внуки М.М. Рожанской в большинстве своем приняли крещение по православному обряду, крестилась и она сама, хоть и считала себя неверующей; по ее словам, это было поветрие (о крещениях евреев в позднесоветское время см.: [8; 9]). Впоследствии М.М. Рожанская поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР, где познакомилась с тогдашним директором Института С.П. Толстовым, открывшим хорезмскую цивилизацию. С этих пор началось ее увлечение средневековой арабской и персидской математикой и астрономией. В этой области она продолжала специализироваться, с 1964 г. Работая в Институте истории естествознания и техники АН СССР, где защитила кандидатскую диссертацию по математике, а затем докторскую по истории и написала множество работ.

Как ученый М.М. Рожанская сформировалась в советское время и была далека даже от тех немногочисленных исследований в области иудаики, которые существовали в позднесоветское время. Но сохраненная ею еврейская самоидентификация и память в дальнейшем способствовали поиску не только собственных еврейских корней, но и ее попыткам восстановить имена погибших во время Холокоста людей, для чего она дважды ездила в Купиштитс.

Еврейскую самоидентификацию она сохраняла, по ее словам, всю жизнь. На ее формирование оказали влияние различные факторы: остаточные элементы восточноашкеназской традиционной культуры, Холокост, государственный антисемитизм советской эпохи. В конструировании ее своеобразной еврейской самоидентификации сыграло немалую роль даже, как это бывало в то время, приобщение к православной традиции. Но в гораздо большей степени это происходило благодаря памяти о страшных событиях и о тех людях, с которыми она соприкоснулась в еврейском местечке, а также о той русской женщине, ко-

торая помогла ей спастись. Таким образом, М.М. Рожанская сохраняла еврейскую историческую память, что бы ни вкладывали исследователи в это понятие.

Список литературы

1. *Григорьян А.Т., Рожанская М.М.* Механика и астрономия на средневековом Востоке. М.: Наука, 1980.
2. *Губайловский В.* «Изучай геометрию, мальчик...» // Новый мир. 2018. № 4. URL: <https://nm1925.ru> > izuchay-geometriyu-malchik-6886 (дата обращения: 12.04.2024).
3. *Зеленина Г.* От «культурной нации» к «фашистской гадине» и обратно: образы немцев в памяти советских евреев о войне // Помнить о прошлом ради будущего. Еврейская идентичность и коллективная память / отв. ред. Т.А. Карасова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ИВРАН, 2014. С. 101–132.
4. Памяти Мириам Михайловны Рожанской (1928–2014). Прощальное слово // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. Т. 36. № 1. С. 190–192.
5. *Рожанская М.М.* Абу-л-Фатх Абд ар-Рахман ал-Хазини. XII в. М: Наука, 1991.
6. *Рожанская М.М.* Несколько эпизодов из истории науки. Воспоминания // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 2. С. 181–204.
7. Рожанская М. Интервью // Носенко-Штейн Е.Э. «Передайте об этом детям вашим...»: культурная память у российских евреев в наши дни (Приложение 2 полные тексты нескольких интервью). М.: МБА, 2013. С. 395–440.
8. Deutsch Kornblatt J. Jewish Converts to Orthodoxy in Russia in Recent Decades// Jewish Life after the USSR / Ed. by Gitelman Zvi with Musya GIants and Marshall I. Goldman. Bloomington: University of Indiana Press, 2003. P. 209–223.
9. *Nosenko E.* Aliens in an alien world: paradoxes of Jewish Christian Identity in contemporary Russia // East European Jewish affairs, 2010. April. Vol.40. No. 1. P. 19–41.

РАЗДЕЛ 13
НАСЛЕДИЕ ЖЕНЩИН С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: СУДЬБЫ,
ВОСПОМИНАНИЯ, ИНИЦИАТИВЫ

Н.В. Шляхтина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Судьба матушки Макарии Смоленской:
наследие молитвенницы и подвижницы**

Выдающаяся православная подвижница схимонахиня Макария (Артемьева, 1926–1993) была инвалидом. С полутора лет у нее заболели ноги и с трех она уже не ходила, а ползала. Ее жизнь схожа с судьбами многих христианских монахинь-инвалидов, таких как старица Мария (Чернова, 1842–1916), старица Александра (Елизарова, Сашенька Шурминская, 1857–1915), блаженная Валентина Минская (1888–1966), блаженная Матрона Московская (1881–1952) и др.

Все они имели те или увечья, болезни, приведшие к инвалидности, многие всю жизнь терпели физические боли, прошли через отчуждение, невнимание, небрежение со стороны окружающих. Матушка Макария во время Великой Отечественной войны, брошенная всеми, прожила на улице больше года. Каким образом эти больные люди остались в памяти поколений, почему их судьбы притягивают внимание, почему к их наследию – прежде всего духовному – до сего дня обращаются верующие не только России, но и из других стран?

Образ подвижниц-инвалидов следует рассмотреть с двух сторон. В первую очередь с точки зрения их внутреннего мира. Отличительной чертой их являлась «жалость к людям», то есть отсутствие сосредоточенности на своей болезни, открытость миру и даже желание помогать нуждающимся. То есть их духовный и душевный потенциал очень развит, что связано еще и с тем, что собственное увечье они восприняли как вопрос: с Богом они или нет. То есть обижаются ли они на Творца за такую свою судьбу, злятся ли или принимают болезнь как крест, кото-

рый надо донести. Открытость миру и Богу настолько развивали их внутренний мир или, говоря религиозным языком, давали такие духовные дарования, которые заметно выделяли их [1]. Это терпение, смирение, постоянная молитва Богу прежде всего за других (как матушка Макария постоянно молилась и за Москву, и за Россию). Постоянные страдания в конце концов понимаются строго в религиозном ключе: как страдания за весь род (блж. Мария Чернова), как проверку верности Богу (старица Александра Шурминская), как особый подвиг, за который будет дана способность помогать нуждающимся (так, блж. Валентине Минской, которая посетила, еще будучи здоровой, прикованную к постели прозорливую страдалницу, та сказала: «Ты займешь мое место» – будто инвалидность в таком случае вид воинского духовного служения). И конечно, все такие подвижницы-инвалиды понимали и надеялись, что их служение в страдании закончится только со смертью. И после смерти многие из них попали если не в православные святцы, то запомнились как подвижники благочестия.

Со стороны же внешнего мира отношение к ним и внимание к ним обуславливалось традиционным пониманием болезни как особого креста. В русской культуре больных, инвалидов, блаженных традиционно воспринимали как божьих людей. Обидеть такого человека считалось большим грехом. В то же время люди, непосредственно ухаживающие за инвалидом, проявляли себя как с положительной, так и с отрицательной стороны [3, с. 40–62].

Христиане видели и видят в жизни инвалидов подобие монашеского подвига: это и вынужденное одиночество, нередко схожее с затвором, это и понимание болезни как данных от Бога вериг, это положение отстраненности от мира с его радостями, которое делает молитву, веру единственным путем сохранения душевного равновесия.

К матушке Макарии как к своей землячке приезжал в свое время по совету матери Юрий Алексеевич Гагарин, помогал ей. Он видел в ней прежде всего больного человека, сохранившего себя в постоянных страданиях и боли. Но наряду с такими посетителями, к инвалидам-монахиням, как следует из их жизнеописаний постоянно шли люди не для того, чтобы помочь им, а за

помощью: советом, молитвой перед Богом, – поскольку считается, что молитвы страдальцев Бог слышит прежде всего.

Наследие православных подвижниц-инвалидов состоит прежде всего в опыте высокой духовной жизни, служения людям, готовности, несмотря на собственные страдания, пострадать и за них. Поэтому к их судьбам, а иногда уже и житиям, иконам, храмам, построенным в их память, обращаются и наши современники [2].

Список литературы

1. Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре. СПб., 2018.
2. См: <https://makariya.ru/church>
3. *Шляхтина Н.В.* Отношение к нищим государства и общества в советское время // Традиции и современность. 2020. № 24.

А.В. Фролова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Институт востоковедения РАН*

Наследие сказительниц с ограниченными возможностями здоровья в устной крестьянской традиции Русского Севера

Исследователи в середине XIX в. установили факт широкого бытования сказателей и их огромного репертуара былин, эпосов, песен, причитаний в крестьянской культуре Русского Севера. Искусство сказателей включало в себя фольклорно-словесный и музыкальный опыт и основывалось на длительной и устойчивой традиции обучения с голоса, передачи традиции, в живом общении. Существовали отдельные школы сказительства, фамильные династии (Крюковы, Рябинины, Суриковы), многие из которых были старообрядцами [3, 4, 5].

Причитания, свадебные, похоронные, рекрутские в севернорусской традиции были обязательным обрядом на свадьбе, похоронах, проводах в солдаты, и исполняли их исключительно женщины. Если невеста не умела причитывать на собственной свадьбе, как требовал того обряд, не могла оплакать «пословесно» умерших родителей или мужа, уходящего на военную служ-

бу и тем более на войну, отца, брата или сына, ее считали никчемной и бесчувственной. И женщины учились всю жизнь, так же как некоторые мужчины учились исполнять былины, однако былины пели единицы, а причитать умели все женщины. Учились причитывать с детства на свадьбах, похоронах, в «родительские субботы» на кладбище или в дни проводов рекрутов. И на деревенских посиделках. Девушки, собираясь по вечерам вместе прясть или вышивать, охотно разыгрывали целые свадьбы [11].

В наследии всего поколения женщин Русского Севера хранится, хотя и неравномерно, какой-то поэтический канон причитаний, какие-то правила и сумма выразительных и изобразительных средств жанра причитаний, выработанных в течение веков местной школой воплениц (комплекс вариантов постоянных поэтических формул, общих мест, стилистических оборотов, символика природы, традиционные картины смерти, разорения, бедности, сиротства) [3, с. 44]. Очень часто для исполнения причетов приглашали нескольких «профессиональных» воплениц, среди них были и женщины с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Однако само наличие инвалидности у исполнительниц очень сложно выяснить и от информаторов, и в источниках, т.к. сам факт увечья, болезни было принято скрывать в крестьянской семье, что указывает на существование моральная (религиозная) и медицинская модели инвалидности. Согласно им, человека с ОВЗ следовало рассматривать как наказание от Бога за конкретный грех или грехи [8, с. 2], а сам инвалид – это тяжело больной и несчастный человек, полностью отстраненный от принятия решений, и которого необходимо было лечить и заботиться о нем [9; 10]. Соответственно этому, и рождение больного ребенка, а тем более ребенка-инвалида, воспринималось в первую очередь, как грех и вина его родителей [6, с. 28–35].

Традиционные православные догмы и народные представления и суеверия, выразившиеся в стигматизации и табуированности, играли важную роль в отношении к человеку с ОВЗ. Так всю свою жизнь скрывала болезни Мария Дмитриевна Кривополенова, знаменитая сказительница Пинежья. Махонька – как ее называли деревенские, из-за очень маленького роста. Она очень часто болела и собирала милостыню по деревням, т.к. не могла физически заниматься крестьянским трудом.

Показательна история Ирины Андреевны Федосовой (1827–1899) – самой известной вопленицы/плакальщицы в России XIX в. Она родилась в многодетной крестьянской семье в д. Сафроново, Олонецкой губернии. В 8 лет девочка упала с лошади, отчего осталась на всю жизнь хромой. Это оказало определяющее влияние на ее дальнейшую жизнь. С 12 лет Ирина начала «подголосничать» на свадьбах – исполнять традиционные народные причитания. «С малолетства любила я слушать причитания; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж, а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали: “Кроме Иришки некому”. На беседах дала себя знать; бывало, там “свадьбой играли”, и я причитывала...» [7; с. 127].

Талант девочки не остался незамеченным: ее стали все чаще приглашать на различные мероприятия не только в родном селе и его окрестностях, но и по всей волости и Заонежью. Послушать искусную вопленицу сходилась все деревенское население. Однако, по воспоминаниям Федосовой, из-за ее увечья над ней часто, смеялись, *«надрыгались»* – издевались односельчане и родственники мужа [7, с. 135].

Нужно отметить, что судьба была к ней благосклонна и слава о талантливой карельской сказительнице и исполнительнице народного фольклора быстро распространялась по всей стране. Со своими фольклорными программами она активно ездила по стране, посетила Москву, Санкт-Петербург, Казань, Нижний-Новгород. Ее авторские плачи – выдающиеся образцы русской народной обрядовой поэзии. Умерла И.А. Федосова в 1899 г. в возрасте 72 лет.

Совершенно другое отношение к детям с ОВЗ в семьях сказителей Рябининых, Суриковых Кижской волости отмечали исследователи. Передача традиции проходила в рамках семьи. Так, известная сказительница Сурикова Домна Васильевна обучила не только своих сыновей, но и многочисленных родственников и учениц, среди которых были и знаменитые И.А. Федосова и А.С. Богданова (Зиновьева) (1858–1937). Среди членов семьи было несколько слепых от рождения, которых наравне с другими младшими обучали мастерству сказителей. Причем обучение устному наследию часто проходило за повседневной крестьянской работой, например, во время плетения и ремонта сетей или за прялкой [2; с. 57]. В дальнейшем их приглашали плакальщи-

цами на свадьбы, похороны. Немаловажен то факт, в деревенской традиции старались приглашать на похороны плакальщиц именно с тяжелой судьбой, с травмами, слепых, т.к. их причеты были более глубоко эмоциональны [1, 3].

*Работа выполнена при финансовом содействии гранта РФФ № 23-18-00214 «Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль»

Список литературы

1. *Курец Т.С.* Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Издание подготовила Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008.
2. Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000.
3. *Михайлов М.М., Виноградов В.С.* Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940.
4. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3-х частях. М., 1861, 1862, 1864.
5. Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. 2-е изд. Т. I. Похоронные причитания; Т. 2. Рекрутские и солдатские причитания. Свадебные причитания. Изд. подг. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов / отв. ред. А.М. Астахова. СПб., 1997.
6. *Фролова А.В.* Антропология инвалидности в культуре материнства и детства (по материалам Архангельского Севера) // Этнографическое обозрение. 2018. № 1.
7. *Чистов В.К.* Русские сказители Карелии: очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980.
8. *Retief, M., & Letšosa, R.* (2018). Models of disability: A brief overview, *HTS Teologiese Studies/Theological Studies*, 74(1).
9. *Siebers T.* Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.
10. *Jonston D.* An Introduction to Disability Studies. 2nd ed. Oxford, David Fulton Publishers, 2005.
11. Полевые материалы автора в Архангельской обл. 2007–2023 гг.

Косякова В.А.

Москва, МУНЦ ВШЕК РГГУ

Гафурова З.Р.

Москва, Московский детский

музыкально-драматический театр «Поколение»

Театральное наследие актрисы и режиссера

А.В. Азарх-Грановской: творческая жизнь после ДТП

Проблема инвалидности имеет сложный характер своего решения в тех областях жизнедеятельности человека, в которых его физическое состояние является важнейшим ресурсом творчества. Прежде всего, это касается сценической деятельности. На практике для женщины, актрисы-инвалида, данная проблема складывается из трех вещей: преодоление физическое (когда работа на сцене дается с трудом); преодоление визуальное (когда ты ощущаешь, что нужный образ роли противоречит реально создаваемому) и преодоление зрительское (когда переводишь на себя неприятие зрителем актрисы-инвалида). В силу неоднозначного результата усилий преодоления и возникающего при этом большого психологического напряжения, актрисы, чаще всего, покидают театр, получая «дополнительную» душевную травму. Именно поэтому любой позитивный опыт разрешения проблемы инвалидности без разрушения творческой деятельности имеет огромное значение. Таким ярким примером артистки-инвалида, оставшейся на высоте сценической деятельности до конца своих дней, является актриса, режиссер и театральный педагог Александра Вениаминовна Азарх-Грановская (1892–1980).

А.В. Азарх-Грановская родилась в Витебске, а после окончания гимназии обучалась медицине в Брюсселе и Париже. Теплая семейная обстановка, образованное окружение, интерес к искусству и чувство эмпатии к людям – все это способствовало формированию из юной Александры высококультурной женщины XX в. Большое влияние на нее оказал и Алексей Михайлович Азарх (псевдоним – Грановский), выдающийся театральный деятель, чьей женой она стала в 1918 г. В 1919 г. Алексей Грановский создает в Петрограде государственную еврейскую школу сценического искусства и Театр-студию, а в 1921 г., по решению Правительства, Театр-студия (как Государственный еврейский

камерный театр) переезжает в Москву. В 1922 г. театр обосновывается на Малой Бронной, уже как Государственный еврейский театр (знаменитый ГОСЕТ). Александра меняет вектор своей деятельности, учится в школе своего мужа и начинает с большим успехом выступать на сцене ГОСЕТа. В 1928 г. ГОСЕТ проводит триумфальные гастроли в Европе, и А. Азарх-Грановская, в числе нескольких артистов театра, получает приглашение для выступления в Америке. Однако она прерывает выступления из-за болезни отца и возвращается в Москву ухаживать за отцом. Здесь, одновременно с возобновлением работы на сцене, актриса начинает преподавать в училище при ГОСЕТе. Вскоре вокруг Азарх-Грановской складывается атмосфера огромного зрительского поклонения и любви-восхищения ее театральными работами [1]. Казалось, мы видим восхождение большой театральной звезды, но в 1934 г. безоблачная жизнь актрисы печально заканчивается.

После возвращения с одного из спектаклей она попадает под трамвай, и в результате этого дорожно-транспортного происшествия становится инвалидом на всю жизнь: ей раздробило ноги, в результате травмы ей отрезают ногу выше колена. Долгое время после этого А.В. Азарх-Грановская тяжело болеет и до конца своей жизни была вынуждена ходить на костылях. Многие люди из ее окружения полагали, что актриса попрощается с театром, но Грановская проявила невероятное мужество и вернулась на сцену как режиссер. Она ставила Шекспира, Лопе де Вегу, Кальдерона – прекрасные спектакли, которые шли в ГОСЕТе на идиш. Это было не просто знакомство с еврейской культурой, это была высокая европейская культура. Это было соединение наследия мировой культуры, достижений российского театра и еврейского творчества [2]. Одновременно Азарх-Грановская расширила драматургическую палитру для учащихся художественного училища при ГОСЕТе, репетируя с ними сцены из Расина, Тирсо де Молина, Метерлинка. Спектакли «Семья Оппенгейм» и «Блуждающие звезды», выпущенные ею, стали культурным наследием театрального искусства. И, наконец, нельзя не сказать, что именно А.В. Азарх-Грановская возродила и долго поддерживала в Москве такую культурную институцию, как салон. В ее доме собиралась российская творческая интеллигенция, в числе которой были художники Фальк, Осьмеркин, пианист Рихтер. Сама Гра-

новская знала Блока, хорошо – Маяковского, а Шагал был просто ее витебским знакомым. И эта связь Александры Вениаминовны с миром именитых людей, которых она уважала и видела, с их произведениями, с их мировоззрением – именно это и составляло суть бесед салона и просветительской деятельности его хозяйки, всегда подтянутой, подкрашенной и элегантной женщины.

Сценические постановка и режиссура, театральное преподавание и художественное просветительство – все эти ипостаси сценической деятельности позволили А.В. Азарх-Грановской не просто восполнить «неисполнимую в своей полноте актерскую практику в силу полученного увечья», но и допустимо комфортно продолжить свою творческую деятельность.

Список литературы

1. А.В. Азарх-Грановская. Беседы с В.В. Дувакиным. Москва, 2001.
2. Вера Прохорова. Воспоминания о художнике // Галерея. 2020. № 4.

*Е.Э. Носенко-Штейн
Москва, Институт востоковедения РАН*

Женщины с ограниченными возможностями здоровья: наследие и перспективы

Женщины с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) на протяжении веков, преодолевая значительные сложности, а также стигматизацию, добивались значительных успехов и оставляли разнообразное наследие. Они писали мемуары (слепоглухие Э. Келлер, О. Скороходова и др.) [1; 7; 11], стихи и прозу (Т. Черемнова, ДЦП, И. Ясина, рассеянный склероз) [9; 11], упомянутая Э. Келлер), музыку и картины (Н. Бархатова, синдром Меньера, слабовидящая Р. Бекман) [2; 8], благотворительности и общественной деятельности (А. Адлер и Ирина Дорохова – обе с нарушениями опорно-двигательного аппарата) [4; 5; 6] и др.

Для некоторых из них теми сферами деятельности, в которых они в настоящее время оставляют наследие, стали наука и педагогика. О некоторых из них идет речь в докладе.

Источниками для него послужили биографические интервью, проведенные в Нижнем Новгороде, Архангельске и Москве в

2015, 2017 и 2020 г. Информантками были: М. Рощина, работающая как тифлопедагог и социальный психолог в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского; И. Нонфоджио, преподаватель и исследователь Северного Арктического Федерального университета (САФУ); и Ю. Мельник (педагог и исследователь сначала в Московском психолого-педагогическом университете, затем в Высшей школе экономики (НИУ ВШЭ)). У двух последних – ДЦП (2-я группа инвалидности), Рощина – незрячая (инвалидность 1-й группы). У них различные судьбы и жизненные траектории, о них они рассказывали в своих устных историях, являющихся источниками, которые видятся мне наиболее актуальными в исследованиях такого рода [12]. Но все они преодолевают двойную стигматизацию (по социальному и гендерному признаку [13; 14]). Они выбрали активную жизненную позицию, в том числе смешанные жизненные стратегии «одинокоего воина» (т.е. человек борется со своими трудностями, не прибегая или минимально прибегая к помощи окружающих) и «активистки-общественницы» (человек активно вовлечен в общественную жизнь, в данном случае в работу с людьми с ОВЗ (подробнее см. об этом: [3])).

Выбор именно такой смешанной стратегии, как мне уже доводилось писать, оказывается в случае людей с ОВЗ наиболее плодотворным, позволяя им контактировать со значительное число людей (как условно здоровых, так и с ОВЗ), что в ряде случаев помогает им преодолевать многочисленные сложности, связанные со здоровьем, а также со стигматизации по гендерному и социальному признакам.

Делается вывод о том, что такой выбор жизненных стратегий (впрочем, не только женщинами и не только людьми с ОВЗ) позволяет наиболее успешно интегрироваться в общество, а в ряде случаев реализовать свои возможности и оставить наследие в той или иной сфере.

*Работа выполнена при финансовом содействии гранта РФФИ № 23-18-00214 «Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль»

Список литературы

1. *Айшервуд М.* Полноценная жизнь инвалида. М.: Педагогика, 1991. 88 с.
2. *Бархатова Н. (Джимбо Ди).* Дорогу указывает мечта. URL: <http://www.aspergers.ru/node/293> (дата обращения: 21.02.2023); *Носенко-Штейн Е.Э.* «Женское счастье» для людей с ограниченными возможностями в современной России (жизненные стратегии женщин в создании семьи) // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы 15 Международной научной конференции Российской ассоциации изучения женских историй. Пенза: Пензенской университет; Институт этнологии и антропологии РАН, 2022. С. 378–381.
3. *Носенко-Штейн Е.Э.* Как женщины создают красоту для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы IV Международной научно-практической конференции г. Минск, 9-10 ноября 2023 / ред. кол.: Н.Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.]; Минск: НАН Беларуси; Ин-т социологии НАН Беларуси, 2023. С. 360–362.
4. *Носенко-Штейн Е.Э.* Помогающие технологии для людей с нарушениями зрения в прошлом и настоящем // Помогающие технологии в жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: прошлое и настоящее / отв. ред.: Е.Э. Носенко-Штейн, А.В. Фролова. М.: Редкая птица, 2024 (в печати).
5. Пройти через трудности и помогать другим. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/158857-proyti-cherез-trudnosti-i-pomogat-drugim-kak-menyayet-zhizni-irina-dorohova-i-ee-osobaya-moda> (дата обращения: 17.03.2024).
6. *Строганов М.В.* Авторепрезентация слепоглухого человека в литературе // Обратная сторона Луны, или Что мы НЕ знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018 С. 127–178.
7. Художница Бекман Рита Аркадьевна. URL: <https://artnow.ru/hudozhnik-Bekman-Rita-3308.html> (дата обращения: 12.02.2024).
8. Черемнова Тамара. Здравствуйте, добрые люди. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/anna203/post176605681> (дата обращения: 24.01.2023).
9. *Ясина И.* История болезни // Знамя. 2011. № 5. (доступна также – URL: http://royallib.com/book/yasina_irina/istoriya_bolezni.html (дата обращения: 18.09.2023).

10. Ясина И. Человек с человеческими возможностями. М.: ЭКСМО, 2010. 88 с.
11. *Campling J.* (Ed.) *Images of Ourselves – Women with Disabilities Talking.* London: Routledge and Kegan Paul. 1981
12. *Garland-Thomson R.* “Integrating Disability, Transforming Feminist Theory.” *Feminist Disability Studies*, 2002. 14 (3) (Autumn). P. 1-32.
13. *Kim Q. H.* (Ed.). *Feminist Disability Studies.* Bloomington and Indianapolis: *INDIANA UNIVERSITY PRESS*, 2011. 336 p.

И.С.Савин

Москва, Институт Востоковедения РАН

«Мне есть, что оставить детям»: формирование социального капитала женщин с инвалидностью в Южном Казахстане

История жизни женщин с инвалидностью чаще всего выглядит как история преодоления недуга и сопутствующих обстоятельств. История, как правило, индивидуальная и в случае позитивного опыта речь идет об использовании возможностей членов семьи, соседей, близких людей. То есть, сама женщина с ОВЗ выглядит как объект заботы, которая помогает ей решить проблемы, связанные с ее особенностями.

Но есть примеры, когда инвалидность становится ситуацией, триггером для развития тех ресурсов женщины, бывшие для нее самой неочевидны и которые вряд ли были бы получены вне контекста ограниченных возможностей здоровья. Кроме того, в ходе обретения и воспроизводства этих ресурсов, эта женщина становится носителем особого статуса, основанного на том, что она является хранителем опыта, навыков и эмоций, недоступных для других членов семьи.

С одной стороны, это позволяет ей самой чувствовать себя значимым членом социума, а с другой стороны она становится важной и незаменимой для других членов семьи, которые пользуются ее ресурсами и воспринимают их как особо ценные для себя приобретения. Очевидно, такие ощущения и родили у одной из моих собеседниц желание выразить удовлетворение от своего состояния фразой «Теперь мне есть, что передать детям»,

имея в виду, что ее опыт может быть полезен детям и восприниматься ими как нечто, достойное сохранения в истории семьи.

Основанием для таких выводов послужили материалы интервью с женщинами с ОВЗ Южном Казахстане в 2022–2024 гг. Валентина 27 лет, ДЦП, затруднения с передвижением, замужем (муж недавно получил инвалидность в результате несчастного случая), двое детей. Свою инвалидность она считает не наказанием, а благословением для себя, т.к. «благодаря ей, я обрела и профессию, и мужа». Закончив специальный интернат, получила профессию бухгалтера, но по специальности не работала. Увидев ее состояние, владелица модного салона взяла ее на работу и оплатила дорогостоящее обучение мастера маникюра. Валентина считает, что, если бы не ее инвалидность, ей бы не оплатили это обучение.

Получив профессию, активно стало развиваться, используя Инстаграмм⁷, где выкладывает свои работы и привлекает новых клиентов. Особо подчеркивает, что ей приятно, когда дети видят, что к их маме относятся не только с сочувствием, но и с уважением как к профессионалу. Они это обсуждают с детьми, и она видит, что они учатся искать себя, не взирая на ограничения по здоровью. Она их привлекает к отдельным этапам создания цифрового обеспечения своего бизнеса, что их дополнительно сближает. Дети, к тому же, получают навыки создания своего продукта и общения с людьми.

Другая собеседница, Бахыт, 32 года, колясочница, получившая инвалидность в результате подростковой травмы. Замужем, детей нет. Сразу после школы она закончила Исламский институт и неформально преподавала основы религии женщинам в родном селе. Теперь она живет в городе, но к ней приходят женщины и девушки подростки, посоветоваться по религиозно-бытовым вопросам. Среди них и ее собственные племянницы, которые остались жить в селе. Для них она является несомненным авторитетом не только по религиозным вопросам, но и в качестве примера преодоления недуга и внешних обстоятельств (противодействия семье ее браку и т.д.). Сама она постеснялась об этом сказать, но муж и племянники рассказали мне.

---

⁷ Данная сеть признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Бахыт необыкновенно застенчива и стесняется говорить о себе с чужими людьми. Но, по словам родственников, во время своих занятий она преобразается и племянники, и другие молодые девушки смотрят на нее с гордостью, т.к. она помогает объяснить женщинам многие вопросы обиходной жизни, связанные с исламом. Несомненно, она наработала опыт, который является наследием не только в контексте личной истории жизни с ОВЗ, но и общественной значимости ее миссии.

*Работа выполнена при содействии Российского научного фонда. Грант № 23-18-00214 «Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный опыт пост-советских стран и Государства Израиль»

*Л.А. Торлопова-Пластинина
Томск, независимый исследователь*

*И.С. Савин
Москва, Институт востоковедения РАН*

Влияние исторического и культурного наследия на современный опыт женщин с инвалидностью в Центральной Азии (Кыргызстан, Казахстан): их судьбы, воспоминания, социальный активизм

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), во всем мире насчитывается более 1 млрд. людей с инвалидностью, что составляет около 15% населения [1]. В Центральной Азии проживает около 2,5 млн людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а это около 5% населения региона. По данным «Социального фонда Кыргызской Республики», численность лиц с ОВЗ, «получающих пенсии и пособия по инвалидности и полу» на 2021 г. составляет 202 551 чел., что составляет около 3% населения страны. Среди них: мужчин – 106 008, а женщин – 96 543 [2].

Дискриминация людей с ОВЗ имеет серьезные последствия для их жизни, включая бедность, безработицу, отсутствие доступа к образованию и здравоохранению, а порой и жестокое обращение. Кроме того, по данным ВОЗ, именно женщины и девочки с ОВЗ чаще, чем мужчины, сталкиваются с насилием, дискриминацией и социальной изоляцией [3].

В докладе будут представлены результаты пилотных исследований авторов, проведенных в рамках экспедиций в страны Центральной Азии в 2022–2023 гг., в ходе которых были проведены полуструктурированные интервью с людьми с ОВЗ, экспертами в области инвалидности и гендерных исследований, а также включенное наблюдение в столице Кыргызстана (г. Бишкек) и Южном Казахстане.

Авторы выдвигают гипотезу о том, что наследие женской истории данных регионов, в частности роль женщин в кочевом обществе и советском периоде, служит источником для формирования уникальной социальной идентичности, а также вдохновения и силы для женщин с инвалидностью в настоящее время. Подобные личностные характеристики женщин по-прежнему актуальны современности, несмотря на значимый вклад гражданского общества в справедливое распределение ресурсов и качество жизни всех его членов.

Например, в 2012 г. в Кыргызстане был принят Закон «О правах и гарантиях лиц с ограниченными возможностями здоровья». Этот закон запрещает дискриминацию в отношении людей с ОВЗ и предусматривает ряд мер по обеспечению их доступа к образованию, занятости и другим основным правам. Тем не менее проведенное независимое исследование [4] включает ряд шокирующих историй⁸, подтверждающих ригидность социальных институций к трансформации социально-политического контекста, направленного на защиту базовых прав и свобод женщин и девочек с инвалидностью. Дополнительным подтверждением нарушения прав и свобод женщин с ОВЗ в Кыргызстане и их потребности быть услышанными в этом опыте, выступает их самовыражение в творческом инклюзивном проекте [5], созданном для взаимной поддержки сообщества женщин с ОВЗ на фоне возрождения интереса к традиционным ценностям кыргызского прикладного искусства в виде *курак*.

---

⁸ В Кыргызстане женщины и девочки с инвалидностью подвергаются насилию, включая изнасилования, побои, безразличие и издевательства, зачастую со стороны близких людей. Несмотря на приоритетное внимание правительства к борьбе с дискриминацией, законодательство не учитывает особые потребности этой уязвимой группы.

Глубокие культурные и религиозные традиции кочевых народов Центральной Азии, сложившиеся под влиянием ислама, буддизма и шаманизма, продолжают накладывать существенный отпечаток на повседневный опыт женщин, восприятие гендера и инвалидности в современном обществе. Учитывая разнообразие культуральных и конфессиональных особенностей упомянутых стран, социальный активизм женщин с инвалидностью имеет важное значение для достижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин с инвалидностью. С одной стороны, женщины с ОВЗ в Кыргызстане и странах-соседах действительно сталкиваются с множественными формами дискриминации и исключения, но при этом, с другой стороны, обладают значительной устойчивостью и силой. Это можно видеть сквозь уникальную призму исторического наследия в лице легендарных женщин-лидеров, чьи судьбы и деяния продолжают вдохновлять современниц и выступать предметом гордости. Так, еще в XIX в. ярким примером женской силы Центральной Азии была *Курманжан Датка* (1811–1907) – предводительница народной борьбы против колониального гнета, прославившаяся своей решимостью, военным талантом и дипломатическими навыками. Другая женщина, которая стала символом борьбы за демократию и права кыргызских женщин, в том числе женщин с инвалидностью, – *Роза Отунбаева* (род. 1950) – первая женщина-президент Кыргызстана, руководившая страной в 2010–2011 гг. в период политического кризиса.

Помимо этого, на сегодняшний день в Кыргызстане существует и активно разрастается сообщество активисток (например, в рамках организации ООО «Равенство», поддерживающей и социализирующей женщин с ОВЗ, попавших в трудную жизненную ситуацию). Эти активистки и их сообщества различными доступными им способами заявляют о своих правах и трудностях в современном кыргызском социуме и ищут способы преодоления социальной изоляции и дискриминации других представительниц этой уязвимой группы из регионов.

В том числе, женщины с ОВЗ часто делятся публично своими историями, чтобы повысить осведомленность о проблемах, с которыми они сталкиваются, и бросить вызов существующим стереотипам. Также они создают организации и сети, чтобы отстаивать свои права и добиваться изменений в обществе. Это

происходит, в том числе, при взаимной поддержке и обоюдном участии в релевантных мероприятиях, организованных женщинами Кыргызстана и Казахстана. Их публичные высказывания, оформленные воспоминания и инициативы играют ключевую роль в формировании их современного опыта, создавая более инклюзивное общество, через трансформации общественных представлений.

Традиционные ценности и практики кочевых народов Центральной Азии, совместно с развитием цифровой среды и современных технологий, могут способствовать созданию более инклюзивного общества для людей с инвалидностью, а исторические примеры и культурное наследие этих стран может вдохновлять женщин с инвалидностью на борьбу за свои права.

*Исследование проведено при поддержке РНФ (проект № 23-18-00214 «Цифровые технологии и качество жизни людей с ОВЗ: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль»).

Список источников

1. Всемирный доклад об инвалидности ВОЗ 2011 г. (World report on disability 2011 by World Health Organization). URL: <https://www.who.int/teams/noncommunicable-diseases/sensory-functions-disability-and-rehabilitation/world-report-on-disability> (дата обращения: 29.01.24).
2. Инвалидность. Гендерная статистика. Здравоохранение // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg/ru/gendernaya-statistika/zdravooxranenie/invalidnost/> (дата обращения: 09.04.24).
3. ООН Женщины. Европа и Центральная Азия. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/about-us/about-un-women> (дата обращения: 09.04.24).
4. Кыргызстан: Семейное насилие в отношении женщин и девочек с инвалидностью. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2023/12/14/kyrgyzstan-domestic-violence-against-women-girls-disabilities> (дата обращения: 21.01.24).
5. Творим вместе: репрезентация опыта женщин и девочек с инвалидностью через искусство. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=auwS4oFmE3I> (дата обращения: 15.12.23).

Т.Г. Шатула

Москва, фонд V-A-C / Дом культуры «ГЭС-2»

Женщина с инвалидностью по слуху и ее вклад в общечеловеческие достижения человека с ОВЗ

В докладе основное внимание будет уделено опыту и вкладу женщины с ОВЗ в образовательный процесс в современном российском обществе. Я не использую термины «человек с нарушением слуха», а предлагаю сфокусироваться на терминах «человек с инвалидностью по слуху», «женщина с инвалидностью по слуху» – или просто слабослышащий человек. Я долгое время состою во Всероссийском обществе глухих и понимаю внутренние запросы на адекватную (само)идентификацию глухих людей (которых раньше постоянно называли глухонемыми – да и сейчас называют, особенно журналисты, не говоря уж о том, что они не отличают жестовый язык от языка жестов). Мое место работы – Дом культуры «ГЭС-2», где в рамках разработки программ для специальных категорий посетителей уделяют большое внимание поддержке не только корректного отношения к специальным категориям посетителей, но и к соответствующей терминологии. Это также связано с происходящим в нашей стране разворотом в сторону инклюзии и позитивного восприятия саморепрезентации таких людей, в том числе в информационном поле.

Чтобы обозначить имеющиеся для сложности глухих женщин в разных сферах жизни, нужно упомянуть две основные модели инвалидности – медицинскую и социальную – и вспомогательную (в силу своего недавнего появления) культурную.

Медицинский взгляд на феномен инвалидности, в том числе глухоты распространялся во многих странах до начала 1970-х годов: глухота рассматривалась как болезнь, воспринимающейся как патология, «сломанное», «отсутствующее», поэтому глухих людей – девиантов – нужно либо лечить, либо «исправлять» их слух с помощью различных технических средств, «подтягивая» до уровня слышащего большинства. Важным до сих пор представляется создавать механизм компенсаторности, отсюда происходят все существовавшие в сурдопедагогике устремле-

ния к вербальным методам обучения, упор на обучение устной речи и отрицание жестового языка (или в лучшем случае равнодушие к этому средству коммуникации). Следуя такой парадигме, человек с «нарушением слуха» должен стараться быть ближе к слышащим, налаживать коммуникацию с ними, а не они – «опускаться» до него.

Социальная концепция объясняет диалектику «глухой – слышащий» не столько характеристиками физического тела, сколько социальным определением пространства и дискриминацией людей с Ограниченными возможностями здоровья. Отметим, что глухота – наиболее амбивалентный вид инвалидности: глухого человека трудно визуально выделить среди других людей, когда он не использует жестовый язык. Визуально он не отличается от условно здоровых людей. К сожалению, на практике это не так, и понимание этих нюансов объясняется культурной концепцией глухоты.

Культурная концепция, получившая распространение именно с начала 2000-х годов в первую очередь в связи с развитием информационных сетей и признанием жестового языка как лингвистической системы, рассматривает глухих людей как сообщество с особой субкультурой. В этой субкультуре и в системе связей с внешним миром особенно непростыми представляются жизненные траектории глухих женщин. Если они упоминаются в СМИ, то их достижения отмечаются либо как значимы в общечеловеческом измерении, либо как имеющие значение для сообщества глухих.

Например, к первым можно отнести Нелли Забел Уилхайт, которая в 1928 г. стала первой в мире глухой женщиной-пилотом самолета. Иногда возникает вопрос: можно ли считать Уилхайт представительницей сообщества глухих, если она оглохла в 4 года.

В настоящее время мы можем наблюдать появление глухих женщин-адвокатов, депутатов, кандидатов наук... В сообществе глухих в России заметны два преимущественных вектора саморазвития – спортивная и педагогическая / общественная / просветительская. Кроме того, подавляющее большинство председателей местных и региональных отделений в системе Всероссийского общества глухих – женщины.

Научное издание

Женское наследие в культурах народов России и мира
Часть 2

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Ответственный редактор: проф. Н.Л. Пушкарева

Редактор: *Т.В. Царёва*
Корректор: *Т.В. Царёва*
Художник: *Е.В. Орлова*
Компьютерная верстка: *Е.А. Юрина*

Подписано к печати **XX.XX**, 2024.
Формат 70×100¹/₁₆. Усл.-печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 247.

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект 32а